
С.С. Алексеев

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

■ Том 1

Гражданское право: Сочинения 1958—1970 годов

- Предмет советского социалистического гражданского права
- Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов
- Статьи
- Комментарий

■ Том 2

Специальные вопросы правоведения

- Структура советского права
- Общие дозволения и общие запреты в советском праве

■ Том 3

Проблемы теории права: Курс лекций

■ Том 4

Линия права. Концепция: Сочинения 1990-х — 2009 годов

- Уроки. Тяжкий путь России к праву
- Круг замкнулся: Повесть о праве
- Тайна и сила права
- Право собственности: Проблемы теории
- Статьи

■ Том 5

Линия права. Отдельные проблемы концепции

- Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху
- Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи

■ Том 6

Восхождение к праву

- Восхождение к праву: Поиски и решения

■ Том 7

Философия права и теория права

- Философия права
- Частное право: Научно-публицистический очерк
- Гражданское право в современную эпоху:
Заметки к постановке проблемы
- Статьи, полемические заметки

■ Том 8

Учебники и учебные пособия

- Право: Законы, правосудие, юриспруденция в жизни людей: Учебное пособие
- Государство и право: Учебное пособие
- Азы права: Азбука права для всех
- Гражданское право: Учебник. Раздел I:
Общие положения

■ Том 9

Публицистика

- Два имени
- Право – надежда наша
- Заметки по философским проблемам
- Максимы
- Горбачев и Ельцин
- Статьи
- Идеология перестройки. 1992–1995 гг.

■ Том 10

Литературно–художественные произведения

- Повести и рассказы
Книга первая. Детство
Книга вторая. О любви

■ Справочный том

Собрание сочинений Сергея Сергеевича Алексева,
лауреата высшей юридической премии
«Юрист года» за 2009 г.,
подготовлено с участием автора,
Уральской государственной юридической академии,
Института частного права
и издается в соответствии с решением
Ассоциации юристов России
(приказ от 9 декабря 2009 г. № 189)
и издательства «Статут»

С.С. Алексеев

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Том 10

**Литературно–художественные
произведения**

СТАТУТ
МОСКВА 2010

ББК 2Рос=Рус
А 47

Авторы примечаний:

С.А. Степанов,

д.ю.н., профессор, директор Института частного права

Н.П. Зарипова,

рук. издательского отдела Института частного права

Алексеев С.С.

А 47 **Собрание сочинений.** В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 10: Литературно-художественные произведения. — М.: Статут, 2010. — 373 с.

ISBN 978-5-8354-0713-2 (Т. 10) (в пер.)

ISBN 978-5-8354-0672-2

Десятый том Сочинений С.А. Алексева включает две книги рассказов и повестей, написанных, как признавался сам автор, для внутреннего пользования.

В первую книгу «Детство» вошли рассказы для детей «Мышонок», «Синички», «Белочка», «Друг».

Вторую книгу составили во многом автобиографические повести «С чего начинается любовь», «У тайн Вселенной», «Таежные секреты», «Зина». В фантастический сюжет этих повестей органически вплетены философские размышления автора о вечных ценностях — любви, дружбе, сострадании, открытости человеческой души.

ББК 2Рос=Рус

ISBN 978-5-8354-0713-2 (Т. 10)
ISBN 978-5-8354-0672-2

© С.С. Алексеев, 2010

© С.А. Степанов, Н.П. Зарипова, примечания, 2010

© Издательство «Статут», редподготовка, оформление, 2010

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

Детство

МЫШОНОК

У АЛИСЫ была тайна. То есть секрет, который никто не знал. Ни мама, ни папа, вообще никто.

А дело вот в чем. В том старом деревянном доме, в котором они жили, было множество мышей. Везде они сновали. Ужас какой-то. Потом их не стало. И папа часто говорил: «Я вывел всех мышей». И мама говорила: «Папе удалось вывести всех мышей».

Но Алиса знала, что это не так. В ее небольшой комнате, до потолка забитой всякими игрушками, жил мышонок. Настоящий. Живой.

Произошло все так. Алиса однажды собрала на диване всех своих девочек-кукол. И стала выбирать из них тех, которые могли бы составить старшую группу. А потом — провести с ними занятие — такое же, которое было у них вчера в детском садике. Им тоже будет интересно. Английский.

В это время Алиса услышала под шкафом какое-то легкое шуршание, царапанье. Что это такое?

Из-под шкафа высунулась черная, блестящая и какая-то живая точка, затем — усики и глазки, как булавочные головки. Мышонок!

Алиса сначала испугалась, даже ноги подобрала под себя и поглубже села, прижалась прямо к спинке дивана. А мышонок между тем вылез из-под шкафа и, боязливо оглядываясь, сделал несколько шагов по комнате. Но стоило Алисе только пошевелиться, как мышонка не стало; его будто сдуло, он вновь спрятался под шкафом.

Алисе стало жалко мышонка. «Он, наверное, есть и пить хочет. А я его только пугаю», — подумала Алиса.

Она нашла игрушечное блюдце, сбегала на кухню, налила в блюдце кипяченой воды, нашла корку черного хлеба, раскрошила ее на мелкие кусочки и все это положила около шкафа — туда, где появлялся мышонок.

И как только Алиса забралась на диван, снова из-под шкафа появилась черная точка мышиноного носика, усики, испуганные глазки, а затем вылез и весь мышонок. Он сразу же бросился к блюдцу, видимо, очень хотел пить. Затем он подбежал к крошкам хлеба — одну съест, а другую несет под шкаф и опять — одну съест, а другую — под шкаф,

делает запас. «Вот здорово, — подумала Алиса. — Маленький, а хозяйственный, запасливый».

ВСКОРЕ Алиса и мышка подружились. Алиса каждый раз после завтрака и ужина, а в выходные дни и после обеда прихватывала с кухни крошки (а блюдечко с водой у нее постоянно стояло на окне, рядом с цветком, будто бы для полива), и все это Алиса на маленькой фанерке ставила около шкафа. Только теперь не перед шкафом, а сбоку, за дверкой шкафа, чтобы не всем бросалось в глаза.

И мышонок точно знал, когда появится Алиса. Иногда его мордочка уже торчала из-под шкафа, когда Алиса входила в комнату, затем он вылезал из своего укрытия и оставался в комнате все время, пока в ней была Алиса, но стремительно убежал и старательно прятался в случае, если в комнату входил кто-то другой — мама и особенно папа (мыши, наверное, догадывались, кто их «выводит»).

Мышонок любил смотреть, как Алиса играет. Он не мешал Алисе, не лез в ее дела, а спокойно сидел в сторонке и внимательно, с интересом наблюдал за игрой. Алисе даже порой казалось, что мышонок, как собачка, помахивает коротеньким хвостиком. Мышонку, наверное, тоже хотелось поиграть. Да и Алиса с удовольствием приняла бы его в свои игры. Но она не знала, как это сделать.

ОДНАЖДЫ мама во время завтрака сказала:

— У нас все же как-то пахнет мышами.

Папа погрустнел и старательно обошел кухню, коридор, кладовку. Даже на коленях поползал по углам. Нет, никаких признаков мышей.

Тогда мама сказала:

— А давайте заведем кошку. Она-то не допустит никаких мышей.

Папа поддержал маму, но почему-то не очень энергично (он, наверное, считал, что он все же «вывел всех мышей»).

Алиса совсем загрустила, даже перестала завтракать. Потому что большая кошка непременно съест маленького мышонка.

И в этот момент Алисе пришла в голову мысль. Она сказала, обращаясь к маме: «Мама, а может быть, нам завести котенка, он тоже не допустит никаких мышей, а я буду им заниматься». (Алиса подумала, что мышонок и котенок — дети, а дети всегда лучше, чем взрослые, договорятся друг с другом.)

ТАК и получилось.

Через день-другой мама принесла маленького котенка. Это был пушистый комочек, который состоял из четырех лапок, больших глазок, красного язычка и мяуканья-писка. Он все время пищал (наверное, учился мяукать), переставая пищать лишь во время сна и в то время, когда лакал молоко. Мама сразу же отнесла котенка Алисе. Сказала:

– Вот котенок. Это твоя забота. Следи и ухаживай.

И тут мама повела за чем-то носом, как бы принюхиваясь (может быть, она почувствовала, что именно в Алисиной комнате «пахнет мышами»).

Алиса устроила в старой картонной коробке из-под игрушек кроватку для котенка. Положила туда матрасик из игрушечной кровати, вату, достала еще одно блюдечко из игрушечного набора кухонной посуды.

Потом Алиса сбегала на кухню и принесла чашку с молоком. Молоко она налила в блюдце и нарочно поставила его около шкафа, недалеко от блюдца с водой.

Алиса сначала просто сняла котенка (она сразу же назвала его Пушком) с дивана, куда его положила мама. Поставила его лапками на пол, думая, что он сразу же побежит к блюдцу с молоком. Но котенок бесцельно бродил по комнате, что-то обнюхивал, в одном месте оставил небольшую лужу («Придется, – подумала Алиса, – приучать его к туалету».)

Алиса взяла котенка за шиворот, поднесла к блюдцу с молоком и легонько ткнула его мордочкой в блюдце. Лишь после этого Пушок, облизываясь, и сам лакнул из блюдца несколько раз, после чего ушел в угол комнаты и улегся там среди каких-то тряпочек. Туда же Алиса перенесла коробку-кровать. Может быть, сам догадается, что это его кровать?

А где же мышонок? Наверное, сидит под шкафом и дрожит.

Алиса подлила в блюдце еще водички. Положила рядом несколько крошек белого хлеба и один маленький кусочек колбаски. Забралась на диван и стала ожидать – что будет?

ПРОШЛО несколько минут, и из-под шкафа сначала показался черный мышиный носик, а затем вылез и сам мышонок и стал потихоньку подкрадываться к своему блюдцу с водой, крошкам хлеба и кусочку колбасы. Делал он все это очень осторожно и боязливо, чувствуя, что где-то рядом есть что-то чужое и страшное.

И действительно, Пушок, который, казалось, крепко спал, вдруг вскочил на лапы, изогнулся горбиком, зашипел и быстро направился туда, где был мышонок. Но Алиса успела перехватить котенка

и поставить его около блюдца с молоком. Пушок лакнул молоко несколько раз. Мышонок тем временем вновь спрятался под шкафом.

Так повторилось несколько раз. Причем Пушок, когда из-под шкафа появлялся мышонок, стал со временем устремляться не к нему, а к своему блюдцу. Он даже потом вообще улегся около блюдца.

Но тогда и мышонок, почувствовав, что не он интересуется страшного зверя, осмелел, вылез из-под шкафа и стал всячески демонстрировать, что ему совершенно безразлично блюдце с молоком (что вообще-то было неправдой), его же интересуется другое блюдце — то, где простая водичка. Главное же, он краешком глаза видел, что рядом была Алиса. А Алиса — его, мышонка, друг. Друг же — это не просто товарищ, который с тобой играет или позволяет находиться там, где ты играешь, а тот, кто тебе поможет в трудную минуту.

Словом, прошло несколько дней, и Алиса заметила, что Пушок и мышонок спокойно находятся рядом друг с другом. Мышонок не прячется под шкаф каждый раз при виде котенка. А Пушок не изгибается горбиком, почувствовав мышку. Алиса видела даже однажды, как мышонок подошел к блюдцу, из которого лакал Пушок, и тоже лакнул несколько раз. Правда, всего лишь несколько раз, не больше. Они, как говорят взрослые, *сосуществовали*. Но и это, как понимала Алиса, было замечательно.

ЛЕТОМ Алиса уехала на дачу. Пушок поехал с ней. Он быстро рос и теперь все больше становился настоящим котом.

А мышонок остался в старом деревянном городском доме. Алиса очень горевала, расставаясь с мышонком. И не напрасно.

Однажды, вернувшись с работы, папа (папа и с дачи каждый день ездил на работу) сказал, что они с осени будут жить в новом каменном доме. И тут папа добавил, что при перевозке мебели он присутствовал при разборке старого деревянного дома. «И там, под полом, — сказал он, — было найдено мышиное гнездо». («Ты была права, — добавил он маме, — что у нас пахло мышами».) «Пришлось, — сказал папа, — и это гнездо отправлять на помойку».

При этих словах у Алисы — кап, кап — невольно закапали слезы.

— Это что за слезы у тебя? — сурово спросил папа у Алисы. Тут Алиса громко расплакалась, ушла на чердак и там рыдала долго-долго. Пришла мама и, ничего не спрашивая, обняла дочку. И Алиса все рассказала маме. Все о мышонке.

Мама сказала:

— Ладно, я тебя понимаю. Успокойся. Мы как-нибудь поправим дело.

К КОНЦУ лета, когда Алиса прямо с дачи приехала в новую квартиру, она в своей комнате увидела на столе домик-клетку. А в нем мышку. Только белую.

Мышка была куплена в зоомагазине. Она была ручная. Даже дрессированная. Гладкая и упитанная. Спокойно, не боясь ничего, ходила по комнате, забиралась на диван, на стулья, даже на стол. Позволяла брать себя в руки, ползала по плечам, по спине.

Пушка теперь папа и мама не пускали в комнату Алисы. Белая мышка была дорогая. И кто его знает, что с ней мог сделать этот, теперь уже громадный кот (он еще на даче подкрадывался к птичкам, однажды принес и положил к ногам папы полузадушенную, видимо, им же пойманную полевую мышь).

— Ну, как? — зайдя в комнату Алисы и кивнув на белую мышку, спросила как-то мама.

— Ничего, — грустно ответила Алиса.

Ей, действительно, все эти дни было грустно. Особенно, когда она вспоминала «свою» мышку, осторожно выползающую из-под шкафа. Даже слезки накатывались. Алиса твердо знала — об этом часто говорили мама и папа — «эти мыши» «переносят заразу», «портят пол и мебель». Но она теперь твердо знала и то, что такое настоящая дружба между ней и маленькими зверятами, зверятами-детками.

Может быть, подружиться и с этой белой мышкой? Пусть она и как-то дрессирована, куплена в магазине как игрушка и живет в клетке.

Синички

ЗИМА в этом году задержалась. Осень уже давным-давно закончилась, а зимы все нет и нет.

Но вот, наконец, сегодня прямо с утра пошел крупный, пушистый снег.

Алиса встала у большого окна, которое выходит на балкон, и, не отрываясь, смотрела на снежинки. В садике – так повезло! – объявили карантин (двое малышей из средней группы заболели свинкой – надо же, болезнь с таким пороссячьим названием!), и по этой причине до понедельника садик закрыт. Мама договорилась на работе, что будет приходить к обеду, папа договорился, что будет уходить с работы несколько раньше, чем всегда. Так что дома всегда будет кто-то из взрослых. Да и часок-другой Алиса может посидеть дома и одна, ничего страшного.

А ведь снежинки, как известно, не просто комочки снега, а небесные звездочки – ажурные и изящные. Правда, звездочки быстро исчезают, – они тают или соединяются с другими звездочками, и тогда становятся просто снежными комочками. Комочки налипают на оконное стекло, и тогда можно рассмотреть, какие они замысловатые, красивые и изящные. Недаром именно такие звездочки, вырезанные из серебристой бумаги, сверкают на новогодних елках. Хотя в действительности настоящие снежинки куда красивее и изящнее, волшебство какое-то.

Неожиданно на перила балкона сели две птички. Такие же, как снежинки, изящные и легкие. А цвета перышек у них будто специально подобраны – желтоватые, красные, синие, черные.

Алиса закричала: «Мама, мама!»

– В чем дело? – спросила мама, выходя из кухни.

– Ты посмотри, какие красивые птички прилетели!

Мама подошла и сказала: «Да это же синички. Ты их много раз видела и в лесу, и в городе в скверах». («Мама права, только она не заметила, – подумала Алиса, – что они сейчас, зимой, какие-то другие, чем-то похожи на снежинки, все в красивом оперении»).

А мама тем временем сказала: «Надо подкармливать синичек. Они любой холод могут перенести, им зимой только корма не хватает».

«Давай, — добавила мама, — попросим папу, чтобы он сделал кормушку. И ты будешь подкармливать птичек».

ПАПА, как и было обещано, пришел раньше, чем обычно. Мама и Алиса сразу же попросили его сделать кормушку. Но папа заперся в своем кабинете, — у него была срочная работа.

— Потом, потом, — сказал он, когда за ужином речь вновь зашла о кормушке. Если обещал — сделаю...

И действительно, когда папа ее сделал, неизвестно (наверное, поздно вечером, когда Алиса уже крепко спала), но к утру кормушка была готова. И не только сделана (фанерка с брусочками по краям и крючки, чтобы прицепить на проволоке кормушку), но и прибита к раме окна, которое выходит на балкон. А мама тем временем рано утром сходила и купила у уличных продавцов семечек, насыпала их в стеклянную банку и поставила на подоконник.

И когда Алиса проснулась, сделала все свои туалетные дела и позавтракала, мама взяла ее за руку и подвела к окну.

— Видишь кормушку, — сказала она, — оденься и можешь насыпать в нее семечки.

Алиса накинула на плечи курточку, обвязала шею шарфом, надела вязаную шапочку и, забравшись на подоконник, через форточку насыпала из банки на фанерку семечки.

Но синички не прилетели. Где же они?

Зато через некоторое время прилетела большая стая воробьев, и все они гурьбой сели на кормушку. Потом прилетела еще одна стая воробьев и даже несколько голубей. Они все пытались уместиться на фанерке, толкались, налезали друг на друга, семечки даже через брусочки, прибитые к краям фанерки, летели на пол балкона.

И вдруг Алиса увидела, что на перилах балкона опять сидят две синички. Наверное, те же, что и вчера. К ним тут же присоединилась еще одна пара синичек. («Смотрите-ка, парами летают — семьи», — подумала Алиса.) Сидят синички на перилах и не смеют даже подлететь к кормушке. Такие суматоха и гвалт. Да там уже ничего и не осталось. Воробьи и голуби все уже съели, а то что разбросали — ходят по балкону и доклевывают. Что же делать?

Алиса снова накинула куртку, надела шапочку и через форточку насыпала в кормушку из банки еще семечек. Не прошло и нескольких минут, как стая воробьев и голуби, устроив настоящую свалку, склевали и эти семечки. А синички — их уже было шесть (три пары) — продолжали тихо и покорно сидеть на перилах балкона.

– Мама, – снова крикнула Алиса, – что делать? Воробьи склеивают все семечки, а синичкам ничего не остается!

Мама подошла, посмотрела на кормушку, на сиротливо сидящих синичек и сказала: «Мы же не сказали папе о том, что нам нужна кормушка для синичек. Вот он и сделал кормушку для всех птичек».

– Мне вспоминается, – продолжила мама (как бы раздумывая вслух), – что около нашей работы школьники развешивали в сквере особые кормушки. Из картонных коробочек из-под молока и кефира, каждая с вырезанным небольшим окошечком. Не для синичек ли они были предназначены? Их сделать, как я понимаю, совсем нетрудно. Давай попробуем? Неси ножницы, – скомандовала она Алисе.

Мама достала из холодильника картонную коробку с остатками кефира. Вылила кефир в чашку. Затем помыла коробку и протерла ее изнутри полотенцем. После этого они вместе с Алисой вырезали чуть ниже середины одной из стенок коробки круглое отверстие (такое, чтобы синичка могла попасть в коробочку).

Все это потребовало совсем мало времени. Мама и Алиса привязали к крышке коробочки веревочку, насыпали через отверстие маленьким, игрушечным совочком семечки, и мама через форточку повесила на гвоздике новую кормушку выше той, которую сделал папа (но так, чтобы Алиса могла дотянуться до отверстия – подсыпать корм, если это потребуется). Потом, закрыв форточку, мама с Алисой сели поодаль на диван и стали ждать, что из всего сделанного ими получится.

ЧЕРЕЗ некоторое время вновь появилась стайка воробьев. Некоторые из них пролетели около новой кормушки, один посидел на крышке, пытаясь через отверстие заглянуть внутрь – что там?

И вдруг стремительно налетели синички. Кажется, та же самая пара, которая была вчера, первой появилась и сегодняшним утром. И тут, недолго думая и не обращая внимания на сидящих вокруг воробьев, одна из синичек стрелой взмыла вверх, прямо к окошку новой кормушки, зацепилась за его края лапками и, наполовину просунувшись в отверстие, схватила в клюв семечко. И опять стрелой перелетела на ближайшее дерево, там нашла щелочку или другое удобное место и, прижав семечко лапкой, стала расклеивать его, доставая ядрышко.

Точно так же поступила вторая синичка. А вслед за ними и другие синички, которые неожиданно, пара за парой, садились на балкон (Алиса насчитала 12 или 14 синичек).

Разделавшись с семечком, когда ядрышко, как желанное лакомство, мгновенно исчезало, синичка тут же отправлялась за новым се-

мечком, подлетая к отверстию кормушки и чуть ли не на лету схватывая семечко, и возвращалась на дерево — клевать добычу.

Алиса поразилась необыкновенной, если можно так сказать, воспитанности синичек. Они не толкались, не мешали друг другу, не стремились опередить друг друга, а спокойно и всегда, подметила Алиса, как бы по очереди, по «своей синичьей», подлетели к кормушке.

Мама и Алиса иногда долго наблюдали за этой сказочной картинкой. Однажды папа совсем рано пришел с работы и вместе с ними долго наблюдал за синичьей круговертью. Тоже очень удивлялся. Специально посмотреть на синичек приезжали бабушка с дедушкой, просили Алису и им соорудить такую же кормушку:

— Тогда, Алисочка, и ты всегда будешь с нами. Для стариков главная беда — одиночество. Здесь же — такая радость.

А КАК ЖЕ воробьи?

Они с раннего утра, еще раньше синиц прилетали к кормушке. Семечки в кормушке, судя по всему, манили их с большой силой.

Но воробьи почему-то боялись брать семечки из окошка кормушки. Или не умели делать этого. Или что-то другое удерживало их. Некоторые из них подлетали к окошечку, зависали, часто махая крыльями, около окошка, но дальше, как говорится, ни шагу.

— Впрочем, — подумала Алиса, — воробьи не заслуживают пользоваться кормушкой. Они, — решила Алиса, — какие-то невоспитанные, совсем неучи. Почти хулиганы. Или что-то в этом роде.

И действительно, спустя некоторое время воробьи все же отважились и стали подлетать к окошку кормушки. Но какая невоспитанность! Воробей, который залетал внутрь коробочки первым, там же клевал, разделявая семечки. Наедался до отвала и делал там все свои дела (так что Алисе приходилось каждое утро вытрясать из коробочки все это их безобразие). Причем, если один воробей сидит внутри кормушки и там клюет семечки, то другой забивается в створ окошка, и в кормушку уже больше никто не может проникнуть. Бедные же синички в это время сидят на перилах балкона, ожидая, — увы, без надежды, — что и им откроется путь к кормушке.

Алиса, наблюдая все это, удивлялась и сердилась. Смотрите-ка, такие же ужасные вещи, которые бывают и у людей. У детей и у взрослых тоже. Точь-в-точь. Алиса иногда стучала по стеклу, и воробьи, будто зная, как и любые хулиганы, что делают плохое дело, сразу же улетали. И тогда синички вновь, одна за другой, подлетали к кормушке, как всегда разделявая семечки на ближайшем дереве.

Однажды утром Алиса прибежала к маме на кухню:

— Мама, мама, пойдём посмотрим, там настоящие чудеса!

Мама сразу же оторвалась от курицы, которую готовила на обед. «Хорошо, — сказала она, — только ты мне потом поможешь чистить картошку».

И они обе побежали к окну.

Оказывается, некоторые воробьишки (наверное, из числа воробьиной молодежи) перестали залезать внутрь кормушки, а, как и синички, брали семечко в клюв и улетали (правда, как обнаружила мама, не на дерево, а на скамейки, стоящие около дома).

— Да, это чудеса, — согласилась мама.

А Алиса поняла нечто очень важное — значит, благородные поступки могут побеждать даже среди птичек.

ВЕСНОЙ, ближе к лету, синички улетели. У синиц была своя, особая, синичья жизнь. Алиса сняла с окошка обе кормушки и спрятала их вместе с остатками семечек в шкаф, где лежали всякие хламные вещи.

Быстро прошло лето. Настала долгая хмурая осень. Однажды под вечер, когда мама уже пришла с работы, Алиса сидела за столом в своей комнате и рисовала картинку «Осень» — выполняла задание воспитательницы их старшей группы. Дома было тепло, батареи уже включили, а за окном свистел холодный ветер, падали первые снежинки.

Алиса сначала не обратила внимания, что по стеклу окна кто-то потихонечку постукивает. Наконец, она подняла голову — и ахнула. По окну, глядя на Алису, стучала синичка. Поодаль, на дереве, сидела другая синичка, чуть поменьше, видно, подружка той, которая стучала.

Алиса сначала ничего не могла понять.

Но тут раздался голос мамы, которая по каким-то делам зашла в Алисину комнату:

— А ведь синички просят тебя повесить кормушку. Мы опоздали сделать это.

«А может быть, не просто просят», — сразу подумала Алиса. Передавала же воспитательница слова какого-то умного человека: «Мы в ответе за всех, кого приручили». Может быть, мы в ответе и за добро, которое мы делаем. И это еще важнее. *Если однажды сделал доброе дело (может, сначала просто так — для забавы) — делай его и потом. Всегда.*

Алиса стремглав выскочила из-за стола и — бегом к «хламному шкафу». Нужно сейчас же найти синичью кормушку и семечки, оставленные в конце прошлой зимы.

БЕЛОЧКА

АЛИСА начала учиться в первом классе общеобразовательной городской школы.

Правда, учиться ей пришлось недолго — недели две-три, не больше.

Неожиданно она заболела. Сначала Алиса стала кашлять, и ей потребовался носовой платок. А потом Алиса и совсем разболелась, пришла из школы, разделась и сразу легла на диван. Болела голова. Очень хотелось пить. Когда пришла мама и увидела Алису в таком состоянии, забеспокоилась — подложила под голову Алисы подушку, сунула ей подмышку градусник, принесла графин клюквенного морса, заставила принять таблетку, которая долго не проглатывалась. Потом мама расправила Алисину кровать, уложила туда дочку, укрыла поверх одеяла пледом и сказала: «Постарайся заснуть».

Алиса, едва задремав, погрузилась в тревожные сны, хотя и понимала, что делается вокруг. Она сквозь дремоту слышала, как мама куда-то звонила по телефону и говорила очень напористо, все время повторяя слова — «...под 40», «...вы понимаете, под 40». После этого мама (как сквозь тяжелую дремоту поняла Алиса) дозвонилась до папы, что-то долго и тревожно говорила ему и в конце разговора сказала, чтобы он не задерживался с машиной и ровно в пять часов был в больнице, кабинет седьмой на первом этаже, врача зовут Петр Петрович.

Под вечер, когда уже стало темнеть, приехал папа и, как поняла Алиса, привез на своей машине доктора. Доктор долго мыл руки в ванной, потом грел их над радиатором на кухне и после этого подошел к Алисиной кровати (тут же, в сторонке, сели мама и папа).

Доктор (Петр Петрович — как поняла Алиса) оказался пожилым дядей, почти старичком. Он весело сказал: «Ну, что это мы тут разболелись? Такие красивые девочки не должны болеть». Доктор сдвинул плед и одеяло, попросил Алису приподнять рубашечку и стал ее прослушивать — но не трубкой (как это рисуют в книжках), а каким-то холоднящим кружочком, от которого тянулись тонкие резиновые трубочки в уши доктора. Доктор прослушивал Алису долго — то повернет ее на один бок, то на другой, то и животиком вниз. Стучал по ней пальцами, притом — крестиком, сначала по своим, и это отдавалось по телу Алисы, было совсем не больно. Потом сказал:

– Да-да. Что-то мы разболелись. Не исключена пневмония. Надо будет попить сильное лекарство. Если не поможет, придется ложиться в стационар.

Затем он дал маме рецепт, спросил, сможет ли мамочка посидеть с дочкой дня два. И пообещал прийти завтра после обеда.

Назавтра доктор, еще раз прослушав Алису и убедившись в том, что температура девочки оставалась высокой, по записям мамы, все время под 40, твердо сказал: «Завтра в стационар».

Мама после этого договорилась на работе, что ей предоставят отпуск на месяц, сбегала в детскую больницу, договорилась с главным врачом, что будет там со своей дочкой («Санитаркой в палате? – Пожалуйста»). Вечером мама собрала в сумку все необходимое, и утром папа отвез их с дочкой в больницу.

В БОЛЬНИЦЕ Алиса пробыла две недели. И все время с ней была мама. Она в общем-то ухаживала за всеми девочками – в палате было шесть кроватей. Мама два раза в день мыла пол. Выносила и мыла горшки. До обеда, когда был обход и в палате находилось полно людей – врачей, сестер и проводились всякие процедуры, умудрялась сбегать домой и в магазин – приносила яблоки, сок, печенье. И раздавала принесенное всем. Это очень нравилось Алисе (как в детском садике).

Вскоре Алиса поправилась. Ей даже разрешили вместе с мамой на полчаса выходить в сад около больницы. Наверное, ее вот-вот должны были выписать. Но в это время Алисину маму вызвал главный врач и предложил ей вместе с дочкой поехать в лесной детский санаторий – долечиться, укрепить легкие, весь организм. Он сказал: «У девочки есть еще остаточные явления, и вообще ее надо укрепить, особенно лесными прогулками. Я напишу в направлении, – продолжал главный врач, – чтобы вам разрешили как можно больше гулять в лесу». И хотя Алисе очень хотелось домой, она, узнав от мамы о предложении главного врача, очень обрадовалась. Надо же, прогулки в лесу, вместе с мамой, такой цветастой, красивой осенью!

Мама в этот день после обеда уехала домой. Надо было все подготовить к поездке в санаторий. Там придется жить целый месяц, а может быть, и два. Нужно было найти и привести в порядок теплую, удобную для прогулок обувь и одежду.

Следующим утром папа отвез маму с Алисой в санаторий, который находился километрах в 40 от города. Он назывался «Лесной бор», вокруг санатория, действительно, были густые хвойные леса.

Алиса с мамой расположились в двухместном номере, как говорится, со всеми удобствами, была даже ванна. Процедуры занимали немного времени – нужно было полежать раздетой под какими-то синими лампочками, потом еще какая-то электрическая процедура (по телу несколько минут бегали иголки), массажист растирал все тело – после этого было очень приятно, сестра делала несколько уколов, кстати, совсем не страшно и не больно – слегка кольнет в попу, и все. А потом после того, как полежишь с полчаса после процедур, – полная свобода, гуляй где хочешь. Даже обед и послеобеденный сон не мешали, для прогулки оставалась еще уйма времени.

Леса были густые, неисхоженные, таинственные, от деревьев шел аромат теплой свежести. В лесу дышалось легко.

Леса начинались чуть ли не у самого корпуса, даже не было видно ограды санатория. Но в ограде была калитка, откроешь задвижку и выйдешь, а там вообще начинаются лесные просторы. Гуляй – не нагуляешься.

Обычно мама с Алисой гуляли вместе. Но через некоторое время мама, особенно когда была занята какими-то делами (она по-прежнему сама делала уборку в комнате, нередко помогала работникам санатория даже на кухне), отпускала погулять Алису и одну. Правда, только по территории санатория.

Вскоре Алиса с мамой стали замечать, что хотя деревья в лесу в целом и хвойные (на деревьях не листья, а иголки, и летом, и зимой), но они – разные. Местами лес был сосновый. В нем – сосны-громадины, как гигантские стрелы, устремленные в небо, стволы ярко-желтые, будто само солнышко светится в них. Сосны, казалось, наполнены большой силой, недаром их называют «мачтовыми», то есть такими, из которых делают или делали раньше мачты для морских кораблей.

Местами – еловый, аккуратные веселые елочки, смотришь на них, и будто снова Новый год. Только надо ли их рубить, везти в город и устанавливать в городских квартирах, чтобы они с неделю постояли разукрашенные? Потом иголки с них осыпаются и их выбрасывают на помойку.

Кроме елок, Алиса с мамой стали различать и лиственницы (это не лиственные деревья, а тоже хвойные, вроде елочек, только с мягкими небольшими иголочками), и пихтовые деревья. Ветки деревьев спускались до земли, около них было сыро и много мха. Казалось, что именно здесь, за густой стеной деревьев, и живут лешие, лесные человечки, Баба-яга и другие сказочные персонажи. Почему-то ста-

новилося немножко страшно и хотелось скорее вернуться на лесную тропинку, поближе к соснам и елочкам.

А около самого санатория рос большой кедровник, который частично выходил и на огороженную территорию санатория. Кедр — такие же громадные, как мачтовые сосны, иголки у них большие, а на ветках, которые ближе к вершине дерева, и на самой его вершине — множество шишек.

Несколько белок бегали по стволам деревьев, перепрыгивали, не теряя высоты, с одного дерева на другое. Притом — совершенно не обращая внимания на ограду санатория. Прыгали по деревьям туда-сюда. Когда Алисе и маме удалось разглядеть белочек поближе, то они удивились, насколько они красивые, пушистые и даже по-своему стройные, изящные. Совсем не такие, каких Алиса с папой видели в зоопарке, — там они были невеселые, не такие бойкие, только время от времени, как по команде выбегали из своих домиков и крутились в колесе на радость зрителям. Среди белок встречались большие зверьки, это, наверное, белки-мамы и белки-папы, белки поменьше, наверное, белки-подростки и совсем маленькие — белки-детки. Они не отставали от своих мам и пап и тоже бегали по стволам кедров, прыгали с дерева на дерево по всему кедровнику.

К санаторию иногда приходили жители деревни — и на небольшом базарчике продавали кедровые шишки. Одна шишка — один рубль.

ОДНАЖДЫ за оградой санатория, около кедровника, мама с Алисой встретили лесника — уже пожилого человека, который следил за порядком в лесных угодьях. А может, этот человек вовсе и не «лесник», а просто местный житель, который промышлял лесными дарами. Но раз он в лесу ведет себя как хозяин леса, все равно — «лесник».

Мама и Алиса поздоровались с лесником. А он, внимательно посмотрев на маленькую девочку, неожиданно сказал:

— Хочешь, я угощу тебя лучшими кедровыми орешками прямо с дерева?

Мама и Алиса удивились: «Как так?» — и конечно же согласились.

Тогда лесник повел их к калитке в санаторной ограде, а потом к кедровнику. Когда они дошли до кедровника, лесник поднес палец к губам, что означало: «Внимание! Идите осторожно, не шумите». И показывая пример, пошел почти бесшумно, очень осторожно. За ним, так же осторожно, чтобы ни одна веточка не треснула, пошли Алиса и мама.

Вдруг лесник остановился и показал на небольшое кедровое дерево, которое стояло на опушке, почти у самой ограды. «Внимательно

посмотрите на ствол кедра у большой ветки», — тихо, почти шепотом сказал лесник.

Мама и Алиса пригляделись — и увидели, что на том месте, где большая ветка соединяется со стволом, образовалось нечто вроде сиденья. На нем разместились небольшая белка с полосатым пушистым хвостом, наверное подросток, и держала в лапках кедровую шишку. Она что-то отгрызает от шишки и достает из нее кедровый орешек.

Лесник, сделав знак Алисе и ее маме, чтобы они оставались на месте, стал осторожно подкрадываться к дереву, на котором сидела белка. В руках он держал толстую палку. Белка, увлеченная своим делом, этого не заметила. И когда лесник подкрался к дереву, он с размаху ударил по стволу несколько раз. В тот же миг белки на дереве не оказалось, — она то ли перепрыгнула на другое дерево, то ли спряталась за ствол, словом, ее не было видно. А шишка, которую белка держала в лапках, упала в траву около дерева.

Лесник поднял шишку и торжественно передал ее Алисе:

— На, держи. Это тебе подарок от леса и белок.

Когда вернулись в санаторий, Алиса стала подбрасывать «беличью» шишку, пританцовывая приговаривать: «Как здорово! Как здорово!» Тем более, что орешки на этой шишке оказались удивительно большие и очень вкусные. Куда крупнее и вкуснее, чем те, которые продают на базарчике.

А вот мама почему-то не очень разделяла радость Алисы. Она негромко сказала:

— Что-то мне не очень нравится такой способ добывания шишек.

Наверное, Алиса думала о том же. Поэтому она сразу возразила, что делала очень редко. Она сказала:

— А что тут особенного? Посмотри, сколько шишек на деревьях, белка может взять любую и сколько хочешь.

Мама ничего не ответила, но Алиса видела, что ее что-то тревожит.

И все же Алиса не смогла удержаться от искушения добыть у белок еще одну или даже несколько больших шишек. И когда на очередной своей прогулке (без мамы) она как-то невольно оказалась в кедровнике у того самого дерева, она не то, чтобы стукнула палкой по дереву, а просто громко крикнула: «Белочка, подари мне шишку, пожалуйста». И белка, перепрыгнув на другую ветку, бросила шишку, большую и спелую, и убежала. Или не бросила, а шишка просто выпала из ее лапок, когда белка перепрыгивала на другое дерево. Так было несколько раз. Маленькая сумочка, которая лежала в рюкзаке у Алисы, была целиком набита «беличьими» шишками. Но когда, уже ближе к отъ-

езду из санатория, Алиса несколько раз подходила к заветному дереву, она уже издали слышала, как белка, стремительно прыгая с ветки на ветку, убегает в глубь леса. На дереве никого не было.

Потом, кажется, мама совсем успокоилась, когда увидела, как жители добывали кедровые шишки. Они стучали по кедром деревянным молотом, трясли кедры с помощью каната, смельчаки забирались на самую вершину и стряхивали шишки с веток. Среди жителей деревни был и тот человек, которого Алиса с мамой считали «лесником». Таким способом жители деревни набрали несколько больших мешков шишек.

На следующий день Алиса с мамой пришли на то место в кедровнике, где добывали шишки. И они, к своему ужасу, увидели, что самый большой кедр, вершина которого, как они помнили, была вся усыпана большими шишками, спилен, дерево лежит на земле и все шишки собраны. Кто это сделал? Жители деревни? Или кто-то приехавший из другого места, может быть, из города? Рядом с деревом и на тропе отпечатался след от шин автомашины.

Алиса с мамой, наверное, про себя подумали одно и то же. Алиса сказала:

– Эта куда хуже, чем взять шишку у белочки.

МАМА и на этот раз ничего не ответила.

Зима была малоснежной и очень холодной. Дул сильный, колючий ветер. Когда шел снег, то снежинки, всегда такие мягкие и нежные, больно били в лицо, приходилось отворачиваться или закрывать лицо руками. Мама, отправляя Алису в школу, надевала на нее несколько свитеров, теплые носки, закутывала голову шерстяной шалью.

Потом, уже после первых мартовских дней, когда начало пригревать солнышко, потекли ручьи (правда, в этом году не очень большие), в школу стало можно ходить просто в курточке и беретике.

Как-то раз Алиса сказала маме:

– Мамуля, а давай попросим папу, чтоб он отвез нас на машине в санаторий, там такой красивый хвойный лес.

Мама внимательно посмотрела на дочку и сказала: «Я согласна, давай попросим».

И вот уже в следующее воскресенье они втроем, мама, папа и Алиса, прямо после завтрака, захватив с собой припасы для легкого обеда в лесу, выехали на шоссе, ведущее к санаторию. Уже наступил апрель, скоро май. Даже за городом снега уже почти не было, кое-где зеленела травка, на деревьях вот-вот должны появиться листочки. День был солнечный, ясный, на небе ни облачка. Прелесть.

В санатории еще хорошо помнили Алису и ее маму. Врач, который лечил Алису, даже послушал ее, постучал пальцами то там, то здесь и сказал:

— Все. Нет никаких следов болезни. Теперь больше гуляй. Занимайся спортом на воздухе.

А потом мама, папа и Алиса пошли в лес. Мама без колебаний повела к кедровнику и дальше, к тому заветному дереву, где они с Алисой видели белочку-подростка с полосатым хвостом. И с большой шишкой.

Кедр остался таким же, каким он был осенью, — невысокий, но такой же стройный, ярко-зеленый. Около дерева остался еще маленький сугробик талого снега.

Но что это? Из сугробика торчит обвислый полосатый хвостик. Мама подошла к нему и осторожно, скинув перчатку, стала подкапывать снег. Но там, кроме кончика хвостика, ничего не было.

Алиса сказала неуверенным, чуть дрожащим голосом:

— Наверное, белочка погибла. Ее утащили лесные хищники. Ведь были такие сильные морозы...

Но тут мама ровным голосом проговорила:

— Лесные зверьки и птицы выживают даже в самые сильные холода, если у них достаточно корма.

Алиса промолчала. Промолчал и папа. И вообще, поход в лес на этот раз как-то не удался. Вскоре они засобирались домой — каждый, и мама, и папа, и Алиса, вспомнил о каких-то срочных делах в городе. Только по дороге домой, еще у санатория, Алиса попросила подождать ее несколько минут. Она сбегала в кедровник, нашла у заветного дерева кончик полосатого беличьего хвостика и, аккуратно завернув его в носовой платок, положила не в курточку, а в верхний карман ковбойки, которая была под свитером.

...Ночью, когда родители уже спали, Алиса, уткнувшись лицом в подушку, долго-долго беззвучно плакала.

ДРУГ

ПОВЕСТЬ О ДЕВОЧКЕ И СОБАЧКЕ

I

Первая встреча

Когда Соне исполнилось шесть лет, родители решили приучить дочку ходить в детский садик самостоятельно, одну, без сопровождения. «Ты уже взрослая девочка, на следующий год пойдешь в школу. Поэтому привыкай к самостоятельности», – сказала мама.

Садик был недалеко от дома. Нужно было только перейти по подземному переходу на другую сторону улицы, а потом по полосатому переходу («зебре») перекресток со светофором, и здесь, во дворе многоэтажного дома, – садик, огороженный высокой и красивой металлической оградой.

Мама несколько раз провела Соню по этому пути, туда и обратно, все время пытаясь как бы случайно свернуть не в ту сторону или проскочить перекресток на «красный» или «желтый» свет. Но Соня уже твердо знала всю дорогу и правила перехода через улицу и потому не поддавалась ни на какие уловки. Наконец, мама отпустила Соню в садик одну, правда, раза два она сопровождая дочку на расстоянии – страховала.

– Все в порядке, – сказала она вечером папе.

Папа рано уезжал на работу, возвращался поздно, и вообще, поначалу он был против такой самостоятельности дочери – против «этих экспериментов», как он говорил. Хотя, в конце концов, согласился, произнеся несколько загадочно: «Ладно. Пусть утверждается в жизни».

И вот однажды утром, отправляясь в садик, Соня выскочив из подъезда, чуть было не натолкнулась на собачку. Собачка – не маленькая и не большая – средних размеров, плотная, с короткой гладкой серой шерстью. Она стояла прямо перед Соней и смотрела на нее. Глаза в глаза. Взгляд внимательный, как бы изучающий. Соня вспомнила, что еще вчера видела эту собачку, когда шла из садика. Собака бежала поодаль, часто поглаживая на девочку («Что бы это значило?» – еще тогда подумала Соня).

Соня улыбнулась, нагнулась, погладила собачку и даже слегка почесала ее за ушком. А потом, обойдя собачку, побежала к подземному переходу.

Но когда, немного пробежав, Соня оглянулась, то увидела, что собачка все также стоит у подъезда и смотрит на убегающую Соню.

В садике была тысяча всяких дел, даже занятия по дошкольной подготовке.

И Соня забыла о собачке. Но когда под вечер она возвращалась из садика домой, то вспомнила о ней. И даже вообразила, что та, наверное, по-прежнему стоит у дома.

Но собачки не было.

Соня остановилась и посмотрела вокруг, нет ли ее где-нибудь во дворе. Нет, собачки нигде не было видно. Соня даже расстроилась и пришла домой грустная.

— Что с тобой? — спросила мама.

— Да так, ничего, — ответила Соня и включила телевизор: по телику, как всегда в это время, показывали мультик.

II Новая встреча

Утром, когда Соня собиралась в садик, ей очень хотелось, чтобы ее встретила собачка.

Так оно и случилось.

Только Соня открыла дверь парадной, как сразу же увидела собачку. И снова она смотрела прямо на Соню, смотрела, как казалось Соне, с ожиданием и даже с надеждой.

Соня широко и радостно улыбнулась. И собачка в ответ замахала хвостом, подошла к девочке и потерлась бочком о ее ногу. Тогда Соня наклонилась, погладила собачку и сказала чуть неуверенно: «Ну, пошли, что ли, со мной».

И собачка, кажется, поняла.

Когда Соня быстрым шагом пошла к переходу, то заметила, что за ней, отступив на шаг-полтора, идет и собачка. Идет, не волочится, опустив хвост, а идет так (она это видела по телику), как ходят служебные собаки, собранные, деловые, слегка напряженные.

Остановилась Соня на переходе, дожидаясь зеленого света светофора, — и собачка встала рядом с Соней, напряженно глядя, как и Соня, на светофор. И когда зажегся зеленый свет, собачка вышла впе-

ред и чуть влево. Она шла по переходу, как бы прикрывая собой от машин Соню.

Но только они перешли на другую сторону переулка, как собачка успокоилась, будто стряхнула с себя напряжение, и вернулась на свое прежнее место, на шаг-полтора назад, сохраняя дистанцию. А у калитки садика собачка, негромко тьякнув (явно для Сони: «Не беспокойся, я буду недалеко»), повернулась и быстро убежала, скрылась в зарослях двора соседнего дома.

Под вечер Соня только вышла из калитки садика, как услышала сбоку негромкий лай. Девочка повернула голову и увидела собачку. *Свою* собачку. Та сидела, вытянув слегка подрагивавший на траве хвост. Соня подошла к собачке, погладила и спросила:

– Как же тебя зовут, собачка?

И Соня стала перечислять клички собак, вспоминая их по мультикам и книжкам:

– Жутьбарс? – Серая? – Антей? – Верный? – Джек? – Рони? – Урал? – Жучка?

Собачка никак не откликнулась на эти имена. Соня с досадой даже сказала:

– Ну что ты, дикая, что ли?

И тут, при слове «дикая» собачка застучала хвостом по траве. Соня задумалась. И сказала: «Тогда, может быть, ты, *Дик*?» И в то же мгновение собачка весело залаяла и даже, вскочив, попыталась вскинуть передние лапы на курточку Сони.

– Ура! Ура! – закричала Соня, – значит, ты – Дик, так теперь тебя и буду звать.

И они вместе пошли домой: Соня и сзади, отступив на шаг-полтора, Дик. На переходе («зебра») Дик снова вышел вперед, теперь справа, и перейдя дорогу, занял прежнюю позицию на другой стороне переулка.

У подъезда дома Соня удержала Дика, который, негромко тьякнув, собрался было бежать (наверное, в небольшую рожицу около дома), и сказала: «Дик, посиди немного, я сейчас приду». Стремительно, не дожидаясь лифта, вбежала по лестнице на четвертый этаж. Не отвечая на вопросы мамы (лишь приговаривая: «Мама, мама, подожди; я позже тебе все расскажу»), схватила из игрушечного посудного набора пластмассовую тарелку, достала из холодильника кусок колбасы, из хлебницы – вчерашний батон, и стремглав по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, выбежала из подъезда.

Дик – вот молодец! – сидел там же, где его оставила Соня, не двинулся с места.

Соня сказала Дику: «Теперь пойдем». И они направились к рожице. Дик, как обычно, на шаг-полтора сзади. Соня нашла удобное местечко и, положив на пластмассовую тарелку колбасу с хлебом, sko-мандовала: «Можно, Дик».

Дик не заставил себя ждать. Он тут же, не разжевывая (как показало Соню), проглотил всю колбасу, съел часть батона, остатки взял в зубы и посмотрел на Соню. Дик явно спрашивал: «Можно мне уйти на место?» Соня наклонилась, потрепала собачку по холке, слегка почесала за ушком и, улыбаясь, произнесла: «Иди, конечно. До завтра». Дик посмотрел на Соню, помедлил немного, а потом быстро побежал вглубь рожицы.

Дома Соня рассказала маме все о собачке — и о вчерашней встрече, и о сегодняшнем дне. «Да, — призналась мама, — я знаю. Сегодня утром из окна я видела тебя с собачкой по дороге в садик». И добавила: «Нужно только проверить собачку, вдруг она заразная?»

Соня резко повернулась к маме, на ее глаза навернулись слезы, она воскликнула: «Дик не заразный, он — мой друг».

Мама притянула к себе дочку, обняла ее и сказала: «Извини, я имела в виду другое: не больная ли собачка? Не беспокойся, все будет в порядке».

Соня счастливо улыбнулась и, припрыгивая, побежала в свою комнату: надо было выполнить задание — нарисовать в тетрадке в тонкую линейку кружочки и разные палочки, крючочки.

III Моя собачка

На следующее утро Дик снова ждал Соню у подъезда.

Только что это такое? Дик какой-то возбужденный, взлохмаченный, а главное — на спине его ранка — вырван клоч шерсти и запеклась кровь. Дик все пытался, изгибаясь, достать ранку языком, лизнуть ее. Не из-за вчерашних ли съестных припасов Дик подрался с другой бездомной собакой?

Соня прямо у подъезда сбросила сумочку, которую брала с собой в садик, и бегом обратно домой.

— Мама, мама! — закричала Соня, ворвавшись в квартиру, — Дик ранен. Надо ему срочно помочь!

Мама, не мешкая и ничего не спрашивая, взяла из аптечки зеленку, вату, лейкопластырь и сразу же вслед за дочкой сбежала вниз, на улицу.

Дик, увидев Соню с мамой, слегка махнул хвостом и сам повернулся к маме раненым боком. Мама стала обрабатывать ранку ватой с зеленой (Дик терпел, не издавая ни звука) и сказала дочке:

— А ты иди в садик, а то опоздаешь, мы тут сами управимся.

Соня немного подумала, потом взяла сумочку и бегом — через двор к подземному переходу. Но только Соня отбежала на небольшое расстояние и даже успела дойти до арки, ведущей со двора на улицу, как Дик с недоклеенным пластырем резко вырвался из маминых рук и рванулся за Соней. В какое-то мгновение он догнал ее. Соня остановилась, попыталась прижать недоклеенный, болтающийся пластырь, помахала маме рукой, как бы извиняясь за все случившееся («Все в порядке!»), и побежала дальше, сопровождаемая Диком.

После того, как Соня вернулась из садика, они вместе с мамой спустились к Дику. Соня взяла с собой небольшую миску вчерашнего куриного супа и кусок хлеба, а мама — всякие медицинские штуки. Они дошли до того места в лесу, где находилась пластмассовая тарелка. Соня сначала накормила Дика, а потом мама тщательно обработала его ранку, наклеила новый пластырь. Дик, как и прежде, терпел, даже не подал голос. А потом, как и вчера, убежал.

...Вечером был непростой разговор с папой.

Начала разговор, как ни странно, мама. Она сказала, что нужно приютить собачку.

Папа был против. Он, было, заговорил о том, что с гигиенической точки зрения здесь существуют проблемы. И что «вообще неизвестно, откуда...».

Мама догадалась, что дальше скажет папа, и, помня о реакции на подобные слова дочки, прервала его. Она стала быстро и громко говорить о том, что собачка, по ее наблюдениям, ухоженная и воспитанная. Что она явно натренированная на охрану человека. Что Дик («Так зовут собачку», — пояснила мама) наверняка из какого-то хорошего питомника и вообще нужно поместить объявление («Возможно, хозяин ищет ее»). И что, как она убедилась, Дик очень надежная охрана для дочки, и для нас, для меня, во всяком случае — гарантия спокойствия.

— Какая там охрана? — с некоторым пренебрежением возразил папа.

Но что-то в его словах слышалось такое, что Соня с мамой поняли: не все еще потеряно. Папа явно колебался, думал, что-то про себя, решал.

А потом, немного помолчав, сказал примирительно:

— Давайте оставим разговор до завтра, все обмозгуем и решим... Тем более что в нашем районе, действительно, появилась группа хулиганов-подростков, которые безобразничают, нападают на малышей, отбирают у них деньги. Так что проблема-то существует...

Но завтра все решилось само собой.

IV Ура! Собачка наша!

На следующий день с утра все пошло по заведенному уже порядку: Дик ждал Соню у подъезда, сопровождал ее до садика и обратно. А один раз на перекрестке он неожиданно громко зарычал на мотоциклиста, который заехал на самый переход. Соня удивилась, увидев, что Дик вдруг как бы вырос, как шерсть на нем вздыбилась, и он, оскалив зубы, так грозно зарычал на мотоциклиста, что тот задним ходом вернулся за черту перехода.

Ну а дальше произошло вообще что-то невообразимое.

Когда Соня с улицы вошла через арку во двор, то заметила, что на ступеньках соседнего подъезда сидит кучка ребят, ребята еще год-два назад, кажется, ходили в садик, а теперь, наверное, учатся в школе во втором-третьем классе. Увидев Соню, они дружно перебежали к ее подъезду и скрылись за дверью. Скорее всего они побежали к Вовке — мальчишке того же возраста, который жил на втором этаже.

Дик никак не хотел уходить (хотя Соня еще утром принесла кусочки мяса из вчерашнего супа и хлеб, положив все это в рожице, кустиках, на пластмассовую тарелочку, прикрыв ее целлофановой салфеткой).

— Иди, иди, Дик, — говорила Соня, — там у тебя прекрасный обед. А я уже дома. Наконец, Дик поднялся, бочком спустился по ступенькам и, не торопясь, нехотя поплелся в сторону рожицы.

Но только Соня закрыла за собой дверь парадной, и справа, за углом уже был виден лифт, как ее оглушил удар по голове. И такой сильный и резкий, что Соня тут же упала.

В тот же миг над ней склонилось лицо мальчишки, который прохрипел: «Где у тебя денежки? В сумке? А ну, давай их сюда!» Потом мальчишка больно схватил Соню за запястья рук, прижал их к цементному полу и scomандовал: «Петро, быстро обшарь сумку, и сразу смываться надо».

– Есть! – закричал Петро, который, обшарив сумку, отбросил ее в сторону и потряс над головой Сони ее кошелечком, в котором, действительно, были деньги (которые она вместе с маминной запиской забыла передать Нине Петровне – воспитательнице).

И вдруг все резко изменилось. Громко хлопнула входная дверь, и на спину державшего Соню мальчишки накинuloсь грозно рычащее существо (собака?). Собака, конечно, собака! отбросила хулигана на пол, передними лапами прижала его к полу, оскалилась и оглушительно на весь подъезд залаяла.

На всех этажах захлопали двери, послышались шаги сбегающих по лестнице людей, и среди них – вот удача, так удача! – папа, как раз вернувшийся с работы.

Петро бросил кошелек, и все ребята, кроме того, которого держал Дик (ясно, что это был Дик! Кто же еще?), бросились через открытую дверь врассыпную.

А папа (откуда он все знает?) дал команду: «Дик – фу!» На ходу – вот здорово! – погладил Дика и похвалил: «Молодец!» Затем, держа за шиворот мальчишку (пока не подоспел вызванный кем-то участковый милиционер), помог подняться на ноги дочке и сказал:

– Ну, что? Все в порядке? Спасибо Диду!

– Да, спасибо. Я в нем и не сомневалась, – ответила Соня.

...Весь вечер Соня и ее родители устраивали в прихожей место для Дика. Мама нашла, а Соня постелила в углу прихожей, напротив вешалки и зеркала, свое старое одеяло. Поверх одеяла – темную подстилку. Мама приготовила для Дика две миски – для чистой воды и еды.

Соня хотела было поставить миски рядом с одеялом, но неожиданно воспротивился папа. Он сказал:

– Пусть миски будут в кухне-столовой. И Дик завтракает-ужинает вместе с нами. Это же – *наша* собака (Соня при этих словах даже подпрыгнула от радости).

Папа в этот же вечер съездил в магазин и принес мягкий ошейник и поводки для собачки («Для прогулок в людных местах», – пояснил он).

С тех пор Дик стал жить в доме как член семьи...

Шел третий год, как Дик жил вместе с Соней, мамой и папой. Соня уже ходила в школу, которая, кстати, находилась рядом с ее бывшим детским садиком.

Каждое утро, еще до завтрака, папа целый час гулял с Диком во дворе, еще пустынном в это раннее время. Они бегали друг за другом, папа

учил Дика командам. Потом Дик провожал Соню в школу. При этом папа приучил Дика сразу же, проведив Соню, возвращаться домой. Дик сам (он уже раз доказал это) открывал дверь подъезда. А главное — он крепко подружился с мамой (которая, как показалось Соне, слишком баловала его). Дик иногда сопровождал маму, когда она ходила на рынок.

Соня гуляла с Диком после школы. Иной раз они уходили далеко от дома в соседний парк с озерком, где плавали утки (некоторые с крошечными утятами).

Дик оказался очень умной и дрессированной собакой. Он понапрасну нигде и ни на кого не лаял — ни на собак, ни на кошек, встречавшихся на пути, ни на уток на озерке, ни тем более на людей. Даже на тех, кого он встречал в подъезде, или тех, кто звонил или стучал в дверь. И только когда незнакомый человек приближался к Соне или входил в дом, он весь напрягался — точно так же, как при переходе улицы. «Входил, — как думала Соня, — в боевую готовность». Но стоило только про человека, подошедшего к Соне или вошедшего в дом, сказать — «Свой!», — как напряжение исчезало, и Дик позволял даже погладить себя, запоминая такого человека как «своего» навсегда.

V

Незнакомец

Однажды, когда Соня вернулась из школы (она уже училась в третьем классе), дома она застала грузного, в полувоенной форме дяденьку. Он сидел, чуть развалившись в кресле, а рядом, на диване, — мама, слегка растерянная.

Дик, радостно вбежавший вслед за Соней в комнату, увидев незнакомца, вдруг разом остановился, весь напрягся, замер.

А-а-а, — сказал незнакомец, — Вот и наш *Дикий*. А ты — Соня, хозяйка собаки? Так мне сказала твоя мама Анна Сергеевна. А меня зовут Иван Иванович — я из военного собачьего питомника...

В это время Дик резко повернулся и ушел «к себе», в прихожую, лег на свое место и замер с открытыми глазами.

— Твоя мама, Анна Сергеевна, — продолжал Иван Иванович, обращаясь к Соне, уже рассказала мне про то, как ты познакомилась с нашей собакой. Или она нашла тебя, тут я не все понял. Но, в общем, то, что Дикий, как мы его звали, уже около трех лет живет у вас, мы узнали случайно совсем недавно.

– Теперь я расскажу вам, – продолжал Иван Иванович, – о том, откуда взялась и где была эта собака до того, как попала к вам.

– Извините, – вдруг сказала Соня. Она выскочила в соседнюю комнату, в папин кабинет. Быстро набрала телефонный номер и сказала только:

– Папа, приезжай немедленно. Пожалуйста. Забирают Дика.

Соня вернулась, Иван Иванович продолжил:

– Эту собаку, Дикого, вырастил одинокий военный инвалид, теряющий зрение, мы его звали «Семеныч». Он где-то у помойки подобрал брошенного щенка, вылечил и поставил его на ноги, назвав найденныша – как и вы зовете – Диком. Собака очень привязалась к Семенычу. Тем более что Семеныч терял зрение, становился почти совсем слепым, и собака очень помогала ему. Тогда-то, по совету своих друзей, Семеныч и привел собаку к нам, в питомник, для того чтобы мы ее подучили. Вскоре Дик научился сопровождать и охранять своего хозяина: без поводка он шел несколько позади, на переходах – рядом, а с поводком – впереди. Собака стала отличным проводником, поводырем и охранником.

Но однажды случилась беда. Как-то днем Семеныч в сопровождении Дика шел из сбербанка, где он получил деньги, в пустынном сквере какие-то мерзавцы, которые наверняка следили за ним еще в сбербанке, напали на Семеныча. Они сначала чем-то тяжелым оглушили собаку, а потом, ударив пенсионера, повалили его на землю. Да ударили так, что Семеныч потерял сознание, после чего отобрали у него все деньги. Собака, даже оглушенная, полуживая, пыталась защитить хозяина.

Поймать бандитов не удалось. Правда, были какие-то подозреваемые, но, по определению прокуратуры, доказательств оказалось недостаточно. Семеныч попал в госпиталь, где он, к сожалению, несмотря на все старания врачей, через несколько недель умер. А собаку на лечение поместили в наш питомник. Мы знали, что собака очень умная, легко обучаемая, но то, что она способна, как говорили наши специалисты, к поиску наркотиков и взрывчатых веществ, узнали только во время лечения. Ее даже зачислили в особую группу, предназначенную для работы в спецслужбах.

– Но не тут-то было, – продолжал Иван Иванович, – собака никого не хотела знать, кроме своего хозяина. Она почти ничего не ела, целый день стояла в клетке, с надеждой всматриваясь во всех проходивших мимо. Ночами тревожно выла. Резко огрызалась на всех, кто к ней приближался. Тогда-то и стали звать ее в питомнике «Диким».

Несколько раз Дикий вырывался из клетки, перепрыгивал через ограду. Его ловили — он снова убежал, все искал своего хозяина, Семеныча. Наконец, он убежал совсем, хотя до сих пор числится за нашим питомником...

В этот момент Иван Иванович пристально посмотрел на Соню, в ее глаза, и неожиданно снова спросил: «Ты хозяйка собаки? Она сама тебя нашла?» И, не дожидаясь ответа, добавил: «У тебя, Соня, глаза такие же, как у Семеныча, наверное, по ним она и признала тебя своей хозяйкой... Но ничего не поделаешь, мне придется забрать Дикого. Это служебная собака, она нужна для государственных нужд».

Сразу же вслед за словами из прихожей раздалось негромкое собачье ворчанье. Наверное — совпадение.

Все помолчали.

Но тут хлопнула входная дверь, и в комнате появился папа. Он сразу же сообразил, о чем идет разговор, поздоровался с Иваном Ивановичем и сказал:

— Вы пришли за собакой. Но давайте отложим решение вопроса о судьбе нашего Дика. Я возьму у Вас, Иван Иванович, адрес и телефоны вашего руководства и постараюсь не позднее завтрашнего дня решить все вопросы с собакой. Хорошо?

На том и порешили («Молодец, папка, выручил», — ликуя, подумала Соня).

Когда, распрощавшись (и тоже записав папин номер телефона) Иван Иванович уходил, Дик даже не шелохнулся, уткнувшись носом в подстилку, он ничего не видел и не слышал, ничего не знал и не хотел знать.

VI Двойная жизнь

Папе действительно удалось договориться с руководством питомника.

Правда, пришлось, как говорится, пойти на компромисс, то есть учесть и свои интересы (скорее даже Сонины), и интересы питомника. Тем более что по всем документам Дик (Дикий) числился за питомником, считался «временно отсутствующим» и на него были большие планы, имеющие, как говорили папе, серьезное государственное значение, в том числе — специальное военное.

Поэтому договорились так. Дик продолжает жить в Сониной семье, и Соня остается его хозяйкой. Но два раза в неделю (один раз во вторник или в среду, второй – в воскресенье до обеда) Соня с Диком будут ездить в питомник на специальные тренировки, «собачью учебу». Потом, когда закончатся тренировки, будет новая договоренность («Опять с их любимым компромиссом», – подумала Соня).

В дни тренировок к Сониному дому подъезжала зеленая военная машина (похожая на «джип»). И Соня с Диком уезжали в питомник, точнее – на тренировочное поле, которое находилось рядом с питомником. И вход туда тоже был отдельный, рядом с центральными воротами.

На тренировочном поле стоял небольшой двухэтажный домик (который все называли «база»). За ним несколько тренировочных площадок с разными спортивными устройствами, снарядами: особыми рвами, стойками, трубами, бревнами на подставках, блоками, манекенами и всем другим, необходимым для обучения собак.

У дверей базы Соню с Диком встретил пожилой и вместе с тем статный, подтянутый офицер, который поздоровался с Соней и, козырнув, представился: «Капитан Семенюк Владимир Михайлович – тренер».

Соня, притронувшись к руке тренера, сказала, обращаясь к Дику: «Свой». После этого Владимир Михайлович улыбнулся и дружески подмигнул Дику. Дик дружелюбно посмотрел на тренера и помахал хвостом – понял.

Владимир Михайлович сказал Соне:

– Я буду заниматься с Диком на наших снарядах. Тебе присутствовать не обязательно. А лучше вообще не находиться на площадке. Но ты обязательно должна быть поблизости, чтобы Дик тебя видел (и чувствовал). Договорились?

После этих слов тренер ласково потрепал по спине Дика, сказал: «Пошли», и они не спеша направились к ближайшей тренировочной площадке. Дик при этом несколько раз оглянулся: «Все в порядке, хозяйка рядом».

Так теперь и строилась вся жизнь Дика, да и Сони тоже.

Примерно по 4–5 часов во вторую половину буднего дня (обычно в среду) и первую половину дня в воскресенье Дик становился военной (или – милицейской) собакой. Дик это понял и под руководством тренера, Владимира Михайловича, старательно осваивал разные служебные премудрости: по сигналу руки тренера или его короткому свисту лежа замирал на долгое время, делал короткие перебежки от дерева

к дереву, стараясь быть незамеченным, внезапно напал на противника (во время тренировки им был манекен), долго полз «по-пластунски», иной раз что-то упорно искал, вынюхивал, а когда находил искомое, отрывисто, призывно лаял. В это время Дик был собранным, напряженным, «весь в работе», как и его тренер.

Но было заметно, что Дик краешком глаза постоянно держит в поле зрения свою хозяйку – Соню, которая обычно сидела на скамейке у базы (а в непогоду – у окошка, внутри помещения). Она читала книжки, делала уроки, стараясь при этом не обращать внимания на Дика, хотя все время чувствовала его и тоже порой наблюдала за ним.

Тренер иногда приглашал Соню на тренировочную площадку. Тогда она вместе с Диком преодолевала препятствия, прыгала через рвы, затаивалась в каком-нибудь укромном месте. Или искала (Дик – по запаху, Соня – интуитивно) какие-нибудь предметы и находила их поразительно очень быстро. «Тебе в юридический надо идти. Или в наши училища, – не раз говорил Соне Владимир Михайлович. – Прекрасным специалистом будешь».

Во время, свободное от тренировок, Дик вел обычную жизнь домашней собаки. Утром на прогулке резвился с папой. Дома только во время завтрака-ужина покидал свое привычное место в прихожей. Также вел себя с другими людьми: дружелюбно – со знакомыми, настороженно, порой с тревогой, но всегда спокойно, – с незнакомыми.

В новом учебном году Дик уже не провожал Соню в школу и не встречал ее после уроков. Соня заметно повзрослела, ходила в школу и возвращалась из школы с подружкой, живущей с ней в одном доме.

Да и Дика теперь нужно было водить по улице на поводке. В городе почему-то развелось много брошенных собак. С ними возникали всякие сложности. Правда, они всегда обходили стороной Соню и Дика, когда встречались с ними на прогулке.

И еще Соня заметила, что Дик стал строже вести себя на переходах. Однажды встал как вкопанный на пути мчавшегося на красный свет лихача – тот резко затормозил перед самым носом Дика. Соня видела, как Дик весь напрягся, когда кто-нибудь из посторонних приближался к Соне, несколько раз жестко отсекал от нее каких-то ребят.

Но все это так, мелочи. В общем же – все нормально, слава Богу, каким был Дик в «гражданской жизни», таким и остался.

VII Происшествие

Но в одну из суббот на вечерней прогулке произошел неожиданный и странный случай.

В тот день Соня ушла с Диком довольно далеко вглубь парка. Дик, отпущенный с поводка, по старой привычке шел за Соней на шаг-полтора позади, лишь время от времени в безлюдных местах делая короткие быстрые вылазки в сторону или стремительные круги вокруг Сони, каждый раз, впрочем, неизменно возвращаясь на свою основную позицию.

В парке было безлюдно. Лишь изредка встречались отдельные прохожие. Но в конце парка (уже виднелись кварталы многоэтажек) Соня и Дик вышли на широкую ухоженную дорожку со скамейками и фонарными столбами, по которой в обе стороны шли люди. Соня сообразила, что тут, наверное, недалеко находится станция метро (кажется, «Мраморная») и строящиеся многоэтажки нового спального района.

И вот тут, как только Соня перешла оживленную дорожку, Дик неожиданно выскочил вперед, негромко гавкнул и встал прямо перед Соней, тревожно глядя ей в глаза. Потом он круто развернулся и побежал обратно к только что пересеченной дорожке. Соня последовала за ним.

Дик, не доходя до дорожки нескольких метров, повернул по ходу направо.

Пробежав метров сто, Дик припал к корням толстого дерева, а затем, почти прижимаясь к земле, стал двигаться дальше от дерева к дереву, так сказать, короткими перебежками. При этом ни на миг не спуская глаз с дорожки. Соня, хотя и слегка запыхалась, не отставала и все время сохраняла дистанцию.

Дик явно за кем-то следил. За кем же?

Ага! Вот кто это!

По дорожке, как будто не спеша, но все же довольно быстро шел мужчина в темных очках и черной кепке. В руке он нес объемную сумку — судя по всему тяжелую, потому что мужчина с некоторым усилием перебрасывал ее из одной руки в другую.

Мужчина открыто не озирался, но едва заметно, поворачивая голову, боковым зрением наблюдал за происходящим по сторонам. Только один раз он резко остановился и, делая вид, что поправляет замок сумки, быстрым, цепким взглядом посмотрел назад, по-

том так же вокруг. Дик замер, слился с землей, а у Сони гулко и часто стучало сердце, но она продолжала идти, вematриваясь в густую траву (похоже, девочка потеряла что-то), постепенно приближаясь к дорожке. По дорожке Соня затем и продолжила путь – на одной линии с Диком.

Но вот и конец парка. Дальше – шоссе, а за ним – шеренги строящихся многоэтажек. Дорожка выходит прямо на автобусную остановку.

Еще издали Соня увидела, что около автобусной остановки, несколько в стороне, стоит легковая автомашина – иномарка. Мужчина с сумкой тоже увидел машину и, уже не таясь, вскинул сумку на плечо и почти бегом напрямую направился к ней. Когда он подбежал к иномарке, задняя дверца в салон была уже открыта, мужчина, бросив впереди себя сумку, запрыгнул в машину. И она тут же, с места, рванула по шоссе на большой скорости.

А Соня с Диком так и остались в парке, у последнего перед шоссе большого дерева. Дик встал на лапы, вытянулся вперед, неотрывно глядя на удаляющуюся машину. «Номер он что ли хочет разглядеть?» – с некоторой иронией подумала Соня. Но номера машины (если действительно попытаться его разглядеть) уже не было видно. Только, кажется, какие-то «66» или «55».

Возвращаясь домой, Соня надела на Дика поводок. Дик, явно не любивший эту собачью цепь, на этот раз легко поддался, не ворчал, как это обычно бывало.

На очередной тренировке Соня рассказала о случившемся происшествии тренеру – Владимиру Михайловичу.

Владимир Михайлович задумался, покачал головой, а потом сказал:

– Да, странный случай. Тренировку он, что ли, сам себе устроил?

И тут же опроверг себя:

– Нет, не похоже. Здесь что-то другое... Надо будет продумать ситуацию. Постарайся пока гулять только в людных местах. И если случайно окажешься опять в той части парка, около остановки, будь крайне осторожной. Когда ты гуляешь с Диком? В 4–5 часов? И ни в коем случае не гуляй одна с Диком поздно вечером. Ни в коем случае, поняла? Конечно Дик тебя в обиду не даст. Тут все надежно. Лишь бы он сам не сорвался на чем-то...

Тревога, только возникшая, усилилась после разговора с тренером.

VIII

Кровавая схватка

Через несколько дней на послеобеденной прогулке Дик, еще на поводке, с напором — чего он раньше никогда не делал — потянул Соню в парк, а в парке — в ту сторону, где была дорожка, выходящая на автобусную остановку.

Соня остановилась. Посадила Дика перед собой и назидательно сказала:

— Дик, я тебя сейчас спущу с поводка, но ты будешь идти только рядом со мной, у ноги. И будешь слушаться моих команд. Понял?

Дик, конечно, понял. Он понимал все, что говорила Соня. И когда Соня отцепила поводок, Дик сразу же стал рядом со своей хозяйкой и, ни на что не отвлекаясь, шел только «у ноги». Будто ничто вокруг его совершенно не интересовало. А может быть, действительно, его ничто вокруг не интересовало?

Но это было не так. Соня нарочно шла к ухоженной парковой дорожке (к которой ее саму почему-то неотвратимо тянуло) окружным путем, порой останавливалась, делая вид, будто ее что-то очень заинтересовало. И все время, особенно при остановках и «кружениях», Дик еле сдерживал свое нетерпение скорее добраться до той дорожки.

Но вот и она — та самая многолюдная дорожка со скамейками и столбами для освещения. И совсем рядом за деревьями — строящиеся многоэтажки.

Но что такое?

Как только Соня с Диком пересекли дорожку и прошли совсем немного — метров десять, Дик отбежал от Сони, порыскал вокруг и неожиданно улегся за выступающим корнем большого дерева, за которым Дика видно не было, но ему видна была вся дорожка.

Соню это встревожило. Что это за собачья прихоть? Что-то вроде позиции для наблюдения? Сыскная бригада мы что ли?

Но вместе с тем Соня почувствовала, что Дика сейчас трогать нельзя. Но все же она (правда, не очень твердо) сказала:

— Дик, встать!

Дик не пошевелился. Соня потрепала его рукой. Дик был не просто напряжен, он был весь будто каменный, застывший, только сильно билось сердце, да дыхание стало прерывистым. Соня достала поводок, звякнула его металлической частью, и тотчас же увидела, что Дик слегка повернул голову и негромко зарычал. Пусть тихо, но все

же впервые зарычал на нее, Соню... (Соня поняла это как: «Я тебя слушаюсь во всем. Но сейчас — не мешай»).

Соня хотела уже обидеться на Дика, но увидела, что он совсем слился с землей и подобрал под себя лапы.

Соня быстро посмотрела на дорожку. По ней, как и в прошлый раз, будто не спеша, но все же быстро шел тот же самый мужчина в очках и черной кепке. И сегодня он нес объемную сумку, судя по всему, опять такую же тяжелую.

И в тот момент, когда мужчина поравнялся с Соней и сделал несколько шагов дальше по дорожке, Дик вдруг стремительно, в два прыжка достиг дорожки, с налета прыгнул на спину мужчине, с громким рычанием опрокинул его на землю и впился зубами ему в шею. Из упавшей на землю сумки посыпались какие-то железки.

Люди, проходившие по дорожке, отпрянули в сторону. А мужчина, прижимаемый к земле собакой, яростно взвыл и свободной рукой (другая рука была зажата его телом) стал шарить у себя в кармане. Спустя несколько мгновений его рука с блеснувшим ножом взметнулась вверх и опустилась за спиной — туда, где была собака, вцепившаяся в его шею.

Дик пронзительно взвизгнул, зарычал. Рычание ослабело, перешло в протяжный стон. Соня остолбенела, когда увидела, что из развороченного ножом бока Дика хлещет кровь, заливая и собаку, и человека, шею которого Дик не отпускал.

Соня, забыв про страх, склонилась над Диком и с усилием разжала его челюсти. В тот же момент она услышала, как из-за деревьев, находившихся около остановки, раздались скрежет колес и шум сорвавшегося с места автомобиля, и одновременно — кто-то громко прокричал: — Соня, берегись!

И, действительно, мужчина уже вставал, в одной руке у него был окровавленный нож, а другой он доставал из-за пазухи пистолет.

Но поднявшийся с земли мужчина уже не мог воспользоваться ни тем, ни другим. К нему подскочили несколько крепких парней — оперативников (или спецназовцев). Щелкнули наручники. А за оперативниками стоял — вот это неожиданность, прямо фантастика! — тренер, Владимир Михайлович. Это он и крикнул: «Соня, берегись!»

Вскоре появились и санитары с носилками. Они быстро, не жалея бинтов, перевязали залитого кровью Дика, затем отнесли его к зеленой санитарной машине, въехавшей прямо на дорожку. В машину Соню не пустили. Со старшим санитаром о чем-то поговорил Владимир Михайлович, и машина уехала.

Владимир Михайлович отвез Соню домой. По дороге Соня, оглушенная случившимся, спросила:

– А как Вы, Владимир Михайлович, тут оказались?

Владимир Михайлович ответил:

– Мы с группой оперативников уже три дня здесь дежури́м. У меня после последнего разговора с тобой возникло предположение, что Дик напал на след одного из тех, кто убил его хозяина – Семеныча – Олега Семеновича Рыбакова, заслуженного фронтовика, с Отечественной войны, – пояснил он. Мы еще вчера выследили машину, которая ждала подозреваемого и в тот день, и сейчас. Не успели только сегодняшние события предупредить – наша оплошность, что все так обернулось.

Владимир Михайлович поднялся вместе с Соней в квартиру. И пока мама, уложив Соню в постель, отпаивала ее горячим чаем, он долго разговаривал с папой. Кажется, они даже что-то «приняли» на кухне, куда пришла и мама. Сидели долго. Было тревожно.

IX Дик, где ты?

Дом без Дика опустел. Папа, привыкший рано вставать и гулять с Диком в утренние часы, бесцельно бродил по квартире. А Соне после школы вообще не хотелось идти домой. Пригорюнилась и мама: для нее Дик тоже стал другом.

Где же ты, Дик?

Соня через день ездила на автобусе к Владимиру Михайловичу. Выяснилось, что, к счастью, Дик жив (хотя врачи-ветеринары спасли его с большим трудом). Но лечиться ему придется долго, к тому же в какой-то специализированной лечебнице-питомнике, куда посторонних не пускают.

Однажды на тренировочной базе Соня уже по дороге к выходу услышала от стоящих кружочком работников базы, обрывок фразы: «...да усыпят его». Соня, повернув назад, взлетела на второй этаж в кабинет тренера и с ходу спросила:

– Это правда?

– Что правда?

– Что Дика усыпят?

Удивившийся было, Владимир Михайлович посадил Соню рядом с собой и сказал:

– Ты, наверное, услышала разговор наших сотрудников. Брось! Это разговоры о другой собаке. У нее разбит позвоночник, и она парализована. А у Дика ничего подобного нет. И вообще, Дик – собака уникальная. Такая – одна на десять тысяч, может, и на сто тысяч. Дик – вроде как свидетель по уголовному делу. Мы будем лечить его. И вылечим обязательно.

Домой Соня ушла успокоенная.

И вот новость. Оказывается, уголовное дело по убийству Семеныча возобновлено. И возобновлено в связи с тем, что Горюнова (такую фамилию носил задержанный человек) сначала выследила, а потом и задержала собака, которая была поводирем убитого ветерана – Семеныча.

Через несколько дней Соню вместе с папой вызвали в прокуратуру. Там следователь в присутствии папы попросил Соню подробно рассказать обо всем случившемся, составил протокол допроса, особенно записал и папин рассказ. «Ну, вот, еще один документ», – сказал следователь.

Соня тут же спросила:

– Теперь, наверное, достаточно того, чтобы наказать преступника? Ведь наш Дик никогда просто так на людей не нападает. А тут он не только опознал преступника, но и явно был готов разорвать на части убийцу своего хозяина.

Следователь долгим взглядом посмотрел на Соню. А потом, попросив папу подождать дочь минут десять, сказал:

– А ну-ка, Сонечка, сходим ненадолго к нашему прокурору. Мы как раз вчера целый вечер на эту тему говорили.

Прокурором оказался сравнительно молодой, со спортивной выправкой мужчина с маленькими усиками. Выслушав рассказ следователя, он вышел из-за большого массивного стола, взял стул и подсел к креслу, на котором сидела Соня.

– Ты, как хозяйка Дика, и вообще по-человечески, конечно, права. Тем более что у Горюнова, задержанного Диком, в сумке оказались части от подствольного гранатомета. Мы возбуждаем особое уголовное дело.

А вот в отношении твоей боевой собаки все сложнее. Мы понимаем, как ты относишься к Дику. Но он по нашим законам не может быть свидетелем или источником доказательств. А без точных доказательств никакое дело нельзя передавать в суд, который только (после тщательной проверки доказательств, дискуссий, экспертиз и так далее) и может назначить уголовное наказание.

Ведь собака не может ничего рассказать, пояснить и тем более осмыслить, учесть все детали. И ситуации тут бывают всякие. Разве мало случаев, когда собаки просто так нападают на людей, даже малышей? У них свои собачьи инстинкты, и они порой могут ошибаться. Да будет тебе известно, что Горюнов подал заявление о нападении на него собаки и о привлечении ее владельца к ответственности...

— Конечно, — продолжал прокурор, — такие штучки у него не пройдут. У нас есть данные о том, что Горюнов уже привлекался по делу убийства Семеныча в качестве подозреваемого (только доказательств оказалось недостаточно). А сейчас мы сделаем все, чтобы наконец докопаться до сути, до истины и соберем все нужные доказательства. Твоей же собачке большое спасибо — она блестяще сработала по «оперативной линии». Пусть она побыстрее выздоравливает.

...Когда папа с дочкой вернулись домой, Соня все время думала: «Нет-нет. Прокурор и следователь неправы. Наш Дик может и должен быть свидетелем, и, наверное, — главным. Нужно только понять его, его повадки и нечто еще, о чем и сказать трудно». С этими мыслями Соня и уснула в тот вечер.

* * *

Прошло несколько месяцев. Школа, уроки, еще книжки, да иногда что-нибудь забавное по телику. Гулять без Дика не хотелось. Скучно.

Однажды Соня пришла из школы раньше обычного. Бросила ранец на диван и уселась на стул у окна. На ветках дерева воробьи устроили кутерьму — совсем бесполовую. Тоже мне птицы. Хотя бы летали...

Вдруг Соня услышала легкое царапанье в дверь. Что бы это могло быть?

И тут же громко зазвонил звонок.

Соня поняла. Все и сразу. Она, уронив стул, вскочила на ноги, опрометью бросилась к двери и, не раздумывая, открыла ее настежь.

За дверью был Дик! Хвост его быстро-быстро ударял по полу. Он волновался.

Соня опустила на колени рядом с Диком, обняла его за шею и только повторяла: «Дик, милый! Наконец-то! Дик, милый...».

В это время рядом кто-то громко кашлянул. Соня подняла голову и увидела молодого офицера с полевой сумкой через плечо. Офицер, обращаясь к Соне, спросил: «Это Вы, Соня?» И получив утвердительный ответ (Соня кивнула головой), сказал:

«Мне Иван Иванович приказал передать Дикого, то есть Дика, тебе, Соня, насовсем. Распишись на этой бумаге, вот здесь». Соня написала крупно: «СОНЯ». Офицер добавил: «Иван Иванович и тренер Владимир Михайлович сказали, что ты можешь в любое время приходить с Диком в питомник или на тренировочную площадку, помогать в тренировках».

– Спасибо, – сказала Соня, – я обязательно приду.

Потом Соня снова наклонилась к Дику, обняла его. И тут из глаз потекли слезы.

Соня еще не знала, что слезы могут быть не только от обиды, неприятностей или капризов – они бывают еще и от радости. Тем более – самой большой радости на свете.

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

КНИГА ВТОРАЯ

О любви

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ЛЮБОВЬ

Алиса, Борис и Паша

I

В тот год, когда Алиса закончила первый класс, она летом отдыхала вместе с двоюродным братом Васей на даче, с бабушкой.

Бабушка Васи живет здесь постоянно и даже имеет корову. Боже мой, сколько с ней хлопот, бабушка еле справляется. Дачники, да и жители деревни коров почти не держат.

Бабушка Васи всю жизнь трудилась без усталости в университете, надорвалась; и вдруг «выкинула номер» (кто бы мог подумать?) — бросила все городские дела и городское житье, уехала жить на дачу и вопреки всему завела корову. Сейчас и со здоровьем, кажется, все в порядке.

Вася — мальчик хороший. Товарищ. Не задается. Девочек не обижает. Когда надо, поможет — принесет ведро воды, вынесет мусор, и вообще, как говорит бабушка, — «безотказный».

Вчера целый день показывал Алисе на маленьком озерке с выбегающей из него речушкой, как удят рыбу. На месте ловли — рогатина, вбитая в воду у берега, чтобы класть удочку. Один конец удочки — на берегу, ее середина — на рогатине. Так что держать удочку в руках не надо. Действительно, здорово.

Поплавок вдруг нырнул. Вася схватил удочку, резко выхлестнул удилице, и на конце лески оказалась маленькая трепещущая рыбешка. Вот чудо!

Вася оборудовал удочку и для Алисы (чуть покороче), показал, где можно на огороде накопать червяков. Там и лопата, воткнутая в землю.

...Солнце ударило в глаза Алисе. Она сразу соскочила с кровати, так как у нее был план. Свой план, о котором она вчера вечером сказала бабушке. Алиса оделась, удочка с двумя баночками (для червей и для рыбы) были за дверью. Сбегала на край огорода к навозной куче, копнула два раза рядом стоящей лопатой, и действительно, на тебе — полбанки червяков, красных, длинненьких и толстых. Очень противных (в особенности, когда они толстые), как на них зарятся рыбешки? И надевать их на крючок удочки противно.

Вот и берег. То же самое место, где они были с Васей, с той же рогатиной, вбитой у берега.

Алиса зацепила за крючок червяка – красного, извивающегося, да так, чтобы кончик острого жала ощущался пальцем (так вчера Вася наставлял: « жало » – это самое острие крючка).

Забросить удочку сразу по-настоящему не удалось. Не до конца размоталась леска, и поплавок, и крючок с грузилом и с извивающимся червем вместе плюхнулись в воду не так уж далеко от берега. Но вдруг, несмотря ни на что, поплавок повело куда-то в сторону, леска натянулась, и попавшая на удочку рыбешка мелькнула у поверхности воды.

Но неожиданно поплавок замер, часть лески обмякла, поплавок вообще завалился набок. Алиса быстро достала всю удочку из воды. И очень удивилась. Конец лески – там, где была пойманная рыбка, оказался как бы отрезанным. Будто ножом. Или ножницами.

Но еще больше удивилась Алиса, когда увидела, что рыбка с концом лески плывет к другому берегу – туда, где трава и камыши. И казалось, кто-то подталкивает ее плыть в ту сторону. Плывет рядом и подталкивает...

II

– Ну, нет, – подумала Алиса, – мою первую пойманную рыбку кто-то забирает. Безобразие.

Алиса быстро сбегала на дачу, заменила свои сандалики на резиновые сапожки (берег на той стороне озера был болотистый, мокрый), вернулась к озеру и стала пробираться сквозь заросли на другой берег. Особенно трудно было перейти через речушку, вытекающую из озера. Речушка маленькая, а вода в ней бежит жутким бурлящим потоком. Перейти этот поток можно только по большим мокрым камням.

Ну что ж, по камням, так по камням, разве нельзя перепрыгнуть с одного камня на другой? Сказано – сделано. Алиса, больше не раздумывая, с берега скакнула на первый камень, потом, не останавливаясь, на второй, а вслед за тем – и на третий, самый большой, с острыми углами.

И вот тут случилось несчастье. Спрыгивая на берег, Алиса поскользнулась, споткнулась о какую-то противную корягу и полетела кувырком, да так, что больно ударилась ногой о пень, из колена потекла кровь... Закружилась голова, все кругом померкло, глаза сами собой закрылись.

III

Когда Алиса открыла глаза, она ничему не удивилась. Хотя удивляться было чему. На нее, прямо глаза в глаза, смотрел зверь. Глаза у зверя большие-большие, добрые-добрые. «Бобер, – подумала Алиса, – причем старый». Брови были у него лохматые, шерсть от бурочерной переходила в серую и заканчивалась щетинкой белых волосков.

Старый бобер чуть шевелил губами, как бы негромко что-то говорил. И Алиса то, что говорил бобер, сразу поняла.

– Не бойся, – говорил бобер, – мы тебе поможем.

– А я и не боюсь, – громко сказала девочка. Скосив глаза, она увидела, что около ее колена, из которого, как она помнила, брызнула кровь, возится еще несколько бобров. Один облизал ранку шершавым и мягким языком, другой облепил ранку чем-то липким и немножечко жгучим, наконец, третий, точнее – третья (Алиса сразу увидела, что это пузатенькая бобриха, которая, видно, скоро станет «мамой»), же улеглась на колено – согревает.

Бобер пошевелил губами. «Ты подожди, – поняла Алиса, – скоро к тебе придут друзья». И он куда-то укловылял. На соседний же пенек взгромоздился большой бобер («Сторож», – решила Алиса).

Лежать было хорошо, наверное, бобры подложили мох (Алиса потрогала рукой, – действительно, под плечом был мягкий мох). Солнце потихонечку выплывало из-за березок и поднялось до высокой сосны. Стало тепло. Бобриха подняла голову, внимательным и долгим взглядом посмотрела на Алису. Алиса покачала головой: «Нет, не уходи, мне хорошо, когда ты согреваешь мне колено. И вообще, когда ты и Сторож здесь».

Неожиданно раздался ребячьи голоса (послышалось: «Где? Где?»), и к тому пню, где лежала Алиса, подошли двое ребят. Одного из них Алиса знала. Кажется, даже хорошо знала. Это был пятиклассник из их школы, Борис («Боб», как все его называли). Он был какой-то, как все говорили, гордостью школы. Только и слышалось – «Борис Величкин», «Борис Величкин». Да и Алиса давно его заметила. Очкарик и какой-то сухарь подмоченный, вечно шаркает ногами. Вечно все о чем-то думает. Ни на кого даже не посмотрит. А на ней, Алисе, как раз сегодня новенькое, красивое-прекрасивое платье. Все восхищались. Здесь же ноль внимания.

Но, оказывается, Боб знал Алису.

– Что с тобой, Алиса? – спросил он. – Вставай, тут недалеко переход. Мы тебя проводим.

Бобры куда-то все исчезли. Алиса встала на ноги. Колено совсем не болело. Будто бы ничего и не случилось.

Переход через речку — маленький мостик — был совсем рядом. Рядом с мостиком — глубокая яма, соединенная небольшой протокой с речкой. А в ней плавает Алисина рыбка, которую она не так давно поймала. Рыбка, наверное, тоже узнала Алису, она поднялась к поверхности и высунула голову, может быть, хотела показать, что на ней нет лески (ребята рассказали, что это маленький судачок, очень ценная и редкая порода рыбы, бобры их берегут). На краю ямы Алиса заметила еще несколько обрывков лески и даже целый поплавок.

— Твой дом рядом, шагов 30, по тропке вдоль речки, — сказал Боб. И добавил:

— Мы на днях как-нибудь к тебе заглянем. Ладно?

— Ладно, — ответила Алиса. И добавила: «Спасибо, ребята».

По дороге она отвязала от брошенной на берегу своей удочки остатки лески («Отдам вечером Васе»). А удилище воткнула в землю, поближе к воде, вдруг из него вырастет дерево.

IV

И впрямь, не прошло и двух-трех дней, как Боб со своим молчаливым товарищем пришли на дачу к Алисе.

Алиса их поджидала. Бабушка оставила ребятам свежего молока, пей сколько хочешь — хоть всю крынку, которую бабушка с утра поставила в холодное подполье. Еще с вечера испекла картофельные шанежки (это особые ватрушки с картофелем) — вкуснее ничего на свете нет, по преданию, их научила делать прабабушка, а ее еще более дальние уральские родственники. Положила их на широкую доску, укрыла несколькими полотенцами — так, чтобы они были теплыми.

Молоко и шанежки исчезли, конечно, мгновенно.

— А говорят, материя не исчезает, — хитро улыбнулся Боб.

А затем, когда все устроились на сене с той стороны стога, где тень, Боб сказал:

— А теперь мы тебе расскажем, Алиса, зачем мы здесь и что мы тут делаем. Мы, — продолжал Боб, — это ребята из нашей школы, средние классы, есть даже восьмой и девятый, стоим отрядом тут, рядом.

— Мы решили, — продолжал Боб, — пойти на какие-нибудь, как говорится, взрослые дела. А сейчас самое близкое и доброе для нас дело, первый шаг, что ли, — это помочь, как говорят, «братьям нашим меньшим», траве и деревьям, зверятам и птицам, которые погибают

в наш век. И вот мы уже несколько лет, спасибо Виктору Михайловичу (учитель старших классов, вспомнила Алиса, тоже сухарь и очкарик несчастный), работаем с компьютерами по этой теме.

У одного из нас, нашего командора («Сказать кто это?» – спросил Боб у своего молчаливого товарища. «Ладно, говори уж», – ответил тот), так вот, у нашего командора, Игоря, возникла мысль, идея, каким образом помочь природе. Как? Тут – наша тайна. Скажу лишь – возникла мысль создать необычного «кибера», представляешь себе, вроде искусственного существа, почти человека, который может такие задачи по защите природы решать, притом – самым необычным образом.

А тут еще одна удача («Сказать?» – Боб снова спросил своего молчаливого друга), – и, не дожидаясь ответа, рассказал, что дед нашего молчаливого товарища, то есть Паши («Кстати, будь знакома», – Паша картинно поклонился), оказался хранителем-сторожем брошенной лесопилки как раз в самом «бобрином месте», где испокон веков живут бобры. К лесопилке была подведена и сохранилась линия действующей электропередачи. И после того, как ребята за одну субботу починили забор вокруг брошенного хозяйства, им («То есть нам», – говорил Боб) местное начальство разрешило организовать лабораторию по кибернетике.

И вот уже два года, как они в этой лаборатории занимаются. И что необычно и даже странно, подружились с бобрами, которые совсем недалеко подгрызли и свалили несколько деревьев, кроме этого, натаскали хвороста и сооружают на речке новую запруду (вдобавок к нашему озерку), чтобы там жили и накапливались рыбешки. Ими, отбирая слабых и не очень ценных рыбок, питались бобры.

Но тут грянуло несчастье. Кому-то из областного начальства понравилось это бобриное место. И не просто для дачи, а для целого многоэтажного дворца, с гаражом и бассейном, другими постройками – то, что делают для себя большие начальники и богачи – «новые русские». И все это как раз на том месте, где бобры стали сооружать запруду.

Приехали на черных машинах какие-то дяди.

Предупредили, что здание старой лесопилки будет отдано под общежитие строителей. Привезли несколько машин щебня и красного кирпича, несколько бетонных блоков. Подогнали даже бульдозер, чтобы снести сооружение, возведенное бобрами. Хорошо, что бульдозер завяз в болоте. Все место, включая здание бывшей лесопилки, окружили забором.

Что делать? Никто не знает. Пашин дед сходил в большую деревню, где располагалась администрация района. Но там только пожалели

деда и положили его заявление в какую-то папку. «Иди, дед, не в нашей власти эти дела».

Ребята собрались в дорогу.

— Алиса, приходи завтра к нам. Тут всего километра два-три. Паша за тобой забежит, — сказал Боб. — Хотя нет, — тут же передумал он, — сам зайду.

V

На следующий день Алиса только позавтракала, сразу собралась в дорогу. Бабушка, узнав, что она идет к «тем хорошим ребятам», сама налила большую бутылку парного молока, и Алиса, дождавшись Бориса, вместе с ним отправилась в путь.

Впрочем, идти было недолго. Только перешли через бугор (так что речка осталась где-то там, внизу, чуть слышалась), глядь — и впереди какие-то строения. Через первый высокий забор пройти было легко, ребята раздвинули две доски, а оттуда — прямая дорожка к калитке. А за ней большой дом, барак, над дверью прибита фанера, а на ней большими корявыми буквами начертано — «БЕРЛОГА».

Хотя какая это «берлога»? («Шутники неисправимые», — подумала Алиса). Да это же как школьный класс, да притом такой, как компьютерный, который недавно оборудовали на втором этаже школы. Справа и слева мелькали экраны нескольких компьютеров (их подарил завод, где группа по просьбе дирекции вкалывала все лето, выполняла какое-то задание), искрила какая-то машина, в углу стояло чуть прикрытое целлофаном какое-то сооружение или машина, задняя часть комнаты отгорожена брезентом (там ребята, наверное, отдыхали, ели, потому-то Алиса тотчас передала бутылку молока выбежавшему из-за занавески парню).

Неожиданно, невесть откуда появился вместе с Бобом командор Игорь (конечно, его знала вся школа, и Алиса знала его в лицо, он из шестого или седьмого класса, некоторые учителя его боялись, уж очень умный).

Игорь, будто зная, о чем думала Алиса, сказал:

— И мы тебя, Алиса, знаем: мы учеников с первого класса примечаем — кто может войти в наш отряд, из вашего первого класса уже давно заметили двоих — тебя, ум острый и не боится авторитетов, да Семена из параллельного класса — редкая сообразительность («Гений», — вспомнила Алиса школьную, среди первоклашек, кличку Семена).

— Так что включайся в работу, — сказал Игорь. Боб, кивнув головой, добавил: «Поможем».

С той поры Алиса каждый день убегала к ребятам. Бабушка не возражала: «Ребята хорошие, наверное, доброе дело делают». Вася целый день пропадал на речке.

Алиса начала учиться компьютерным сложностям. Да и особых сложностей там пока нет. Некоторые условные значки, как для детского сада (нарисованы «ножницы» — кто же не поймет, что это означает). Везде стрелочки. Надо лишь запомнить и правильно использовать главное слово, с которого все начинается, делается — «enter».

Да вот еще, как объяснил Боб, важно уметь по-настоящему печатать на обычной машинке. Почему? Да потому, что на клавиатуре компьютера буквы расположены в таком же порядке, как и на пишущей машинке. А при печатании на пишущей машинке, а значит, и наборе текста на компьютере очень важно, чтобы каждый пальчик запомнил «свою» букву; и тогда можешь печатать почти автоматически, «вслепую».

Алиса нашла на чердаке у бабушки пишущую машинку (на которой бабушка сначала хотела продолжить свои университетские дела, да не смогла, слава Богу, хозяйство не отпустило) и рано поутру стучала на ней по часу или два — каждую клавишу с какой-нибудь буквой только одним, «своим» пальцем. Стало получаться.

Ребята как-то, пошептавшись, решили показать Алисе «кибера». Сняли целлофан с того сооружения, которое она сразу заметила. Ничего особенного. Мотор какой-то с колесиками и антеннами на постаменте.

— Дело не в самом агрегате, — сказал Игорь, — дело в функциях, выходящих на атмосферу и еще на что-то, о чем мы толком не знаем. Два года над этим бились. Хотя для тебя, — сказал Игорь, обращаясь к Алисе, — должно быть непонятным. Узнаешь годика через два, — и добавил совсем непонятное и странное: — Через бобров...

Действительно, это сейчас непонятное для нее, а Алиса вдруг увидела, что через колесики и антенны агрегата смутно проглядывает облик бобра. Того главного и старого, у которого добрые-добрые глаза, а в конце щеточки-щетины белые волосы. Или это только показалось?

В это время входная дверь «Берлоги» резко, с шумом открылась. И в нее, не спросив ничего и без приветствий, вошли двое людей — один в военном френче, автомат дулом вниз, другой в штатском. Но тоже, видно было по всему, из военных. Сзади, чуть поодаль, маячил

еще один человек. По словам кого-то из ребят — хозяин намеченной к стройке дачи.

Военный во френче сказал, обращаясь к Игорю:

— Ты ведь главный. И я тебя предупреждал, чтобы выметались отсюда. Два дня сроку...

— Теперь и одного хватит, — ответил Игорь.

Затем Борис и Паша сказали Алисе, что перенесут к ней кое-что. Это были два компьютера. Ребята соединили их, вывели какой-то провод на антенну для телевизора, стоящую во дворе.

Боб передал Алисе пухлую папку бумаг. Сказал:

— Это на всякий случай, храни их, как себя. Всю жизнь.

Вечером все ребята уехали рейсовым автобусом в город.

VI

Это была какая-то странная гроза. Случилась она на следующий день после отъезда ребят, под вечер. Гроза была небольшой — охватила не всю округу, а прошла в основном вдоль речки.

И молнии были какие-то странные. Они не расчерчивали небо, не разрывали его, коверкая тучи, а как бы металась по земле. Шаровые, что ли?

Но грохота, шума и страха было много. Как и при любой грозе.

Самое же странное — это последствия грозы. Не рухнуло ни одного дерева, кроме того, которое уже подгрызли бобры (и рухнуло оно как раз на то место, которое и намечали бобры, — на запруду). Зато оказался поваленным — поваленным и частично разбросанным, кое-где метров на 50—100, — новый забор вокруг предполагаемой дачи (а его возводили на бетонных опорах). Оказались разбросанными гравий и кирпич. Бетонные блоки делись неизвестно куда. Бульдозер, который и так завяз в болоте, совсем был отброшен в болотную топь, куда человеку не подобраться.

Здание же бывшей лесопилки и заборчик вокруг него остались совершенно целехонькими. Ничто их не тронуло. Ничто не было повреждено.

И еще очень странное. Совсем уж непонятное. Начинался сенокос, и в лесу было много людей. И все, буквально все видели, что в лесу около речки кто-то был. Кто? Некоторые говорили о всякой чертовщине. Но большинство настаивало на том, что сквозь грозовой туман и низко ползущие тучи виделись очертания Большого Бобра. Многие даже рассмотрели щетину с белыми волосками. Хотя все сходились на том, что

это был не настоящий, живой Бобр, а его очертания; но все же почти настоящий, живой. А когда дело дошло до бульдозера, то многие клялись, что сами видели, как будто бы бобриная лапа (или что-то похожее на нее) налилась мощью, стала стремительно удлиняться, и вскоре взмыл над землей бульдозер. Впрочем, наверное, это только показалось людям, напуганным необычной грозой.

Алиса заметила, что во время всей грозы компьютеры напряженно гудели. И как только закончилась гроза, они тотчас замолкли. Навсегда. Включай — не включай в розетку, они больше не работали. Так и унесли их, как ненужный хлам, на чердак дачи (хотя потом за ними приходили ребята).

VII

Случившееся у речки почему-то взволновало местное начальство. А может быть, не только местное. Уже на следующий день после грозы приехали на автомашинах какие-то серьезные люди, как говорят, ответственные работники. Среди них важно и почему-то, как и раньше, с автоматом (дуло в землю) ходил военный во френче. О чем-то расспрашивали местных жителей о ребятах. Составляли протоколы. Интересовались — какая школа, где живут. Долго расспрашивали Пашиного деда, он писал большую бумагу — «объяснение». Все приехавшие очень оживились, когда узнали, что во время грозы в лесу кто-то был, и совсем уж засуетились, когда один подвыпивший старикан предположил — не ребята ли со старой лесопилки тайком приезжали во время грозы?

Назавтра в деревню на автомашине в сопровождении бронетранспортера приехал отряд спецназовцев. Прочесали всю местность вокруг озера и вдоль речки. Пару раз пальнули из автомата. Командир к концу дня сказал: «Ничего нет. Напрасно гоняли».

Перед отъездом неожиданно на глазах у всех у транспортера лопнула и развалилась на несколько частей гусеница (вскоре приехала большая машина с краном — увезла бронетранспортер; часть гусеницы до сих пор валяется в кювете).

Деревню больше никто не беспокоил. Строительство дачи, судя по всему, отменили. Или отложили. Кто знает?

Но и ребята куда-то исчезли. Больше не приезжали. А может быть, и приезжали (только никто этого не видел), так как все устройства из их лаборатории исчезли. Бабушка Васи говорила о том, что за двумя компьютерами приезжали два парня, одного она знает, вспоминала бабушка, зовут его Пашей.

Не было ребят и в школе (хотя после того, как начались занятия, Алиса искала ребят, особенно Бориса, Пашу) — кто переехал в другой район, перевелся в другую школу, вообще ушел работать лаборантом в институт или коллектором в дальнюю экспедицию.

Только через несколько лет Алиса получила красочную новогоднюю открытку. А в ней всего два слова: «Держись, девочка» и подпись — «Боб» (а затем в скобках «Боря»).

Именно тогда Алиса поняла, что такое счастье.

Сереза

Школа

I

В тот год Сереза должен был пойти в школу. В первый класс.

В школу Серезе не очень хотелось идти. То есть и хотелось, и нет.

Хотелось потому, что он тогда станет таким же, как и другие ребята, с которыми он водится и даже дружит. Не мелюзгой (каков он по возрасту), а по всем статьям таким же, как все настоящие ребята из их компании.

А не хотелось потому, что «школа», как он видит по своей сестренке Наташке, — это сплошная зубрежка и надзор, понукание и придирки. Только и слышишь дома: «Наташа, тебе нельзя гулять — у тебя не все домашние задания сделаны»; «Наташа, у тебя больше “троек” стало — надо еще позаниматься»; «Наташа, на родительском собрании Анна Ивановна сказала, что у тебя есть замечания на уроках. Надо подтянуться».

И так далее. Все в том же духе. Ужас какой-то.

II

Но главная причина, по которой Серезе не очень-то хотелось идти в школу, — иная.

Дело в том, что Сереза как раз в последние полгода был совершенно свободный человек. Делал что хотел. Потому что в том садике, в который он ходил с детства, случился пожар, здание садика сгорело полностью, всех детей распределили по другим садикам, кроме тех, которым скоро идти в школу.

— Ну, ничего, пусть будет так, — согласились с этим мама и папа, — пусть мальчик отдохнет, посидит дома, порисует, почитает книжки (благо, мальчик с помощью папы уже научился читать), погуляет с друзьями около дома, в сквере.

На том и порешили. Тем более что Сережа был «поздний» ребенок; нельзя, по словам родителей, от него многого требовать. Да и вообще, сейчас кругом твердят — нужно «воспитывать детей через свободу». Мама обещала приходить с работы каждый обеденный перерыв — кормить сына обедом. А во всем остальном проблем нет никаких.

Книжки Сережа, конечно, не читал, так, для порядка — полистает, посмотрит картинки о каком-то Гарри Поттере — толстая книжка, которой кое-кто почему-то восхищается. Намалюет что-нибудь в тетради для рисования (сам по телеку видел — это теперь «авангард»).

На все это минут десять, не больше. А потом сразу на улицу, во двор.

III

На дворе — ребята. С самого утра человек пять-шесть, потом еще подходят из Серезиноного и соседнего подъездов. Все ребята — школьники (первого, второго и даже третьего классов). У кого вторая смена, кое-кто пропускал уроки просто так. Или «болеет».

Сережу как малолетку сначала отгоняли: «Отойди, желторотый, вот твоё место — песочный ящик». Потом — допустили, приняли.

Так как Серега (то есть Сережа) не давал себя в обиду. И на деле показал, что он — на уровне. Мог постоять и за себя, и за других. Как что, хотя всегда по делу, — дрался, и дрался здорово. Если и не побеждал, то все равно не сдавался.

Ведь что здесь, в мальчишеских драках, «не до крови», надо? Не бояться, уметь терпеть боль и биться до конца.

Несколько стычек, притом даже со старшими ребятами, и Сережу стали УВАЖАТЬ: «Если хочешь — пошли с нами», или еще лучше: «Серёга, не задерживайся, пошли, мы тебя ждем».

Да и сам Сережа почувствовал — через мальчишескую драку, наверное, «надо пройти», появляется что-то такое, что ставит тебя в один ряд со взрослыми ребятами. Лишь потом, во взрослости, кто-то ему сказал, что здесь мальчик-ребенок делает первый шаг к «мужчине». Есть, может быть, и другие пути, иные «первые шаги». Но это, — что у Сережи, — на улице утвердившееся, с издавна принятое всем ребячьим царством. Нужно только не заводиться.

IV

Мальчишеская жизнь крутится во дворе. И вообще куда-то далеко, кроме вылазок для «выяснения» с соседскими ребятами да на футбол, ходить и не надо (даже враждующие ватаги ребят — тут, рядом, из более дальних подъездов многоэтажки). Главным местом их обитания были сначала подоконники подъезда, а потом — чердак. Вход в него также оказался в Серезином подъезде.

Для того чтобы попасть на чердак, нужно было подняться на девятый этаж, а затем, через излом лестницы (так что тебя не видно от входных дверей девятого этажа) — на особую площадку. Висячий же замок на двери чердака был, но только для вида. Его нужно было снять, перевесить рядом на скобу (что создавало полную видимость закрытого чердака) — и, пожалуйста, путь открыт. Хотя нужно было постараться, чтобы тебя не заметили жильцы девятого этажа (очень вредные стариканы и старушки). Или даже — восьмого, где как раз жил Сережа и где тоже нужно было проходить осторожно, не привлекая к себе внимания, — соседи и там разные, есть и очень вредный народ.

На чердаке ребята уже давно оборудовали из старых досок и выброшенной хламной мебели «Кубрик». Два старых скрипучих дивана, вертящееся кресло, стол. Как-то умудрились провести провод с лампочкой.

Пели песни под гитару. Болтали обо всем. Мечтали. Придумывали. Сочиняли всякую всячину.

Иногда, сбросившись «по копейке», покупали несколько бутылок какой-нибудь «фанты», приносили из дома какие-нибудь сладости — получался «пир».

V

Как-то (когда Сережа уже ходил в школу, умудряясь в первое время, правда, подольше «поболеть» или что-то другое придумать, чтобы не ходить на уроки) произошло знаковое событие. Появился в «Кубрике» былой мальчишеский авторитет — Валера Зюзев, уже почти взрослый парень, бросивший школу в пятом классе и уже год-другой (отпустили досрочно) отсидевший в детской колонии. Его родители — пьяницы — на сына ноль внимания.

Валера не стеснялся в крепких выражениях, да таких заковыристых, что хоть специально заучивай (и это все потихонечку стали

делать). Рассказывал захватывающие дух геройские истории, когда он вместе с верными друзьями одолевал «лопухов» и «чайников». «Брал» все, что хотелось. Даже бывалая братва, по словам Валеры, его слушала!

И что замечательно, Валера поразительно играл на гитаре. И пел жалостливые песни про любовь и свободу. А порой — о смелой и удачливой братве, о бесшабашной жизни и мести. Но главное — о преданности своим товарищам. Предателей «по стене надо размазывать». Дух захватывает!

И вообще, то, что говорил и о чем рассказывал Валера, вот это — настоящая жизнь, полная риска, отваги, тайны. Эх, ребятки, ребятки, не по силам вам еще это... Хотя кое-кто и может (Серее казалось, что Валера при этих словах посматривает на него). А всем в «Кубрике» подумалось — а я почему не могу? Захотелось отведать все «такое» — сладостное и запретное. «Нужно только, — наставительно говорил Валера, — не быть продажным, не предавать друзей, оставаться всегда верным». «Да, нужно», — про себя повторял Серее.

Валера и впрямь уже обратил внимание на него, похвалил за то, что умеет «биться до конца». Ни в чем не уступает взрослым парням. Несколько раз уже под вечер брал его с собой, на бульвар. Там не раз пускали его «первым». Пусть «заведет заварушку». А мы уж тут как тут. Не надо обижать малыша.

Хотя что-то скребануло по душе Серее, когда у сбитого с ног «чайника», сидевшего в тенистой аллее бульвара с девушкой, Валера снял часы и вытащил из кармана «лопатник», то есть довольно пухлый бумажник: «Контрибуция. Пусть не прячется от людей». Однажды Валера спросил у Серее о его родителях, о их работе. «Молодцы они — не держат тебя на привязи».

VI

В школе оказалось не так плохо, как думалось Серее.

Учительница, Ольга Павловна, была, на удивление, доброй и ласковой. Никогда не повышала голос. Просто молчала, пока ребята не успокоятся, глядя на всех в упор с какой-то жалостью.

На ее уроках было интересно. Она негромким голосом (все сразу замолкали) рассказывала о разных увлекательных историях, устраивала соревнования — кто лучше нарисует всякие черточки и закорючки, изображенные на доске. Хвалила старательных. Не рассердилась на тех, у кого что-то не получалось (Серее даже как-то подошел к маль-

чишке с «камчатки», передразнившего прямо на уроке учительницу, и сказал: «Еще раз, и будешь иметь дело со мной»).

Было интересно и на уроках физкультуры. Учитель физкультуры, Семен Петрович, молодой парень, только-только закончивший институт, сам мастер спорта, прямо на уроке учил ребят приемам самозащиты («Это он напрасно, — подумал Сережа, — эти приемчики сгодятся и на бульваре против “чайников”»). Несколько раз, пока сухая осень, выводил «на природу» — учил разжигать костры, ставить палатку, лазить по деревьям, налаживать переправу через речку. Скоро, по словам учителя, должны начать работу секции. Сережа уже записался в секции борьбы и тяжелой атлетики (хотя Семен Петрович сказал, что в «тяжелую атлетику» его наверняка не возьмут — мал еще).

И вообще, в школе можно даже и подурить. На переменах. До и после уроков. Да и на уроках тоже. Не надо только уж очень демонстрировать свою удаль, не обижать Ольгу Павловну и Семена Петровича.

Правда, Сережа, как только прибежал домой, сразу же, забросив ранец в дальний угол тахты, отправлялся в «Кубрик». Если же на чердаке никого не было, то на улицу, искать «своих».

Но в школе, особенно после того, как открылись спортивные секции (кроме секции тяжелой атлетики), становилось все интереснее. В отличие от первых дней школьного бытия Сережа уже меньше увливался от уроков, «болел». Несколько раз, когда Сережа знал точно, что именно сейчас его дворовые друзья уже в «Кубрике», все же оставался в школе (на дополнительных занятиях в секциях или же на занятиях у Ольги Павловны, которая показывала, как вырезать замысловатые фигурки из бумаги и фольги).

VIII

Случай с «чайником» повторился.

Вновь все случилось под вечер, когда начало темнеть. Скамейка в глухой части бульвара. Снова «малыш», то есть Серега, первый заводил «чайника». Потом наваливались гуртом, а в это время Валера, изловчившись, хватал сумку и «лопатник». Дружно убегали. Сделав круг, возвращались в «Кубрик». Все тяжело дышали.

Сережа, еще не отдышавшись, сказал, опустив голову: «А то ли мы делаем, ребята? Как-то стыдно...»

Все враз замолчали.

Но тут взорвался Валера: «Эх ты, хлюпик. Чистоплюй».

Валера перешел на крик:

– Это тебе можно разводить всякие морали и нежности. Ты из богатенькой семейки. Твой папаня вон какие премии отхватывает («Какие “премии”?» – про себя удивился Сережа). А мы – беднота. С нами должны делиться. А если не делятся, сами свою дольку можем взять.

Валера поостыл. Что-то сказал одному из своих верных оруженосцев, а попросту говоря, своей «шестерке», Кольке (он уже имел несколько приводов в милицию), что-то дал ему в руку, и тот убежал.

Вскоре Колька вернулся. Принес бутылку водки, яблок, печенья, конфет.

– Ну что, с успехом! Давайте по маленькой, – сказал Валера.

Разлили по черепушкам, баночкам. «Ладно, – подумал Сережа, – не буду сейчас больше спорить. Попробую. Потом – посмотрим».

Водка обожгла горло, огнем прошла по всему телу. Вместе с волной жара помутилась и закружилась голова.

Сережа потом плохо помнил, как спустился на свой этаж, осталось в памяти лишь то, что где-то на лестнице его вырвало и что открыл своим ключом дверь, крикнул родителям (они были на кухне): «Я задержался на секции. Ужинал в школе. Пошел спать».

Потом проскользнул в свою комнату и, сбросив ботинки, залез под одеяло. Упал в сон и сразу отрубился.

Прозрение

I

Как-то, когда еще была теплая золотистая осень, рядом с Сережей, ожидавшим по дороге домой из школы «зеленого» сигнала на переходе улицы, остановилась машина-иномарка. Водитель, чернобровый, с пышной черной бородкой дядя, высунулся из машины и сказал: «Здравствуй, Сережа. Я твой сосед из другого подъезда. Садись – я тебя доброшу до дома».

Как не воспользоваться такой удачей! Машина – прелесть, все блестит, катит бесшумно. Несколько лихих поворотов по переулкам, и ты дома.

Через несколько дней история повторилась. Машина даже оказалась около крыльца школы. Водитель только открыл дверцу, как Се-

режа без особого приглашения – прыг в салон. Сказал только дяде (как же все-таки его зовут?): «Спасибо».

И опять – прошли какие-то минуты, лихие повороты, и ты у дверей дома. Вот здорово!

«А ведь есть все-таки хорошие дяди, – думал Сережа. – Не все только ворчат, делают замечания и все время поучают. И что это мама с папой вцепились в Наташку? Только и слышишь их поучения. Ни в коем случае, видите ли, не садись в чужие машины. Ясно – все это стариновские или девчоночьи страхи, мнительность какая-то болезненная. Жизни они не знают. Вот бы встретили “моего” дядю с черной бородкой. По-другому заговорили бы».

В тот день (кажется, в пятницу) после уроков Сережа собирался пойти на первое занятие в секцию по тяжелой атлетике (может, допустят все-таки? Хотя папа вчера вечером снова ворчал: «Что это за тяжелая атлетика для малышей?»). Но в это время он заметил через окно, что «его» иномарка стоит недалеко от школы. Сережа, поколебавшись с минуту-другую и вспомнив предупреждение Геннадия Петровича («Наверное, не возьмут») и ворчание отца («Что это за...»), махнул рукой, побежал вниз в раздевалку, а потом стремглав – на улицу.

Действительно, стояла «его» машина и даже дверца в салон была уже открыта.

Сережа поздоровался и прыгнул в машину. Водитель с черной бородкой сказал только: «Ты, Сережа, не возражаешь – я сначала заброшу тебя домой, а потом мне нужно довести товарища до вокзала; так что у тебя сегодня сосед».

Только тогда Сережа заметил, что рядом с ним, в углу салона, сидит пассажир в черной вязаной шапочке, старательно читающий газету (и потому лица его не было видно).

Сережа ответил: «Пожалуйста. Какой разговор (чуть было не сказал “какой базар”, как говорил Валера)».

Пассажир из-под газеты пробурчал что-то неясное. И машина тронулась с места – сразу на скорости. Только она не помчалась переулками, как раньше, а тут же выскочила на шоссе. И все время набирала ход.

– Дядя, дядя, – закричал Сережа, – мы наш дом проскочили. Вон он, остался сзади.

– Молчи, шенок, – услышал Сережа шипящий, глухой голос соседа. Газета была уже отброшена, а черная шапочка натянута на лицо, остались только маленькие прорезы для глаз – маска.

Сосед в маске всем своим телом навалился на Сережу, и он в тот же миг почувствовал, как мокрая тряпка с чем-то остропахучим плотно прижалась к его лицу. Все закружилось. Весь мир исчез.

II

Сережа очнулся в полной темноте. Болела, раскалываясь на части, голова. От сухости и жажды слипалось во рту.

Лежал он одетый на матрасе. Потрогал рукой — матрас на полу. С одной стороны и за спиной дощатые стены из неструганых досок. С другой стороны матраса нащупал табуретку, на ней — ура! — кружка с водой. Осушил кружку залпом. Стало чуточку легче — только по-прежнему болела голова и во рту — противная горечь. И чем-то нестерпимо острым и противным пахло из-под пола — хоть нос зажимай.

«Каземат», — сразу же определил свое местопребывание Сережа. И от того, что назвал свое местопребывание «казематом», почему-то стало легче. Как Монте-Кристо. Приключение!

Внезапно вспыхнула тусклая лампочка над дверью, заключенная в решетчатый колпак. И тут же звякнуло что-то металлическое за дверью (засов?), и дверь открылась.

Вошли трое. Все — в черных масках. Один явно тот, кто сидел рядом с ним в машине. Другой — высокий, плечистый. Третий — маленький, вертлявый, старающийся не выходить из-за спины первых двух и не издавший за все время ни звука («Чем-то он мне знаком, — подумал Сережа. — Не “хороший” ли это дядя? Да нет, тот выше и солиднее...»).

«Высокий» сказал: «Придется тебе, парень, побыть тут малость. Уж больно твой папаня оказался тупым и несговорчивым». «Правда?» — спросил он третьего. Тот молча кивнул.

— Плохо понимает он, твой папаня, что может быть и хуже, намного хуже, — продолжал «Высокий». — Выбраться отсюда не пытайся — тут все глухо.

— Может, приковать? — сказал былой Сережин попутчик.

— Не нужно, проверено, да что он может сделать, младенчик еще. Детский сад. Жратвы кое-какой (это уже Сереже) будем тебе давать, водички. Пока сиди и жди. Может, придется письмишко жалостливое нацарапать.

После этих слов «Высокого» все вышли. За дверью вновь звякнуло что-то металлическое. Дверь оказалась плотно закрытой, прижатой к косяку, Сережа соскочил с матраса, проверил.

Через некоторое время дверь снова открылась. Вошла женщина (тоже в маске. Надо же!). Принесла глубокую алюминиевую миску с несколькими холодными картофелинами в мундире, кусок хлеба, на дне миски — щепотка соли. Налила в кружку из кувшина воды.

От женщины несло густым перегаром водки. Она, ни слова не говоря, постояла с минутку, потом зачем-то потрепала Сережу по голове и быстро вышла. Вновь за дверью звякнуло что-то металлическое. Явно засов с замком, — уже твердо определил Сережа.

III

Сережа попытался заснуть. Но было холодно («Вечер, что ли, наступает?»), а укрыться нечем. Тогда Сережа лег на самый верх матраца, свернулся калачиком и попытался нижнюю часть матраца натянуть на себя. Удалось. Стало теплее, и Сережа начал засыпать. Или — просто тревожно дремать. С какими-то видениями, воспоминаниями.

Вновь, чуть ли не в деталях, привиделся Монте-Кристо. Сквозь дрему подумалось: «Вот он умел драться, мог биться до конца и победил!»

Только-только мелькнула у Сережи эта мысль, как он тотчас же вскочил на ноги. «А почему, собственно, я сейчас-то сдаюсь? Ну, лопух, как говорят наши пацаны. Вообразил себе хорошего дядю, поддался соблазнам, размазня эдакая (он вспомнил одно из крепких выражений Валеры). Иначе и не скажешь, не выразишь своего положения. Так что — теперь навсегда лопухом и размазней останусь? Нет уж, не на того напали!»

IV

Сережа чуть ли не вслух сказал: «Будем драться! Но сначала надо бежать. И бежать немедленно. Сейчас, кажется, вечер. До утра, наверное, никто не придет. Бежать! Но как?»

Сначала Сережа стал проверять на крепость доски — одну за другой. На одной стене. На другой. На третьей, четвертой. Нет. Все, действительно, наглухо прибито гвоздями многократно, доски, видимо, с пазами. Вагонка. Встав на табуретку, присмотрелся к потолку. Ни щелочки. Все глухо.

Посмотрим пол. Свежие доски. Но плинтусов, крепящих доски пола к стенам, нет.

Начал с дальнего края. Вновь Сережа прошел доска за доской. Все глухо. Крепко прибито к балкам или сваям, которые под полом.

И вдруг крайняя доска (которая одним концом – под матрацем) шелохнулась. Сережа стал ее раскачивать. Вот образовалась щелочка (вонь усилилась. Что там было? Свинарник, что ли?). Теперь можно просунуть руку, попытаться приподнять доску. Доска слегка закрипела, чуть дрогнула. А сейчас уже можно просунуть в щель ножку табуретки. Доска с одной стороны со скрипом приподнялась.

Сережа нащупал рукой под доской чурбачок, закрепил им доску в приподнятом виде, вывинтил из поднятого ее конца гвоздь. И тут же взялся за вторую доску, которую уже можно было поднимать с одного конца обеими руками. Приподнял, а потом закрепил и ее.

Теперь – ура! – в образовавшуюся широкую щель можно было уже пролезть.

Сережа скинул с себя верхнюю одежду, кеды и носки, остался в майке и трусах и после этого стал продираться, порой извиваясь змейкой, через низкое подполье, по вонючей грязи вдоль одной из балок. Когда Сережа уткнулся головой в землю, он стал быстро-быстро выцарапывать землю, небольшие камешки. Вновь преграда – трухлявая доска, которая, впрочем, сразу же от первого удара кулака надломилась. Еще небольшое усилие, и Сережа сначала высунул голову. А потом и весь выскочил – вырвался из постройки-сарая, которая оказалась вторым пристроем к деревянному дому в большом крытом дворе. И верно – пристрой закрыт металлическим засовом с замком.

Судя по всему, действительно, был уже вечер – сквозь щели крытого двора просачивался, постепенно угасая, тусклый, сумеречный свет.

Сережа огляделся. Сам дом с высоким крыльцом. Еще один пристрой, ближе к дому, наверное, коровник (хотя оттуда – ни звука). Железный гараж в дальнем конце двора. Ворота, перекрытые балкой и запертые висячим замком. Настоящая крепость.

А как же попасть наружу?

Может быть, через чердак дома, куда вела длинная лестница, стоящая рядом с крыльцом? Сережа осторожно, то и дело оглядываясь, поднялся по лестнице на чердак. Сначала, казалось, весь чердак забит сеном. Но когда Сережа пробрался дальше, то за невысокой дощатой перегородкой перед ним открылась «чистая» часть чердака, аккуратно прибранная, с люком посередине и – вот удача! – с окошком в конце.

Люк был приоткрыт, из него выбивался довольно яркий свет. Пришлось идти осторожно, на носочках. Сережа подкрался к окну и – вновь удача! – окно, запертое на деревянную защелку, открывалось. Внизу, на земле – горка сена, можно спрыгнуть.

Теперь – скорее, скорее обратно в пристрой. Нужно одеться, замести следы.

Пробираться обратно в «каземат» было трудно. Лаз в подполье рядом с балкой стал как будто еще уже, теснее, все время думалось о том, не захлопнулись ли доски. Но все было в порядке.

Сереза оделся. Засунул в карман куртки остатки еды из миски. Потом прикрыл то место, в котором был у него лаз, матрацем, сначала подлез под матрац и лишь затем в кромешной темноте протиснулся в подполье. Тут он выдернул чурбачки, державшие доски в приподнятом состоянии, те грохнули на свое старое место, а Сереза кое-как (одежда! темень!) пробрался к выходу из лаза. Снаружи он выправил сломанную им доску и все это засыпал землей, вровень с земляной насыпью.

На чердаке, к его удивлению, щель в люке увеличилась. Наверное, сюда недавно снова поднимались (ага! Понятно почему – рядом с люком стояла большая коробка с вином). Сереза уже было совсем прокрался к окошку около люка, как вдруг услышал снизу, из комнаты дома голос, который заставил его не только остановиться, но и лечь около люка.

Комната через щель люка была видна отлично. И был слышен весь разговор до единого слова. Сереза сначала слушал, стараясь запомнить каждое слово. Но потом вдруг, как пружинку, его вскинуло на ноги, и он торопливо прокрался к окну, открыл его, нашел ниже окна небольшую приступку, выбрался на нее, а затем, плотно прикрыв створки окна снаружи, выпрыгнул на землю, на сено.

Сейчас – вперед, только вперед, подальше от этого страшного, проклятого дома.

V

Что же заставило Серезу остановиться около люка на чердаке, подсматривать за людьми, находящимися внизу, в комнате дома, прислушаться к их разговору? А потом внезапно торопливо продолжить бегство?

Голос. Да, голос – голос Валеры.

Когда Сереза посмотрел в щель полузакрытого люка, он убедился – среди сидящих за столом похитителей, да нет, не просто похитителей – бандитов (Сереза уже без колебаний стал называть увиденных им людей «бандитами»), был заводила всей их дружной компании из «Кубрика» – Валера. И вертлявый парень в маске, который захо-

дил в «каземат», — тоже, ясно же, был Валера. Тот, который в «Кубрике» беспрестанно говорил пацанам о том, что каждого предателя надо «размазывать по стенке». Тот, который уже сделал — да, уже сделал! — Сережу, чего скрывать, своим пособником, соучастником в расправах с «чайниками». Валера, который твердил и твердил о нерушимой «дружбе пацанов». И песни пел такие, что завораживали всех ребят. Сережу — особенно.

За столом было еще (и все, понятно, без масок) несколько человек. «Добрый» дядя, чернобровый сосед на автомашине, правда, без бороды. «Высокий», который вел себя как хозяин дома. И вообще — как главарь всего этого сборища.

А разговор за столом шел в общем о нем, о Сереже.

«Высокий» говорил:

— Я уже звонил этому фрукту несколько раз. Ни в какую! Хотя деньги-то мизерные, только премия. А он, подлюга, не только привлек ментов, но и каких-то своих друзей, туристов-альпинистов. Они, как сообщил наш верный человек оттуда, на какой-то «след» вышли. Вот пакостные люди.

— Ну, падла! — отозвался Валера.

— Надо будет, — сказал чернобровый, — этого выкормыша приковать, снять на фотку и послать ее папане с предупреждением, срок — 24 часа. Пообещаем, что будем отрезать «лишние части» и отправлять их милому папочке.

— А может, сейчас сходить, заковать его? — спросил Валера.

После этих слов, не дослушав до конца разговор, Сережа вскочил на ноги и стал выбираться из дома.

VI

От дома с «казематом» вела только одна наезженная дорога. Проселочная, но накатанная, ровная. По ней и побежал Сережа, переходя местами, особенно на подъемах, на быстрый шаг. Кругом был темный, глухой лес, но страха после всего пережитого у Сережи не было. Не устать бы только, хватило бы сил. Уже с этим свинарником намаялся до предела. Благо в кармане куртки есть картофелина и кусочек хлеба.

Проселочная дорога вывела на широкое шоссе. В какую же сторону идти? Ага, вот с этой стороны над горизонтом виднеется тусклое зарево. Значит, там — город. И значит — туда! Сережа быстрым шагом — так, как учили в школе на уроках физкультуры, — двинулся вперед. К свету.

И действительно, уже с ближайшего пригорка стали видны вереницы огней. Чуть дальше появились какие-то строения, здание с высокой дымящейся трубой. К зданию с высокой трубой от шоссе тянулась дорога. Сережа свернул с шоссе и быстро-быстро пошел по ней («Попробуйте найдите меня теперь, бандюги проклятые», – сказал про себя Сережа).

Не доходя до здания с трубой, Сережа заметил в овраге небольшой костер. Скользя по траве и глине, он спустился в овраг, к костру. Вокруг костра сидело около десятка ребят примерно его возраста (или чуть постарше, хотя что тут можно разобрать?). Двое парней длинной палкой ворошили угли в костре. Оттуда шел аромат печеной картошки.

– Ты кто? – спросили Сережу, когда он подошел к костру. Сережа решил ничего не врать, не придумывать.

– Да вот, сбежал от похитителей. За выкуп, наверное, захватили, – ответил Сережа и махнул рукой вдоль шоссе, в сторону дома с «казематом».

– А-а, – сказал один из парней, – это Иваново урочище. Там – «Логово». Знаем. Молодец, что смог удрать. А мы вот картошку печем, накопили на поле. Хочешь одну?

В то время когда Сережа, обжигаясь, перебрасывал горячую картофелину с руки на руку, ногтями сдирая с нее обуглившуюся кожуру, парень продолжал:

– А вот нас называют «беспризорниками». Конечно, мы разные. Есть всякие. Мы же вот – просто вольные детки, которым дома жить было уже невмоготу. Да и время сейчас такое – все в раздрае, никуда не приткнешься. Промышляем чем можем. Иногда – везет. Иногда, чего врать, – срываемся.

– Вот девочкам нашим, – продолжал парень, – достается (Сережа разглядел у костра, на бревнышке, троих девочек, они сидели, прижавшись друг к другу, и не поднимали глаз). С ними хотели, как водится, потешиться. А потом – в помойный ящик. Пришлось встать «под крышу», кстати, кто-то из «Логова» их пасет, ходят на вокзал, к пьяным мужикам. Тоже надо что-то делать – куда-то бежать, наверное.

Ребята, сидящие у костра, наклонились друг к другу, пошептались, и парень, который рассказывал, скомандовал:

– Тушим костер. Надо уходить. А то мужики с «Логова» могут нагрнуть. Они никого не прощают. Особо страшен Валера – дикий, зверь, а не человек. Пойдем в дальнюю «тепушку». О ней никто не знает. Там сегодня, кажется, Семен дежурит – он хоро-

ший, пустит. А ты с нами переночуешь (эти слова были уже обращены к Сереже), а утром электричкой из поселка в город, тут всего четыре остановки.

VII

«Теплушкой» оказалась небольшая дощатая кладовка в поселковой котельной. Там было, действительно, очень тепло — и впрямь «теплушка». Дежурный кочегар, Семен, сказал:

— Ну, ладно, ребятки, пользуйтесь. Мои внучата точно такие же, только чистенькие.

Ребята попросили у Семена ведро, нацедили в него мутной теплой воды и, выйдя на улицу, поплескались прямо из ведра, помыли руки, лицо. В только что темно-серых фигурках, сливавшихся с вечерней темнотой, высветились белые кружочки детских лиц.

— Как лики небесные, — сказал, выйдя во двор, Семен. Наверное, выпил, но говорит как-то хорошо. Добавил с горечью: «...из ада только-только выбравшиеся. Какая же жизнь проклятушая».

В углу «теплушки» лежало два полотнища брезента, свернутые в скатки. Одну из скаток ребята развернули по всему полу, подложив под брезент какие-то ветхие тряпицы, — получилась общая лежанка.

— А второй брезент — наше одеяло, — пояснил кто-то из ребят.

Семен принес большой закопченный чайник с кипятком, выгреб из кармана пригоршню карамели. Сказал: «Попейте горяченького, ребятки».

Появились кружки, пустые консервные банки. Обжигаясь кипятком, попили «чай». Каждому досталось по полторы карамельки.

Потом выключили свет и дружно залезли под «одеяло» — второй брезент. Место Сережи оказалось с краю, у входной двери. С другого края — девочки.

Под «одеялом» все, чуть ли не в один и тот же миг дружно засопели — заснули. Начал засыпать и Сережа. Но только он стал погружаться в сон, как почувствовал прижавшееся к нему хрупкое и теплое девичье тельце. «Не бойся, — услышал шепот девочки Сережа, — это я, Лена. Возьми, пожалуйста, меня с собой. Я не могу ходить на вокзал. И вообще — не могу. Возьми, пожалуйста. Иначе хоть прямо к Семёну, в топку».

Сереже от чего-то стало очень страшно. Может быть, от того, что он живо представил девочку, сгорающую в топке котельной. Или — девочку на вокзале...

Он сказал: «Ладно. Утром решим» (хотя про себя уже решил — «возьму»). И тотчас же, согретый с двух сторон ребячьими телами и спокойный в своем решении о Лене, провалился в сон...

Утром его разбудил парень, который вчера обо всем рассказывал (наверное — старший в команде). Он сказал: «Возьми Лену. Она не выдержит».

Он дал Сереже и Лене по куску хлеба. Сережа и Лена выпили по кружке теплой воды из чайника и бегом на электричку. Она отходила минут через пятнадцать. И ходу до нее было столько же. Так что — не до разговоров.

VIII

В электричке Сереже и Лене, спасаясь от контролеров, пришлось перебежать из вагона в вагон. Но вот и город. А вот на вокзальной площади и трамвай, который останавливается как раз около Сережиного дома.

На остановке Сережа зашел в булочную, в которой он был чуть ли ни ежедневно и где его хорошо знали, и попросил продавца: «Разрешите, пожалуйста, позвонить по вашему телефону. Очень срочно».

— Иди, вон там, за той стойкой, на столике.

Сережа набрал свой домашний номер. В трубке раздался тревожный, хриплый голос отца: «Кто это? Кто?»

Сережа сказал:

— Папа, это я. Я освободился. Не волнуйся и ничего не спрашивай. Приоткрой только дверь и будь в коридоре. Лучше не один. Я скоро буду.

Папа начал что-то громко и быстро говорить, но Сережа уже опустил трубку на рычаг. Ему не надо никаких советов. Он все сделает сам.

Около дома он сразу заметил Валеркину «шестерку» — Кольку.

Сережа, остановив рукой Лену («стой»), незаметно подкрался к Кольке и внезапно вырос прямо перед его лицом. Сережа выдавил из себя — откуда что берется? — гортанными звуками: «Ты меня не видел. Беги отсюда! Убью, падла!»

И в словах, а еще больше — в пожелтевших глазах Сережи было нечто такое, что заставило Кольку, действительно, посланного Валерой предупредить о приходе беглеца, тотчас же стремглав побежать в сквер и куда-то дальше, за кусты.

Значит, Валера — тут. Решил перехватить. Посмотрим.

Сережа подвел Лену к скамейке, попросил: «Посиди тут немного. Никуда без меня не уходи».

А сам пулей в дверь, в лифт — девятый этаж.

Сереза намеренно оставил дверь на чердак открытой. Потом мелкими, осторожными шажками подкрался к «Кубрику». Валера, действительно, был там.

Сереза внезапно, одним рывком рванул дверь. И тут же, не медля ни мгновения, с налета бросился на стоящего Валеру. С лета же ударил его — как был научен — калганом (то есть головой, верхушкой черепа, снизу вверх) в подбородок. И когда тот откинулся резко назад, сцепился с силой ногтями прямо в лицо. А после того, как этот мерзкий оборотень свалился на пол, Сереза бил и бил его головой о деревянный настил. И все время громко кричал: «Папа! Папа! Сюда! Сюда!»

Папа появился мгновенно. Он, видно, стоял за приоткрытой дверью квартиры, которую отделял от чердака всего один этаж, и ожидал чего-то такого. Прислушивался. С папой был еще один человек, в штатском. Дядя Слава, папин сотоварищ по былым туристским походам, — умница, здоровяк, в свое время десятиборец. Они мигом связали руки и ноги Валеры гибкой оголенной проволокой. А вскоре появились и сотрудники милиции — звякнули наручники.

Капитан милиции сказал: «Всем оставаться дома. Пока мы не возьмем всю банду. Место мы примерно знаем. Может, ты нам поможешь, Зюзев?»

Валера молчал. Низко опустил голову. Конечно, теперь надо спасаться, срок хотя бы соскочить. Но ведь и мужики из «Логова» не прощают. Везде — клин. Не выкрутишься.

IX

Только оказавшись в своей квартире, Сереза вспомнил о Лене. И то не сразу. Уже сидели за столом на кухне — папа, дядя Слава, он — Сереза. И только тогда, когда появилась мама со стопкой белья в руках и со словами: «Сереза, скорее-скорее в ванную», только тогда он вспомнил о Лене, оставленной им на скамейке у подъезда.

Сереза сказал: «Я сейчас спущусь. Приведу девочку, Лену. Ребята, которые мне помогли выбраться, просили ее приютить. И она просила очень».

Все вдруг замолчали. Замерли. Ни слова.

А Сереза, не дожидаясь отклика родителей, еще раз сказал: «Я сейчас ее приведу».

Сереза не знал, какой разговор был в те немногие минуты, когда его не было. Лишь спустя годы в какой-то веселый час мама призналась, обращаясь в Лене:

— А ты знаешь, твоим крестным отцом является дядя Слава. Когда мы в то время засомневались («Мягко говоря», — добавил папа), дядя Слава сказал: «Если вы не согласитесь с Сережкой, он уйдет от вас» (Сережа, узнав об этом, подтвердил: «Да, ушел бы сразу к ребятам, в котельную»).

И когда ребята пришли, мама, держа в руках какое-то бельишко и большое махровое полотенце, встретила Лену как хорошо знакомую девочку: «Леночка, здравствуй. Быстро в ванную, ты первая. Сережа уже умеет уступать девочкам».

К полудню Леночка оказалась постриженной наголо. От нее, несмотря на мамины духи, шел отчетливый запах керосина, распространились какие-то аптечные флюиды. Сережа за столом стал было крутить носом, мама легонечко хлестнула его по затылку.

Мама сбегала в магазин, купила Лене несколько платящих, вязаную шапочку, ботинки, пальтишко, какое-то девчоночье белье. Папа несколько позже договорился в милиции о «регистрации» (так называли старорежимную «прописку»), а в школе — о зачислении Лены в первый класс («Догонит», — сказал папа директору).

Перед тем, как уйти домой, дядя Слава отозвал Сережу в другую комнату.

Усадил его на стул и, присев перед ним на корточки, сказал:

— Ты, конечно, молодец. И от ярости в таком положении, в каком ты оказался, никуда не уйдешь. Ее все проходят, как и мальчишеские кулачки. В разном виде и с разными последствиями, правда. Хотя от твоей скоропалительности, настроя на то, что «я сам», — продолжал дядя Слава, — все могло сорваться. И от всего этого, как и от драк (если они остаются и во взрослости), вообще люди гибнут. Но с годами, если ты останешься настоящим человеком, ты начнешь понимать, что это у нас от далекого прошлого, порой еще звериного. Или от литературы, от Монте-Кристо («Как угадал?» — подумал Сережа), хотя сейчас — другое время и без «ментов» не обойтись. Главное здесь — самому все преодолеть. Самое же замечательное, человеческое и божеское, что сейчас произошло и что ты, да и твои родители сделали, — это Лена. Тут уж вы сами себя в чем-то очень важном победили. Молодцы! Запомни, малыш, мои слова.

К счастью, ничего печального не произошло.

Даже — наоборот. Уже к концу учебного года Лена звала родителей Сережи «папой» и «мамой», а они ее «дочкой».

Сережа как-то ненароком услышал обрывок разговора родителей. Папа говорил: «...у нее, у Лены, на удивление, прекрасный математический ум. Редкостный...»

— А у меня какой? — спросил себя Сережа.

И сам ответил: «Наверное, просто человеческий». И тут же вдогонку подбодрил себя: «Что совсем неплохо».

А ведь и правда — совсем неплохо.

Марина

Первая попытка

I

К концу девятого класса Марина почувствовала, что она находится в тупике. По всем статьям, какую ни возьми.

Вдруг перестали интересовать все предметы. Буквально все. Даже, казалось бы, самые престижные — физика, биология, психология, которую ввели в этом году.

Многое было известно. То же телевидение — уже поведало о новейших открытиях и гипотезах, но не тех, о которых рассказывают учителя и о которых написано в учебниках. И в обществе как будто бы все успокоилось, «стабилизировалось», как говорят, — можно не напрягаться, спокойно заниматься тем, что тебе интересно.

Выдохся интерес и к спортивным секциям, как их называли в школе. И здесь немало еще с детства, чуть ли не с садика, было освоено. Тем более что тренеры были озабочены в основном поисками «перспективных». Упорно гоняли по разным упражнениям, присматривались, отыскивали «будущих олимпийцев». Им все внимание. Правда, освоила еще несколько новых приемов борьбы, жестких приемов сопротивления, — может пригодиться на наших беспокойных улицах. В плавании повысила класс по своему любимому «брассу», а вот «бабочка» никак не шла. Тренер махнул рукой — иди плавай просто так.

Что-то надорвалось в отношениях с девочками в классе. Те все больше начали суетиться насчет «мальчиков», кучковаться по новым интересам — вечеринки, дискотеки, кафе. Кое-кто стал покуривать. А некоторые всем своим видом показывали, что уже перешагнули черту, отведали. Было видно — да, перешагнули, отведали.

И тут Марина вспомнила — как только родители встретятся со старыми друзьями, да еще примут горячительного, они не только буквально заходятся в своих старомодных туристских песнях (впрочем, действительно, красивых, многие из них Марина невольно запомнила),

но и беспрестанно твердят о том, что самое счастливое время в жизни — это школьные и студенческие туристские походы: восхождения, сплавы, песни у костра. Когда несколько раз выходили «на природу», действительно, было здорово — шумно, весело, слажено — мечта.

А почему у нас этого нет? Может быть, попытаться?

II

В субботу, перед последним уроком, когда «физичка» еще не пришла, но все уже утихомирились, Марина поднялась с места и громко сказала: «Ребята! Есть предложение — в воскресенье сходить в поход. На “Скалы”. Сбор — на платформе “Огородная” завтра, в 8.30 утра. С собой — бутерброды».

Класс было зашумел, но тут вошла «физичка», начался урок.

Вечером в субботу дома были сборы. Папа, когда узнал, что Марина идет в поход, обрадовался несказанно, крикнул маме: «Твой рюкзак потребовался Марине, она — молодец! — пойдет в поход».

Родители быстро оснастили дочку всем необходимым из своего бывшего снаряжения — небольшой топорик, складной нож, крючья для костра, ведро, широкая подстилка, целлофан, ну и, конечно, продовольственные припасы — чай для заварки, сахар, батон. Мама быстро напекла пирожков.

— Молодец, Марина, — еще раз сказал папа.

— Ты уж все хозяйство возьми на себя, — добавила мама. — Не забудь песенник.

Марина поподробнее выпросила у родителей дорогу до «Скал». Начертила с помощью папы схему.

На платформу пришли только четыре девочки. Подружка Марины, ее соседка по парте — Вика. Сестры-близняшки Смирновы. Да их знакомая по дому, из другой школы.

— Ничего, все равно пойдём. Берем билеты до «Осиновики», оттуда всего четыре км до «Скал», — скомандовала, не подавая вида, что огорчилась, Марина.

Электричка была набита битком — в основном огородники, садоводы. Но с каждой остановкой народу становилось все меньше. Наконец, когда до «Осиновики» оставалось всего три-четыре остановки, в вагоне Марины группа оказалась чуть ли не одна, если не считать кучки молодежи на другом конце вагона, как видно по всему, из ближайшего поселка, наверное, «Рудного», возвращавшейся, надо полагать, с какого-то городского вечерне-ночного шоу. Ребята, кажется,

уже приняли пивка, весело, на весь вагон делились впечатлениями (в основном о «телках»), то и дело взрываясь дружным смехом. Неожиданно один из них заметил девочек.

— Братцы, да здесь выводок писанных красавиц! — воскликнул он. — Вот кому мы, наверняка, нужны.

Ребята разом пересели к Мариной группе. Посыпались назойливые вопросы: «Вы куда, девочки? Небось на “Скалы”? А проводники вам не нужны? Лучше не найдете. Да и мест укромных вы не знаете. Придется нам помогать ближнему...»

Девочки, до того болтавшие о всякой ерунде и о мелькавшей за окном природе, замолчали. Напряглись. Стало не по себе. Ощутили холодок опасности. Все они разом повернулись к окнам, — их интересует только природа.

— А вы нами не брезгуйте. Все всегда были очень даже довольны. И для вас будут удовольствия, — хохотнули парни.

«Ничего, — думала Марина, следующая остановка уже наша. А эти молодцы из поселка проедут наверняка дальше».

Ничуть не бывало. Только Марины группа сошла на перрон, как парни выпрыгнули вслед.

Тогда Марина, увидев на перроне скучающего милиционера, а рядом с ним длинную станционную скамейку, переглянулась с подружками и громко (так, чтобы слышали парни) сказала, рискнув на откровенное вранье: «Будем дожидаться наших ребят. Наверное, они устали после соревнований, не все сразу собрались. Подождем».

И они расположились на скамейке. Несколько поодаль остановились и ребята, сбились в кружочек, делая вид, что у них свои дела.

Так прошло некоторое время. Из города пришла следующая электричка. С нее никто не сошел, никаких «ребят». Парни хохотнули, один из них бодро подошел к скамейке, присел рядом с Мариной. Как бы невзначай его рука легла на Марино плечо. Она еле заметным движением плеча сбросила руку и тут же мгновенно резко сжала ее в запястье, как учили в секции, чуть-чуть с изгибом «против стрелки». Парень застонал от боли. Вскочил со скамейки и тут же scomандовал: «Пацаны, домой! Здесь — “динамо” детсадовское».

В это время из города подошла еще одна электричка, парни, не раздумывая, заскочили в ближайший вагон.

А тут подоспела и электричка, идущая в город. Девочки, не сговариваясь, сели в нее.

Наступило радостное облегчение людей, только-только избежавших беду. Съели все до единого пирожки, испеченные Мариной мамой.

Говорить ни о чем другом, кроме как о погоде и о прекрасной природе, мелькавшей за окном, не хотелось. О произошедшем — ни слова, будто бы ничего и не было.

В школе на вопросы о походе отмалчивались: «Так. Ничего».

III

Вика, школьная подруга Марины, где-то пропадала всю большую перемену. Даже в столовке ее не было. Запыхавшись, прибежала к началу следующего урока и сразу шепотом Марине: «Есть новость». А затем во время урока, не отрывая глаз от учителя, еле шевеля губами (этой «техникой» они с Мариной прекрасно овладели к девятому классу) рассказала, что в «десятом» есть прекрасная, пусть и по «слухам», туристская группа (весной — сплав по порогам, летом — в горы, зимой — в тундру, каждую субботу-воскресенье однодневный поход с ночевкой). Ребята там знают о Марине, да Вика кое-что рассказала. Они готовы, пока в порядке испытания, принять Марину.

— После уроков я сведу тебя с ними, — пообещала Вика.

Выйдя из школы, Вика вместе с Мариной подошла к одной из скамеек, плотно занятой ребятами из десятого, и уже издали окликнула: «Витя, можно тебя на минутку?» Лениво поднялся один из сидящих — высокий и худой очкарик. Все другие ребята, оторвавшись от разговора, за мгновение-другое довольно откровенно «просмотрели девочек» (то есть, понятно, в основном Марину) и вновь углубились в свои дела.

— Вот Марина, о которой я тебе говорила, — сказала Вика, — а это Витя, один из главных походников («Ничего себе, главный походник, — про себя усмехнулась Марина, — скелет в очках»). «Скелет в очках» тоже чему-то усмехнулся и лениво сказал: «Ладно, посмотрим. В четверг после уроков зайдем к Олегу. Настройся на воскресную однодневку с ночевкой».

IV

Когда в четверг Марина вышла из школы, Витя уже поджидал ее.

— Олег немного задерживается, — сказал он. — Все. Пошли в его хоромы. Там хоть пообедаем.

Дом Олега был недалеко от школы. Это был дом какой-то очень старой застройки, кажется, еще сталинской, шестиэтажный, с облез-

лыми колоннами, с высокими потолками и широкими коридорами, в свое время импозантный, но ныне — запущенный, с отпадающей штукатуркой, грязными лестницами. Большинство из таких домов было уже снесено или перестроено, на их месте возвышались новые дома, а вот эта, нелепая, с обветшалым фасадом шестиэтажка по какой-то причине осталась. В ней и жила семья «предводителя» туристской группы Олега.

По широкой лестнице Марина с Виктором поднялись на четвертый этаж. На массивной двери квартиры на картонке начертано — «Входите». Виктор, не постучав, плечом открыл дверь и сразу громко крикнул: «Мы тута. Принимайте гостей». И из глубины квартиры кто-то весело откликнулся: «И мы тута. Все на кухню» («Это — хозяин. Олег Олегович, “ОО” сокращенно», — пояснил Витя).

Весь пол был устлан домоткаными половиками. Большой плакат — «Территория Свободы». Ребята скинули обувь, остались в одних носках и как-то быстро («бегом») оказались на кухне. Там уже было полно народу. Хозяева — веселый толстячок Олег Олегович, молчаливая хозяйка-хлопотунья, вся в кухонных делах, — Нина Ивановна, готовая накормить любого, кто оказывался на кухне или вообще в квартире. Уже пришли ребята из туристской группы — две рослые девицы, Оля и Даша, несколько парней спортивного склада. На кухне новые плакаты, на холодильнике — «Свободный доступ», над столом — «Не проси добавки — бери все сам» и еще что-то в том же духе.

Марину и Виктора сразу же усадили за стол, налили по большой тарелке крепкого, со сметаной борща — вкуснотища! Под стук ложек Виктор полупшепотом ввел Марину в дух и стиль семьи Олега — так, к сведению (главный — сам Олег, его отец «ОО», то есть Олег Олегович, давно не работает, поссорился с кем-то в конструкторском бюро, но где-то деньжат добывает немало (все их носит с собой); на полную катушку работает на полуторных ставках Нина Ивановна, плюс ведет все домашнее хозяйство. Зато «ОО» — весельчак, балагур, умница, всеобщий любимец). Девушки от него без ума. Вот и сейчас под стук ложек «ОО» рассказывал Оле и Даше что-то очень веселое. Те, не отрываясь от борща, то и дело прыскают от смеха.

Мало-помалу подтянулись на кухню и другие походники. В том числе и «сам» Олег — высокий, статный, широкоплечий, с широко открытыми глазами, но почему-то с каким-то остановившимся мутным взглядом. Его взгляд на мгновение замер на Марине — по спине пробежали мурашки.

Через некоторое время Олег, молча протянув Нине Ивановне тарелку с недоеденным борщом, сказал: «Закончили базар. Будем решать походные дела».

Нина Ивановна тотчас же вышла из кухни. «ОО», собрав тарелки, примостился около мойки. Молчал. Потом как-то незаметно исчез. В коридоре хлопнула дверь.

— Итак, — начал Олег, — завтра идем в ночь. На скалы «Бараний лоб». Поезд (внимание — поезд, не электричка) отходит в 14.20. Берем все снаряжение по летней схеме. Рюкзаки — походные. Сбор, как всегда, на вокзале, у памятника. У кого какие дела в школе — отменить. Сбрасываемся по тридцать рэ. У кого сейчас нет с собой — записываем в долг. Или вон — у банкиров, — он криво улыбнулся, взглянул на Олю и Дашу. — Из родительских холодильников берем все стоящее. Все понятно?

Все было понятно.

Правда, у Марины с собой было только 10 рублей. Она подошла к Оле и Даше, которые вышли в коридор — курили:

— Девочки, не одолжите?

Оля достала из сумочки толстую пачку денег, протянула Марине: «Бери, сколько надо. А ты не хочешь пойти к “ОО” на посиделки? Ну, ладно — беги».

Мимо молча, не взглянув на девиц, прошла на кухню Нина Ивановна.

Марина была в восторге. Какая-то необычная, прекрасная семья. Весельчак «ОО». И так свободно во всем. Не то что наш домострой. И какой поход! Она где-то слышала, что поход проходят несколько раз. Первый раз — предвкушение. Так вот, предвкушение того похода, о котором говорил Олег, было необыкновенным. На поезде. В ночь. Неизвестные скалы. Какое счастье!

V

Сошли с поезда уже в подступающих сумерках. В группе 12 человек — 5 девочек, 7 парней. Все, кроме Марины, — десятиклассники. Вытянулись в цепочку. Впереди — Олег. Замыкающая — Оля.

Сначала бодро шли по проселочной дороге. Шаг в шаг. Привал строго через 50 минут. Потом, уже в сгустившихся сумерках, круто в гущу леса, по еле заметной в сумерках тропе. Начались болотистые, топкие места. Ноги то и дело соскальзывали в вязкую жижу. Все тяжелее становился рюкзак, как ни переставляй лямки, начали ныть пле-

чи. В рюкзаке у Марины, кроме спального мешка («Смотри, какой прекрасный – потяни молнию, и будет одеяло», – агитировала мама) и всяких других вещей, продуктов, еще палатка «серебрянка», которую еще в поезде молча бросил ей на колени Олег. Пришлось привязывать палатку поверх рюкзака.

Стемнело. К счастью, выбрались на сухие места, да к тому же – на просеку. Справа и слева темные стены леса, вверху искрятся звезды. Начался пологий, а затем довольно крутой подъем, потом – спуск, вновь подъем – спуск, – еще, еще. На вершине косогора – резкий поворот с просеки на тропу, а затем после короткого пологого спуска – большая поляна. Посередине ее – избушка.

– Все! Ночевка! Разбиваем лагерь!

Все с облегчением сбросили рюкзаки. Марина отнесла палатку Олега. Тот, не говоря ни слова, бросил ее к своему рюкзаку.

Вскоре в избушке загудела печка – железная бочка с длинной трубой. Рядом с избушкой уже полыхал костер, на нем два ведра (небольшой сруб с ключевой водой оказался рядом, прямо за избушкой).

– Сколько палаток будем ставить? – громко спросил Олег. – В избушке – не более пяти мест. – И пошутил: – Для комсостава и ценного снаряжения.

– Сколько? – переспросил Олег, – три? Давайте три.

И вот, выстроившись в ряд, поодаль от костра засеребрились три быстро поставленные ребятами «памирки», среди них – та, которую несла Марина.

– Можно мне в палатку, есть спальник. Можно? – спросила у Олега Марина.

– Забирайся в левую крайнюю, – разрешил Олег.

– Хорошо, – сказала Марина и бросила внутрь «левой крайней» свой рюкзак. И тут же удивилась: «Надо же! Да это же та палатка, которую я несла».

Не прошло и часа, как лагерь был готов. Ребята натащили к избушке гору лапника. Дымилась ведра, одно – с варевом (рис с тушенкой), другое – чай. Вокруг костра ребята прикатали толстые бревна – сиденья. «Вот это класс! Во всем высший класс!» – воскликнула Марина.

Когда расселись вокруг костра (рядом с Мариной оказался десятиклассник – маленькие глазки, массивная «бульдожья» челюсть. «Сашка», – как он представился), Олег неожиданно скомандовал: «Миски, котелки отложить. Собрать кружки».

Там, около костра, с кружками поколдовали и вновь раздали по лепечке.

— Чтобы не засохнуть! — провозгласил Олег. — Первую без речей и чоканий.

Парни дружно загоготали. Марина, как и все, не раздумывая, глотнула содержимое кружки. Горло обожгло огнем. Будто расплавленным металлом.

— Ты что? Не умеешь что ли? — всполошился Сашка.

— Да нет, все в порядке, — выдавила из себя Марина. Она вновь поднесла кружку к губам и тут же резким коротким движением, не меняя положения кружки, выплеснула ее содержимое за плечо. Потом взяла миски, свою и соседа, сбегала к ведрам, положила в миски по половнику риса с тушенкой (вкуснота!), а в свою кружку налила чаю. И когда один из парней вновь обходил костер с бутылкой, подливая в кружки, Марина говорила: «У меня уже налито».

В это время как-то очень быстро на небе появился гигантский (таких в городе не бывает) диск луны. И тут оказалось, что совсем рядом, чуть ли не прямо над поляной нависает чудовищный по размерам камень-скала — отполированный веками каменный массив (и впрямь «бараний лоб»). Да такой, что в ярком лунном свете он не только блестел слепящим сиянием, но и отражал лунные лучи, посылая их обратно то ли к Луне, то ли еще дальше, в неведомый Космос.

— Ребята, — неожиданно с восторгом воскликнула Марина, — смотрите, как кругом красиво! Давайте споем! Лучше всего Высоцкого или Якушеву. — И сама запела с расстановкой, как пели родители: «Вечер бродит по лесным дорожкам...»

Ее прервали: «Эй, малолетка, брось ты эту древность. Заведем — наше».

Вокруг костра уже вовсю гудели: «Давайте наше». И вот сразу с двух сторон раздалось нестройное громкое пение. На одной: «По дороге колымского края...» На другой: «Приходи ко мне на ночку — на одну, на одну всего...» Потом все переключились на «Ночку».

Шум усилился. Краешком глаза Марина заметила, как Олег с одной из девиц скрылся в крайней справа палатке («Устал, наверное, бедняга — такая работа»). Двое парней, прихватив бутылку и миску с кашей, направились к избушке. Сашка, махнув на Марину рукой («динамо!»), побежал за ними. «Надо же! То же слово произносит, что и поселковые парни», — мелькнула мысль у Марины.

Было уже неинтересно. Совсем неинтересно. Хотя костер пылал вовсю, становилось холодновато. «Пора и мне баиньки», — подума-

ла Марина и с ворохом лапника, лежащего около избушки, пошла в свою палатку. В ней никого не было. Марина поставила кеды около входа в палатку, разложила аккуратно, «горбом» вверх, лапник, сняла верхнюю одежду, забралась в спальник, который, как и говорила мама, действительно, оказался очень удобным, мягким (тем более когда под ним душистый лапник), и тотчас же уснула.

VI

Сквозь крепкий сон Марина ощутила, что какая-то непомерная тяжесть навалилась на нее, все более и более ее давит, расплющивает. В обрывках сна мерещилась каменная громада Бараньего лба, затем туша гигантского живого барана.

А затем, все более просыпаясь, почувствовала едкое водочно-перегарное, прерывистое дыхание. И что кто-то, раскрыв молнию спальника, упорно лезет в мешок, горячие, липкие руки тискают, мнут ее, лезут все дальше, дальше. С трудом раздирая слипшиеся глаза, она в полутьме палатки увидела массивную, «бульдожь» челюсть, прижимавшуюся к ее груди.

Ужас охватил Марину. Ужас, брезгливость и привитая с детства необходимость быстрых и резких действий. Марина, чуть развернувшись, нанесла острием локтя два коротких удара по массивной челюсти, тут же быстрой змейкой выскользнула из спального мешка и, схватив на ходу кеды, выскочила из палатки. И не останавливаясь, тоже на ходу, надевая кеды, одним духом взлетела по пологому подъему на косогор.

Очутившись на просеке, ярко освещенной Луной, нигде не останавливаясь, бегом, скорее-скорее по просеке. Вверх – вниз. Вверх – вниз. Марина, видимо, проскочила тот поворот, по которому они вечером вышли на просеку, да и место этого поворота она толком не помнила. И разве найдешь его в темноте? Марина продолжала бежать по просеке все дальше, дальше от той чарующей и проклятой поляны. На вершине одного из подъемов она приостановилась, оглянулась назад, никакого Лба уже не было видно, один безбрежный океан тайги с разлившимся на нем лунным сиянием, над ним – россыпь звезд.

Неожиданно просека уперлась в широкое болото. Марина попыталась проскочить по нему. Нет, сразу начинается топь чуть ли не по пояс. Тогда Марина бросилась в обход, но так (памятуя свои походы с родителями в детстве), чтоб все время держать в поле зрения край

болота. Пришлось продирааться через чащобу. Уже не бег, а какие-то рывки. Колючие ветви били по лицу, ноги застревали в корнях, порой нужно было перелезть через завалы. Правда, иной раз как будто бы прорисовывалась тропинка. Но она тут же терялась – тем более, что все время приходилось держать в поле зрения край болота. Все более ощущался ночной холод, а промокшие ноги все больше мерзли. Наваливалась усталость.

И вдруг – о чудо (есть Бог!) – Марина чуть ли не носом уткнулась в высокую насыпь из щебня. А на насыпи – прямая, по линейке, широкая и гладкая бетонная дорога (большие, без единого шва бетонные плиты – одна к одной).

Марина уже не бежала, просто шла. Ее все более заполняло какое-то безразличие. Поняла, что значит «подкашиваются ноги». Болело ухо, ощутила на шее болезненные царапины – следы трудного прорыва через чащобу около болота.

Через километр-другой слева от дороги, поодаль от нее показались какие-то строения. Большой деревенский дом, надворные постройки. Надо туда. Марина легонько постучала в дверь, потом – в окно. Никого. Ни звука. Марина стала обходить дом. Вот сарай, закрытый только на крючок. Внутри тяжелое дыхание, сопение. Да это же коровушка! В углу коровника еле видная лежанка из соломы, на гвозде – старая телогрейка. Не раздумывая, Марина, свернувшись калачиком, втиснулась в этот уголок, укрылась телогрейкой и мгновенно вырубилась, – сил больше не было.

...В лицо ударил солнечный лучик. В глаза, в рот лезла какая-то шерсть. Марина подняла голову и увидела, что с ног до головы укрыта большущим и теплущим тулупом.

– Ну вот ты и проснулась, – услышала она чей-то голос. Рядом с ней стояла старушка с чистым ведром («Кажется, подоиник?» – спросила себя Марина). – А ведь, – продолжала хозяйка, – ты чуть не замерзла, ноги-то ледяные были (Марина ощутила, что на ней уже не кеды, а шерстяные носки). Что с тобой случилось? Ах, вот что – отбилась от группы. Заблудилась. Ну, что же, это случается в наших краях.

Старушка внимательно посмотрела на Марину, глаза в глаза, вновь оглядела ее и сказала, видимо, отвечая на свой же собственный вопрос: «Видю. Пусть будет так».

Потом продолжила: «Надевай вот эту старую поддевку. Я в ней полжизни ходила. Пойдем в дом. Твою городскую обувь я уже высушила. Отведает парного молока. А через час придет машина с базы (оказы-

вается, бетонка вела в какую-то засекреченную воинскую часть). Солдаты любят нашу водицу, да и молочко им перепадает. Они довезут тебя до города. Я скажу. Начальник у солдат хороший».

Когда пришла машина, хозяйка сразу же поговорила с «начальником» — капитаном. Тот, обращаясь к Марине, сказал: «Залезай в кабину. А то в кузове моих ребят будешь смущать. Красивая очень».

К вечеру Марина была дома.

VII

Увидев Марину, мама (папы не было — он в долгой командировке), молча, ничего не спрашивая, увела ее в ванную. И там долго отмывала ее, как в детстве, будто малого ребеночка. Марина безропотно подчинялась всему. Потом была еда на кухне — традиционная для семьи гречневая каша с котлетами. И сразу — в постель.

В постели Марина долго плакала, уткнувшись в мамино плечо. А успокоившись, все рассказала маме. Или почти все. О чем-то даже рассказывать было стыдно.

После того, как Марина закончила, мама сказала:

— Все нормально. Ты молодец. Наверное, надо было в нынешнее время пройти и через это. И ты прошла. Теперь я полностью уверена в тебе и знаю, что надо делать. Пока спи, завтра в школу.

В школу Марина пришла как ни в чем не бывало. Молча, сказав лишь: «Привет», прошла мимо ребят, столпившихся у входной лестницы (двое ребят-«походников» с испуганными глазами).

После большой перемены соседка-подружка Вика принесла большой бумажный мешок. Марина заглянула внутрь — все на месте: рюкзак, спальный мешок; мешок только распорот, видимо, острым ножом, крест-накрест («Ничего, — подумала Марина, — сама зашью, никто и не заметит»). Вика сказала:

— Ребята говорят, чтобы ты зашла.

А во время урока, глядя на учителя и почти не шевеля губами, прошептала: «Не ходи. Особенно к Олегу. Я кое-что разузнала. Многие в школе знают, что его отец, да и он тоже, не пропускают ни одну девочку. Ольгу «не пропустили», — да так, что та втянулась, сама теперь зарабатывает деньги» (Марина вспомнила пачку денег, из которой она дала Марине в долг; к счастью, долг она теперь вернула через Вику).

На следующий день, после договоренности по телефону мамы с директором школы, Марина уехала из города. Как было объявлено в школе и дома, — на неделю.

Давние походы

I

Марина уехала к деду...

Дед и бабушка жили в одном из крупных городов на востоке страны.

Дед в стародавние времена слыл одним из заводил того туризма (спортивного, самодеятельного), который в ту пору завоевал большую популярность и который, кстати, исповедовали мама, папа и их друзья. Дед и бабушка организовывали их походы в школе чуть ли не с первого класса до выпуска (в местной газете была даже большая статья – «Об успевающих и неуспевающих родителях»).

Конечно, у дедушки-бабушки после приезда Марины начались ахання и хлопоты вокруг любимой внучки, пироги и шанежки, тут уж ничего не поделаешь (тем более что для Марины это было как раз тем, что нужно, ну и – чего уж там! – приятно).

Но суть дела была в другом. Мама по телефону рассказала деду о том, что у Марины вспыхнула – откуда бы? – страсть к настоящему («нашему» – спортивному, самодеятельному) туризму. Но что-то не получается, как ни старайся. Как быть?

Дед сказал: «Пусть Риниха (так с пеленочного времени он называл Марину) приезжает. Подумаем. Может быть, что-то решим».

II

Дед сдал.

Война. Отечественная. Потом немеренные нагрузки в начавшиеся годы перемен. Всяческие передряги. Непрерывная работа. Болезни. Все это, наконец, как-то надломило его. Болеет и бабушка. И она явно надорвалась всем прошлым, хотя изо всех сил старается – и дома, и в саду – все делать на хорошем уровне. Так повелось с детства.

А глаза у деда все еще живые, с «пониманием». Три вечера непрерывных разговоров, точнее даже – монологов. В чем-то скучных, даже нудных, во многом непонятных, с неизбежным стариковским возвеличиванием старого и отсюда, понятно, своей персоны («А у нас тогда...»).

Но Марина все время заставляла себя слушать. Надо понять. Что было? Что случилось потом? И как быть сейчас, в будущем?

Поняла, кажется — главное.

Дед рассказывал:

— Туризм того время (это 1950–1960-е годы) — явление уникальное, поразительное. Наше общество начало с великими муками освобождаться от страшной тирании — сталинского режима, построенного на насилии над человеком. Была после смерти Сталина, в хрущевские времена, «оттепель» — первый глоток свободы. И вот тут, прежде всего среди творческой молодежи — инженеров, молодых ученых, студентов стал складываться особый тип туризма. Его называли «спортивный», «самодетельный». Это был удивительный (возможно, исторически — уникальный) выход или прорыв в свободу.

Молодые люди шли в тайгу, на порожистые реки, в горы. И там в общении с природой утверждали себя. Притом — прошу внимания! — в самой колыбели свободы человека — природе. А это, как оказалось, дает неизъяснимую радость, настоящее счастье, таящееся, наверное, в глубинах человеческой души. Такое счастье, которое, как искусство и музыка, не способно дать ничто другое. Никакие блага современной цивилизации. Никакие дворцы, бассейны, круизы, ночные клубы, никакие шоу — ничто.

А тут еще, — добавил дед, — туристские песни — поразительный сплав русского романса, песен 1930-х годов (боль загнанного народа), может быть, и тюремных песен, тем более той поры, когда часть страны, притом — лучшая, пребывала в ГУЛАГе. Это — песни в большинстве своем светлые, чистые, ясные, способные очень точно выразить и боль, и жажду свободы в музыке и в словах. И создавали их люди талантливые. Ведь достаточно было Владимиру Высоцкому неделю-другую пожить в альпинистском лагере на съемках фильма «Вертикаль», как он подарил нам песни, лучшие из всех туристских, по моему разумению.

Но потом, уже в годы перемен устремившись, как казалось, к полной свободе, к благам цивилизации, мы все это, что только и может дать настоящее жизненное удовлетворение, проскочили. В чем-то даже, как бывает, и не заметили. Все это, как представляется многим, ушло в прошлое. Как и вся былая, будто бы во всем примитивная, убогая жизнь «при социализме». Увлечлись новыми мифами, которые на самом деле обернулись диким, разбойничьим капитализмом, коварством «золотого тельца» или беса, разрушившими (дав «полные полки» в магазинах) малые росточки доброго и светлого, что было.

Ведь это математически доказанный факт — сами по себе современные блага цивилизации (к несчастью, сугубо потребительского свой-

ства) не дают людям в полной мере настоящего жизненного удовлетворения. Они, действительно, облегчают быт, но быстро становятся просто условиями жизни (хотя, конечно, не забудем об искусстве, театре, музыке – высших человеческих ценностях). Однако здесь начинают господствовать новые страсти, соблазны, роскошь, соперничество в роскоши, стремление к изысканным наслаждениям. В общем, в чем-то, действительно, наступает «конец истории» (по словам одного западного философа), когда вся жизнь замыкается в основном на комфортном ничегонеделании и пищеварении.

Теперь вечный вопрос – что делать?

III

На следующее утро дед встретил Марину какой-то уж очень сосредоточенный, решившийся на что-то серьезное.

– А знаешь, Марина, – сказал дед, – я ведь решил съездить с тобой. Разобраться, как говорится, на месте.

Марина уже заметила на табуретке в прихожей старый, «абалаковский рюкзак», как говорили в старину (видимо, извлеченный с антресолей шкафа отживших вещей).

На вешалке – штормовка, походная шапочка.

Марина не стала расспрашивать деда, зачем ему ехать за тысячу верст к ней домой. Что он на самом деле задумал?

Ожидания

I

Дед прожил у Марины, точнее, у своей дочери, Мариной мамы, больше недели.

Сначала, поговорив (при закрытых дверях) с родителями Марины, он затем целыми днями где-то пропадал. По большей части на окраинах города. Уходил рано утром и возвращался поздно, порой после того, как все уже отужинали. Был деловит и мрачен. Что-то у него не получалось.

На третий день дед вернулся рано, к обеду. Был весел. Над всеми подшучивал. Мама сказала:

– Все. Какое-то важное дело он сделал. Что-то получается.

А дед, в свою очередь, предупредил Марину:

– Завтра после школы нигде не задерживайся. Есть дело. Срочное. Иметь строго спортивный вид.

II

На следующий день, слегка перекусив (чай, бутерброд – «не разьедайся очень») и сменив школьную форму на спортивную, Марина вместе с дедом в быстром темпе отправились куда-то на окраину города. Сменили несколько автобусов. Наконец, после часа езды они прошли несколько кварталов пешком и оказались у одноэтажного, обветшалого здания со старой потертой вывеской – «Клуб мебельщиков».

Дед вместе с Мариной уверенно вошел в здание, затем – по длинному коридору и вниз по лестнице – в большую полуподвальную комнату. Там, распластавшись на длинной резиновой штукавине («Оболочка байдарки», – догадалась Марина), мудрил какой-то человек. В потрепанном тренировочном костюме, худой и весь какой-то острый – острые локти, острый подбородок, острый нос. И острый взгляд, брошенный на вошедших.

– Привет, Геннадий, – сказал дед.

– Добрый день, старина, – откликнулся Геннадий и, поднявшись на ноги, протянул деду руку. – Молодцы, не опоздали. А это, значит, наследница?

– Да, – ответила за деда Марина и, пожимая протянутую ей руку, представилась: «Марина, 9-й класс».

– Сейчас подойдут ребята, – сказал Геннадий («Геннадий Петрович», – пояснил для Марины дед; или Батя, как узнала позже звали его ребята). – Ты их не бойся, – сказал дальше нечто странное Геннадий Петрович, – они хорошие. Сейчас уже во всем хорошие. Почти.

Вскоре комната заполнилась парнями. Человек десять. Подошли и четыре девчонки. Все примерно Марининового возраста. Но главное – все в чем-то (да нет, не в «чем-то», а во многом) одинаковые. Все в похожей, с серым оттенком одежде. Если приглядеться – беспокойные, снующие туда-сюда руки, бледные, помятые лица, в глазах – тень страха. Все в какой-то момент замирали, будто уходили из жизни. Все, как выяснилось позже, учащиеся ПТУ – профессионального училища при мебельной фабрике.

– Ну, что? Начнем? – спросил Геннадий Петрович. – Сначала представлю нового участника нашей команды. Марина, девятиклассница, из семьи потомственных туристов (тут Геннадий Петрович кивнул на деда). Марина, садись вот туда, к девочкам.

Теперь о походе. Идем к среднему течению реки Быстрая. Постараемся найти «волок» к большой реке — задел на будущее. Может быть, чуть расчистим дорожку, чтобы байдарки можно было переносить. Снаряжение обычное. С ночевкой. Сбор в 4 часа вечера у фонтана на Центральном вокзале. Затраты — из общей кассы. Я тебе (это — обращение к Марине) скажу, сколько вносить или что-то просто взять из продовольствия. У «наших» прямое отчисление из стипендии плюс профсоюз.

...По дороге домой дед и Марина долго молчали. Потом дед сказал: «Твои новые товарищи — все бывшие наркоманы».

Марина невольно съезжилась, напряглась.

Дед продолжал:

— Это вселенская беда. Цыгане первоначально раздавали в ПТУ «дозы» бесплатно. Через месяц посадили почти все училище на иглу. Началось воровство, серьезный криминал. Часть ребят разбежалась, некоторые уже погибли. Но кое-кого удалось вытащить.

Впрочем, оказалось, что медицина не в состоянии вылечить от наркомании до конца. Очень часты срывы. Тут нужно живое дело. Опыт показал, что лучше всего — спорт, в частности спортивный туризм. И слава Богу, нашелся такой человек, как Геннадий Петрович. Он из туристов-«старичков». Был несправедливо осужден, выпивал, кажется, тоже прикоснулся к наркотикам. Вылечился сам (только сам). Теперь все силы (по профессии он инженер-авиаконструктор) Батя отдает тому, чтобы вытащить из бездны дурмана всех, кто туда попал. И уберечь от срыва тех, кто оттуда выкарабкался или только выкарабкивается.

Дед продолжал:

— И получается. У них за два года — ни одного срыва. Но пока в них во всех, живет страх, — страх, что могут сорваться (одна девочка, Олеся, скажу по секрету, в муках на этой почве чуть не покончила с собой — Батя спас).

В конце дороги, уже у самого дома Марина сказала: «Не беспокойся, дед, я справлюсь. Может, это как раз то, что было у тебя, молодого, во время и после войны?»

— Что ж, похоже, — согласился дед.

Дома, как и у Марины, была минута-другая растерянности. Все молчали. Папа низко опустил голову, все время сжимал и разжимал кулаки — нервничал.

Потом очень твердо сказала мама:

– Спасибо, папочка. Это, наверное, самое святое дело, которое под силу нашей дочке. Нам всем. Только заклинаю тебя, Марина, никак не выделяйся, ни в чем не показывай, что ты другая, лучше и так далее, а они – «падшие». Участвуй, как и дома, во всех работах, только вместе с ними. Надо быть вместе с ними во всем. Тогда тебе воздастся. И уберезет. Правда, папа? – закончила мама.

Папа (то есть ее, Маринин, папа, а не дед) уже оправился от первой растерянности и сказал: «Правда. Ну, что ж. Как санинструктор в бою».

III

На следующий день утром, еще до школы, дед сказал Марине: «Сегодня буду в вашей школе».

– Зачем? – удивилась Марина.

– Узнаешь. Ничего страшного. Сюрприз.

Действительно, к концу третьего урока в классе вместе с директором появился дед. Директор извинился перед «литераторшей» Ольгой Марковной и попросил ее оставшуюся часть урока предоставить «для разговора» с учениками «нашему гостю». После этого директор вместе с учительницей вышли из класса.

Дед помолчал минутку. Все обратились в слух. И тогда дед сказал:

– У нас, на Урале, есть горная река. Одна из самых красивых и уникальных в мире – она прорезает целый горный хребет. Протяженность ее в горной части свыше 300 километров.

Мне известно, что вы, в вашем классе, делали некоторые шаги по спортивному, самостоятельному туризму («Ну, дед. Умеет же хитрую дипломатию развести», – подумала Марина). Да вот и моя внучка, Марина, участвует в одной сильной туристской команде, о которой вы еще не знаете.

Вот я вам и предлагаю совершить путешествие по упомянутой реке. На плотях (а плоты – на «колесах», то есть на автомобильных камерах). Срок – две недели. В июле. Расходы – небольшие: дорога на поезде плюс походное питание. Мы с моими друзьями все подготовим со спортивной и технической стороны, в том числе – все необходимое для постройки плотов. Будет и проводник, знаток сложных перекатов и скал на берегу. Весь поход (о чем я заверил директора) – моя личная ответственность. Состав группы должен быть определен (после совета с родителями) в два-три дня. Список и вся первичная подготовка – через Марину.

Дед ответил еще на вопросы. Да и на перемене его окружили ребята — дед рассказывал веселые байки путешественников.

На следующий день (и, действительно, после «совета с родителями») записалось в группу 14 ребят. А через два дня — еще пятеро. Всего 19, больше половины класса. Кое-кто еще продолжал «советоваться с родителями».

...Когда дед уезжал (он решил возвратиться поездом — дорога «прекрасная, одно загляденье»), Марина обняла деда, сказала: «Дед. Спасибо за все. Не сомневайся — я смогу».

Дед ответил задумчиво: «Спасибо-то спасибо. Но ты постарайся, будь, как говорится, на высоте. Может быть, мы сейчас начали делать самое главное дело в жизни».

Смотрим вперед

I

Спасибо, конечно, деду. Он приехал, посетился, и вот, кажется, образуется отряд настоящих походников. И не одна группа, а две.

Но в этом вся загвоздка. Для Марины.

Марина все больше тянулась к группе учащихся ПТУ, к девочкам этой группы. Несколько раз ходила с ними в «однодневки». Освоила байдарку. Ее сборку и разборку. Хожение на ней по мелководью. И вообще, в группе Геннадия Петровича спортивный туризм (понятно, после учебы, практики) оказался главным в жизни, заполняющим все свободное время, мысли, мечты. Было как раз то, о чем рассказывали дед, папа и мама о походах в их время.

К тому же мир ребят и девочек этой пэтэушной группы, вопреки опасениям деда и мамы, оказался *своим*. Во многом, наверное, потому, что Марина по какому-то наитию вдруг «открылась» перед девочками группы, прежде всего перед той, о которой говорил дед, — Олесей.

Уже в первой однодневке с ночевкой она после ужина и костра уединилась с Олесей, просидела с ней на берегу речки всю ночь до рассвета. И там рассказала своей походной подружке то, о чем не знал (и никогда не узнает) никто, — о том, где она была и что с ней случилось, когда она отсутствовала дома и в школе целые сутки. И даже — то, что случившееся с ней подвело ее к той страшной черте, у которой в свое время оказалась и Олеся. Марина так и сказала: «Слушай, помоги мне, я еле справляюсь с собой, иногда от одних воспоминаний

не могу больше жить...» И вот после того, как Марина «открылась», все в этой группе, в жизни и делах девчонок и ребят группы стало простым, ясным и как раз тем, что нужно было и самой Марине. Вот что получается — все настоящее в человеке начинается со страдания...

Но ведь была, пусть пока на бумаге и на словах, также туристская группа в классе. Инициатором всего этого дела был дед, в курсе дела школа, родители. Марина занималась записью, была чуть ли не организатором, доверенным лицом деда. Прошла запись на летний поход. 19 человек, даже 20, если считать одного колеблющегося.

Но сам-то класс все больше отходил от того, что, как теперь понимала Марина, является основой спортивного туризма и что нередко называют мудреными словами «образ жизни». Недаром первая же попытка туристской вылазки закончилась тем, что пришли только она, Марина, да ее школьная подруга Вика. И сейчас все больше интересы ее одноклассниц вертятся вокруг «дач», «круизов», «мальчиков», «дискотек», «кто в чем». Да и ребята в том же духе. Некоторые чуть ли не с золотыми цепями стали ходить в школу, иногда сами за рулем лихо подкатывают к школе на «иномарках».

Как тут быть?

II

Дед писал Марине чуть ли не каждую неделю. Рассказывал о том, что удалось договориться с леспромхозом, расположенным у самого начала маршрута на реке. О том, что школьникам будет разрешено самим собрать отходы пиломатериалов («а из этих “отходов” можно целый дворец, а не то что пару легких плотов построить»). Что есть, пусть и латаные, камеры от колес большегрузов. Накапливаются другие материалы (скобы, гвозди, канаты), иное снаряжение. И в свою очередь спрашивал: «Как там у вас дела? Как подготовка?»

А какая здесь, в классе, подготовка?

Марина вновь объявила о воскресном походе. И вновь результат тот же. Кроме Вики, пришли еще двое — Наташа и ее сосед по парте Коля. Поход отменили (хотя то, что приходил Коля, спортивный парень, — хорошо).

Потом Марина договорилась с Геннадием Петровичем о том, что он разрешит взять на воскресенье три байдарки. Геннадий Петрович сам привез на грузовике байдарки в школу. Спросил: «Помощь при сборке-разборке не нужна?»

— Нет, Геннадий Петрович, не нужна. Я уже освоила.

Марина после уроков объявила: «В это воскресенье для участников летнего похода тренировка на байдарках на озере Круглое. Сбор у школы в 9 часов».

Пришли хотя не все, кто записался в группу, но все же пришли. Пятнадцать человек. Большая группа. Трое подъехали на родительских автомобилях. Они остановились поодаль от школы, у сквера.

Марина сказала:

– Давайте не будем играть в кошки-мышки. У кого машины, подгоняйте их к школе. Загрузим байдарки и в сопровождении нескольких наших силачей – до озера. Остальные – на автобус.

Предложение вызвало общий восторг:

– Ура! Не самим же тащить эти тюки (Марина вместе с Викой уже вытащили эти «тюки» с разборными байдарками). А кто силачи? Все мы силачи!

В машины вместе с тюками забралось с десятков парней. Остальные побежали на автобусную остановку – уже скоро должен был подойти рейсовый автобус до озера.

У озера Марина была уже не рада, что запустила «ген веселья» там, где собирались в путь, – у школы. При сборке байдарок, когда Марина вместе с Викой и Колей (его соседка по парте, Наташа, на этот раз не пришла) показывали «пример сборки», все остальные в основном веселились, дурачились.

– А это что за палочки? Стрингера? Неужто на этих жердочках вся лодка держится? Да я такую оболочку пальцем проткну. А где же спасательные круги? Марина, а давайте пригласим катер со спасателями.

И так далее. Все в том же духе. Острики.

С трудом собрали две байдарки. Когда четверо смельчаков решились обновить эти замечательные корабли, то они направились не по маршруту, намеченному Мариной, – напрямик, пересекая бухту, а рядышком с берегом, метрах в 10 от него, не далее («Что мы, самоубийцы, что ли?»). На удивление Марине, по берегу, вровень с байдарками, плывущими по озеру, поехали две автомашины. Затем таким же путем прокатились на байдарках и все другие, кто приехал на озеро. Прокатился даже один из родителей вместе со своей дочкой.

День получился так себе. Но в общем было весело. Раздолье для шутников. К несчастью, к обеду погода испортилась, заморосил мелкий дождичек.

Пришлось срочно собираться. Кое-как собрали байдарки. Досушивали их уже в школьном вестибюле.

Еще несколько дней в классе веселились «насчет воскресного похода».

А потом, спустя неделю-другую, случилось нечто неожиданное и, надо прямо сказать (для Марины), неприятное. Один за другим стали подходить ребята и девчонки, записавшиеся в поход, и под разными предложениями — «изменились планы», «родители что-то стали возражать», «с деньгами оказалось трудновато» и прочее и прочее, всегда очень убедительное — просили исключить их из списка походников. К тому времени, когда нужно было уже покупать билеты на поезд, в списке, кроме самой Марины, остались только Вика да Коля.

Поход на плотях провалился. Радужные планы рухнули.

III

Для Марины это был удар (хотя она ни в чем, ни в самой малости не подавала вида на этот счет: «Ну, что же, бывает. Не очень и жалко. Жизнь продолжается»).

Конечно, как предполагала Марина, случившееся будет болезненным ударом и для деда. Наверное, для него особенно. Он так рассчитывал на этот, «еще один вариант». Так был красноречив и убедителен. И в классе наступило в то время явное воодушевление. Чуть ли не весь класс загорелся «сплавом на колесах» по реке-красавице.

Через некоторое время Марина позвонила деду и срывающимся от волнения голосом сказала: «Дед, все рухнуло».

Вопреки предположениям дед не очень огорчился, более того, он даже, кажется, ожидал такого печального конца, и ему пришлось — надо же! Такое развитие событий! — утешать Марину.

Дед сказал:

— Не печалься, внучка, очень. Я ожидал этого, ну, примерно процентов на семьдесят-восемьдесят. Я ведь тут, у нас, немножко опекаю школы по туризму. В последнее время в нашем городе ни один поход со старшеклассниками (если они не были уже заражены туризмом ранее, да не считать вылазок на «шашлыки с пивом») не состоялся. Ни один. Я рассчитывал на то, что твой энтузиазм сработает. Значит, и это не помогло. Ну, может быть, кто-нибудь остался в твоей группе? Сколько? Кроме тебя — двое? Это уже неплохо, что-то есть! Передай Вике и Коле от меня большой привет и скажи — не удивляйся! — поход состоится.

Дед продолжал:

— Ожидая такого развития событий, я уже намекал в свой приезд Геннадью Петровичу о такой возможности, и мы тогда, в предполо-

жительном порядке, оговорили, так сказать, запасной вариант. Сходи к нему сегодня же. Удачи!

Марина, немедля, поехала к мебельной фабрике, к Геннадию Петровичу.

А Геннадий Петрович, как увидел Марину, спустившуюся в полу-подвал, кажется, только ее и ждал. Значит, на сплав пойдет вся группа Геннадия Петровича! Вот здорово!

Они быстро оговорили все детали, сроки. Марина сказала, что с «ее стороны» будет еще двое участников. Всего, выходит, 15 человек. Договорились, что билеты будут взяты на «простой пассажирский», в общий вагон, там, слава Богу, есть третьи полки, и при удаче можно занять, пусть и не сразу, два-три купе. Тогда будет не поездка, а одно удовольствие.

Геннадий Петрович сказал, что плоты той конструкции, о которых говорил дед, они уже делали. По крайней мере, один; промучились целый день. Все мальчишки умеют «работать топором». Общее снаряжение готово.

А в конце разговора Батя сказал: «В бой идут “старики”». Он, правда, упустил слово «одни» («одни старики»). Но это для данного случая в общем не так уж и важно.

IV

Поход со сплавом по горной реке-красавице состоялся.

Замечательной оказалась сама дорога в горный край. К концу второго дня пути, действительно, отвоевали два купе. Занавесили входы в купе палатками, организовали с помощью проводников (студенток из институтского стройотряда) свое трехразовое питание, все, что нужно для походного быта. И пошла уже в поезде расчудесная туристская жизнь – как будто бы три отдыхательные дневки. Тем более что Вика и Коля как-то очень быстро слились со всей командой. Даже интересно.

Увлекательной стала и постройка плотов. Стройматериалы из лес-промхоза подвез самосвал. Потом – две рамы из небольших бревен, к ним – по восемь камер на каждый плот, настил из некондиционных досок-отходов, горбылей, два рулевых весла на каждом, посередине настила палатка. И вот тебе – два туристских мирка. Два походных ковчега (так и называли плоты «ковчегами»: ковчег первый – «Проходимец», ковчег второй – «Непотопляемый»).

Поделались по ковчегам по жребию. Во главе первого – Семен, его зам. – Иван (оба из «актива» Геннадия Петровича). Второго – Мари-

на и ее зам. — Артем (тоже из Батиного актива). От проводника, о котором говорил дед, отказались («Начальства хватает»). Взяли только у деда и его товарища, которого дед определял в «проводники», все карты, схемы. Долго Геннадий Петрович с Мариной, а с ними ребята из Батиного актива, расспрашивали о трудностях и сложностях водного пути, о местах, желательных для ночевки, дневок.

Сам же сплав — сказка. Река быстрая, извилистая. За каждым поворотом — новая картина, новое неповторимое природное чудо, одно прекраснее другого. Высокие причудливые скалы по обоим берегам, «камни», как их здесь называют (Высокий, Олений, Дыроватый). Гремящие перекаты, по которым, подпрыгивая на камерах, лихо проскакивали плоты. Не были страшными и подводные камни («таши», по местным названиям) — плот либо, поскрипывая резиной, протискивался над ними, либо, наткнувшись, разворачивался. Приходилось тогда всю работу вёслами, благо ребята все больше овладевали такого рода искусством. Порой, наскочив на мель, все дружно выскакивали за борт (команда — «негры за борт»). На плесах — стоячих местах, будто озерных просторах, приходилось выгребать на пределе сил, работать вёслами, шестами, иной раз до кровавых мозолей на руках.

Купались — до одури, пели — до потери голоса, почернели от загара — до синевы. Звонко кричали: «Кто украл хому^{ты}?» Горы, окружавшие реку, откликались: «Ты!» Вслушивались в кукушкино кукование — сколько лет еще проживем?

V

Были и приключения. Одно из них и не «приключение» вовсе, а жестокое испытание на всю жизнь.

Рассказ об этом особый (в чем-то захватывающе интересный, хотя и страшный, не для детей). Сейчас лишь — самое важное.

Дело вот в чем. Дед и его помощник («проводник») предупредили Геннадия Петровича и Марину о том, что на середине пути они будут проходить такой участок, где расположена «зона» — лагерь заключенных. «Будьте настороже!» — предупредили они.

Действительно, на одной из излучин реки сначала показались на правом берегу наваленные вразброс горы бревен. За ними — длинный частокол забора с высокими вышками. Рядом — лесопилка. На берегу — солдаты с автоматами. Они знаками показали, что нужно причалить. Подошел офицер, капитан с петлицами внутренних войск,

внимательно просмотрел документы, что-то записал в свою тетрадь, сказал: «Первые пятнадцать километров не причаливать, там охраняемые полосы, дозоры».

И в самом деле где-то километрах в пяти от зоны на берег вышел патруль. С берега крикнули: «Снять шапки!»

Ребята и девчонки дружно сняли шапки, косынки — все иное, что было надето на голову. Перед глазами солдат оказалась в основном лохматая публика. Ни одного субъекта, постриженного наголо. Патруль махнул рукой: «Двигайте дальше».

Стали искать место для ночлега. Нашли на левом берегу. Пригорок, небольшая роща раскидистых сосен, светлый с ледяной водой ручей рядом, под пригорком. Хороший, пологий причал для плотов, за ним обширный мелкий перекат от берега до берега — можно порыбачить.

На следующее утро — небольшая паника: куда-то делись два рюкзака — с хлебом и с тушенкой (то ли забыли на прежней стоянке, то ли свалились за борт при переходе; или, спрашивали друг друга, кто-нибудь их видел вечером?). Потом никак не могли найти две штормовки — затерялись где-то. Ребята забеспокоились. Трое парней из актива Бати и по его заданию — Семен, Иван и Артем (из детдомовцев, были и беспризорниками) порыскали вокруг стоянки, спустились к перекату, к чему-то приглядывались на земле. Затем они вместе с Геннадием Петровичем и Мариной, отойдя в сторонку, с полчаса напряженно совещались.

Было решено двигаться дальше в «связке плотов», не отрываясь друга от друга. Строго придерживаясь левого берега.

Через час пути река делала крутой поворот налево, и тут же, на левом берегу, открывалась узкая, заросшая кустарником и осокой протока. С трудом завели плоты туда, в протоку (оказалось, что по ней, значительно сокращая путь, все же можно пройти до основного русла).

Но главное — другое. Трое ребят, о которых только что говорили, вместе с Мариной выскочили на островок, отделяющий протоку от основного русла, и по нему скрытно, прячась за деревьями и кустарником, вышли на основной берег, с которого открывался широкий обзор — вся река, правый берег. Залегли. Не прошло и десяти минут, как ребята увидели двоих мужчин, которые, озираясь, торопливо пробирались по правому берегу. На них — полосатые штаны, сверху ребячьи штормовки, потерянные рюкзаки.

Тревога!

Ребята с Мариной быстро вернулись на плоты.

Устроили общее совещание (перед ним Батя с Мариной тщательно изучили карты, что-то предварительно оговорили). Геннадий Петрович сказал:

– Ребята, переходим на «чрезвычайку», если хотите, военное положение. Возникла крайняя опасность, к чему всегда в самостоятельном туризме должны быть готовы. Судя по всему, из лагеря произошел побег. Двое сбежавших (кажется, дай Бог не ошибиться, только двое) движутся рядом с нами, с какими-то, по-видимому, недобрыми намерениями, не исключено, что в отношении нашей группы. Беру общее командование на себя. Мои первые помощники – Семен и Марина.

Батя продолжал:

– План действий на ближайшее время таков. Еще с полчаса мы остаемся в протоке. За это время Семен и Иван налегке быстро возвращаются назад, к месту ночной стоянки и по перекасту (глубина – по колено, не выше пояса) переходят на правый берег. И там (требуется ваша находчивость!) нужно попытаться выяснить ближайшие намерения противника. Одновременно – Артем очень быстро по нашему, левому, берегу пробегает около 13–14 километров, до моста («Сможешь? Конечно, сможешь!»), через который идет шоссе до лагеря – вдруг попутка подвернется, – быстро туда, это 15–18 км, с моей запиской начальнику лагеря. Мы же через полчаса выходим на основное русло и, не доходя 4–5 км до моста, останавливаемся на обед. Делаем полудневку, вступаем в контакт с лесничеством (оно, судя по карте, расположено около моста, оттуда тоже дадим сигнал) и будем дожидаться наших разведчиков, иных сведений. Тогда определим следующие действия.

Уже днем к месту стоянки вернулись ребята-разведчики. Они молодцы. Им удалось подслушать разговор заключенных, сбежавших из лагеря. Из этого разговора стало понятным, что готовится прямое нападение на группу во время ближайшей или следующей ночевки. Основная цель – завладеть документами и снаряжением и выйти из зоны поиска под видом туристов, выполнивших маршрут (быть может, временно присоединив к себе, для большего правдоподобия, часть группы. «Может, часть народа окажется понятливой», – сказал один из них; значит, судьба всех остальных – печальная, поняли все). Заключенные явно торопились – опасались тотального поиска, да и того, что уже «наследили» («Дурни мы – ведь могли обойтись без этих паршивых туристских мешков и курток. И так все нашим станет! Теперь умнее будем»).

К вечеру вернулся и Артем. И не один. Близко, за ближайшей рощей, урчала автомашина.

На стоянке была устроена засада. Основная часть группы при опустившихся сумерках, ведомая Батей, скрытно ушла в лесничество. Осталось человек пять из Батиного актива и Марина — создавали видимость обычной суеты вокруг костра и палаток остановившейся на ночь группы. Поздно вечером в палатки проник и изготовился отряд захвата из лагеря — те, кто вместе с Артемом приехал на машине.

Где-то в час-два ночи все было закончено. В задержании заключенных участвовали и ребята. Даже Марина.

Отряд захвата тут же вместе с заключенными отправился на машине в лагерь. Утром, на утренней зорьке, когда у Марины только закипали ведра на огне, вернулись все те, кто уходил в лесничество.

Поход продолжился.

VI

Испортило ли настроение походников это приключение (да не приключение, целое, в чем-то страшное событие)? Нет. Напротив, группа вдруг обрела уверенность, надежность. Проверка боем!

Особенно — ребята из Батиного актива. Казалось бы, обычные, неброские ребята, к тому же бывшие наркоманы. Семен вообще недоросток, все еще с наивно детским выражением лица. Иван, напротив, худосочный, дылда, «складной нож», очкарик. Только вот Артем поспортивней, увлекается культуризмом — «качает» мышцы. Да и Марина — будто заучившаяся школьница-отличница. А вот все оказались на уровне, настоящими бойцами, готовыми к жестким схваткам. Теперь — хоть куда. Ничего не страшно («Чего это, — думала Марина, — военные наши начальники какие-то несмышлениши — ведь лучшего пополнения для армии не найдешь!»).

Но для Марины все случившееся стало поводом и для страданий. До самого окончания похода, до встречи с дедом не покидала ее мысль, а если бы сейчас на месте нынешней группы были бы ребята из ее класса. Смогли бы наши «классные парни» так, как случилось, забить тревогу, пойти в разведку, участвовать в задержании преступников? Передушили бы или утопили бы «наших», как шенят. Несмотря на все их спортивные одежды, современные кроссовки и золотые цепи (этими цепями и душили бы). Зримо порой представлялось все это Марине, и ужас охватывал ее. Как хорошо, что поход в классе сорвался! Есть Бог!

И тут же другая мысль поразила Маринину. Неужели, для того чтобы стать вот такими, настоящими, походниками, в нынешнее время нужно пройти через те беды, через которые прошли ребята из Батиного актива? Ведь ребята из Батиного отряда — в чем-то просто исключение, им просто повезло — нашелся Батя. А как же остальные беспризорники? Их удел — наркотики, алкоголь, торговля собой? Из этого вообще безумно трудно выскочить. Большинство из них со временем неизбежно скатывается в криминал. Сколько их вообще сгинуло?

Вот только Коля с Викой, кажется, сумели увлечься (да и то, наверное, во многом потому, что отец Коли с детства таскал его по лесам, а Вика тянулась за Мариной).

VII

После похода состоялась встреча всей команды у деда. На столе даже бутылка шампанского. А главное — домашние бабушкины кушанья. На полную катушку. Умудрились с одной бутылкой шампанского поднять до десятка тостов (хотя Марина видела, как «до того», на кухне дед с Батей приняли по полстакана какой-то крепкой настойки из персонального дедовского резерва). Тосты — За прекрасный поход! За горную реку-красавицу! За Батю! За деда! За «всех нас»!

А Марина все думала — как бы умудриться поговорить с дедом один на один.

Наконец, после «песенного раунда», когда все погрузились в гигантский ворох фотографий (и нынешних, и прошлых походов), Марина с дедом потихонечку перешли в дальнюю комнату, в «дедово логово».

И тут Марина на одном дыхании выложила все свои «страдания».

Дед помолчал, а потом сказал:

— Ты права. Я-то тоже (ума не шибко много) искренне думал, что душевное слово, а главное, собственный пример помогут «заразить» туризмом старшеклассников, студентов, иную молодежь, до того не ведавшую этого трудного, но незаменимого ничем счастья. Иногда это получается, когда вокруг какого-нибудь крупного авторитета по понятным причинам можно сколотить туристскую группу. Но даже с «авторитетом» это получается не всегда, а если получается, то по большей части ненадолго.

Нет выхода?

Нет — есть выход. На мой взгляд — один-единственный.

Нужно начинать спортивный туризм с детства!

Да, с раннего детства. С первого класса. В первом классе школьники идут в поход все (нужно только, чтобы папы с мамами, да бабушки с бабушками, не имеющие туристских навыков, оставались дома). И заниматься в последующих классах спортивным туризмом непрерывно — в школе, дворцах молодежи. К пятому-шестому классу какая-то часть, может быть, даже половина — отсеется, окажется втянутой, увы, в курортно-дачный быт, другие соблазны. А остальные, возможно, опять с постепенным убыванием — станут заядлыми туристами. Такими же бойцами, как те парни, которыми ты восхищаешься. Останутся навсегда и детей в это дело непременно вовлекут. Пусть потом и придут в их жизнь дачи да круизы (что совсем неплохо).

Так что спортивный туризм может начаться не только как «ответ» на какие-то беды. Он может стать — и опыт твоих родителей тому пример — образом жизни напрямую с детства, со школы.

Но тут обязательно должен быть заводила-энтузиаст, фанатик туризма — молодой учитель или молодой родитель. Он мог бы быть образцом и своего рода эталоном в этом деле — мгновенно, одной спичкой разжечь костер при дожде, за минуту-другую поставить палатку, наладить переправу через речку, провести плот через пороги, играть на гитаре и знать сотню туристских песен.

Такие молодые учителя, родители сейчас, увы, — находка, удача.

Тут Марина прервала деда, сказала:

— В школе ко мне подходила учительница первого класса. Просила помочь. Я отказалась. Что я буду делать с этими желторотыми?

— Вот и дуреха, — ответил дед. — Вернешься в школу, немедленно иди в этот, теперь уже второй класс. Дело — великое, незаменимое.

...Уезжая от деда, Марина думала: «Нет. Не все потеряно. Есть надежда. Поход продолжается. Дальний поход».

Лето

Первая встреча

I

Институт психологии, в который после школы поступила Марина, отнимал у нее все время. Приходилось заниматься с утра до вечера, все свободное время. И это, наверное, во многом потому, что сам институт был необычный, странный. Здесь проходил эксперимент по соедине-

нию высших учебных заведений с академической наукой. Институт считался частью Университета, по университетским программам проходил ряд дисциплин (весь иняз, физкультура, гражданская оборона). Но что касается специальности (психологии), то тут всецело командовал одноименный академический институт, который, наряду со всем иным, явно настроился обогатить свой стареющий состав новым пополнением.

И потому уже с первого курса на студентов обрушилась лавина данных по современной психологии. И соответствующих заданий для изучения и проработки. Все — сложное, непонятное, правда, безумно интересное. Уже с первого курса занятия шли то в аудиториях Университета, то в лабораториях Академического института; иной раз приходилось неделями трудиться в Институте мозга, а порой даже практиковаться в больницах, в отделениях для больных с нервными расстройствами, всякими «отклонениями».

И все же Марина находила время для своего туристского увлечения.

Тут — святое. Правда, не в составе институтской группы (она оказалась сугубо отдыхательной, байдарочной, только летом плавание по спокойным рекам, купания и шашлыки), а в составе своего прежнего отряда, который, между прочим, вместе с Геннадием Петровичем и всем его активом из Клуба мебельщиков перешел в районный Дворец молодежи. Тем более что Геннадий Петрович все больше побаливал (хотя старался не подавать вида), и Марине все чаще приходилось его заменять.

Но вот на четвертом курсе, когда началась «специализация по профилям» (а она, как узнали ребята, соответствовала отделам Академического института), Марина попала на полугодичную стажировку в Правовую академию, и там в первый же день встретила свою школьную подругу Вику, которая, как и в прежние времена, «все знала» и тут же рассказала Марине, что здесь, в Правовой академии, сложилась мощная группа горного туризма (восхождения на всякие «тысячники», летом — еще сплавы по горным рекам, зимой — спуски с горных вершин на лыжах), она разик с ними ходила в тренировочный поход, но на «второй раз» пока воздерживается, в общем-то трудновато. Хотя народ тут славный и отрываться от него не хотелось бы.

II

Организатор и бессменный руководитель туристской группы в Академии один и тот же — Вадим, ныне — уже доцент, замзавкафедрой «Правовая конвергенция» — до сей поры бродит по горам со студентами. В нынешнее лето они, по словам Вики, собираются на Тянь-

Шань. Там, по рассказам Вадима, среди вечно заснеженных вершин есть скалистое урочище, а посередине его рядом с Главным хребтом — высокое Плато, которое летом среди вечного снежного царства непонятно почему покрыто зеленью. Вадим еще в свои студенческие годы пытался, при всех каких-то больших сложностях, «покорить» Плато, но им помешала большая снежная лавина, покрывшая снежно-ледяным покровом почти все кругом. Сейчас, говорит Вадим, лавина будто бы уже «рассосалась», «утекла» и можно вновь сходить на Плато.

Марина сразу загорелась. Вот бы туда! Вика поддержала:

— А ты сегодня же сходи к Вадиму (Вадиму Семеновичу, официально). Он тебя возьмет — у них девчонок, настоящих походников, мало, всего только две, кажется. После третьей пары он всегда в кабинете декана, который вечно по командировкам мотается, да свои книги проталкивает.

Но и после третьей пары пришлось Марине подождать. Молодая лаборантка (судя по всему — заочница) сказала: «Подождите. У него консультация для первого курса. Скоро освободится».

Действительно, минут через пятнадцать из кабинета выскочила ватага первокурсников и, не мешкая, по коридору, в столовку — оголодали студиозы-первоклашки.

Вадим Семенович — коренастый, широкоплечий, улыбчивый, мало чем отличающийся от старшекурсников (только слегка вальжанный; ладно подогнанный костюм, желтый галстук с крапинками, ботинки с блеском). Да иногда нагоняет очень серьезный вид — замзавкафедрой все же.

Он, видимо, по своим, никому иному неведомым приметам признал в Марине «свою» (как и Марина сразу увидела в нем «своего»). Вмиг оживился. Посадил Марину напротив себя — и быстрый опрос: где? с кем? когда? горы? сплавы? горнолыжная техника? В конце: «Это не твой дед уже давненько выпустил на Урале книжонку — о туризме и детях? Как его фамилия? Серегин?»

В это время Марина услышала, как за ее спиной скрипнула входная дверь. И тут же будто что-то дрогнуло, и это что-то заставило быстро-быстро забиться ее сердце. Мгновенно Марина почему-то вспомнила фразу — «удар молнии». Она в общем знала, что это такое — «удар молнии». И давно уже ждала этого. Но сейчас — какой тут может быть «удар», да еще — «молнии»?

Вадим Семенович поднял голову, махнул приветливо рукой и сказал:

— Посиди пока там.

Марина насторожилась, напряглась. И потому все происходящее воспринималось ею уже с трудом, даже с каким-то непонятным сопротивлением.

После еще нескольких вопросов о книжке деда (Марина сказала: «Он как-то незаметно ушел из жизни, наверное, так и надо») Вадим Семенович жестом подозвал того, кто сидел у двери, усадил на стул рядом с Мариной.

Это оказался какой-то нескладный парень, не очень высокий, но весь как бы на шарнирах, подвижный, быстрый. Заведенный он, что ли? Или, может, он такой от близкого присутствия Марины? Молодой, а уже залысины (а голова какая-то лохматая). Большие синие глаза. Вадим Семенович представил Марину.

– Это наш новый участник группы – Марина, психолог. Знакомься. Из старинной туристской семьи.

– Сережа, – отозвался парень.

Вадим Семенович добавил: «Мой помощник по туризму. Прошел суровую школу еще в самом детстве, при самой нашей неразберихе. Так что – надежный («Представил!» – про себя заметила Марина). Тут же, как бы делясь с Сережей вестью и одновременно, между прочим командуя, Вадим Семенович добавил: «Завтра, в пять, здесь в кабинете общий сбор». И обращаясь к Марине:

– У тебя с горным снаряжением все в порядке? Ледоруб? Кошки? Альпеншток? Если что, Сережа поможет.

Но Марина не стала дожидаться Сережу, задержавшегося у шефа. Быстрее домой. Масса дел.

III

На собрание группы Марина пришла одна из последних. Хорошо хоть Вика там была – «забила» место и для Марины у окошка.

Собрание вел, как и можно было ожидать, Вадим Семенович. Рядом за столом – Сережа. Странно – сейчас какой-то очень спокойный. Мощный. А глаза у него сегодня какие? Трудно разобрать – весь ушел в себя.

Вадим Семенович рассказывал о Плато:

– Место это по всем статьям необычное. Я однажды проходил мимо – там тропа на перевал «Круглый». Другой раз наблюдал это место с Главного хребта.

– Плато, – продолжал Вадим Семенович, – находится в скалистом урочище в снежной зоне, точнее, в ее начале, снег там иногда

подтаивает, становится рыхлым, открываются камни, но даже в самое жаркое лето целиком не сходит. И вместе с тем там, в урочище, находится вот это самое Плато. Сверху него густая, кое-где даже пышная зелень. Откуда там выбиваются клубы пара или газа, неизвестно. Когда мы проходили с группой мимо, несколько прятких ребят попытались «сбежать» туда. Но ничего не вышло. Склоны — крутые, а главное, на них — лед. По-видимому, сверху сбегает ручьи или какая-то другая вода, а на пути она замерзает. Наверное, по утрам. А вообще-то какая-то ровная косая тропка на склоне видна. Откуда? Козочки, что ли? Такие чудеса!

Марина заметила, что в это время оживились и даже чуть блеснули глаза Сережи. В тот же миг она почувствовала острый толчок в бок: Вика смотрит на нее жестким взглядом и говорит «школьным шепотом»: «Ты что это уставилась на Сережку? Смотри. Он уже давно крепко “схвачен”. Видишь, сидит черноволосая красотка. Это его почти жена. Собираются, кажется, скоро расписаться, наверное, после похода».

Марине вдруг стало необыкновенно легко, даже от чего-то весело. Пропали напряжение, скованность, охватившие ее вчера. Она оглянулась — чего бы такое сотворить? Тем временем Вадим Семенович продолжал:

— Надо бы все это разузнать. Какие-то крупные птицы там гнездятся. Пока мы шли, все время над Плато и над нами кружили. Местные чабаны рассказывали еще, что там есть длинная пещера с широким входом и с теплым (или даже «кипящим», я толком не понял) озером. А наверх они не ходят. Какое-то табу. Словом, есть интерес. И немалый.

Перед «оргчастью», когда будут решаться деловые вопросы похода, объявили небольшой перерыв. Марина, проходя между стульями, нарочито прошла мимо Сережи и озорно сверкнула глазками: «Привет! А как насчет “кошек”?»

Сережа ничего не ответил, кажется, даже смутился, оторопел и только сказал чуть испуганно: «Здравствуй, Марина».

На «оргчасти» — обычная деловая проработка в солдатском стиле — отъезд (через месяц плюс неделя, сразу после сессии), снаряжение (горное, с восхождением, плюс пещерное), сухое топливо, сухие перекусы. Обязательно лыжную палку — лучше от горнолыжного снаряжения. Как бы альпеншток. И так далее, все в том же духе.

Состав группы девять персон?

Распределили обязанности. Новая персона, Марина, — «швея» (иголки, нитки, шнуры, тряпочки для заплат и прочее).

Когда расходились, Марина заметила, что Сережа было направился к ней (ясное дело — насчет «кошек» и ледоруба). Но Марина бочком-бочком и, на ходу чмокнув Вику в щечку, выскочила из кабинета. Нужно скорее домой. Дела.

IV

На аэровокзале, в том закутке, где собиралась группа, Сережа сам подошел к Марине — принес ледоруб, «кошки», лыжную палку. Размер угадал. Талант.

Но черноволосой девицы не было. А была с Сережей (проводимая) длинноногая коротко постриженная девчонка в свитере и джинсах. Кто-то из группы сказал: «Опять Серега с сестрой явился — Ленкой, звездочкой математической. Для него — талисман и примета. Значит, будет лезть на рожон, не остановишь».

Самолет был старый, казахский, толпы пограничников и таможенников и здесь, и там при прилете. Марина изловчилась и сама села, «без спроса», с каким-то белокрысым веснушчатый парнем — Колей (Сережа сидел на ряд или два позади, долго рядом с ним пустовало незанятое место). Всю дорогу Марина довольно громко рассказывала Коле о Камчатке, шумной речке, лососях, медведях, долине гейзеров (которую не так давно зачем-то сделали закрытой зоной).

Перед посадкой самолет пробивался через несколько слоев облаков. К счастью, если смотреть с земли, облака оказались довольно высоко. Хотя вершины остроконечных заснеженных гор, подступающих к городу, все же были в густых тучах. Так что привычной сказочной красоты не было. И командир вертолетной площадки, откуда группа должна была продолжить путь, все колебался: лететь, не лететь — опасно. Но когда радист дал сводку, что перевалы еще открыты, он вдруг засуетился.

— Скорее, скорее, ребята, — подбежал к группе Вадима Семеновича дежурный вертолетчик. — Вот-вот, наверное, перевалы закроют. А надо еще возвращаться.

Вертолет был забит каким-то грузом, в ящиках и тюках. Двое сопровождающих. Все ребята расположились на рюкзаках. Девчонки (трое, включая Марину) все вместе. Рядом Вадим Семенович (понимает, товарищ!). Потом — дружной кучкой мальчишки, всего — десять участников, девять студентов плюс Вадим Семенович. Вполглотса спели пару песен.

Действительно, два-три перевала прошли с трудом. Вот они — ледяные валы, глыбы, камни — хоть руками дотрагивайся. Четвертый пе-

ревал оказался полностью открытым и даже – везет же! – вдали про- скальзывают проблески голубого неба.

Разгрузка вертолета прошла быстро, побросали на землю рюкзаки, сами выпрыгнули на землю рядом с хилой лесенкой. Торопились. Машине лететь дальше по боковому ущелью до Биостанции. А потом еще – обратный путь.

Лагерь решили устроить в месте посадки. Впереди еще один перевал – «Круглый», или «Высокий» («Высокий» потому, что около 4200 м). Как раз за ним – скалистое ущелье и Плато. Но сейчас не пройдешь: времени не хватит, да и вообще – сырой, рыхлый снег по пояс.

Речка оказалась рядом. Разбили палатки, но ужин не варили – обо- шлись чаем и бутербродами, двумя банками подогретой на костре ту- шенки. И скорее, еще засветло – в спальные мешки, спать. Утром вставать рано, еще в темноте, надо до восхода солнца по холодку пе- ревалить в урочище.

...Марина спала крепко. Только где-то ночью вдруг встрепенулась. Показалось, что кто-то ходит между палатками. В какой-то миг палат- ка даже резко дернулась. Кто-то запнулся о боковую растяжку. По- том все стихло.

Всех разбудила громкая команда Вадима Семеновича:

– Общий подъем. На туалет и все сборы – 15 минут. Завтрак (круж- ка чая и полбанки сгущенки) – десять минут. Выход – ровно через полчаса.

Сначала шли бодро, даже с ускорением, подъем пока пологий. Тем- нота кромешная. Тропу впереди порой подсвечивал фонариком Вадим Семенович. Замыкающий – Сережа. Дальше пошла крутизна, местами подмерз снег, скользко. Через каждые четверть часа – «минута стоя», отдышаться, переставить лямки, подтянуться отставшим.

И вот уже чуть-чуть просветлело. Вырисовались очертания гор, казалось, очень близких. Может быть, впереди уже перевал? Нет, это еще предперевальный увал. Еще один. Еще. Но все же еще в предрас- светных сумерках удалось выскочить на перевал.

И сразу же из-за горы выплыл гигантский диск уже жаркого солнца, осветив ледник, по которому предстояло спускаться (но над Главным хребтом, сближаясь с ущельем, висела стена иссиня-чер- ных туч).

Вадим Семенович скомандовал:

– Привал на 20 минут. Каждому по полплитки шоколада и кружке чая из термоса. Вон там, взгляните чуть ниже, видны контуры Пла-

то. Сказав это, Вадим Семенович тут же замер, во что-то пристально вглядываясь.

К Марине подошел Сережа. Марина слегка подвинулась на рюкзаке — вот местечко, куда можно сесть, если хочешь. Сережа сразу сел. Спросил:

— Ну, как? Острие палки не сбила?

— Все нормально. Палка в порядке — смотри...

Сережа помолчал, а потом доверительно — так, как обычно делятся с закадычными друзьями, сказал:

— А ты знаешь, Вадим Семенович заметил на Плато какой-то огонек. Очень странно.

И тут же ушел. Наверное, потому, что раздалась команда:

— Пятиминутная готовность! Всем надеть солнцезащитные очки.

V

Ледник был ровный — как чистое, слегка наклоненное, заснеженное футбольное поле. Длинное-длинное, пропадающее где-то вдаль, там, где виднелись очертания Плато. Можно было не просто, ускоряя шаг, быстро идти, но порой, присев на корточки, будто с горки скользить вниз, опираясь на лыжную палку.

Солнце уже давно оторвалось от гор, поднималось все выше, слепило и жарило все нестерпимее. Надежда была только на тучи над Главным хребтом — они и солнце как будто бы сближались, справа, у подножия гор тень уже захватывала краешек ледника.

И вдруг все изменилось. Первый провалился в снег Вадим Семенович. Он попытался, не снимая рюкзак, выбраться на поверхность и тут же вновь провалился. Тяжелый. Стали проваливаться и другие ребята — у кого рюкзак потяжелее и сам нелегкий. Начали повизгивать девчонки — и они сначала по колено, а потом все глубже увязали в снегу.

На кратком привале разгрузили девчонок. Марина, при попытке ребят и ее разгрузить, отмахнулась: «Спасибо. Нет проблем».

Дальше двинулись чуть ли не прыжками, переваливая след в след. Образовалась какая-то глубокая бугристая тропа. Двигаться можно. Только медленно. И трудно.

Замыкающей оказалась Марина. Но она все более отставала: как только снег стал рыхлым, ее нога, соскользнув в сторону, ударилась коленом то ли о камень, то ли о леденистый торосик, — боль еле терпимая. К Марине пробрался Сережа, ничего не говоря, отобрал у нее

рюкзак и шел теперь недалеко от Марины с двумя рюкзаками — один спереди, другой сзади.

Где-то ближе к полудню идти стало легче — то ли тень от туч совсем уже приблизилась, стало намного холоднее, то ли снежный покров в конце ледника стал потоньше. Сделали привал. Каждому — еще по полплитки шоколада и по кружке теплого чая. Но показалось, что от этого чая пить захотелось еще больше.

— Потерпите, братцы, — сказал Вадим Семенович. — Еще километров семь-восемь. Как зайдем на ту сторону Плато — там наша стоянка, ночевка. Так что давайте не засиживаться — минутная готовность.

В это время приковыляла Марина. Вадим Семенович спросил ее: «Идти можешь? Да? Тогда вперед, но не торопись. Ребята подстрахуют».

До ночлега было недалеко.

Группа не знала только, что ее ждет близкая беда.

VI

Внезапно стемнело. Плотные тучи закрыли солнце. Заморосил мелкий дождь. И тут все ахнули. Совсем близко, на склоне, который только что прошли, посыпал снег, а тут же, рядом, в каких-то 100 метрах — уже другой мир, будто ножом отрезало — моросит из той же тучи дождь. Вот они совсем рядышком — капельки мелкого дождя и тут же, в каком-то сантиметре, — снежинки. Сказка. Кто-то сказал: «Наглядное пособие от природы».

Появилась, пусть неровная и скользкая, каменистая тропа. Группа ускорила шаг, даже Марина заковыляла быстрее — не до боли. Тем более, что там, на верху Главного хребта, где сосредоточились клубы черных с красновато-синим оттенком туч, разыгрались какие-то природные страсти. Полыхали разряды молний, оглушительное грохотало — так, что слегка вздрагивала земля.

Ох, если бы ребята знали, что значит «слегка вздрагивает земля»?

Прошли еще немного. И вдруг, когда Плато было уже совсем рядом, все разом услышали, что слева от Главного хребта нарастает шум — будто издали приближается целая сотня товарных поездов. Все в группе повернулись к шуму, нарастающему грохоту.

Шла снежная лавина.

И это был не отдаленный, а уже близкий, стремительно накатывающийся гигантский вал спрессованного снега и льда, в котором были различимы чернеющие глыбы подхваченных лавиной камней.

Раздался громовой, нечеловечески резкий крик Вадима Семеновича:
– Всем сбросить рюкзаки! И бегом, сколько хватит сил, к Плато, там есть пещера!

Марине: «За валун, вжаться в землю!»

Марина одним прыжком метнулась к ближайшему, высокому, вросшему в землю валуну, на ходу накинув капюшон и застегивая до глаз штормовку. Прыгнула за валун, за его острый выступ на обратной стороне, и подняла над валуном лыжную палку, прижала ее изо всех сил руками. «Вот где я. Здесь», – сообразила, видите ли.

В это время лавина обрушилась на валун. Пусть и не сразу, но лыжная палка была вырвана из рук Марины. Нога в те мгновения, когда Марина держала палку, совсем разболелась – дотронуться больно. Наверное, какая-то острая льдинка затронула и другую ногу – штанина оказалась разорванной, в прореху было видно, что рейтузы слегка намокли – видимо, сочилась кровь. Стала резко болеть и эта нога.

Но сам валун лавина не тронула. Он лишь слегка шелохнулся, дрогнул. Марина в наступившей темноте ощупала все, что было вокруг нее, оказалось, что за острым углом валуна сохранился небольшой треугольник пространства, не забитого снегом. Лишь сверху сыпалась мелкая снежная крошка. Тогда Марина приподнялась на колени (иначе она двигаться не могла – очень болели обе ноги), плотно прижалась спиной к верхнему своду и недвижно стояла так, пока от холода не заняла вся спина. Снежная крошка перестала сыпаться. Ура! Есть дом! Или ловушка? Снежная могила?

VII

Сначала в снежном доме (или ловушке?) было даже тепло. А от дыхания потолок и стены домика становились прочнее, слегка подледнели. Недаром лучшая палатка в зимнем походе – та, которая обстроена снежными блоками. Ну, а все же, что делать дальше?

Как что? Пробиваться наружу.

Марина решила сначала сделать лаз к вершине валуна. Правильно? Конечно, правильно. Она сняла свитер и меховую безрукавку, затолкала их вместе с меховыми варежками в целлофановый мешок, который нашла в кармане штормовки. Оставшись в одной штормовке и легких перчатках, Марина по поверхности валуна стала вырезать охотничьим ножом узкий лаз к вершине камня. Вырезанные снежные кубики и треугольники она рукояткой ножа забивала в стенки лаза – пусть они будут покрепче.

Когда Марина добралась до вершины валуна, то был миг разочарования: она рассчитывала, что сразу выскочит на поверхность. Но нет. Судя по всему, толщина снега и льда была здесь еще значительной. Хотя над землей она все же поднялась, может быть, даже на несколько метров.

Теперь придется развернуться и продолжать лаз, все время приближаясь к поверхности в обратном направлении, ближе к Плато. Там снег, не исключено, может быть потоньше. Или, напротив, ближе к Плато могут нагромоздиться горы снежных и ледяных глыб? Но как бы то ни было, Марина и здесь пробила два-три метра лаза. И все время прислушивалась, не раздастся ли хоть какой-нибудь мало-мальский звук снаружи.

Лишь после этого Марина «задним ходом» стала по лазу протискиваться обратно, собирая по пути каждую щепочку, осколок деревца, веточку («сделаю из них себе лежанку»), она где-то совсем около своего «дома» услышала снаружи глухие, неясные крики. Видно, кто-то на поверхности кричал или звал. Что? Кого? Из-за снежной толщи не было слышно. И все же есть сигнал.

Значит, доползти до «дома», и снова вперед!

Секунда — и Марина в полной амуниции. Свитер, меховая безрукавка, штормовка, только на руках остались сырые легкие перчатки. А затем быстро-быстро, волоча ноги, Марина стала протискиваться по лазу сначала к вершине валуна, потом — дальше, с поворотом в другое колено лаза — ближе к Плато. И тут она уже совсем близко услышала свое имя: «Марина! Марина!»

А дальше слов с поверхности уже не было слышно. Только приближающийся скрежет лопат. Да и Марина, беспрестанно повторяя одно: «Я здесь. Я здесь», царапала ножом и ползком слегка продвигалась вперед. Скрежет лопат раздавался все ближе, ближе. И наконец, чьи-то сильные руки схватили Марину за шиворот и одним рывком выхватили ее из снежного крошева, посадили на край образовавшейся ямы. И обладатель сильных рук тут же сел с ней рядом. Марина же, не глядя на соседа, уткнулась в его грудь мокрым — и от слез, и от тающего снега — лицом. Лишь мгновение спустя, все еще не поднимая головы, она сказала:

— Ой, Сережка. Сереженька. Как это? Как это?

И только тогда, не таясь, навзрыд заплакала.

Да, это был Сережа. Когда его спрашивали о том, как он оказался на краю лавины, Сережа отшучивался: «Подпрыгнул как можно выше над лавиной, и она прошла под ногами. На самом деле, когда он услышал команду Вадима Семеновича, он не бросился к подножию Плато, а быстро отыскал глазами валун покруче, и сразу, неведомо

как, взметнулся наверх по его гладкой, отшлифованной поверхности. И действительно, лавина, уже утратившая ударную силу или вообще оказавшаяся здесь одним ее рукавом, в основном прошла под его ногами, точнее — рядом с ним. Только один из последних ее вихрей сбил его с ног, он оказался в какой-то мягкой снежной мешанине, из которой сразу выбрался. Потом он нашел полужасыпанную лыжную палку Марины и рассчитал, где приблизительно должен быть Маринин валун. А главное — сколько было сил стал на этом участке непрерывно, без передышки кричать: «Марина! Марина! Марина!»

И когда из-под снега донесся ее еле слышный отклик, Сережа сбросил рюкзак (у него остался один-единственный — Маринин, свой — в лавине) и, достав из-за пояса саперную лопатку-топорик, стал быстро-быстро рыть снег навстречу Марине.

...Несколько минут Марина, плотно прижавшись к своему соседу, сидела, не двигаясь, молча. Она только тяжело вздохнула, когда попробовала двинуть ногами.

И вдруг Сережа, как пружина, вскочил на ноги: «А где рыжебородый парень, который помогал мне копать?» А был ли вообще тут какой-то парень? Как будто длинная рыжая борода. Ватник с пришитым капюшоном. Большая совковая лопата. Что еще? Разве на что-то обратишь внимание, когда была одна мысль и одна воля — докопаться до Марины?

Марина тоже слегка приподнялась и, оглядываясь вокруг, подтвердила: «Я слышала скрежет лопат. И чувствовалось — копает не один».

Ни рядом, ни в отдалении никого не было.

— Вот тебе на! — сказал Сережа. — Ничего себе фокусы-покусы. Загадочки какие-то.

Потом Сережа, приподняв Марину, подложил под нее свою меховую штормовку, положил рядом ее рюкзак и сказал:

— Я кое-что еще исследую — там, у подножия Плато. А ты приготовься к дальнему ночному пути: нам, судя по всему, придется возвращаться. Вновь через перевал. К Биостанции. Нужна срочная медицинская помощь. Тебе. И может быть, всей группе. Других вариантов нет.

VIII

Никаких следов у подножия Сережа не нашел. Обнаружил только два разорванных, брошенных перед накатом лавины рюкзака. В одном месте будто намечалась какая-то тропка, уходящая за снежный вал. Но и она уткнулась в сплошные каменные глыбы.

Темнело.

Сереза бегом вернулся к снежной яме, на краю которой сидела Марина. Уже переодетая во все сухое – пятнистые брюки, белесые перчатки. Сереза сказал: «Ничего не возражай! Тут дело мужицкое. Дай твой белый шарф, который я видел в самолете».

– А я ничего и не возражаю, – негромко сказала Марина. И, достав из рюкзака шарф, передала его Серезе.

Сереза снял с себя меховую куртку, остался в толстом свитере, а затем, наполовину застегнув куртку, крепко привязал к каждому рукаву концы сдвоенного белого шарфа.

– И что у тебя получилось? Волокуша, что ли?

– Может быть, если потребуется, и волокуша. Но главное – другое. Только не возражай, – снова сказал он. – Иначе перевал не перескочить.

Сереза взял куртку за концы привязанного шарфа и сначала за чем-то как бы попробовал шарф своим лбом, на крепость, что ли? Потом он вынул из кармана брюк тонкую капроновую веревку («Запасливый», – подумала Марина), опоясал ею всю куртку, закрепил ее за поясные петли, оставив концы веревки свободными.

– Теперь сиди спокойно, замри, – сказал он Марине.

Сереза надел через голову сидящей Марине куртку, привязал спереди двойным узлом концы веревки. А затем, что-то измерив на куртке и на своих плечах, негромко выругался: «Фу ты, черт!» – еще больше укоротил шарф, привязав его концы к середине рукавов, почти к плечам.

После всех этих манипуляций Сереза одним движением закинул Марину за плечи, уперся лбом в отрезок шарфа между рукавами и сказал: «Теперь тебе придется нежно обнимать меня вокруг шеи».

Марина ответила слегка игриво: «Насчет обнимания не возражаю. Хотя, как я понимаю, есть и другие варианты». – И тут же, сменив тон, попросила:

– Знаешь, Серезенька, твоя конструкция рюкзачных носилок в общем хороша. Но ведь у меня ноги, извини, волочатся, еще больше болят.

Сереза снова выругался:

– Фу ты, черт! Торопыга разнесчастный! Самому надо было сообразить. Прости.

Он осторожно стянул свое сооружение с Марины. Не раздумывая, отрезал Марининым охотничьим ножом рукава своей штормовки. Аккуратно укатал отрезанными рукавами штормовки Марины ноги, закрепил их. Шарф продел прямо через отверстия, образовавшиеся в местах, где были рукава.

Затем они слегка разгрузили Маринин рюкзак. Марина надела на себя все, что можно. Маринины «кошки» Сережа прикрепил к своему поясному ремню. Пришлось оставить упаковку с мясной тушенкой (банок десять). Оставили еще кое-что из запасного снаряжения, прикрыв оставленное небольшой горкой льда.

Темнота еще не наступила, сумерки еще держались, тем более вот-вот должна появиться Луна. Марина попыталась было уговорить Сережу отложить переход:

— Давай, Сережа, хотя бы ночь еще подождем? Ведь, кажется, был тут человек...

— А ноги твои подождут? — жестко ответил Сережа и добавил: — А как днем идти в гору по мягкому снегу? Представляешь? А вся группа, где она? Надо вызывать спасателей.

Сережа вновь надел на Марину свое сооружение, закрепил веревку, присел на корточки и уперся лбом в шарф, высовывающийся из-под штормовки, где уже была Марина, и scomандовал: «Теперь карабкайся на мою спину и держись за плечи. Или за шею, как получится. Или захочется», — в тон Марининой игривости добавил он.

IX

Было светло. Из-за гор выплыла Луна. Да и дорога, по которой спу-скались днем, пусть и бугристая, с провалами, была хорошо различима.

Но двигаться вверх по склону к перевалу было крайне трудно. Сережа с места сразу же взял быстрый темп (будто рассчитывал разом, одним махом перескочить через перевал). Но он нес человека, да еще рюкзак. Снег, оплавившись днем под солнцем, стал скользким — катушка. И хотя Сережа — пусть и с трудом — натянул и прикрепил «кошки», они мало спасали. Ноги нередко проскальзывали, проваливались в ледовые ямы, нарытые днем, приходилось цепляться ледорубом, который, к счастью, оказался в Маринином рюкзаке. Было тяжело.

Прошло еще минут десять прерывистого хода, и вдруг Сережа, тяжело дыша, как подкошенный рухнул на снег.

И тут твердо заговорила Марина:

— Теперь ты, Сереженька, не возражай. Выбирай. Либо я сейчас же сползаю с твоей спины и буду двигаться самостоятельно с ледорубом (перед перевалом, за полкилометра я все равно буду двигаться только так; не беспокойся — дотяну). Либо мы сохраним нынешнюю позицию со мною — седоком, но ты идешь ровным ходом, без рывков и через каждые 15 минут мы делаем пятиминутный привал. Без исключений.

Сереза промолчал. Значит, предложение (или указание, что ли?) принято: Сереза знал законы гор.

Ровно через пять минут они продолжили путь.

Но через какое-то время, когда прошли метров сто – сто пятьдесят, не больше, Марина почувствовала, что ей обязательно нужно повернуться, посмотреть назад. Она на ухо тихонько шепнула Серезе: «Серез, я сейчас немного подвигаюсь. Извини».

Марина повернула голову и окаменела от неожиданности. Вслед за ними двигались два не очень ярких огонька.

– Сереза, Сереза, садись прямо здесь. Посмотри – что там сзади нас!

Оба сели. Оказывается, за прошедшее недолгое время они прошли немало, – наверно, четверть пути до самого перевала. Но что это за огоньки, которые движутся вслед за ними?

Огоньки приближались. Стали слегка различимы люди. Трое. Второй тащит что-то вроде волокуши. Третий – замыкающий, у него, как и у первого, фонарь.

– И тут наверняка без рыжебородого не обошлось, – уверенно предположил Сереза. И вдруг вспомнил: «Как же это я забыл. У него еще синяя куртка с желтой полосой была. И высокие прорезиненные бахилы. Бьюсь об заклад – это именно он впереди», – добавил Сереза, когда группа, идущая им вслед, совсем приблизилась.

– Привет, Сереза, – сказал рыжебородый в синей крутке с желтой полосой. – Ну и мощно вы рванули.

– Привет, Иван, – ответил Сереза («Ничего себе, “фрукты”, – подумала Марина, – они и имена друг друга, оказывается, знают; вот, значит, какой общий стресс был, многое позабылось во время лавины»).

Подошел второй «преследователь», тащивший за собой нечто среднее между санями и волокушей с удлиненными ручками и перекладиной.

– Здравствуйте, парни и девочки, – сказал он. И сам представился: – Майн нейм – Семен. За мной – Шеф.

Подошел и Шеф. Сказал:

– Привет восходителям. Меня зовут Павел Александрович.

Марина и Сереза поняли – он, Шеф, главный. Павел Александрович, высокий мужчина, молодой, лет под 30, рыжая бородка клинышком, спортивный, поднялся без отдышки, сразу перешел к делу:

– Сейчас, ребята, быстро спускаемся на базу. И там решим все вопросы. Нашу даму – как тебя зовут? Марина? – просим в повозку. –

Попутно, между прочим сказал: — Мы нашли еще три ваших рюкзака (кроме тех, которые ты обнаружил, Серега)

Сережа и Иван подхватили Марину на руки. В это время Семен вместе с Павлом Александровичем развернули свои «сани-волокушу», в которых, оказывается, лежал большой тулуп. Ребята уложили в «повозку» Марину, и весь отряд без лишних слов стал быстро спускаться с подъема на перевал (не забыв, кстати, прихватить по пути тушенку и другие продукты, оставленные перед подъемом на перевал Сережей и Мариной).

Другой мир

I

По дороге Иван успел рассказать Сереже и Марине, что вся их группа цела и почти невредима, сейчас на базе. Жаль, что только всего два-три рюкзака обнаружено. Он же во время лавины оставил их, Серегу и Марину, только для того, чтобы помочь остальной группе, успевшей спрятаться в пещере-тоннеле. Но оказалось, что лавина перекрыла вход в пещеру. Пришлось откапывать «силами всего нашего отряда» вход, а потом быстро выводить оттуда ребят. Так как в пещере скопились сернистые газы, двое ребят (девочкам хоть бы что), потеряли сознание и даже вашего командора, Вадима Семеновича, слегка пошатывало. Сейчас они на базе «глубоко дышат и отпаиваются чаем с нашими травами. Потихонечку помогаем со снаряжением — оснастим всех».

Пока Иван рассказывал, отряд миновал ту снежную яму, из которой вытащили Марину, прошел по самому краю обрушившейся лавины, прямо у скал (в одном месте Иван показал: «Вон видите пролом в снежном завале — там вход в пещеру»), прихватили оставленные припасы из Марининого рюкзака. Дальше уже шла натоптанная тропа и следы нагруженной волокуши. И только отряд зашел за высокую скалу и Иван с Семеном выпрямили раскидистое дерево, будто случайно склонившееся над тропой, как открылась прямая, относительно пологая дорожка, ведущая вверх, на вершину Плато. Дорожка, свободная от снега, с правой стороны ровная, покрытая мелкой травой (для волокуш?). Тотчас же Иван впрягся в перекладину саней-волокуши, Семен и быстро сообразивший Сергей подхватили сани за перекладины, ребята с места набрали темп, и повозка вмиг взлетала наверх.

Тут же, чуть ли не сразу оказался и Шеф, который к тому же у подножия успел снова перекрыть дорожку будто «упавшим» деревом. Потом все вместе пересекли широкую ровную поляну и подошли к крутому, вертикальному склону. Но это был – стоило только повнимательней приглядеться – не просто «склон», а скорее слившийся с небольшой горкой фасад дома, врытого в землю. Или большой землянки. Двухэтажной, было видно два ряда небольших, слабо светящихся окон.

Когда ребята (Марина под руку с Сережей и Иваном) вошли в дом, то попали в довольно просторную комнату со стенами, отделанными тесаными сосновыми жердями. У стен – широкие лавки. В углу жаркая печь, над которой виднелся ряд жердей. Рядом небольшой столик, под которым дремлющая собака. Дальше, уже на другой стене, – дверь в глубь дома, видимо, в соседнюю комнату или комнаты. А главное – лестница, ведущая на второй этаж. Тут же, на стене, надпись: «Наверх – только в тапочках». Под лестницей – горка самодельных сандалий, сделанных то ли из войлока, то ли из сухой травы.

Как только вошли в комнату, Павел Александрович скомандовал: «Марину на второй этаж. Немедленно первично обработать повреждения».

В это время со второго этажа спустились девочки из группы Вадима Семеновича и еще одна «местная» девчонка, постарше и построже, наверное, здешняя «медчасть». И все они вместе быстро поднялись на второй этаж. Спустился и сам Вадим Семенович с ребятами – все сухие, обогретые. Пообнимались с Сережей; на ходу, еще на лестнице – с Мариной.

Павел Александрович дал еще одну команду, прямо обращенную к Семену:

– Сеня, сорокаминутная готовность, вместе с Тигром (из-под маленького столика, стоящего у печки, раздалось легкое ворчание. «Ага, Тигр – это собака», – понял Сережа) передашь для страховки через Акимовича депеши, сам добейся прилета «санитарки». Там, – пояснил он, – связь понадежнее, поофициальней (хотя мы и здесь продублируем) и заявку на вертолет принимают без долгих расспросов. Хотя повод вообще-то самый безотказный – лавина. Мы все наши депеши задублируем по рации – нужна надежность.

– А вы, – это уже слова, обращенные к Вадиму Семеновичу, – подготовьте успокоительную телеграмму домой. Мы ее отправим прямо или через Акимовича. Только не пугай никого, – закончил, неожиданно переходя на «ты». А теперь все в столовую (вон дверь – рядом с печкой), там, по-моему, картошечка нашенская с хренком и чай.

II

Утром спали столько, сколько смогли. Пока не рассвело. И даже более того. Уже вернулся с Тигром Семен. Встали все девочки, с ними Марина – обе ноги забинтованы, на одной ноге – «шина». Но только когда затарахтел севший у подножия Плато санитарный вертолет, все из команды Вадима Семеновича окончательно отошли от сна, встрепенулись, засуетились.

Пришел Павел Александрович (он со своим отрядом давно уже был «в делах»). Сказал:

– Пока тут летчик отлаживает машину да завтракает, я чуток помучаю – расскажу кое-что о нас, поговорим с тобой, Вадим Семенович («Ага, сразу на “ты”, не иначе вчера под ночь малость приняли», – весело подумал Сережа), и с вами, Сережа и Марина.

– И еще с Гариком, он наш теоретик и картограф, – добавил Вадим Семенович.

– Хорошо. Потом расскажете все, что нужно, остальным. Теперь – в мою резиденцию.

Резиденцией оказалась маленькая персональная каморка Шефа – стол, кровать, скрипучее кресло, стул. Все разместились на кровати, Марина – на кресле (сказала с ноткой торжества: «Вот!»). Сам Шеф, Павел Александрович, сел верхом на стул, так, чтобы можно было опереться руками на спинку, и начал рассказ:

– Это место, которое вы называете Плато, а мы по традиции – ЭМА («Малым Архипелагом», хотя никакого «архипелага» тут нет), открыли еще лет 12 назад, когда искали загородное место для всего нашего отряда. Сначала хотели даже именно здесь образовать главную базу. Но потом все же остановились в болотной низине – на Архипелаге с островами.

Но вот лет 6–7 назад Архипелаг был уничтожен, временные наши пристанища на Севере оказались неустойчивыми и ограниченными, а жизненные обстоятельства очень разными. Правда, мы получили хорошую академическую марку и крышу под эгидой Академии – «Поисковой магнитно-резонансовой экспедиции Севера». И я под этой маркой вместе с Игорем и с небольшой группой молодых «архипелаговцев» осел в Университете в Краснояре, защитился, стал преподавать.

У нашего командора, Игоря, нет выхода, у него по какой-то неведомой причине начали отниматься ноги, и ничего не помогает. Даже из Москвы и за границы приезжали какие-то светила, спецы – ни-

чего. Он вместе со своими помощниками-компьютерщиками стационарно продолжает разработку общей стратегии и поиск ключика к тайнам, с которыми мы столкнулись. У него образовалась отличная команда, отчасти из совсем молодых, есть просто «гении». Но как бы то ни было, всем нам в Университете стало все же тесно, неуютно (в нем все более ужесточаются порядки и все больше становится другого — нам чуждого).

Тогда часть отряда («Поисковой экспедиции») решила — и тут потребовался «старик» — перейти на базу, вот на это самое Плато, воссоздав по возможности то, что было на Архипелаге. Тем более, что на самом Плато — море проблем. По мнению Игоря, схожих с основными «нашими тайнами» (кажется, и Борис так считает).

К этому присоединилось и еще одно основание, у кого-то — самое главное. У многих «архипелаговцев», как и у университетчиков и других толковых людей, стало вообще нарастать ожесточение и отчаяние, вплоть до тупой злости. Ничего кардинального, при всем словесном антураже, в стране не делается. Правда, какая-то стабилизация в последние годы наметилась, некоторые отрасли начали развиваться. Но это все же не то, что должно быть в стране, которой по силе интеллекта людей и природным богатствам отведено куда большее. Однако страна по разным причинам все более втягивается в императивную систему «глобализма», которая при всей ее нынешней неизбежности и известных плюсах не оставляет стране иного выбора, как быть сырьевым придатком Системы во главе с одной сверхдержавой. Наряду с попытками создать Альтернативу у многих возникает неодолимое стремление *уйти* — отойти в сторону, подальше от всего того, что мешает жить и думать.

При создании базы нам помогла природная (или природно-искусственная, никто не знает) особенность Плато. В частности, в самом его центре из недр выбивается ровный поток горячей воды, который сбрасывается в ущелье. Не потребовалось больших усилий, чтобы создать мощную и вместе с тем миниатюрную энергостанцию — электричества и тепла у нас вдоволь. Отсюда и все остальное. От людей не прячемся (есть бумага — «Экспедиция Академии»). Но и не выставляем себя — иначе конец серьезной работе. Связь с Университетом, с Игорем — раз в неделю. Чаше выходим на Большую землю через Биостанцию. Это самые общие сведения.

На этом разговор завершился.

К этому времени вертолет уже загрузили. Пристроилась в салоне, попрощавшись со всеми, и Марина.

Неожиданно к обоим Шефам (Павлу Александровичу и Вадиму Семеновичу), сидящим на первом этаже около печки и продолжавшим «свой разговор», подошел Сережа и сказал:

– Вадим Семенович, я полечу с Мариной – доведу ее до Краснояра, а может быть, и до дома...

Вадим Семенович чуть-чуть оторопел. Все как-то «вдруг», ранее никак не оговаривали это. Сережа – его помощник, опора, авторитет среди ребят. Да и с Мариной у него не те отношения, когда непременно «сопровождают».

Но тут неожиданно вмешался Павел Александрович. Он сказал:

– Вадим, пусть сопровождает. – И когда Сережа был «отпущен» и вышел уже за дверь, добавил несколько загадочное (и, видимо, еще и «свое»): Тут, поверь, тот случай, когда иначе нельзя... – И попросил: Сходи к ним, пусть немножко подождут, мне короткое письмо через Сережу надо передать.

Когда и как улетел вертолет, никто толком и не заметил. Тарахтел, тарахтел и вдруг перестал. Только спустя некоторое время дежурный по радиации сообщил, что с Биостанции пришла депеша – вертолет ушел прямо на Краснояр.

Целый день ребята бродили по Плато (дальнейший маршрут, как было объявлено, будет определен завтра на утреннем совещании). Безумно интересно – как «затерянный мир» в фантастическом романе. Вот бы здесь поработать вулканологам, орнитологам, этнологам. Действительно, гнездятся какие-то большие птицы. Но самое интересное, по словам «местных» ребят, там внутри, в проходах к пещере. Но вход «вовнутрь» был перекрыт большим щитом: после лавины, закупорившей пещеру, возникли проблемы, резкая загазованность, что-то еще, мешающее проходу «вниз» (ребят после лавины еле вытащили).

III

Поздно вечером, когда все, и «свои», и «гости», улеглись и, кажется, все дружно, разом погрузились в крепкий сон, Вадим Семенович, как и в прошлый вечер, пришел в каморку к Павлу Александровичу. Оказывается, и здесь, слава Богу, есть люди, кому можно излить душу, поговорить в открытую, всерьез, по-взрослому.

Разговор двух Шефов оказался каким-то нескончаемым. Они и днем в свободную минутку, то у печки, то во время кратких вылазок на Плато, то даже во время обеда – продолжали «дожимать» острые вопросы – «давай отбросим эту, уже нашу, иллюзию», «давай, и здесь чест-

но...». Ребятам даже в этих отрывках все было ясно. Много мудреного, словечки всякие, но в основном все же понятно. Часто сходились во мнении, поддакивали друг другу, одинаково наболело, хотя, как всегда, много было «своего».

Павел Александрович достал из своей тумбочки начатый вчера «флакон с божьим даром» (так он представил граненую бутылку с зельем), без которого настоящего разговора в нашем отечестве не бывает никогда. Налил в стаканы «по сантиметру». Чокнулись.

Но разговор продолжил гость. Вадим Семенович сказал:

— Ты знаешь, я продолжу то, о чем мы говорили сегодня днем, со своей колокольни.

Я могу тебя заверить, что страшный удар мировой перспективе на пороге нового века нанесла самая богатая страна, слывшая образцом демократии и эффективного рынка. После страшных событий в Нью-Йорке (для меня до сих пор очень загадочных) она — теперь единственная супердержава — сама стала на путь войны и беззакония, в сущности — государственного террора. И такого падения Права (с большой буквы) — величайшего достижения человечества, единственного средства, которое может спасти мир от хаоса и самоистребления, за всю историю человечества еще не было. Вновь, в зоне господства сверхдержавы, как в Средневековье, торжествует право силы, прикрываемое, впрочем, лозунгами чаще всего о «правах человека» и «борьбе против терроризма» (хотя более чудовищного проклятия, чем терроризм государственный, не существует).

— Да, это верно, — согласился Павло, как порой стал его называть Вадим Семенович, и добавил свое: — Тем более если страна, как наша, в тупике. Никто, абсолютно никто не хочет признать, что и новый эксперимент, вслед за «коммунистическим», в основе своей провалился. Всеобщее акционирование по-американски привело не к процветающему капитализму или просто модернизации, как провозглашали отцы-рыночники, а к полугосударственной, олигархически-корпоративной, криминализованной наемной системе, где благоденствует олигархия.

Приняли еще по несколько «сантиметров». Разговор пошел рассыпью. Говорили, как водится на Руси, одновременно, перебивая друг друга. Говорили о «нашей молодежи»: «Ну, хорошо, наши хотя бы заняты компьютерами, горами, сплавами, романтикой, — тайны тут встретились, возможно, грандиозные, а возможно, — от сказки, всевечного ожидания чуда, но и то многие впали в отчаяние, злость, безнадегу, а многие вообще не знают ничего, кроме дискотек, секса, пи-

ва, травки, балдежа, неостановим вал молодежной преступности, растут подростковые банды». Боже мой. Боже мой. Что делать? Тупик.

Уж где-то под утро какую-то черту решил подвести Павел Александрович. Он сказал:

– Наверное, в нашем обществе многое и, возможно, самое главное придется «начинать сначала». Прежде всего – с детишек. А в экономике (как мы поняли на Архипелаге) – тоже с изначального и самого простого – с сельского хозяйства. Так было в Истории всегда – страны, добившиеся долгого достойного существования, опирались на землю и ее хозяина. И сейчас самые благополучные страны, могущие, казалось бы, обеспечивать себя продуктами питания посредством геной инженерии и химии, увеличивают вложения в развитие натурального сельского хозяйства.

– Ибо секрет успеха в исходном – в связке «земля-хозяин». Только на земле вырастают настоящие хозяева-предприниматели, в самой генетике которых стремление не «проесть» основу своего благополучия, а улучшить, модернизировать ее; и все то, что с ней сопряжено. Именно потому, что как раз сельское хозяйство создает прочный фундамент собственной безопасности, оно, сельское хозяйство, стимулирует развитие и модернизацию всех «последующих» отраслей – прежде всего обрабатывающей, машиностроительной и таких отраслей, как энергетика, электроника, генетика. На этой основе возникает самодостаточная, саморазвивающаяся система, решающая другие национальные проблемы и общественные нужды.

Павел Александрович замолчал. Что еще говорить? Неужели эту простую истину нужно еще разжевывать?

– Пошли спать, – сказал Вадим Семенович. – Скоро уже вставать, решать все дальнейшие вопросы. Про себя подумал: «Без Сережи трудно будет. Как он там? С Мариной?»

Что-то тревожное

I

Утром, только-только рассвело, два Шефа вновь встретились в ка-морке.

Павел Александрович сказал:

– Тебе, Вадим, через полчаса, кажется, встречаться с группой – на счет сегодняшних и дальнейших планов. Ведь главную задачу вы, ка-

жется, выполнили — «открыли нас», и в этом отношении дело сделано. Что дальше? И тут я должен сказать, что у нас есть тревожные симптомы. И наверное, потребуется ваша помощь (до того, как вам, видимо, придется возвращаться — много снаряжения утрачено).

Первое, — продолжал Павло, — что-то тревожное происходит с Плато. Ведь исторически с Плато — все ясно. Это миллионы лет назад некоторые верхние слои магмы почти прорвались на поверхность. Точнее, подошли к поверхности, вспучили даже часть поверхности ущелья, но почему-то остановились. Не только не образовалось вулкана, что как будто бы должно было случиться, но все дело ограничилось тем, что прорвавшиеся глубинные слои всего лишь образовали большой холм и стали выбиваться струи газа и вместе с ними появились источники горячей воды. Вплоть до кипящего озера в пещере. Плюс — какая-то непонятная архитектура внутри, отчасти то, что мы называем пещерой и отходы от нее, — явление непонятное, никак не объяснимое. И все это как бы законсервировалось. Судя по всему, уже довольно давно. Даже по историческим меркам. Но в последнюю неделю, чуть ли не день в день со снежной лавиной, в «геологии» Плато начались какие-то нарастающие процессы.

И вот мы — я, Гарик и еще один наш парень из числа подвижников, Паша-младший, — проведем сегодня доскональную глубинную разведку. Не исключено, что мы на грани вулканического прорыва. Поэтому всей группой начнем потихоньку паковать имущество. Возможно, потребуются быстрые действия. Быстрая эвакуация.

Вашу же группу просим помочь нам в понимании другой тревожной загадки. Месяц или более назад на одной из невысоких близких к нам вершин Главного хребта (мы назвали ее Вершина-Х) и на ближайшем предгорном холме началось какое-то движение, будто бы там появились какие-то люди, сверкнула раз-другой аппаратура, однажды даже слышался не очень громкий взрыв. Акимович с Биостанции сообщил нам, что видел, что дважды в нашу сторону через перевал перелетал большой вертолет. Потом после лавины как будто все исчезло.

Не могли бы вы, ваша группа, исследовать те объекты, о которых я говорил? Хотя бы визуально. В общем. И вообще, тут в обстановке очень трудно разобраться. Может быть, отчасти потому, что этот участок гор неведомо чей — то ли казахский, то ли российский. И Адамович с Биостанции с этим согласен, хотя Биостанция будто бы в российском ведении. Но из военных чаще всего навевываются сюда — казахские (или кто-то еще).

И еще одно, — закончил Павел Александрович. — Когда ваша группа отправится обратно, просьба донести нетронутыми, и без какой-либо рекламы, пять-шесть пакетов до Краснояра (если ваш вертолет туда повернет) — прямо в Университет Игорю Адамовичу. Но я уж очень забегая вперед. Говорю — так, для ориентировки.

— Принято, — коротко сказал Вадим Семенович, — завтра небольшой группой с утра выйдем на маршрут. Сейчас нужно только карту обработать. Ну и подготовиться к завтрашней вылазке, конечно.

II

В группе Вадима Семеновича вылазку в горы решили назвать «разведкой». Предложили ребята, побывавшие в армии, — чтобы не лукавить и был «разведочный дух». Время — один день. Темп. Девчонки остаются. Да из ребят идут только «старики». Гвардия (Сережки только нет, жаль). Всего с Шефом — шестеро. Остальные готовят «прекрасный обед» и помогают аборигенам — команде с Плато в ее делах. Они что-то засуетились, затревожились — надо помогать, включиться.

...Вышли на маршрут после быстрого завтрака еще в темноте. Только стало рассветать. Но на белесом небе с крупными звездами Предгорный Холм и Вершина-Х были видны отчетливо.

Дорога до Холма — ровное поле. Это — чуть подтаявшая лавина. Но, слава Богу, — не катушка. Снег днем подтаял — сейчас шероховатая леденистая корка. Будто специально для горных ботинок. До подножия Холма прошли в хорошем темпе — час с небольшим всего.

Правда, передний склон Холма довольно крутой — скалы, снежные карнизы. Пришлось обходить Холм. Когда вышли на другую сторону, соскользнули с края снежной лавины, которая именно здесь, сбросив часть своих карнизов, будто присоединилась к основному снежному потоку, и ахнули. Не только склон пологий с этой, другой, стороны, но и здесь, перед Холмом, оказалась большая поляна (вертолетная площадка, что ли?), от которой начиналась прямая, ровная дорожка на вершину Холма.

Только вступили на дорожку — новый сюрприз. По дорожке потянулся свежий след от тракторных гусениц (другой след от гусениц — рядышком с дорожкой, на снегу). Что за машина? Наверное, небольшая, если заброшена сюда вертолетом. По одному следу — не понять. То ли БМП? То ли просто грузовая гусеничная машина? Или что еще?

На вершине Холма — остатки старинного каменного укрепления, или простой каменной стены, или часовни. Было заметно, что стена

недавно обновлена и с помощью небольших бревен и скоб в двух местах – в сторону гор и Плато – на метр или даже несколько больше приподнята, причем в середине стены – широкие амбразуры (а они – для чего?).

На вершине Холма – небольшая площадка. На ней – глубокие следы от трех массивных опор (а это что? Что тут крепилось на опорах?).

Ребята еще ходили внутри «крепости» на вершине Холма. Нашли обрывок проволоки, винт со сбитой резьбой. Больше ничего.

Теперь – на Вершину-Х.

И тут повезло. С другого конца поляны, где уже начинаются отроги Вершины, выходит узенькая тропка, которая, извиваясь, тянется вверх по склону.

Но подниматься по склону оказалось тяжело. Скользкие камни. Обледенелые участки. Да и начав «разведку» в быстром темпе, ребята – а дело шло к полудню – подустали. Пришлось у небольшой полянки, усыпанной камнями, делать привал с «перекусом» (по паре бутербродов, конфеты и кружка кофе из термоса).

И тут же увидели, что один край лавины как бы заскочил на склон горы. Возможно, он сюда, если судить по обрушившимся карнизам соседней вершины, и направлялся. Тогда почему же снежный поток повернул вниз, прорвался к Плато? Вадим Семенович походил по краю лавины, покачал головой и вернулся к ребятам на тропу.

На вершину стали напоздать обрывки туч. В какой-то момент уже большая туча накрыла всю группу. Когда туча уползла, а до вершины оставалось метров двести-триста, Вадим Семенович остановил группу. Ребята тяжело дышали, стояли молча, опираясь на лыжные палки (наши «альпенштоки»), – устали. Солнце уже совсем ушло за горы. Стало темнеть, особенно внизу – там вообще уж сплошная темнота.

Вадим Семенович сказал:

– Всем сбросить рюкзаки. На саму вершину мы поднимемся с Артуром (друг Сергея, сейчас замещает его как помощника Шефа). С тропы никому не сходить. Остаемся в пределах видимости.

Шеф и Артур, прихватив связку веревки, быстро удалились. С тропы было видно, как из-за камней мелькают их шапочки. Потом «шапочки» куда-то пропали. Нет и нет. Стало чуть тревожно. И вдруг они вновь замелькали рядом, быстро приближаясь.

Так что не прошло и полчаса, как вновь вся группа оказалась вместе. Вадим Семенович и Артур тоже сели на рюкзаки. Шеф объяснил:

– Там, наверху, у самой вершины – довольно крутой подъем. И весь – гладко-ледяной. Покрыт замерзшей водой. Но и с того ме-

ста, до которого мы дошли, видно: на острие вершины небольшая площадка и маленький, на одного-двух человек, наблюдательный пункт. Оборудован из камней. В сторону Плато — что-то вроде небольшой амбразуры. И ничего другого. Теперь так, — продолжил Шеф, — начинаем спуск. Одной цепочкой, след в след. Последующий все время видит предшествующего. Ни полшага в сторону. Шаг вправо, шаг влево — без «сладкого» на ужин. Замыкающий — Артур.

Быстро темнело. Но на горе, а потом на Холме было довольно светло. Так что группа спускалась довольно быстро. Тем более, что на Плато зажгли огни — большой, мерцающий, видимо, на вершине дома и маленький, там, где начинается косая дорожка на вершину Плато.

Вскоре «разведка» оказалась уже на Плато.

Обед, действительно, был великолепен.

III

Оба Шефа, Вадим Семенович и Павел Александрович, стали шептаться еще во время застолья. Для «разведчиков» — обед; для остальных — поздний (не прощальный ли?) ужин.

Затем, после того как было объявлено, что отбой в 11 вечера, оба Шефа торопливо удалились в каморку. Судя по всему, накрепко и надолго.

Наиболее встревоженным был Павел Александрович.

И не только потому, что неприятности касаются прежде всего его дома — Плато, со всем сделанным, начатым и задуманным. Но и потому, что все в общем говорит об одном и том же. Оказалось, что Плато капитально загазовано. Даже здесь, на поверхности, чувствуется. Сернистый газ и еще что-то, без приборов не определишь. Но когда Павел Александрович со своими помощниками проник в первые же внутренние проходы, ведущие к пещере, то выяснилось, что там можно пробыть минуту-другую, не более.

Главное же — резко поднялась температура, градусов на 10–15. Да и на поверхность выходит к электроблоку не горячая, а кипящая струя воды. Хуже того, эта струя истончилась, стала бурлящим ручейком. Ибо вода уже «по дороге» превращается в пар, и из земли уже выбивается фонтанчик пара, вокруг — расширяющаяся лужа, от которой пришлось пробивать канавку для сброса воды.

— А что у тебя? Вы-то что, Вадим, обнаружили? — спросил Павел Александрович.

Вадим Семенович рассказал обо всем увиденном и найденном, добавив:

— В общем, загадок не убавилось. Пожалуй, их стало даже больше.

— То, что мы находимся в зоне чьего-то повышенного внимания, — ответил Павел Александрович, — меня не удивляет. Последние года 2—3 это делается чуть ли не в открытую. Бог с ними — наблюдательными пунктами, мы их давно заметили. Беспокоит другое — каким образом удалось «повернуть» снежную лавину на Плато? Лавины в это время года вообще не ходят. И видимых предпосылок к снежному сбросу сейчас не было. Надо было как-то очень растревожить слежавшиеся пласты, чтобы они «пошли». Но если они вдруг все же «пошли», что изредка бывает, то почему же снежный поток не уткнулся в Вершину-Х, а повернул к нам? Просто оторвавшаяся часть лавины? Небольшой сброс в сторону?

— Понятно, — сказал Павел Александрович, — в нашей жизни любые действия — как это видно особенно в последние годы — можно подогнать под «закон». Мы в свое время молились на закон, а вышло, что это вещь — коварная, законы — творение человека, нередко весьма произвольное, прикрываясь законом можно делать что угодно. Действительно же святое — это безусловная защищенность прав каждого отдельного человека. Ну, ладно — это у нас, людей. Но законы природы-то не творение человека, ими не прикроешься...

И тут вмешался Вадим Семенович. Он сказал:

— Мне показалось из того, что я видел сегодня, — здесь, в природе, человек тоже кое-что может. Хотя, наверное, и в другом плане. Прости, что вторгаюсь не в свою обитель, я больше отталкиваюсь от сегодняшних наблюдений. Разве невозможно все же искусственно вызвать сброс снежных масс, а потом, наряду с главным снежным потоком и чуть наперерез ему, запустить другой, пусть и меньший, — с тем, чтобы он увлек за собой главный поток? И это породило бы грандиозные, будто сугубо природные последствия? И разве, если пойти вслед за твоими общими рассуждениями, не многое ли именно в таком ключе делается в технике, механике, инженерном деле?

Возвращаясь же к своей материи, скажу, что и сам закон можно отлить в отработанные и жесткие конструкции (над чем в последние годы начала работать в юриспруденции авангардная мысль). Именно конструкции, запомни, то есть в сущности то же, что и в технике! И тогда — если создать эффективную конструкцию закона — удастся пресечь отсебятину тех или иных деятелей. И тогда просто законом не прикроешься, он сам по себе будет отторгать всякий произвол и всякую вольность. Правда, для этого нужны обширные знания в юриспруденции.

– Ну, ладно, – примирительно сказал Павел Александрович, – давай не будем касаться высоких материй. Хотя я впервые слышу о законе то, что один в один согласуется с физикой и математикой («Книги надо читать», – пробурчал, не прерывая разговор, собеседник). Хотя в твою пользу как будто говорит нечто фантастическое – ведь одновременно с подвижной лавиной, кажется, оживилось самое неподвластное человеку – геологические процессы. И нужных юридических конструкций на этот счет, которые были бы способны воспрепятствовать этому, не оказалось. Тут или непредвиденные последствия, или всего лишь некое совпадение?

– А вообще-то надо ставить точку, – заканчивал разговор Павел Александрович. – И в наших рассуждениях. Увы, и с нашей базой. Я уже обсудил с ребятами возникшую ситуацию – будем перебазироваться на «запасной аэродром». Это километров двадцать – двадцать пять отсюда. Из наших прошлых, «бобриных» резервов.

Нужно будет только основательно перестроить электроблок. С расчетом теперь на холодный поток, что делали и в глубокой древности, то есть отработать и ввести другую техническую конструкцию, чем, не скрою, мы уже несколько лет на всякий случай занимаемся, и, теперь видно, не зря. Вам же, вашей группе – просьба задержаться на пару днейков, помочь перебросить основные наши ценности, и технические, и бытовые, хотя бы на промежуточный пункт, а потом мы сами управимся (Вадим Семенович при этих словах выразительно мотнул головой и развел руками – «а как же иначе?»).

А сейчас – спать. С раннего утра дел – по горло.

IV

Группа Павла Александровича прощалась с Плато. Это было видно по молчаливому настрою ребят. И в то же время – по деловитости, собранности, пониманию друг друга с полуслова. «Как при похоронных делах», – сказал кто-то.

Сразу после завтрака, не мешкая, включились в работу и Петр Александрович, вся его команда – помогали упаковывать тюки, иную ношу. Потом, ближе к обеду, сформировалась группа «носильщиков», она занялась переноской тяжестей на «промежуточный пункт». Дорога была несложная. Нужно было только попотеть на, казалось, нескончаемом пологом тягуне, перевалить по несложному перевалу через один из отрогов Главного хребта и при спуске, с небольшим поворотом сразу же выходишь на горный склон с довольно просторной

пещерой, прикрытой у входа деревьями. От Плато — километров десять. Туда и складывались принесенные грузы. Несколько минут перекура — и обратно. До обеда некоторые ребята сбегали туда и обратно по два раза.

После обеда оба Шефа, «электрики» и еще несколько парней, всего человек десять, все с грузом, настроились на долгий путь — к конечному пункту (там уже мудрили с мини-гидростанцией двое технарей). С тем, чтобы сегодня же вернуться обратно. Дорога была сначала та же, что и до перевалочного пункта, а потом — спуск и спуск, хоть песни запевай. Еще пара часов — и весь отряд вышел к бурной мутной реке.

— С километр по берегу, и мы будем на нашей новой базе, — сказал Павел Александрович.

«Базой» оказался небольшой остров посередине реки. В центре острова остроконечный скалистый холмик. Один берег острова — там, где стремнина реки, — крутой обрыв. Другой берег («наш») — пологий, галька, песок.

— Тут есть брод, — сказал Павел Александрович, — видите, две вешки, раздевайтесь до трусов, груз над головой — и переходите. Пока — только так. Завтра-послезавтра наладим скоростную переправу.

На острове на широкой, ровной площадке уже горел костер, стояла палатка. Двое «сторожил» мудрили с электроблоком, настраивали «свою электростанцию», несказанно обрадовались грузу (почти весь груз — техника). Устроили быстрый полевой обед, и обратно, быстрее-быстрее, скоро начнет темнеть. Один из пришедших «технарей» остался помогать. «Свет и энергия — прежде всего».

...На обратном пути Павел Александрович, замыкавший группу, перед подъемом на перевал придержал за рукав Вадима Семеновича:

— Не торопись. Несколько слов. — И потом сказал совершенно неожиданное:

— А ты знаешь, мы скоро, максимум через три года, закроем всю нашу экспедицию и вернемся в город, в Университет. Так что перебазировка, независимо от опасений и тревог, полезна. Подготовка к возвращению в город, в Университет и вообще в Россию. Ибо без людей (чтоб было много людей) — все же трудно. Дичаешь. Становишься каким-то изгоем. К тому же мы накопили всякий материал. Понятно — он самый гениальный (как думает каждый из нас). Но надо все наработки, и не раз, проверять, «запустить в научный оборот». А потом, если получится, — и в реальное дело. Тем более, что, как нам становится известным, в России намечается широкое движение — «Альтернатива». И еще какие-то делаются творческие шаги («Именно шаги, — по-

яснил Павел Александрович, — так и начинаем называть наши семинары или ежемесячный симпозиум — “Шаг за шагом”»).

V

Спустя два месяца, когда островная база уже заработала и началось строительство на склоне холма «земляного дома», рано утром дежурные услышали со стороны Плато грохот, взрывы. Даже земля вздрогнула. Чуть ли не сразу послышался резкий звенящий шум над головой, и на низкой высоте, вереницей, на подъеме перестраиваясь в треугольник, пролетело звено быстрых зеленовато-бурых вертолетов.

«Павел Александрович! Павел Александрович!» — закричали дежурные. Взлохмаченная голова Шефа высунулась из командирской палатки, и Павел Александрович тоже услышал шум удаляющихся вертолетов.

— Что это? — спросил Шеф. — Неужели что-то случилось с Плато, и так там все было на грани.

Поднялся весь лагерь.

Дежурные, наверное, в десятый или двадцатый раз рассказывали о случившемся. Отвечали на вопросы: «Нет, заходов будто не было», «Нет, никаких опознавательных знаков не было». «Будто бы казахские машины. А может, и чьи-то другие». Как определишь?

После завтрака Шеф, оставив за себя Артура, переправился на ближний берег и с двумя ходоками-разведчиками (один рюкзак — два перекуса, термос, топор, фонарь) в быстром темпе отправился по знакомой дороге к Плато.

Когда группа издала увидела Плато, то все удивились — будто бы ничего не изменилось. Стоит на месте, зеленеет. Птицы летают.

Но вблизи стало видно, что вся поверхность Плато искорежена взрывами, на склонах свежие выбросы камней и земли. Глубокая воронка — на косой дорожке, ведущей наверх.

Один из парней, не обращая ни к кому, спросил: «Неужели “они” не установили точно, что на Плато нет людей, нас?» «Наверное — установили. “Они” всегда в курсе. Хотя кто знает...» — ответил Павел Александрович.

Наверху среди воронок, валов выброшенной земли, камней, сломанных деревьев, разрушенной земляной двухэтажки, среди всего этого разгрома — там, где совсем недавно почти полностью иссякла кипящая водяная струйка и поднимался столбик пара, вновь —

как и в былое время — из-под земли шел ровный поток горячей воды. Не чувствовалось и запаха газа. Проникли через поваленное дерево в первое помещение, ведущее к пещере, — и там чисто, газа нет.

Вот чудеса! К чему бы это?

Спустились вниз, к подножию Плато. Новые чудеса. Взрывом оказался отброшен снег от широкого входа в пещеру. Прошли по пещере метров сто. И там везде чисто. Чуть отдает газом — как всегда.

Вновь поднялись наверх, к горячему потоку. Перекусили. Посидели молча, каждый думая о своем и, наверное, о чем-то общем. Перед отходом Павел Александрович сказал задумчиво:

— Знаете, ребята, мы, кажется, поторопились перебазироваться. И в чем-то крупно ошиблись. Хотя, может быть, и нет. А вообще-то, тут вполне вероятно — *предзнаменование*. Как ни ломай сделанное, ни строй преграды, ни совершай опрометчивых шагов и прочее, все равно что-то изначальное в нашей жизни, будем верить, — светлое и чистое, берет свое. Не надо только самим отступать. Надо двигаться в чистом и светлом направлении, а когда надо, и драться за это.

Вдвоем

I

Нет, мы не забыли о Марине и Сереже, которые на следующий день, после того как группа Вадима Семеновича достигла Плато, улетели на санитарном вертолете.

Как только вертолет оторвался от земли, Марина вдруг почувствовала, что они с Сережей остались на всем свете только вдвоем. Были летчики, груз, кажется, были еще какие-то пассажиры, а все равно, кроме них, не было никого.

Сидели молча. В какой-то миг в вертолете все качнулось (яма?), Сережу прижало к Марине, и она не отодвинулась, только, показалось, слегка вздрогнула. Так и продолжали сидеть.

Вертолет летел ровно, слегка дрожал, лишь раза два проваливался в «ямы». Внизу рыхлые облака, через которые, хотя и не всегда отчетливо, видна земля, сначала — горы, четко и близко — перевалы, теперь зеленовато-коричневая равнина, леса, реки.

Вышел вертолетчик. Прокричал, перекрывая шум мотора: «Летим прямо в Краснояр, сразу к нашим, без таможни и пограничников. Акимович с Биостанции передавал привет».

Прошло еще некоторое время. Сережа, не поворачивая головы, скосил глаза — Марина задремала, но закрытые веки чуть вздрагивают.

Снова вышел вертолетчик. Вновь прокричал: «Посадка будет не в городе, а на подлете, на ведомственной площадке. Распоряжение диспетчера».

Вскоре вертолет как-то боком резко пошел вниз, пробил облака и, наконец, приземлился на бетонном «кругляше». Рядом еще несколько «кругляшей», на некоторых из них — военные вертолеты. Вертолетная площадка.

На борт поднялся лейтенант, наверное, дежурный. Сказал:

— Санитарная машина придет часа через два. Придется подождать. А сейчас давайте вместе дотянем до «дежурки».

Лейтенант накинул на свое плечо Маринин рюкзак, затем подхватил Марину под руку. Кивком головы пригласил Сережу сделать то же самое — подхватить его попутчицу с другой стороны. И они вдвоем и сама Марина, иногда опираясь на одну ногу, сначала спустились по лесенке с вертолета и поковыляли к небольшому одноэтажному зданию, утыканному на крыше разными антеннами.

Идти было недалеко — метров пятьдесят. И за это время Сережа и Марина сумели слегка сориентироваться. Действительно, это была только небольшая «площадка» для вертолетов, окруженная высоким забором. Хотя и другая — не та, с которой вылетали в горы. По всему было видно (точнее — слышно), что за забором — большой аэродром, там время от времени садились и поднимались большие самолеты, — кажется, военные. Когда подходили к «дежурке», Сережа заметил за воротами санитарную машину (вот тебе на!); заметил, но пересиливая себя, дабы не разгорячиться, не завестись, промолчал — не время конфликтовать, много неизвестного.

В здании лейтенант провел ребят в «комнату отдыха» (так было написано на двери). Сказал: «Ждите. Скоро приедут», — и быстро ушел.

В комнате — диван, несколько кресел, телевизор, на столе — газеты, несколько журналов. Как только из комнаты вышел лейтенант, Марина спросила: «Сережа, я полежу?» «Конечно, конечно, о чем речь! Ложись немедленно. Я сейчас за чаем сбегаю», — откликнулся Сережа. Какие-то минуты, и он уже сбежал к дежурному, добыл кружку чая с конфеткой.

Марина устала от перелета, чувствовала себя плохо. Она залпом выпила чай, легла на диван и уснула. Или просто забылась. Или замерла, закрыв глаза, бывает и такое. Сережа укрыл Марину своей утепленной штормовкой. Было мелькнула у него мысль все же учинить кру-

той скандал (рядышком же стоит санитарная машина!), но он знал, что в таких заведениях, в которое они с Мариной, кажется, попали, «выступи» только и перед тобой может вырасти глухая непробиваемая стена. И машина придет тогда лишь ночью или завтра. Да и вообще пусть Марина пока отдохнет, неизвестно, что будет впереди. А там посмотрим. К бою будем готовы, когда надо, не лыком шить!

Сережа сгреб со стола кучу газет, сел в кресло, стоящее рядом с диваном, и, краешком глаза не упуская из поля зрения Марину, стал быстро — как он умел — просматривать газеты. Не случилось ли что в стране и в мире?

II

Оказывается, случилось.

В стране началась мощная «артподготовка» к предстоящей президентской кампании. Нечто похожее было несколько лет назад, когда вдруг заговорили, — правда, не очень настойчиво («пробный шар?») — о продлении срока президентства до семи лет. Теперь другой поворот событий. Можно предположить, что здесь своего рода упреждающее действие администрации.

Ибо ряд организаций «Альтернативы» готовился к тому, чтобы поднять везде, где удастся, вопрос о действительных функциях и полномочиях Президента. Дело в том, что стало каким-то общим местом убеждение, будто Президент по Конституции обладает «неограниченными властными полномочиями». На самом деле при тщательной проработке конституционного текста (Вадим Семенович однажды в Академии провел на этот счет из среди самых умненьких аспирантов и старшекурсников мозговую атаку) было установлено другое.

Президент по смыслу, духу и точному тексту Конституции призван быть охранителем и гарантом основных демократических ценностей и идеалов, прав человека прежде всего. Он не управляющий страной, не единодержавный правитель. У него вообще нет каких-то общих властных управленческих, административных полномочий, кроме небольшого круга, точно обозначенных в Конституции и законе. Такие, будто «неограниченные», полномочия — след былых царистских и партийно-большевистских традиций. Поэтому от «Альтернативы» готовилась к общественному обсуждению проблема о необходимости всем государственным инстанциям строго действовать «по Конституции». Понятно, Президенту — тоже. Хотя его властный голос и не менее решительные действия порой, действительно, край-

не нужны, но всегда — строго по Конституции, всегда — во имя демократии, защиты прав человека.

И вот — упреждающая акция. С декларацией о всеобщем одобрении всех действий Президента и его современного статуса. А отсюда — внимание! — с предложением от имени науки и профсоюзов о возможности выборов Президента на «третий срок». В газетах, на телевидении — выступления академиков, профсоюзных активистов, фермеров, пенсионеров. Даже от госдепартамента заморской страны — комментарий о том, что таков «мировой опыт», «у нас», например. И решить все это надо срочно и сразу выносить на всенародный референдум. Значит, не какое-то «точное следование конституционному тексту», а напротив, уточнение этого текста в соответствии с референдумом, со сложившейся практикой и волей народа.

Ну, это все понятно. Это можно было ожидать.

Но еще заметка. Постановление Верхней палаты о необходимости преобразования «в целях последовательной демократизации» управления охраны при Президенте в особое министерство с тем же названием. Что это за фокусы? Итак, масса силовых ведомств. Истории известно — сколько потрачено энергии, чтоб сосредоточить мощные вооруженные силы еще и непосредственно в руках главы государства (были даже предложения назвать их «Президентской гвардией»; и для защиты демократических ценностей это, может быть, и оправданно). А тут будто бы наоборот? И даже какие-то повторы. Или это для упрочения и усиления функций данного, нового ведомства, в чьих-то, не в связи с защитой демократии, интересах? Кто-то задумал, что ли, сосредоточить у себя мощные силы — такие же мощные, как в настоящем силовом министерстве? Загадка какая-то.

Но вот другая газета. Вчерашнее число. Тут совсем другое.

В ней на первой же полосе — «В администрации Президента». В этом сообщении говорится о том, что участвовавшие в последнее время предложения об установлении «третьего срока» носят сугубо теоретический характер, никаких разработок по этому вопросу в администрации не проводится, внесение подобных предложений администрацией не предполагается.

Тут же ответы на запросы об образовании нового министерства. Разъясняется, что соответствующие нововведения, если и возможны, то исключительно для доведения до конца административной реформы. При этом прорабатываются и другие варианты. Во всяком случае, предполагается сохранить в новом министерстве особое подразделение, обеспечивающее охрану Президента и всех других

высших должностных лиц. В то же время новое министерство призвано устанавливать тесные контакты с населением, его различными слоями, фирмами, иными организациями («Ну, ну, — прошептал про себя Сережа, — олигархи — тоже, простите, «слой», не они ли имеются в виду?»).

Сереже и в голову не могло прийти, что с представителем одного из подразделений предполагаемого министерства ему придется встретиться через несколько минут.

III

В дверь постучали. И сразу же, не дожидаясь приглашения, вошли двое — капитан и средних лет женщина — короткая стрижка, полевая сумка. Поздоровались. Сели за стол. Капитан спросил:

— Что, девушка спит?

Сережа подошел к Марине, дотронулся до руки. Может, так она проснется, без чего-то другого? И вдруг увидел, что у Марины открыты глаза. Она смотрит на него, и в глазах ее острый тревожный вопрос. Будто она и не спала вовсе, все думала, думала. А теперь спрашивает. Правда ли все это? Можно ли целиком довериться? Сережа слегка погладил ее по руке, успокаивая.

Марина тотчас же откинула прикрывающую ее штормовку, сбросила ноги на пол и, опираясь на руку Сережи, подседа к столу.

Капитан сказал: «Мы тут с проверкой всех прилегающих территорий» (он при этом помахал книжечкой в красных корочках). И потом спросил:

— Документы у вас есть?

Марина и Сережа достали из карманов курток завернутые в целлофан паспорта (вот уже года два без них ни шагу), Сережа еще — водительские права, Марина — удостоверение мастера спорта.

Капитан вновь спросил, передавая паспорта своей спутнице (та, заглядывая в паспорта, стала что-то записывать в тетрадь):

— Это все? А документы для пребывания в горах? Визы?

— Они у наших руководителей, — ответил Сережа, — мы же оторвались от своей группы. Вы же видите — ожидаем санитарную машину.

Капитан и его спутница помолчали, потом переглянулись, и капитан сказал, обращаясь к Сереже:

— Ваша спутница останется с Валентиной Ивановной (он кивнул в сторону женщины с полевой сумкой), а мы с вами прогуляемся, выйдем минут на пять — десять.

Капитан и Сережа вышли в коридор, затем вошли в одну из соседних комнат, полную какой-то аппаратуры с мигающими лампочками. Сотрудник, который там работал, сразу же вышел. Знал.

Капитан и Сережа сели за маленький столик в углу комнаты. Капитан достал из кармана небольшой диктофон, включил его и тотчас же безостановочными очередями зазвучали вопросы: «Какова цель выхода в горы? Знали ли о каких-либо объектах в горах? Чьи они — наши, казахские или кого-то еще? Что это за “Плато”? Какие документы у них? Не было ли каких-нибудь политических целей, контактов? Каково настроение тех, кто живет на Плато? Чем занимаются вечерами? Какие разговоры и оценки? А вы не для связи ли с ними шли? Не несете ли с собой каких-либо вещей или пакетов от них?» (Ура! Насчет письма не спросил, а то пришлось бы врать, а «они» все равно бы потом узнали).

Когда Сережа и капитан вернулись в комнату «для отдыха», то, судя по всему, женщина с полевой сумкой (Валентина Ивановна) вела такой же допрос, как и капитан, — на столе стоял диктофон, Марина — как и всегда в трудные минуты — была жесткая, напряженная. Она с тем, чтобы ввести в курс дела Сережу, видимо, повторила только что сказанную фразу:

— Да, я еще раз говорю — там, на Плато, каких-то особых разговоров, контактов не было. А у нас, у девочек, вообще обычные пересуды. Вы же знаете, Валентина Ивановна? — с наивной интонацией закончила она.

Капитан, кажется, почувствовал какую-то тонкую издевку и неловкость от того, во что выливается ловко задуманная им, как, видимо, казалось, операция, и сказал примирительно:

— Ну, ладно. У нас работа; извините, если что не так. Прощайте. Все, Валентина Ивановна.

Только вышли из комнаты капитан со своей спутницей, как появились санитары с носилками. Но до этого Марина успела сказать Сереже:

— Ты понимаешь, эта Валентина Ивановна не очень-то сильна интеллектом — она дважды проговаривалась, что «они с капитаном» из какого-то «Управления охраны». Ты знаешь — что это такое?

— Знаю и не знаю, — ответил Сережа. — Потом расскажу.

IV

Когда садились в санитарную машину, один из санитаров спросил Сережу: «А вы кто?»

— Сопровождающий, — ответил Сережа, добавив: — И друг.

При слове «друг» Марина подняла голову с «лежачего места» и слегка улыбнулась глазами. Да, друг. Не просто «сопровождающий».

Санитарная машина выехала из ворот вертолетной площадки (выйдя на крыльцо, увидели, как из ворот сверкнула уезжающая легковая машина), обогнула забор, ограждающий аэродром, и сразу же оказалась на широком шоссе. Сережа сел на сиденье, у ног Марины, и так же, как и она, закрыл глаза. Впервые за последнее время было как-то спокойно на душе, ни о чем не думалось, все ясно, Марина рядом.

Через полчаса машина подъехала к больнице. Судя по всему, обычной муниципальной. Но Марину там ждали. Из регистратуры позвонили куда-то, и довольно скоро вышел врач с сестрой и коляской. Сережа спросил врача: «Простите, надолго лечение?» Врач ответил встречным вопросом: «А вы кто?» Сережа повторил с некоторым уточнением и дополнением:

- Сопровождающий и близкий друг. Попали под лавину.
- Пождите здесь с полчаса, – сказал врач.

Сережа достал из Марининого рюкзака и передал медсестре – той, которая была с коляской, – легкий спортивный костюм, свитер, мыло и зубную щетку. Ничего другого «больничного» Сережа в Маринином рюкзаке не нашел. Марина, которая, повернув голову, видела все это, махнула рукой: «Хорошо, ничего другого не надо».

Ждать было тягостно, нарастала неясная тревога – что там? Но вот вышел врач и сказал:

– Ничего уж очень серьезного. Через неделю ваша подружка будет на ногах. Можете звонить прямо в ординаторскую, ко мне – Моисею Борисовичу (вот телефон – на визитке, возьмите). Посещения по нечетным числам, с 16 до 17, вам разрешено. Ее палата – 22.

Сережа тут же, в больничном киоске, купил зубную пасту, тапочки, какой-то крем, помаду, положил в пакет вместе со всем этим короткую записку («Мариша! Приду завтра в 16. Твой С.») и все это передал через дежурную сестру – «в 22-ю, Марине». В больнице, в регистратуре, Сережа узнал, как ему добраться до Университета.

Оказалось, что автобусная остановка рядом с больницей, и есть автобус, который идет прямо до Университета.

V

Игоря Адамовича в Университете Сережа нашел сразу. Физико-математический факультет находился в главном здании. На первом этаже – лаборатория со странным названием «Резонансовая» (поз-

же Игорь Адамович объяснил, что это название ни о чем не говорит — обозначили так, чтобы была связь с названием экспедиции «по линии Академии наук», больше ничего, ну и фарс — таинственность).

В лаборатории, уставленной несколькими столами и разными приборами, треть помещения отгорожена. Пусть и большая, но все же — клетушка. На ее двери — табличка: «Игорь Адамович», без всяких указаний на должность и звание. Чуть ниже таблички — планшет с описанием занятий и консультаций.

Сереза вошел в лабораторию и громко сказал: «Здравствуйте!», девушка, сидящая за столом у дверей, откликнулась: «Привет», окинула его взглядом и, больше ничего не спрашивая, молча кивнула на дверь клетушки. Сереза вошел туда и снова сказал: «Здравствуйте!» Из угла комнаты, где у единственного окна стоял небольшой столик с компьютером и сидел человек в инвалидной коляске, послышалось негромкое: «Здравствуй, Сереза. Как там дела у Марины? Проходи ко мне» (Сереза подумал: «Все хорошо. Связь работает»).

Изнутри это была уже не клетушка, а своеобразный, пусть и небольшой, учебный кабинет. Весь кабинет, отступив на полшага от стен, опоясывали длинные скамейки — четырехугольник. Внутри четырехугольника — один большущий стол, почти вплотную примыкающий к скамейкам. По стенам невысокая панель. На стенах на уровне человеческого роста узкие полки, на них — сплошной ряд книг и папок. Чертежная доска. Кресло — у стола. На него и показал Игорь Адамович, пригласив Серезу «к себе».

Сереза, чуть бочком и слегка касаясь панели, быстро прошел к столу. Игорь Адамович — худой, будто изможденный, но глаза — крепкие, со смешинкой — пожал руку Серезе и, не отпуская ее, усадил гостя в кресло. И только тогда Сереза ответил на вопрос о Марине:

— Марина в больнице, в получасе езды от аэродрома. Врач обещал — через неделю встанет на ноги.

После этого Сереза достал письмо от Павла Александровича, положил его на стол.

Когда Игорь Адамович, не отрываясь, прочел письмо, он пристально посмотрел на Серезу, и вновь спросил: «Ты сопроводишь Марину до дома?»

— Конечно, — ответил Сереза.

— Правильно. Когда она, как говорит врач, «встанет на ноги», вы обязательно вместе зайдите ко мне. Оба, — сказал Игорь Адамович и попросил: — А теперь подробно расскажи о вашем походе и о своих впечатлениях о нашей базе.

Сереза рассказал в подробностях, в деталях. Заметил, в частности, что лавина подошла к Плато как бы выдохшаяся, немощная. «А вот команда на Плато и, конечно, сам Павел Александрович – высший класс. Только у меня на душе что-то тревожно».

– Значит, уловил, – сказал Игорь Адамович. – Там, действительно – проблемы. Мне по радиации сообщили, что команда (и «ваши» помогают) как раз сегодня начала готовиться к перебазировке на запасную базу, и вскоре, наверно, мы вообще свернем тамошнюю экспедицию.

– Еще, Сереза, – продолжил Игорь Адамович, – расскажи, чем ты сам занимаешься, увлечен? Я знаю, что ты правовед – область знаний, которую часто обвиняют в формализме и догматизме. Не все в нашей науке уважают юристов, считают их начетчиками и политиканами. Но такое мнение от незнания, к тому же нам здесь, в Университете, уже известно, что вы вместе с Вадимом Семеновичем вышли на что-то серьезное.

VI

– Хорошо, – сказал Сереза. – Расскажу, как сумею. Хотя тут вещь предельно простая. Насколько я понимаю, достоинство любой технической науки, особенно при «выходе» ее на практику, состоит в совершенстве обосновываемых ею конструкций. Конструкции моста через широкую реку. Конструкции самолета. Конструкции высотной башни. И так далее. То есть в том научно-практическом решении, которое на основе научных разработок дает эффективное, подчас оригинальное решение практической задачи.

А что у нас, в юриспруденции, которая тоже по своей основе – наука техническая? Юриспруденция большинством людей понимается как область знаний о законах и судах. А сами законы часто трактуются упрощенно, наподобие инструкций: что «можно», а что «нельзя» – просто права, обязанности, ответственность. И действительно, как будто здесь настоящей наукой и не пахнет. Одна политика и формалистика, как вы сами сказали. Тем более что законы сами по себе в самом деле – субстанция коварная. Ибо в форму закона можно облечь все что угодно, любое своеволие – формулируй только все это в виде юридических прав, обязанностей, ответственности. Тогда и власть под сенью своих законов может творить, что ей заблагорассудится, любое своеволие, тем более, если – а это возможно при самом демократическом строе – поставить и судей в зависимость от власти, политики.

Но вот с десяток лет назад в юридической науке появились утверждения, что положение в юриспруденции можно коренным образом изменить, если вырабатывать совершенные юридические конструкции. Эти «конструкции» известны с давних пор (разные виды договоров, составов преступлений), но они юристами трактовались как нечто сугубо формально-техническое. Теперь же становится ясно, что в самих законах вот эти самые права, обязанности, ответственность, гарантии нужно выстраивать в строгом и точном соотношении. То есть выражать в отработанных, совершенных юридических конструкциях. И видеть в такого рода конструкциях само содержание права, закона. Причем, вполне возможно (и очень нужно), на основе науки и практики вырабатывать такие юридические конструкции, чтобы их никто — ни власть, ни любое лицо — не сможет нарушить произвольно, по своему усмотрению.

— Так это же что получается? — удивился Игорь Адамович. — Не математика ли здесь, в области права и закона, начинает работать? Если это верно, то дело очень перспективное. Не уступающее нашим физико-математическим разработкам.

— Да, — согласился Сережа, — мы так же думаем. У Вадима Семеновича есть даже точные расчеты на этот счет. И он сейчас пытается в нашей Правовой академии образовать, как он говорит, особое «Конструкторское бюро», пусть пока на уровне студенческого научного общества.

— Очень хорошо, — сказал Игорь Адамович и продолжил: — Я тебя вкратце посвящу в наши дела. Когда я начал работать в Университете, то думалось — коль скоро в детстве мы творили всякие чудеса — в бобрином краю, потом еще кое-где (об этом — особый рассказ), то уж здесь рванем на полную катушку. Тем более что «гениев», то есть молодых талантливых ребят, у нас даже прибавилось, а Университет поддерживает. Но у нас сейчас — какой-то тупик. Мы даже не можем воспроизвести то, что делали раньше. И даже по-настоящему понять все это. Ребята, теперь уже студенты и аспиранты, которые занимались всеми «чудесами», будто бы забыли, как они достигали свершений. И как мы «устроили» направленную грозу в бобрином краю. И все другое. Даже Павел Александрович что-то бурчит невнятное, когда мы спрашиваем о чудесах в одном из его путешествий на Север. Как, через какие физические механизмы это могло осуществиться? Никто не знает. И я, как ни бился, не знаю.

Все согласились только с тем, что мы каким-то образом через Интернет «зашли» на какую-то непонятную по источнику програм-

му, которая, в свою очередь, оказалась способной через свои (опять непонятные) механизмы возбуждать или направлять некие природные силы. Словом, некоторые из нас шутят (или как раз не шутят) – не сам ли Бог тут в наши дела включался на то или иное короткое время?

VII

Сереза бывал у Марины каждый день. С утра он, придя из студенческого общежития, где он нелегалом подселился к ребятам из туристской братии, околачивался в лаборатории Игоря Адамовича. А ровно в 16.00 – первым был у входа в больницу. Там его уже хорошо знали, пропускали без всякого пропуска и объяснений, все звали по имени, не замечали, когда он задерживался в палате.

В палате было, кроме Марины, еще трое больных. Очень пожилая женщина – старушка и две женщины, одна кормящая мама (к ней несколько раз в день приносили шестимесячного младенца, он с налета впивался в мамину грудь) и секретарь директора торговой фирмы. Вся тумбочка в цветах.

С собой он приносил несколько полевых цветочков из городского парка, бутылку минеральной воды и какой-нибудь фрукт – большое яблоко, грушу, ананас, все другое – во вред. Однажды врач, Моисей Борисович, попросил его поискать какое-то редкое, дорогущее лекарство, нигде в городе нет. Через час оно уже было у дежурной сестры. Та покачала головой, пробурчала: «Ничего себе».

Сереза, как только приходил в палату, сразу же, поприветствовав всех «обитателей», садился на стул у изголовья Марины и рассказывал обо всем, что было и что он видел или слышал. Полная информация о сегодняшнем утре и дне и о вчерашнем вечере. Маринины соседки, хотя и были всегда заняты, прислушивались – интересно, редко теперь такое встретишь. Подробно пересказал Сереза свой разговор с Игорем Адамовичем. В том числе об этих самых юридических конструкциях (полная поддержка!). Марина тут же вклинилась, сказала: «А вам и психолог при выработке юридических конструкций наверняка нужен. Ты знаешь, например, что “не дать право” и “отобрать право” – по сути, казалось бы, одно и то же, а в действительности очень разные стимулы». Сереза поддержал: «Да, это важно».

Нередко заходила медсестра. Говорила: «Сереза, иди погуляй минут пятнадцать». Значит, уколы, еще чего-нибудь – мальчишкам не надо знать.

Марина лежит недвижима, одна нога приподнята, даже подвешена на какой-то крюк. Одеяло натянуто высоко, почти до носа. Все равно Сережа, разговаривая, положил руку на край одеяла, сквозь него ощутил ее руку. На следующий день он увидел, что Марина в какой-то цветастой кофточке с длинными рукавами (ну, девчонки, — непобедимы!), руки на одеяле. При разговоре Сережа как бы само собой положил свою руку на ее. Не отстранилась, не отдернула руку. Чувствовалось только, что будто волна пробежала. По Сереже тоже. Свою руку он так и не отнимал до конца, пока не ушел.

Марина задержалась в больнице дольше, чем обещал Моисей Борисович. Сереже пришлось даже встречать на гражданской вертолетной площадке и провожать до вокзала и дальше до отхода поезда свою группу, вернувшуюся с Плато (базы на острове). Приехал на вокзал и Игорь Адамович. К нему в машину сначала занесли пакеты от Павла Александровича, а потом подсел Вадим Семенович, и они долго-долго разговаривали. Сережа наказал ребятам: «Марининых предков не пугать (запомните — всего лишь простое растяжение, требующее срочных процедур)». Вадим Семенович отдал Сереже все деньги, которые у него были, — всякое может быть.

Когда Марину выписали (с костылем — еще недели две!), они сначала с Сережей на такси поехали в Университет. Разговор с Игорем Адамовичем не очень клеился. Марина была вся зажатая, скованная, почему-то говорила с трудом. Потом разговорилась. Она рассказала, что соединение Университета и Академического института, кажется, удастся (если не помешает военное ведомство, оно настроено на прежнее обособление — свои интересы). Просматриваются и перспективные контакты с правоведением (Сережа не рассказывал?).

Игорь Адамович переводил взгляд с одного на другого — ну, куда они, Марина и Сережа, друг без друга? В конце разговора он сказал: «Когда закончите свои alma mater, переходите к нам, в нашу команду, у нас как раз таких спецов не хватает. Квартиру (так и сказал в единственном числе — квартиру) через полгода гарантирую».

Прощаясь с ребятами, Игорь Адамович, не вставая с кресла, пригнул каждого к себе — поцеловал. Марина снова напряглась, крепко сжала кулаки. Как только вышли из здания и добрались до первой скамейки, она рухнула на нее и, не таясь, разрыдалась. «Боже, Боже, — прошептала, — он такой худой-худой, жизнь уходит, его ведь скоро не будет». Сережа обнял Марину, сказал: «Держись».

И вообще, разговор с Игорем Адамовичем, особенно последние его слова, что-то глубоко затронул в Марине. Да и в Сереже — тоже.

Может быть, в нем — еще больше. По дороге в аэропорт он без колебаний согнал с сидячего места в автобусе какого-то пацана, упорно глядевшего в окно, осторожно усадил на освободившееся место Марину. При посадке в самолет отобрал у нее костыль и, закинув ее руку на свое плечо, почти внес Марину в салон, усадил в кресло, брал на себя все разговоры с дежурными, стюардессами, говорил — «нам», «мы».

Устроившись в кресле, Марина сказала: «Сереженька, я подремлю...» Сил у нее уже не было. Никаких.

VIII

В «своем» аэропорту Сережа усадил Марину в такси.

Сказал: «На несколько минут заскочу домой, потом — к тебе».

Сережина одряхлевшая девятиэтажка была недалеко, по дороге. Когда подъехали к подъезду, Сережа бросил водителю и Марине: «Пять минут. Засекайте». Действительно, ровно через пять минут он был в машине. Уже в городской, гражданской одежде (джинсы, куртка, кеды), в руках небольшой сверток, несколько подвявших садовых цветочков — Марине. Сказал: «Никого нет дома. Все, Ленка тоже, по горящей путевке уехали на базу “Озера”». Так что я сегодня один-одинешенек».

«Одинокой» оказалась и Марина. Когда добрались до Мариной квартиры, вошли в нее, на кухонном столе — записка. «Мариша! Мы тебя ждали. Уехали в Разливное — очень больна тетя Валя. Приедем, если не будет больших ухудшений, в субботу (то есть завтра — зафиксировала Марина). Мама».

Марина почувствовала, что здесь опять какой-то поворот — дома (неважно, в чьей квартире) на ней — ответственность. Она сказала:

— Сереж. Ты — на кухне. Минут 40. Мне нужно привести себя в порядок. А на тебе завтрак. Продукты в холодильнике («Да у меня кое-что есть с собой», — показывая на сверток, добавил Сережа). А потом мы съездим в больницу — надо показаться хирургу, сделать перевязку («Вот и Марина сказала “мы”», — подметил Сережа).

Марина укувыляла на костыле в свои апартаменты. Плотно закрыла за собой дверь кухни.

На кухню Марина вернулась через полчаса — в спортивном костюме, но каком-то новом, парадном, темно-синем. Из-под костюма белел воротничок блузки. Гладко причесанная, волосы на затылке — тугий узел. Без всякого макияжа («Молодец», — подумал Сережа).

За это время Сережа успел приготовить омлет с ветчиной (прихватил из дома), крепкий чай, на сковороде — слегка поджаренный хлеб

(тоже из своего свертка; знал — чуть поджаришь, и черствый хлеб становится как свежий).

После завтрака Сережа помыл посуду, вызвал по телефону такси.

В поликлинике Сережа, несмотря на протесты Марины («Давай, как все, встанем в очередь, получим талончик»), сразу сбежал к зам. главного врача: «Девушка из-под лавины, только из стационара в Краснояре». Марину принял сам зам. Вместе с ней ходил к хирургу, в перевязочную. Строгий домашний режим, не менее двух недель, хирург и сестра будут приезжать сами. «На вас ответственность, спрошу с вас», — сказал зам.

— Теперь не отвяжусь, имею поручение медицины, — сказал Сережа, когда вернулись из поликлиники.

— Не отвязывайся, — ответила Марина.

Сережа позвонил в Академию, накоротке поговорил с Вадимом Семеновичем. Потом сказал Марине: «Я на кафедру. Шеф просит. Часа на два. А ты отдыхай. Хорошенько. Поспи по-настоящему».

После того как Сережа умчался (прихватив ключи от квартиры — «чтобы не будить»), Марина легла, пока не раздеваясь, на кровать. Нет, сна не будет. Она встала и поковыляла на кухню — надо заниматься хозяйством...

Прошло два часа. А Сережи все нет. Еще час. Еще полчаса. Марина поставила будильник на стол, рядом — аппарат переносного телефона, и, что бы ни делала, все время смотрела на стрелки часов и на телефон. Потом села за стол около часов и телефона — что-либо делать уже не могла. Смутная неотвязчивая тревога охватила ее, до онемения, вот-вот выключится сознание. Почти вслух сказала себе — то, что говорил Сережа в Краснояре, — «держись», вдруг что-нибудь понадобится срочное. И про себя добавила еще: «Теперь-то я тебя от себя никуда не отпущу».

IX

Внезапно загрохотал звонок входной двери.

Марина чуть ли не прыжками с опорой на свой костыль вмиг оказалась у двери. Одним движением открыла замок:

— Сережка! — отбросила костыль и припала к его груди, прижалась. — Слушай, есть же телефон. И обед остывает.

Сережа, в обеих руках большие сумки с продуктами, был какой-то растерянный, опустошенный, выжатый как лимон. Он сначала пробормотал: «Черт, ключ никак не мог найти», а потом сказал: «Мари-

ша, пройдем сначала в комнату, до обеда небольшая информация, меня касающаяся».

В комнате он сказал, сто раз, наверное, по дороге продуманное, про себя проговоренное:

– Я решил все свои личные проблемы. С Ольгой («Ага, имеется в виду – черноволосая девушка. Наверное, в подсознании у меня это тоже присутствовало», – мелькнула мысль у Марины). Все думали – у нас с Ольгой любовь, чуть ли не регистрация на носу. А у нас был всего лишь «любовный флирт» (у французов какой-то термин на этот счет есть). Чтобы на танцах и вечеринках с кем-то быть. У Оли, впрочем, зрели, оказывается, и другие чувства. Словом, я съездил домой к Ольге и был тяжелый разговор. Я просил простить меня. Нам, мужикам, надо быть здесь, выходит, предельно осмотрительными, внимательными. Наши «легкие флирты» могут обернуться трагедией. Но с Олей сейчас, думаю, все в порядке. Умом она все поняла. Для остального надо время. И расстояния, – с некоторой игривостью, чуть улыбнувшись, закончил Сережа (так, подумал он, я и напомнил об «одной квартире»).

Марина слушала Сережу, опустив голову. Когда он закончил, Марина подняла глаза и посмотрела на Сережу. Посмотрела взглядом, в котором не было ничего, кроме спокойствия. Такого радостного спокойствия, которого она в своей жизни не испытывала ни разу («Может, это и есть кульминация настоящего чувства», – в тот миг подумала Марина).

Марина, одной рукой опираясь на костыль, другой взяла за руку Сережу и, не торопясь, повела его на кухню. По дороге Сережа успел сказать, что завтра часам к пяти Вадим Семенович и ребята собираются ее навестить.

После обеда Марина опять за руку привела Сережу в комнату, усадила его за стол, а на стол положила стопы альбомов, тетрадей.

– Смотри и читай. Тут вся «я». И в детстве, и сейчас. И на отдыхе, и в туризме. И мои мысли в одной из тетрадок тоже. И мои рисунки. В общем – все. А я пока займусь кухней, поколдую с продуктами – любимое мое дело.

К вечеру Марина накрыла в комнате шикарный стол. Как в ресторане пятизвездочного отеля. Сереже лишь пришлось два раза перенести с кухни кулинарные тяжести. Да достать из своей сумки бутылку – слабое винцо какой-то редкости. Впрочем, с бутылкой номер не прошел – Марина вернула ее обратно, сказав:

– Не сегодня. Завтра, когда придет все.

В середине ужина Сережа почему-то взволновался. Вяло поддерживал разговор. Лицо резко покраснело. Уклонялся от взглядов Марины. Когда наливал чай, дрогнула рука, дорожка рыжеватых капелек протянулась по скатерти.

Марина весело улыбнулась и озорно сказала: «Умный, а дурачок».

После ужина Сережа чуть ли не сразу засобирался домой. Сказал:

– Ну, я пойду.

Надел куртку и снова сказал, потупившись:

– Ну, я пойду.

Марина все это время продолжала озорно улыбаться, а потом вдруг посерьезнела и сказала:

– Сереженька, ты же умный. И все должен понимать. Ты знаешь, – продолжала она, – мне отчаянно хочется сказать тебе – не уходи, оставайся. Но я не скажу этого. Так как любой ответ твой – и «да», и «нет» – было бы плохо. Может быть, настолько плохо, что это перечеркнуло бы все замечательное, что было. И что будет. Все, что будет.

Сережа в то же мгновение крепко обхватил Марину руками, резко притянул ее к себе, приподнял на руках, да так, что костыль вывалился из-под руки Марины, и крепко поцеловал ее. Потом Сережа отпрянул, поднял упавший костыль и посмотрел на нее тем же взглядом, который совсем недавно, час-другой назад, был у Марины. Взглядом, в котором не было ничего, кроме радости. И спокойствия.

Когда Сережа уже выходил, Марина сказала:

– Завтра приходи ровно к десяти. Будем встречать команду, потом, наверное, моих родителей. Не опаздывай.

Впрочем, Сережа слышал в этих словах другое. Он слышал: «Я люблю тебя». И он тоже, уже за дверью, сказал про себя те же слова: «Я люблю тебя».

У ТАИН ВСЕЛЕННОЙ

Архипелаг

Лесной остров

I

В этой повести – продолжение рассказа об Алисе. Точнее – об Алисе, Борисе и Паше, а также о том, что образует главную тему повествования. Но все по порядку.

После всех происшествий в бобровом краю, описанных в рассказе «Алиса, Борис и Паша», прошло пять или даже почти шесть лет. Теперь многое, что произошло в то время, казалось тем, что на самом деле было, а возможно, и не очень было, а пришло еще из прочитанных книжек со сказками, из детского воображения, мечты. Хотя все, что относится к ребятам, к Алисе, Борису, Паше, а также к Игорю, было. Было точно. Так, как помнится. И бобры, почти ручные, добрые, тоже были.

Алиса живет в городе. Город большой, красивый. Учится, как и раньше, в школе. Теперь уже заканчивает шестой класс (впереди, после лета – седьмой). Всякие там первоклашки и даже второклашки, понятно, – мелюзга. Давно уже пройденное, как и всякие сказки, малышовое детство.

Папа, а с ним и мама вдруг недавно увлеклись садоводством – делом, которым многие, наоборот, в это время перестали заниматься. После повального увлечения в недавние годы садами и огородами, когда на небольших участках бывших, когда-то грандиозных «коллективных садов» велось чуть ли не каждой семьей натуральное хозяйство, ныне (в магазинах «все есть») многие вообще потеряли к садоводству и огородничеству интерес. И впрямь, порой думала и Алиса, все эти дачки и садовые постройки стиснуты, прижаты друг к другу, между ними – грядки, то есть вновь какая-то сплошная населенка, застройка, почти город.

Все попытки родителей увлечь и Алису садоводством не удавались.

А вот лес, как помнила Алиса еще с первого класса, после поездки в бобровый край, — деревьям конца и края нет, свежий воздух. Поляны. А на них цветы. Много-много цветов.

Алиса немела перед цветком. Будто это вообще какой-то другой мир — необыкновенные краски, все слажено, гармонично, за всем этим — что-то неземное, неведомое (потом, когда Алиса вырастет, она узнает, что цветы, по предположениям некоторых мыслителей, как и музыка, это, наверное, действительно окошечки в другой, еще более красивый, чем наш, неведомый, не до конца еще понятый мир).

Алиса, со слов мамы, знала, что родительская дача недалеко от леса. И как-то после очередных уговоров поехать на дачу мечтательно сказала:

— Вот бы в лес, к цветам...

— Хорошо, — ответил папа, — давайте поступим так — в следующий раз сначала заедем на дачу, сделаем там самые необходимые, срочные дела, а потом — в лес.

Алиса согласилась: «Ну, что же. Хорошо. Только обязательно — лес».

II

Алиса не забыла обещание родителей.

В следующий раз, когда родители в субботу рано поутру по обыкновению приготовились ехать на дачу, они увидели рядом с собой одетую по-походному, с рюкзачком, Алису.

— А как же уроки? — спросил папа, вспоминая былые отговорки Алисы.

— Сегодня один урок, и его разрешили готовить по вопросам самостоятельно.

— Поехали, — сказал папа. Мама при этом лишь слегка улыбнулась.

Но в лес попасть сразу не удалось. Как и договаривались. То есть и папа не забыл о том, что они сначала сделают что-то необходимое в саду. Оказалось, что нужно было перенести недавно привезенный торф на участок.

— А ну-ка, покажи свою силу — вон ту яму надо еще с полметра углубить, — сказал папа (значит, еще минут сорок?). А тут мама прополола целую грядку с ранними овощами — гора сорняков на дорожке. Алиса сама вызвалась:

— Мама, куда выносить?

В то время, когда Алиса было приступила к выполнению еще одного папиного задания, появилась мама и сказала:

– Стоп! Все! Алиса, выходим. У папы еще целая стройка века, да не одна. Конца не будет.

Алиса и мама быстро снарядились – панамки, маленький рюкзачок, туда – кружку, ножик, антикомарин – и в путь. Папа остался на участке – не оторвать.

До леса, действительно, было недалеко. Два крайних участка – и все, дальше дороги нет, лес, чащоба.

Лес оказался густым, сплошная стена сосен, елей, лиственниц, берез. Были даже дубы.

Часа за два Алиса с мамой обошли ближайшие окрестности. Замечательно. Если перейти лес вдоль старой дороги, которая здесь делает большую петлю-кривулину, то дальше открывается поляна (почему-то с необрунными стогами почерневшего сена), поляну сменяет лесочек – и вновь поляна. По всему было видно, что на полянах когда-то были огороды, сенокосы. Через лесочки проходила просека. Около просеки в густой траве серебрился небольшой ручей.

Главное же – как обрадовались Алиса с мамой – здесь нет (почти нет) отвратительных следов горожан – бутылок, целлофановых пакетов, консервных банок, другой городской грязи. Это место находилось далеко от электричек и автобусов и тем более какой-либо станции метро. Да и дорога была старая, с рытвинами, колдобинами – лихо на машине не проедешь. Лишь в одном месте посередине поляны виднелось обширное костровище, а вокруг – бревна и чурбаны для сидения. Наверное, здесь проходил какой-то слет, другое сборище туристов или каких-нибудь пионеров, бойскаутов. Но это случилось, кажется, только один раз. Место, наверное, показалось уж слишком отдаленным от транспорта и оживленных дорог.

И с тех пор, как только Алиса попадала на дачу (а порой она уже сама, допустим, в субботу после уроков или в воскресенье приезжала на автобусе, причем – с пересадками), то сделав какие-то «дежурные» садовые работы, она, Алиса, устремлялась в лес. Сначала – с мамой. Иной раз присоединялся и папа. Правда, ненадолго. Побыв немного в лесу и радостно провозгласив: «Красота-то какая!», «И это все – наша Русь!» и еще что-то в этом же роде, он стремительно убегал на очередную «стройку века» на даче.

Несколько раз и мама уходила, не дождавшись Алисы, занятой своими деревьями и цветочками. И наконец, как-то само собой получилось, что Алиса стала ходить в лес одна, «без сопровождения».

– Только вот что, – сказал папа, – ни шагу дальше просеки (она пересекала лес так, что оба ее конца выходили на дорогу, которая в этом

месте делала большую дугу; в общем у Алисы получался как бы лесной остров; и это название прижилось — так и говорили: «Алиса на острове»). — И еще, — добавил папа, — время пребывания — три часа и больше ни минуты.

— Хорошо, — сказала Алиса. И действительно, ни единого раза не нарушала договоренность.

III

Алиса нашла себе стоянку (или базу, или «свой лесной дом», как угодно) рядом с ручейком, у просеки. Тут оказалось поваленное, частично вросшее ветвями в землю дерево. Его засохшие и живые ветки образовали что-то вроде шалаша. Алиса вынесла наружу ветки из шалаша, затем нашла и положила снаружи еще несколько веток, убрала сучья, между ветками прикрепила принесенное из дома полотно целлофана, а внутри своего лесного дома устроила из свежего лапника и мха лежанку (можно даже лечь и вытянуть ноги).

Потом Алиса прикатила чурбан. Получился стол. Над ним повесила на сучок кружку; у изголовья лежанки, под трухлявым пнем, спрятала старый, с широким лезвием — хотя, увы, совершенно тупой — кухонный нож, найденный на даче в садовом сарае.

В то время когда Алиса обустроивала свой шалаш, со стороны ручья раздался какой-то шорох. Алиса повернулась и увидела, что в ее шалаш просовывается голова собачки. Как будто обычной, с чуть обвислыми ушами...

— А ты, милое создание, откуда взялось? — не меняя интонации голоса, будто знакомому существу сказала Алиса, большая любительница и поклонница всякой живности, особенно из собачьего царства. — А ну-ка подойди ко мне.

Собака (вот здорово!) поняла слова, сказанные ей, и покорно пошла. Это, действительно, оказалась средних размеров собака, не из породистых, но все же по облику не обычная дворовая шавка, а даже чем-то похожая на немецкую овчарку. На ее ошейнике белела бумажка. «Байкал», — прочла Алиса.

Когда Алиса с мамой бродили по лесу, они не раз, правда издали, видели стаю (а может быть, разные стаи) бродячих собак, которые в последние годы развелись в немалом числе в пригородных лесах. Зло это страшное, разом согласились мама с дочкой. Это же надо — такая несправедливость! Садоводы содержат собак, они охраняют их владения, собачек ласкают, холят, будто и впрямь это «братья наши мень-

шие». А как только заканчивается садовый сезон — вон из дома, с глаз долой, околевай в холоде и бескормице.

Немало брошенных собак, действительно, прощаются с жизнью. А другие сколачиваются в стаи, своего рода «лесные собачьи банды» или группы попрошаек. И у них, как рассказывают, не только просыпаются древние звериные инстинкты, но к ним добавляется то, чему они научились у людей, — далеко не всегда доброму (а чаще — тому, что идет от хитрости, коварства, людской жестокости, двуличия, злобы).

В то время как Алиса вспоминала эти разговоры, Байкал, как бывалая сторожевая собака, лег, полузакрыв глаза и положив морду на лапы, у входа в Алисин шалаш — сторожить. Алиса тут же из мха и сухой травы сделала для своего сторожа что-то вроде собачьей лежанки. Байкал, не открывая глаз, перебрался на эту лежанку. Понял.

Откуда ты взялась, милая собачка? Ты ведь явно не из бродячей стаи? А эта бумажка с именем? Она вообще будто бы написана сегодня, только что. Чудеса какие-то! Странности!

Отправляясь в следующий раз на свой «остров», Алиса прихватила остатки мяса от вчерашнего обеда (да из городского дома припасла кусок колбасы). Байкал даже не притронулся к этому богатству. Он был сыт. Или еще не смел. Или знал, что «это» — его и, значит, мог воспользоваться потом (что впоследствии Алиса и наблюдала не раз).

Когда Алиса, исчерпав свой временной «лимит», отправлялась домой, вместе с ней шел и Байкал. Но только они доходили до дороги, после которой начиналось садоводство, он стремительно убежал куда-то обратно в лес, всегда в одном и том же направлении.

Когда же Алиса подходила к лесу, она была твердо уверена, что уже с дороги увидит Байкала, который, чуть повиливая хвостом, ждал ее.

IV

Обычно Алиса, прибежав на «остров», прежде всего обходила свои владения. Теперь она знала каждый бугорок, каждое дерево. Да и каждый пенечек, наверное.

Нашла несколько норок. Что там за зверята? У одной норки она однажды увидела мышку. Алиса сразу же присела, замерла и долго-долго наблюдала за бойкой суетливой мышьиной жизнью. У норки побольше был замечен бурундучок. Здесь ли его домик? В другом месте Алиса обнаружила и совсем широкий вход в нору. А тут кто живет?

В свой «домик-шалаш» Алиса обычно приходила после такого обхода. Приходила с ворохом цветов и веточек. С тем чтобы одни расте-

ния положить на сушку, другие – в баночки для настойки. В последнее время Алиса, прочитав статью в каком-то популярном научном журнале, где, наряду с умными общими словами, давались дельные практические рекомендации, увлеклась «фито...» – целебными растениями. И уже говорила маме о том, что будет конкурировать с «их» садом – от кого больше толку: «Мы еще посмотрим» (а про себя думала, «вы все какие-то таблетки употребляете, а я скоро прекрасную замену дам, всем этим таблеткам»).

А к концу лета пошли грибы.

За один только утренний обход своего участка, а то и просто за время дороги от родительской дачи Алиса собирала целую сетку крепких боровиков, подберезовиков, подосиновиков. В своем лесном доме Алиса очищала, а затем разрезала «тупой секирой» (так она называла кухонный нож) очищенные грибы на маленькие кусочки, после чего нанизывала их на длинные, тонкие прутики, которые как-то заготовила впрок – целую пухлую связку. Этими прутиками с нанизанными на них грибами был теперь разукрашен весь Алисин шалаш. Получилось очень хорошо – и грибы сушатся, и шалаш расцвечен лесными грибочками, не потерявшими свой цвет. Сказка!

И вот такое лесное счастье длилось почти все лето – размеренно и тихо.

Но пришел август – конец лета. И события вокруг лесного острова и Алисы обернулись нежданной бедой.

Папа как-то уже под вечер, когда Алиса вернулась из своих владений, сказал: «Мы с мамой должны уехать домой. Ремонт закончен и надо все посмотреть, рассчитаться с рабочими. Поживи в саду дня два одна. Иван Семенович (это – сосед по саду, пенсионер из военных, не покидающий сад до самых заморозков) тут остается, если что, обращай к нему без стеснения, я его попросил – он и сам присмотрит. Только твои вылазки в лес, как договаривались, не более трех часов, и сразу же докладывай Ивану Семеновичу. А он, если надо, сообщит мне по мобильнику».

Родители уехали. Стало пустынно и скучно. Не с кем даже поспорить.

На следующий день, вопреки обыкновению, Алиса долго спала. Потом никак не могла разобраться – то ли еще завтрак, то ли уже обед. Куда-то запропастился рюкзачок. Что-то еще не заладилось. Лишь днем Алиса собралась на «остров».

Алиса ни секунды не сомневалась в том, что верный Байкал ждет ее на краю леса.

Собаки не было. Алиса даже крикнула несколько раз: «Байкал! Байкал!» Никто не откликнулся. Громко стрекотали кузнечики.

А вот грибов оказалось великое множество. Две сетки набралось. И поэтому Алиса решила не делать, как обычно, обхода своих владений (тем более что время, в общем, шло к вечеру), а сразу идти в свой лесной дом.

Еще издали она увидела, что Байкала нет и у шалаша. «Что ж, — вслух сказала Алиса, — все правильно». И обращаясь к себе, наставительно: «Сама приходи вовремя» (а про себя подумала: «А мог бы и подождать; ведь недаром говорят о “собачей верности”»).

И тут же, у шалаша, вдруг почувствовала, что здесь кто-то был. По каким-то еле заметным или вообще незаметным приметам. То ли веточки лежат не совсем так, как раньше, у входа в шалаш. То ли шишки отброшены в сторону. То ли сушеных грибков стало меньше. Показалось, что даже стол-чурбан стоит не на своем месте. Что-то еще. Весь дух в шалаше какой-то другой. Или это все только кажется? Наверное, просто кажется.

Ну, ладно. Нечего страхи разводить. Надо делом заняться.

Алиса разложила грибы на полянке у шалаша. Достала оставшиеся еще прутики. Надо бы, подумалось, еще подготовить пучок-другой. Но только она достала из тайника под корневищем спрятанный там нож, развернула тряпочку, в которую он был завернут, как вздрогнула и обомлела, чуть ли не вскрикнула. Нож, старый тупой кухонный нож, был остро наточен.

Некоторое время Алиса сидела неподвижно, окаменела, вся обратилась в слух.

Нет. Не слышится никаких чужих, посторонних звуков. Отнесем случившееся к очередной странности. Правда, совсем непонятной.

Алиса успокоилась, а потом быстро-быстро стала нарезать острым ножом аккуратные грибные кубики и кружочки. Работа шла быстро. И вдруг Алиса вновь вся напряглась. Она почувствовала, что где-то совсем рядом кто-то есть.

Напротив шалаша рос, превратившись в сплошную стену, густой высокий кустарник. Может быть, там? Алиса несколько раз внезапно и резко разворачивалась на кустарник, вглядывалась. Нет, никого.

Но в очередной раз повернувшись к кустарнику, она неожиданно увидела глаза. Не человека, не его контур, ничто иное, что напоминало бы человека, а одни глаза. Ярко-желтые, жалящие, остро устремленные на нее, Алису.

«Глаза», как показалось, через некоторое время тоже насторожились. И вдруг исчезли. Раздался не очень громкий, удаляющийся треск веточек. А затем, спустя некоторое время, несколько поодаль, уже за следующей поляной послышался громкий собачий лай. Да не просто лай, а неистовое, взвинченное рычание нападающей собаки, собачий визг, звуки борьбы. Неужели Байкал?

А вскоре из кустов, действительно, выскочил Байкал. Шерсть вздыбленная, помятая, в одном месте белела розоватая кожа — там, где клочок шерсти, судя по всему, был вырван, глаза налились кровью, а у ошейника обгрызенный кусок толстой веревки.

Байкал прижался к ноге Алисы, и она почувствовала, как вся собака возбужденно дрожит.

— Молодец, — сказала Алиса. — Молодец!

Затем отвязала с шеи обрывок веревки, отдала ему все съестное, что было в рюкзаке. Байкал без церемоний все торопливо до крошки съел.

Байкал на этот раз проводил ее до самого садового домика. «Все в порядке», — издали увидев соседа, Ивана Семеновича, крикнула Алиса.

V

Весь вечер и даже ночью (когда просыпалась — сон был беспокойный) Алиса все думала и думала о том, идти или не идти ей завтра на лесной остров. А потом неожиданно вспомнила ребят из бобринной истории, и колебания враз исчезли.

— Что я — трусиха, что ли? Игорь, Борис что бы обо мне подумали? — размышляла она. Пусть не по полной программе, но вылазка к шалашу (надо посмотреть — что там творится) — дело решенное.

Алиса на этот раз наметила пойти не привычным путем, а в обход, ближе к просеке, ее правому краю, выходящему на дорогу. Но и с дороги она краешком глаза взглянула на свою прежнюю тропу — Байкала вновь не было видно. Снова стало тревожно.

Алиса перешла кромку леса, а дальше — хотя перед ней и открылась поляны — побежала от дерева к дереву, перебежками, порой останавливаясь и внимательно оглядываясь, всматриваясь, вслушиваясь...

И вдруг ее нога скользнула по чему-то мягкому, слегка упругому. Алиса остановилась, взглянула под ноги и обомлела. Там чуть присыпанный листьями лежал мертвый Байкал. Ее собака! Явно убитая — потому, что ее бок был разворочен так, что сквозь зияющую рану бы-

ла видна кровавая земля. Да и вообще мертвая собака лежала в луже крови.

— Бедный ты мой, — лишь прошептала Алиса, потом вновь укрыла собаку листьями и ветками, поверх бросила кипу тут же сорванных цветков, а рядом надломил ветки высокого тонкого деревца (обозначила место; с тем чтобы потом быстрее его найти).

Может быть, сразу вернуться домой? Но нет. До шалаша было уже недалеко. Она, перебегая от дерева к дереву, обойдя поляну, побежала дальше — надо хотя бы заглянуть в шалаш.

Алиса старалась все время оставаться в самой тени леса, ближе к елкам. Пробежав полпути, она осторожно пошла — так, чтобы не треснул ни один сучок. Часто оглядывалась. И так же — от дерева к дереву. Порой вообще на минуту-другую останавливалась, замирала.

Но все эти предосторожности оказались напрасными.

Только Алиса подошла к входу в свой шалаш, как внезапно из него, размахивая цепью с острым крюком («Вот чем была убита собака!» — тут же мелькнула мысль у Алисы), одним броском выбросился какой-то парень. С криком: «Ну, дождался я тебя, краля! Сейчас-то сыграюсь, сучара!» — он кинулся на Алису, с ходу рывком, сверху вниз разрывая на ней джинсовый комбинезон.

Падая, Алиса как-то изловчилась и резко самым носком ботинка ударила парню между ног. Нападавший дико взвыл, повалился набок. Алиса же (потом, вспоминая, думалось — откуда что взялось?) вспрыгнула пружинкой и бросилась во внутрь шалаша, чтобы взять остро наточенный нож, и даже приговаривала: «Я тебе покажу, мразь. Сейчас ты от меня дашь деру». Но парень уже оправился, еще более ожесточился, ударил Алису в спину, вновь повалил ее и, схватив за ногу, стал волоком тащить из шалаша. Затем, ломая ногу, всем телом навалился на нее...

И вдруг — вихрь. Резкий хлопок. Что случилось? Остервенелого парня, все еще цепляющегося за одежду девочки, вдруг что-то оторвало от нее, подняло в воздух, и он, пролетев по воздуху метра три-четыре, шмякнулся прямо на пенек. Тут же вскочил и, подвывая от боли и страха, петлями побежал вглубь леса.

Алиса подняла голову. Перед ней, протягивая руку (чтобы девочка поднялась с земли), стоял высокий, спортивный молодой человек. И как ни странно в такой обстановке после жестокой схватки, спокойно улыбался.

Что-то очень, очень знакомое...

— Паша! — вскочив на ноги, закричала Алиса.

Да, это был Паша из команды ребят «бобрового прошлого» — тот Паша, который в те годы был неизменным молчаливым спутником Бориса (Боба).

VI

Алиса вернулась в родительский сад вместе с Пашей.

Ивану Семеновичу, соседу, сидевшему на скамейке у своего участка и явно, даже несколько демонстративно поджидавшего девочку (надзор! поручено!), Алиса сказала, прикрывая букетом цветов порванный комбинезон: «Прибыла. Все в порядке. Это — мой товарищ Паша».

Все в порядке... Все в порядке... Сама какая-то измятая. А парень этот? Товарищ у нее откуда-то взялся... Ночевать, что ли, будет?

Судя по всему, Иван Семенович все же позвонил родителям Алисы. Потому что они внезапно, уже ранним вечером (собирались приехать только завтра) вернулись на дачу. А с ними даже бабушка Васи (которая с «бобриной поры» была в большой дружбе с Алисой, да и с Пашей тоже). Папа по какому-то наитию специально заезжал за ней на другой конец города (бабушка, к счастью, оказалась не на даче, а в городе). Бабушка сразу же узнала Пашу:

— Ой, Паша. Как вырос. Молодец, что приехал.

А вот что рассказал Паша Алисе еще до приезда родителей.

Оказывается, он специально еще больше месяца назад приехал к Алисе по поручению команды, прежде всего Бориса. «Есть дело (тут тоже были кое-какие поручения), но о нем, этом деле, — потом. Кстати, — добавил он, — не забыть забрать у тебя бумаги, оставленные еще в бобриную пору».

Паше нужно было сначала присмотреться к Алисе (дело серьезное, и что случилось за пять-шесть лет — кто знает? Да и вообще она еще девочка, школьница). Его поразило, что Алиса, еще подросток, девчушка желторотая, каким-то образом добилась того, что на долгое время уходит в лес одна. А ведь это пригородный лес, где нет-нет да вершит свои делишки всякая шпана.

Но было в Алисином поступке и что-то дерзкое, необычное, что еще в бобрином краю и привлекло ребят. И сейчас очень нужное.

Значит, надо помочь девочке.

Сначала Паша, устроившись жить у лесника в нескольких километрах от Алисиного острова, в местном собаководстве добыл хорошую собаку под кличкой Байкал, немножко потренировал ее и «подбросил» к Алисе в ее лесной дом.

Затем, когда, по его приметам, для Алисы возникли прямые угрозы, ей пока неизвестные, он приготовил «оружие» для отпора – наточил нож, приготовил несколько дубинок с тяжелыми набалдашниками (они были в густой траве за шалашом, и Алиса их не заметила). Настроил себя на непрерывное дежурство вблизи Алисиного дома. На одной из раскидистых сосен устроил наблюдательный пункт с хорошим обзором. Когда же «кто-то» сначала в глубине леса привязал Байкала толстой веревкой к дереву около муравейника, а потом убил собаку, Паша понял – пришел враг. И вот-вот будет жестокая борьба.

Собственно и все, что и объясняет все странности.

– Надо же, – поразилась Алиса, – а я-то думала, что кто-то один стал навещать в шалаш. А тут двое, и такие разные люди! А один, слава Богу, ты, Паша.

Когда приехали родители с бабушкой, отец подошел к Паше, пристально, долгим взглядом посмотрел ему прямо в глаза. И крепко-крепко пожал и даже потряс руку Паши. А мама и бабушка даже расцеловали его. Туда же, всякие нежности разводят.

Потом папа с Пашей отошли в сторонку, сели на толстенное бревно и о чем-то долго разговаривали.

После этого разговора Паша стал быстро собираться.

– Ой, мне надо успеть на последний автобус. Всем привет. Завтра приеду. Алиса, без меня в лес не ходить.

И – исчез. Будто и не было его. Поздно вечером, уже в темноте, исчез и папа («Завтра рано поутру надо на работу»).

А на следующий день, уже в послеобеденное время, вернулись они вместе, папа и Паша. Вдвоем. Точнее – втроем. Потому что вместе с ними из машины выскочила и собака. Очень похожая на Байкала.

– Байкалом и будем его звать (хотя с рождения он имел другое имя). Ничего. Привыкнет, – сказал Паша. Папа с мамой отвели ему незасаженный уголок в саду, огороженный маленькими елочками. Целые дни, пока Паша находился в Алисином саду (а был он целую неделю), он тренировал собаку. В саду – без дела не выходить из своего уголка, не трогать насаждения, грядки. В лесу – приемы охраны и «боя». Пес оказался умненьким, легко поддавался дрессировке, да многое и сам умел, уже на третий день откликнулся на новое свое имя – Байкал. Быстро усвоил, что хозяйка его – Алиса.

Теперь в лес ходили втроем – Алиса, Паша, Байкал. Вновь каждый день обходили Алисины лесные владения. По всем правилам похоронили и соорудили аккуратную могилку убитому Байкалу. Все «аптекарские» травы и ягоды, заготовленные Алисой, перенесли на дачу и пе-

редали маме. К каким-то работам привлек Пашу и папа. Через неделю оказалась достроенной будка под водяной насос, рядом возникли очертания садовой баньки — лежал на опорах первый венец ее сруба.

VII

В лесу, устроившись на пеньках у шалаша, Паша как-то рассказал о том «деле», ради которого он приехал к Алисе. Было это уже перед самым отъездом Паши восвояси, как он говорил.

Оказывается, после событий в бобрином краю команда, возглавляемая Игорем и Борисом, не распалась. Просто жили и работали. Алису по ее малолетству решили пока не трогать вообще. Хотя всегда помнили о ней, в том числе — и то, что у нее хранятся важные бумаги.

Группа «гениев» продолжала колдовать над своими идеями; сделали все, чтобы сохранить ранее достигнутое, кое-что развили, придумали нечто новенькое (но работа шла трудно; даже «старенькое» почему-то не всегда воспроизводилось).

А еще одна группа ребят — тех, кто постарше (в нее как раз входил Паша), названная «экспедицией», за год-два объездила весь Север и Восток страны. Нужно было найти место, причем — то, которое откуда-то было известно Игорю и Борису по «намекам» компьютеров. Место, где группа могла бы работать на новом уровне (причем «вдали от глаз людских») и на деле проверить некоторые свои идеи (теперь не только экологические). И что-то еще, о чем Паша не знает. А о всяких догадках говорить не стоит. В команде это не принято.

И такое место в конце концов было найдено. Сначала внимание ребят привлекло Плато в горах. Потом определились на севере Сибири на стыке с Уралом — там, где урало-сибирская тайга переходит в необозримые болота-топи, но так, что островки тайги местами перескакивают в северную болотную низину.

Команда под руководством Игоря отправилась туда в качестве туристской группы, какой она, собственно, и была. Зарегистрировались и в городе, и у местных властей.

Было найдено три расположенных недалеко друг от друга «острова» («видишь, как у нас слова даже совпадают; включим, если хочешь, и твой остров в нашу систему, назовем его «четвертым», может быть, загородный опорный пункт тут соорудим»).

Самое же удивительное, что эти острова, соединенные свайными переходами, были в свое время, и в общем-то не так давно, обжиты. Сюда в начале XX в., укрываясь от преследования чекистов, пришли

после разгрома Белой армии остатки корпуса генерала Чайкова — «белого», «белогвардейца», как говорили в то время. Среди пришедших оказались математики, биологи, просто работяги. Построили кухню, пекарню, провели водовод, возделали поля, огороды, открыли гимназию. А главное — они откуда-то знали то, до чего ребята сейчас только-только докапываются.

Эти острова (теперь, как мы называем, «Архипелаг») были очень долгое время «невидимками», о них никто, даже в ближайших поселках, не знал. Местные жители только догадывались, что «там» кто-то есть («туристы», и все), но подмечали, что «там» что-то делается, «оттуда» приходят за солью, некоторыми другими товарами. Потом, в конце 1940-х гг., всех до одного на Архипелаге разом скосила неведомая болезнь. Поговаривают, что не без чьего-то участия. Местные жители с той поры еще более утвердились в том, что «там», «за тайгой» — гиблые места. И вообще «там что-то есть». Никто туда даже за ягодами не ходит.

Потом, тоже в советское время, на Архипелаге короткое время работала геологоразведочная партия. Но что-то не заладилось или что-то случилось, их напугавшее, и они в самый разгар работ вдруг покинули Архипелаг. Остался почти новенький, годный к работе дизель, обновленные свайные переходы между островами да врытая цепочка столбов электропередачи (впрочем, бездействующая), еще кое-какое оборудование.

— Два года назад, — продолжал Паша, — мы заняли Архипелаг (оставаясь по-прежнему «туристами»). Три острова: западный — сельский (он был «сельским» и при белых), северный — промышленный (там намечен к сооружению наш мини-заводик по новейшей технике). Центральный остров — лаборатории, жилой и развлекательные блоки.

— Ты поразишься, — говорил Паша, — на второй год все заработало. Пусть по упрощенной, начальной программе, но заработало.

Кстати, перед отъездом Паша вкопал перед входом в шалаш широкую доску, на которой было написано «Архипелаг. Четвертый остров». Вот поломают голову над этой диковинной надписью лесники и туристы!

VIII

Паша уезжал.

Он нагружился какими-то ящиками, мешками. Все — заказы и поручения с Архипелага.

– Ничего, управлюсь, не беспокойтесь, – говорил он всем, кто, увидев багаж, качал головой и вздыхал: «А ты, парень, не того? Тут бригада грузчиков нужна».

Алиса передала ему большой пакет с бумагами, который тщательно хранила с той “бобриной поры”.

Паша и папа долго сидели в папином кабинете. Потом позвали Алису.

Папа сказал, обращаясь к Алисе:

– Павел рассказал мне, пусть и в общих чертах, о вашем деле. И о том, что ты решила после окончания седьмого класса уехать на этот самый Архипелаг. Да бабушка кое-что рассказала мне и о ребятах, а еще больше о наших прабабушках и прадедушках, их мечтах и делах. Тем более, что на этом самом Архипелаге, по словам Павла, заканчивают экстерном школу еще несколько ребят и девочек. Так что, если не передумаешь к концу седьмого, – сам провожу в дорогу. И мама, насколько знаю, тоже не возражает.

Мама подошла. Обняла Алису. Глаза – полные слез.

Когда поезд отошел от перрона и стал удаляться, Алиса вся напряглась – так, что болью заняла спина и сказала еле слышно неожиданное: «Спасибо, Боря».

Хотя Паша даже не упоминал об этом, она твердо знала, что все, что он делал, – это делал ее Борис.

Алисин архипелаг

I

Алиса успешно закончила седьмой класс. Но уехать ей в тот год, да и в следующий не удалось. Подкралась болезнь – какое-то необычное воспаление легких с осложнениями, «рецидив той болезни, которая помучила ее еще в первом классе». Пришлось месяцами сидеть дома и дома выполнять задания учителей. Потом, как и в первом классе, был какой-то санаторий. После этого Алиса сама (дабы перечеркнуть все это «болезненное время») вступила в спортивную секцию при школе, одновременно с гимнастикой и плаванием продолжила освоение приемов борьбы типа самбо. Ловко, еле заметными движениями бросала на ковер ребят намного старше себя.

Только к концу девятого класса (и слава Богу, говорила мама) Алиса оказалась готовой к дальней поездке. К этому времени она выросла

в высокую, статную, спортивную девушку. С толстой косой, точеными чертами лица, ясными глазами, словом, красавицей по всем статьям — вся в маму. Уже никто не отваживался говорить ей «девочка», обращались — «девушка».

После сдачи экзаменов и зачетов за девятый класс Алиса (по большей части открытым сопротивлением учителей, директора школы) получила все нужные документы. Видимо, немалую роль сыграл здесь и папа, который сходил в школу, поговорил с директором, классным руководителем.

У него, у папы, вообще установился какой-то прямой контакт с ребятами (из «бобрового», теперь «Алисиного» края). Папа посылал туда какие-то тяжелые посылки, однажды переслал с попутчиком целый тюк брезента, несколько раз долго разговаривал по межгородскому телефону по каким-то техническим вопросам.

Ребята предлагали прислать для Алисы «сопровождение».

— Чего еще? — сказала Алиса. — Что за глупости?

Алиса вместе с папой сходили на железнодорожный вокзал — купили билет, договорились об отправке багажа, сообщили «туда» дату приезда. Провожали Алису на вокзале только мама с папой, да нанятый папой носильщик возился с громоздким Алисиным багажом.

II

Поезд был удобный — скорый, прямо до конечной станции — ближайший транспортный пункт, наиболее близкий к Архипелагу. Никаких пересадок.

В купе, кроме Алисы, были пожилая пара — муж и жена, постоянные жители тех краев, да студентка одного из вузов соседнего города. Все до конечной станции. Как только поезд тронулся, Алиса сразу же уступила нижнюю полку пожилой женщине и перебралась на верхнюю. Тем более, что с Ниной (так звали студентку), девушкой тоже спортивного склада, театралкой, тотчас же нашлись общие темы для разговора, бесконечной девичьей болтовни. Так и ехали первый день (а вся дорога около двух дней), тихо переговариваясь и изредка поглядывая в окно. Объединили свои съестные припасы. Раза два на долгих остановках вместе выходили на перрон.

На следующее утро Алиса, как только открыла глаза, — ахнула. Напротив нее на полке лежал молодой человек, крепко спал. Где же Нина? Алиса побежала к проводнику — в чем дело? Проводник сказал, что ночью на одной из станций за Ниной кто-то приходил, она сошла с поезда.

А освободившееся место на той же станции занял новый пассажир. «Бывает», — несколько загадочно сказал проводник.

Алиса вновь запрыгнула на свою полку, легла головой к окну, углубилась в чтение книги, которая еще дома своими сюжетными поворотами захватила ее. И хотя во время чтения она вся целиком уходила в мир, который открывала книга, в какой-то момент все же вдруг почувствовала, что на нее пристально смотрят. Так же, как несколько лет назад в пригородном лесу смотрели из-за кустов. Стало чуть жутковато. Алиса осторожно стала выглядывать из-за книги. Парень как будто бы продолжал спать. Но глаза-то! Слегка приоткрыты, и через эти щелочки острый желтоватый взгляд впился в Алису.

Тогда Алиса положила книгу под подушку и сама (она умела это делать), не моргая, в упор стала смотреть в полуоткрытые глаза парня. В общем — кто кого. Невольные «гляделки». Такие «гляделки» продолжались несколько минут. Внезапно парень быстро повернулся спиной, и даже раздался не очень громкий и не очень натуральный храп («То-то, — победоносно про себя сказала Алиса, — знай наших»).

А спустя некоторое время парень будто бы только что проснулся, громко зевнул, круто повернулся и, спрыгивая с полки, воскликнул: «Да здесь же целая славная компания! Вот повезло». И прихватив полотенце, бритву, убежал в туалет. Вернувшись и доставая свои припасы на завтрак, он вступил в оживленный разговор с пожилой парой. Алиса, спрыгнув со своей полки, вышла в коридор.

За окном — нескончаемые леса, глухие, нехоженые. Только какие-то низкорослые, как бы прижатые к земле деревца. Изредка поезд проскакивал по мостикам через небольшие речки, погрохатывал, чуть-чуть замедляя ход на стрелках редких переездов.

Спустя некоторое время в проходе появился парень из Алисиного купе. Представился: «Юра». И говорил, говорил безостановочно. Юра рассказывал о том, что несколько лет назад закончил один из уральских университетов, физтех, стал «физиком и математиком». Но вот до сих пор не может найти подходящей работы. Прямо беда. Кто-то из знакомых сказал ему, что на Севере можно найти что-то стоящее. «Может быть, вы (вас как зовут, кажется, Алисой? В купе говорили) что-то можете порекомендовать? Или ваши знакомые?»

Алиса помалкивала. Затем сказала: «Простите», ушла в купе, прыгнула на свою полку. Сначала почитала, а вскоре заснула, настроившись спать «до упора». Тем более что уже ночью поезд приходил на конечную станцию.

III

На перроне, ярко освещенном сильными прожекторами, Алису встречали все, кого она и хотела видеть, — и Борис, и Паша, и Игорь. Вслед за Алисой по лесенке спускался попутчик, Юра. Но увидев ребят, он резко повернулся к встречающим спиной, прыгнул с лесенки и стал быстро удаляться в сторону. «Кто это?» — спросил Игорь. «Да так, сосед по купе», — ответила Алиса. «Ну-ну», — только заметил Игорь и что-то на ухо сказал Борису, тот посмотрел в сторону, куда удалился парень, но уже никого не было видно.

Все ребята вымахали — как по одной мерке — в высоких, широкоплечих верзил. Все на голову выше Алисы. Прорезались грубоватые мужские черты. Намечались, пока — пушистые, бородки. Ребята по очереди обняли Алису. Она почувствовала — чуть крепче и жарче Борис. Сказал: «Спасибо, что приехала. Заждались. Хотя...» Что «хотя» — не успел досказать, так как прибежали ребята с грузом из багажного вагона (значит, были еще встречающие, но они оказались занятыми багажом, недаром Игорь сразу же взял у нее все квитанции — по дороге Борис сказал, что теперь их, во всей их команде, свыше пятидесяти). Все вместе с грузом быстро пошли за строение станции (весьма неказистое, вроде барака), к машине.

Машина тоже — каракатица какая-то. Что-то среднее между микроавтобусом («газелью»), вездеходом и грузовой машиной. Кузов — высоко посажен, колеса большущие, что-то их много, выстроились друг за другом в один ряд, как на боевой машине. Будто угадав мысли Алисы, Борис сказал: «Зато колеса все ведущие». А Игорь добавил: «И машина не тонет».

Алису усадили у маленького, круглого окошка с толстенным стеклом — сиди наслаждайся природой. А чему наслаждаться? Низкорослый, чахлый лес (разве сравнишь с нашим, пригородным?).

Через какое-то время езды каракатица уткнулась в речку. Ни моста, никакой другой переправы.

— Поедем по реке, — сказал сидящий рядом Борис. Машина смело спустилась по откосу в речку и пошла по ней, обходя глубокие ямы, пружинисто переваливая через валуны, с фонтанами брызг проскакивая на перекатах. Через километр-другой дорога появилась на противоположном берегу. Машина вскарабкалась на дорогу, а по ней лихо взлетела на косогор.

С этого места и предстал перед Алисой Архипелаг.

Впрочем, какой это «Архипелаг»? Гигантское болотистое поле. По краям его угадывался тот же чахлый и еще более редкий север-

ный лесок. Хотя — нет. Вот в середине поля что-то вроде небольшой возвышенности с высокими деревьями по окружности и в центре («Еще белогвардейцы высадили», — сказал, увидев Алисино изумление, Борис). А в стороне что? Какие-то огороды, и колосится даже целое поле («Поле в поле, и тоже на невысокой возвышенности», — подумала Алиса). А что это с другой стороны? Там сквозь заросли виднелся прямоугольник каких-то построек.

Нет. Все же вот он — Архипелаг.

Дорога спустилась вниз прямо в «болото». Слева и справа, действительно, было настоящее топкое северное болото, а машина шла, как в сказке, прямо, по этой, казалось, непролазной топи, — под ее колесами был ровный часток кол вбитых в землю свай, присыпанных песком с гравием.

Два больших дерева образовали как бы арку при въезде на центральный остров, и тут же вслед за небольшой спортивной площадкой полу-врытый в землю большой и длиннющий одноэтажный старинный дом, сложенный из гигантских лиственниц. За ним, чуть в отдалении — дом поменьше, пониже («компьютерная лаборатория», наверное).

Алиса выпрыгнула из каракатицы и увидела надпись. Крупно: «ЦЕНТР». Под ним целых две строки: «Жилой блок. Начальники. Блок питания. Развлекательный блок».

В доме, где сразу же, по-сибирски, при входе надо было менять обувь, Алису провели в небольшую комнатку недалеко от входа.

— Будешь жить здесь, с тобой — Оля. Наша программистка, примерно твоего возраста. Позавтракаешь и тут же к нам, в «Начальство» — будет двухчасовая «теория»; вечером — поход по всем островам.

Теперь — за дело.

IV

Помещение под названием «Начальство» представляло собой маленькую каморку сразу же после жилых комнат перед столовкой («Развлекательным блоком»). В каморке — два небольших стола, один Игоря, другой — Бориса. В углу — совсем маленький стол перед широким створчатым пультом управления с десятком мигающих лампочек сменного дежурного. Но главное достояние начальствующей комнатки — расположенный напротив столов широченный старинный диван, на котором сразу могло разместиться пять-шесть человек. «Тут и заседаем», — сказал Игорь.

На нем, удобном древнем диване, после того, как Алиса позавтракала, и разместились все, находившиеся в комнате. «Все» — это, кро-

ме Алисы, — Игорь и Борис, еще два парня и одна девушка, видимо, также имеющие отношение к начальству. К ним развернулся из своего уголка оперативный дежурный — вихрастый паренек, молодой, чуть ли не возраста Алисы.

Когда все расселись, поднялся Борис, взял стул, сел на него верхом, положил руки на спинку стула и сказал:

— Тут в общем-то собрался Совет. Это (он кивнул на Алису) наша вновь прибывшая. А это (он уже обратился к Алисе), кроме известных тебе персон, — наши старшины, ответственные по каждому острову — Валентина, Коля и Гена, знай и почитай.

А теперь основное.

Мне поручено вкратце рассказать тебе, Алиса, о том, что мы делаем.

Самое главное (чтобы не утонуть в подробностях) вот что. Работая над электронной техникой, где у нас есть еще ряд прорывов (но, увы, и — тупиков), мы сначала вышли на природу, экологию (Алисе: «Это когда — бобры, ты понимаешь»). А потом мы все поняли — и как раз во многом благодаря тупику в технике, неудачам в экологии, — что без понимания жизни всем нам не обойтись. И что в этих материях надо разобраться — не менее основательно, чем в электронике и экологии. И надо что-то делать.

И вот тут есть один ключик, который ни наши «верхи» с начала эпохи перемен, ни наша наука, ни всякого рода оракулы за то же время, как мы думаем, так и не поняли. А ничего более простого и ясно-го на свете нет.

Дело в том, что в силу множества разных причин у нас так и не найдены всеобщие и исходные точки опоры для перемен и развития.

Между тем как все истинно значимое (а порой — и великое), что может быть отнесено к такого рода исходным опорам, предельно и даже элементарно просто. В пользу этого говорят и вся история человечества, и все, без исключения, наши расчеты. Это — просто-напросто хозяйство «на земле» (и, значит, настоящий хозяин) и передовая на данный момент техника. Техника — сначала для сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности — своего рода локомотивов развития, — затем все начнет развиваться быстро и естественно, как бы само собой. И с этого, особенно в нашем разрушенном обществе, и нужно — начинать. Начинать со связки «земля — ее хозяин и новая техника».

Конечно, мы на нашей малой площади двух «островов» (западного и северного) и в наших экстремальных северных условиях не могли критически и по всем параметрам проверить всю эту предельно

простую схему (хотя она и так многократно доказана историей многих стран – и исключений не знает). Но даже на наших мизерных клочках, на куцых отрезках времени вдруг возникли (при упомянутой ориентации) такие мощные импульсы перемен и развития, которые не может дать ничто другое. Здесь уже все доказывается и нашими личными натруженными руками, и точными математическими расчетами.

Этим в общем-то и закончил Борис.

...Вечером вылазка на «острова». Особенно интересен – западный остров – «огороды», где старшиной – Валентина. Действительно, есть поле в поле – прямоугольник высоченной налитой пшеницы. Все – как один образцовый колос. Будто на выставке.

Около поля опять какая-то каракатица. Валентина объяснила – это попытка (увы, не доведенная до конца) соединить и пахаря, и сеятеля, и жнеца, и даже упаковщика. И все мы уже рассчитали – только нужны (не падайте в обморок) – штук двадцать новейших станков с самонастраивающимися программами и новые материалы для нашего заводика на северном острове.

– А тут, – вклинился Борис, – сделай это, и все пошло-поехало, придется по-новому быстро развивать всю промышленность, притом – на интеллекте.

– Да-да, здесь уж никуда не денешься, – продолжила Валентина, – тогда только шевели мозгами и поворачивайся. Да притом – по полной программе и по всей стране.

На середине острова, рядом с небольшим домиком и оранжереей, – большой цветник с необычными, в основном – белыми цветами («Скрестили с местными», – догадалась Алиса).

– Это все – наши девочки. Их хобби, – сказал Игорь.

Чуть дальше – наспех огороженный участок, над калиткой, на фанерном листе написано: «Новая бионика». «Тут, – пояснил Игорь, – к нам присоединились трое биологов-кибернетиков. Что они делают и что у них получится – не знает никто. И они, кажется, тоже».

Заглянули и на северный остров. Там уже обозначились очертания заводика. Правда, – только по кладке в два или три ряда каких-то больших кирпичей («Их белогвардейцы из болотной глины уже начали делать», – сказал Игорь). Угол строящегося заводика был огорожен. Там под навесом что-то гудело, искрило.

– Ребята работают, уже дело делают, – сказал Игорь.

«А ведь у ребят (у нас) все получится!» — с торжеством в заключение вечерней поездки подумала Алиса.

V

Вечером, после ужина, Алиса только успела познакомиться с Олей (сразу на «ты», стали весело болтать), чуть-чуть управиться со своими пожитками, в дверь постучали. Игорь с Борисом. Игорь сказал:

— Оленька, погуляй минут пятнадцать.

Речь повел снова Борис:

— Два дела. Прежде всего вот что, Алиса, то, что с учебой у тебя будет все в порядке, — сомнений нет. Мы уже договорились со школой, 10–11-е классы ты пройдешь экстерном за один год. И к физмату начнем тебя готовить, без этого у нас не обойдешься. Тут наши заботы. А твоя забота — одновременно заняться также и юриспруденцией, правом. Причем — не на уровне юрисконсульта (что в общем-то для нас тоже нужно — это другая статья). А на уровне, прости, математики. Почему — со временем сама поймешь (как, смею заверить, в основном поняли мы, в математике и физике пропащие).

— Хорошо, — сказала Алиса, — я сделаю это. Задание принято.

— Теперь второе, — вступил в разговор Игорь. — Если хочешь знать — секретный вопрос. Ты еще первоклассницей была хранительницей наших бумаг. Теперь дела могут быть еще более крутые. Зная тебя и твоего папу, мы хотели бы подстраховаться. Тем более с прежним заданием по хранению наших бумаг ты справилась на «пятерку». Вот в этой зеленой папке с красными тесемочками — все наши основные разработки и планы. Самое-самое сокровенное («Если не считать заимки седьмой...» — неожиданно вклинился в разговор Борис и сразу осекся. Игорь взволнованно и тревожно, и даже с какой-то грустью посмотрел на Бориса, а Алисе сказал: «Ты этого не слышала. Понятно?»).

— Да, — продолжал, успокаиваясь, Игорь, — вот эта зеленая папка. Ты передашь эту папку в первый же свой приезд домой своему папе, о чем с ним Борис уже говорил. А пока она будет у нас в сейфе. Но в трудную минуту ты ее возьмешь, она должна быть только у тебя, ты ее хранительница. Вот тебе ключ от сейфа.

И Алиса снова сказала: «Хорошо».

Борис, уходя, заметил: «Завтра для тебя, Алиса, будет сюрприз. Только пораньше придется встать. Будь готова в 5.30».

VI

Утром, еще в полутьме, когда весь Архипелаг тонул в вязком, клубящемся, стелющемся по кочкам тумане, Борис с Алисой перескочили по торцовой дороге на северный остров.

А дальше, у большого раскидистого дерева, начиналась тропа — куда-то на север. И хотя по ходу тропы кое-где между деревьями и были протянуты веревки, вбиты шесты и утопаны отдельные твердые места, все равно приходилось прыгать с кочки на кочку. Ноги нет-нет да и соскальзывали в жидкую топь. В сапогах уже хлопала водичка.

Наконец, — о, чудо! — выскочили на берег небольшой, быстрой речки с чистой, как слеза, водой.

— Ну, как? — с торжеством спросил Борис, будто это он сотворил эту таежную красавицу. А потом добавил для сведения: — Мы часть воды перегоняем самоходом на острова по трубам, врытым по каналам, проложенным еще нашими предшественниками, как их называли, — белогвардейцами.

Дальше ребята пошли по утоптанной тропе вдоль берега, частенько удаляясь от берега на топких местах. Порой приходилось вновь прыгать по кочкам. На воде нередко возникали расходящиеся круги. «Быстрины?» — спросила Алиса. «Есть быстрины, водовороты, но больше — рыба спозаранку ходит, — ответил Борис. — Четверг, как положено по традиции, будет рыбный день. Отвечаешь».

Дошли до площадки рядом с упавшим в воду деревом.

— Стоп. Здесь замри, — негромко сказал Борис.

И вдруг через минуту-другую как будто бы две стрелы, пущенные неведомым стрелком, под водой, сближаясь, устремились к ребятам. У самого берега из воды высунулись две черные мордочки с глазками-бусинками.

— Бобры! — ахнула Алиса.

Бобры на половину туловища высунулись из воды, легли мордочками на берег и уставились на Бориса. Спустя некоторое время один из бобров перевел взгляд на Алису и, как ей показалось, вздрогнул. Потом, не отрывая взгляд от Алисы, он вновь сполз в воду и скрылся под водой.

А затем снова будто кто-то выпустил под водой стрелы. Показались на воде чуть вздыбленные полосы с бурунчиками, устремленные к ребятам. Теперь — три. Бобры подплыли к ребятам, причем двое — сразу к Алисе. Один из них — большой, громоздкий, с полосами белой шерсти на голове и шее, вылез целиком и сразу лег на Алисин сапог.

– Боже мой! Боже мой! – вскрикнула Алиса. – Да это же те самые бобры, которые спасали меня еще малышкой, после первого класса! И вот чудо – Большой Бобер!

– Да, – подтвердил Борис. – Это те же самые бобры.

– Но как они добрались сюда? Да и вообще, как я знаю, они в такой северной местности не живут. Или, может быть, живут, но какие-то особые, местные.

– Да, это так, – ответил Борис. – Они не могли добраться до этих мест. Но они добрались. Известные нам бобры не живут в этих местах. Но они живут. Как все это случилось – никто не знает. Ни одна книга, ни один биолог-зоолог ответа на все эти вопросы нам не дал. Говорят – этого не может быть. Не может – а вот бывает.

VII

Прошел месяц после того, как Алиса появилась на Архипелаге. Она уже вполне освоилась с житием и бытом на островах и уже ничем не отличалась от всей команды, от остальных девчонок (всего на Архипелаге их, кажется, семь). Ее основной участок работы – «огороды», у Валентины, где она и пропадала целыми днями. Занятия – вечер, часть ночи.

Однажды в эти уже предосенние дни, как раз в часы обеда, над Архипелагом появился вертолет. Военный, пятнистый. Вертолет сделал круг над всем Архипелагом, потом над центральным островом резко пошел вниз и сел, вздыбив клубы песка и пыли, на спортивной площадке.

Повеяло тревогой.

Алиса, бросив миску с недоеденной едой, опрометью – на центральный остров.

Успела вовремя. Прилетевшие, человек пять-шесть, все в военной форме, еще топтались у вертолета, видимо, ожидая кого-то.

Что-то очень знакомое увиделось Алисе в одном из прилетевших. Очень, очень. Но размышлять было некогда. Алиса – бегом в начальствующую комнатку и там, только поздоровавшись с дежурным («Привет, Витя»), который, узнав Алису по голосу, даже не повернулся из своего уголка, и ничего не объясняя, открыла сейф ключом, который всегда был с ней, схватила зеленую папку с красными тесемочками, обернула ее первой же увиденной на столах газетой и – за пазуху.

И только тут, успокоившись, сразу вспомнила о «знакомом незнакомце», прилетевшем на вертолете. Да это же Юра. Тот Юра, который

так внезапно оказался в ее купе, представился то ли физиком, то ли математиком, просил помочь устроиться на работу. «Вот теперь все ясно», — про себя сказала Алиса. И, не очень торопясь, пошла обратно к себе, на работу, недоеденная каша была еще теплой.

Совсем под вечер, когда уже стало темнеть, по дороге на Архипелаг загрохотали машины. Вскоре въехали на косогор три наглухо задраенные тяжелые пятнистые автомашины. Военные вездеходы. Ни дверей, ни окон — все глухо. Каждая — с одним водителем. Не очень разбирая дороги, они разъехались по островам: одна осталась на центральном, вторая ушла на северный, третья — на западный остров. Среди «огородов» машина встала в центре, около оранжерей.

Даже отсюда, с западного острова, было видно, что между вертолетом и центральным зданием в это время происходит какое-то движение. Были заметны Игорь, Борис, еще кое-кто из ребят, Валентина. Больше находились в салоне вертолета. Раза два все заходили в центральное здание (может быть, в столовку?).

Встретив в коридоре центрального здания Бориса, Алиса спросила: «Что происходит?»

— Да вот, вещь ожидаемая. Давно уже заманивают нас в какое-то особое ведомство. Чтобы все мы там служили и передали туда все наши разработки и впредь действовали по их планам. Сейчас что-то очень круто. Все — трудно.

И тут же Борис неожиданно добавил:

— Знаешь, бобры неожиданно ушли.

Прибывшие (и прилетевшие на вертолете, и водители машин) ходили по центральному блоку как дома.

Как-то в коридоре, около столовки встретился Юра — звание, по звездочкам на петлицах, капитан. Не заметил. Или сделал вид, что не заметил. Да и сама Алиса отвернулась — противно.

Засыпалось тяжело. Алиса лишь под утро забылась в тяжелом сне.

VIII

Еще было темно, как в комнату ворвался Борис.

— Девочки, подъем! Пять минут на сборы. Остальные уже в машине. Все-все, красавицы, — на каникулы. Билеты приобретены. Быстро-быстро. И особо Алисе: «У тебя все с собой? Хорошо. Машина у крыльца. Я — там».

Алиса с Олей, действительно, оказались последними. Остальные девчонки уже втиснулись в каракатицу. Даже в темноте, туманном ут-

реннем сумраке, заметили – вертолет улетел, остались безмолвные машины, на каждом острове – по одной.

С Борисом Алиса попросилась на крыльце, Борис поцеловал прямо в губы. Стиснул всю и, ни слова не говоря, сразу убежал в сторону лаборатории. Игоря же Алиса вообще не видела. Где же он?

Дорога теперь – знакомая, быстрая. Все повороты, подъемы, спуски заранее угадываются. Даже петля на речке, только брызги со всех сторон, водитель (кажется, Костя) гнал каракатицу со страшной силой.

У железнодорожной станции машина притормозила.

Валентина сунула Алисе конверт («Билеты, деньги на дорогу»), скомандовала:

– Бегом на перрон, поезд отходит через 10 минут.

Машина умчалась дальше. К прииску, на аэродром, – через час с небольшим улетал в краевой центр рейсовый самолет.

Перрон был почти пуст, только проводники у вагонов, да небольшая молодежная компания все гудела – никак не могла расстаться с отъезжающими.

В купе, куда попала Алиса, ехала семья с младенцем. Хозяйка, которая все обустроивала, увидев Алису, беспрестанно повторяла:

– Не беспокойся, девушка, мы тебя очень-то не потревожим, он у нас спокойный, ребеночек наш...

Алиса, уже по заведенной привычке, вышла в коридор, тем более что окна там выходили на север – туда, где остался Архипелаг.

По мере того как поезд набирал ход, не отрываясь все смотрела и смотрела на расцветенную рассветом, но все еще темную тайгу, невольно поворачивая голову – чтобы не потерять ту точку, где, по ее расчетам, находился Архипелаг, острова и бобринные домики, внезапно покинутые бобрами.

И вдруг как раз та точка, которую стремилась не потерять Алиса, а затем и все небо – вспыхнуло нестерпимо ярким ало-черным бушующим пламенем. Три фонтана огня, сливаясь в один поток, взвинтились высоко в небо. И забушевала, за клубилась стихия пламени и густого черного дыма. И даже поезд тряхнула мелкой дрожью, а сквозь толстые окна обдало легким жаром.

В коридор высыпали все пассажиры из всех купе.

– Опять туристы безобразничают, – сказал кто-то.

В вагоне довольно громко ретранслировали местное радио. Уже через какой-то час оно передало сообщение пожарной охраны о том, что на бывшем месторасположении геологов произошел пожар. В настоящее время пожар полностью ликвидирован. В район пожара доступ граждан запрещен.

А потом Алиса омертвела. Радио бесстрастно передало, что, по сообщению дорожной службы, около аэродрома прииска произошла автомобильная катастрофа. Небольшой автобус с девушками-туристками упал в пропасть. Все пассажиры и водитель погибли на месте.

Алиса забралась на свою полку. Повернулась лицом к стенке вагона и все никак не могла заплакать. Она крепко сжала руки на груди, где была спрятана зеленая папка с красными тесемочками. Мыслей не было (только раз мелькнула мысль: «А заимка седьмая?», но она тотчас отогнала, спрятала ее — ведь просили забыть, навсегда). Ничего не было — пустота. Так и лежала она, не двигаясь, изредка вновь и вновь притрагиваясь к зеленой папке с открытыми глазами, и день, и ночь, и опять день — до самой конечной остановки.

Перед конечной станцией она спрыгнула с полки.

В купе ахнули — перед ними стояла молодая с обострившимися скулами, заметно похудевшая, с серыми потемневшими глазами женщина. Две пряди седых волос белели на лбу и прятались в толстых косах. И хотя она держала в одной руке полевую сумку, в другой — целлофановый пакет, за спиной рюкзак, было заметно, что кулаки ее крепко сжаты — так, что побелели фаланги пальцев.

Из глаз молодой мамы, державшей на руках младенца (который, действительно, оказался спокойным, — Алиса не слышала его всю дорогу), вдруг ручьями побежали слезы.

Алиса подошла к ней, ткнулась своим лбом в ее лоб и, посмотрев на малыша, сказала так, как, наверное, говорили солдаты в страшную Отечественную из окруженных в боях частей:

— Ничего. Прорвемся.

Осколок солнца

Таинственный дом

I

Первая встреча с таинственным домом произошла у Алеши в детстве. Правда, не совсем в детстве, а тогда, когда Алеша уже учился в 5-м классе.

Но все равно это было детство. Наивность и никакой самостоятельности. В школе — учителя, классный руководитель, Нина Ивановна. Все расписано — что можно, что нельзя. Наставления и поуче-

ния. Дома — родители, папа-мама. «Куда пошел?», «Чтобы к восьми часам вернуться», «Не дружи с Вовкой, он плохой мальчишка». Детский сад какой-то!

В то воскресенье Алеша со своими друзьями, Димой и Славой, решили собраться у Димы дома. Диме его дед отдал старый испорченный радиоприемник, есть смысл над ним поколдовать, может, удастся из этого старья что-то сделать стоящее. И вообще надо потолковать — у кого и что летом было интересного.

Но не тут-то было. Оказывается, родители решили поехать («пока еще золотая осень») на субботу-воскресенье на Турбазу, папа уже договорился с Ниной Ивановной, что Алешу в субботу отпускают с уроков. Так что, видите ли, — туристский поход, все другое отставить.

Господи, надо же! Зачем эта Турбаза вообще? Ну, вспоминайте свою молодость. Сплавы-восхождения. Песни у костра. Ночевки среди скал. Но нас-то зачем в это втягивать? Насквозь видны ваши хитрости с Турбазой — явно хотите втянуть в свое прошлое. А нам зачем все это надо?

Так думал Алеша по дороге на Турбазу. От станции, на которой они сошли с электрички, до Турбазы было километра полтора-два. Дорога шла рядом с волнистым пшеничным полем. Алеша с объемистым тюком, изрядно отстав от родителей, еле тащился сзади. И всем своим видом показывал, что этот никому не нужный поход, да и все окружающее, — все это ему «до фени». Извольте, иду, коль вам это надо. Никуда не денешься — родители, они, видите ли, лучше нас знают, что нам нужно и что нам делать.

Хотя в общем-то вокруг было немало того, на что стоило и взглянуть. И переливающееся волнами золото пшеничного поля, наполовину уже убранного (где-то там, на другом краю поля, тархтел комбайн), и темно-синие васильки вдоль дороги, и речка с гремящими перекатами, к которой время от времени приближалась дорога, и причудливые острые скалы на берегах реки, — да, это неплохо. Приходилось даже делать усилие над собой, чтобы сохранить равнодушно-брезгливое выражение на лице. И давать понять — по телеку такие красоты уже показывали тысячу раз, видели и не такое загляденье. И совсем не обязательно при этом глотать дорожную пыль.

Но когда дорога вывела к небольшой деревушке с белой изящной церквушкой, нависавшей над рекой, а впереди открылись качающийся подвесной мостик, крутая лестница на скалы и двухэтажные домики на них (Турбаза!), Алеша невольно улыбнулся. И уже трудно было избавиться от какой-то внезапно подступившей радости. И кажется папа это уже заметил. Ну и пусть, мое дело.

По подвесному мосту он нарочно пошел так, чтобы мостик всюю раскачивался из стороны в сторону (идушие сзади, догнавшие их по дороге девчушки испуганно повизгивали). А на крутой лестнице Алеша набрал скорость и, одолев одним махом эту крутизну (подсчитал – сто пять ступенек!), на последнем марше обогнал тяжело дышавших родителей (эх, растренировались вы, дорогие предки; утреннюю зарядку хотя бы делали).

II

Турбаза производила впечатление какой-то игрушечной. Три небольших двухэтажных деревянных домика, названных «корпусами», столовка, танцевальная веранда. И все это, как и церквушка на другом берегу, разместилось на скалах и как бы нависает над рекой.

Родители сбросили свои тяжеленные рюкзаки на пустой в это время веранде. Туда же, до кучи, положил свой надоевший тюк и Алеша. Папа сбегал в конторку, расположенную в одном из корпусов, потряс какими-то бумажками – талоны на обед! – и сказал: «Мы на базе только пообедаем, а потом уйдем на реку, разобьем свой лагерь» (вот для чего, выходит, нужны эти громадные родительские рюкзаки и тюки...).

После обеда (макарены по-флотски – это очень хорошо) обошли всю Турбазу, заглянули даже на расположенную тут же университетскую астрономическую обсерваторию, поглазели с веранды на то, как на берегу, около лестницы, какая-то группа ребят собирает байдарки, две или три были уже собраны, спущены на воду, их загружали вещами, продуктами. Значит, группа через какое-то время начнет сплав по реке.

Папа, долгое время не отрывавший глаз от сборов байдарочников, вдруг чем-то расстроенный, махнул с безнадежностью рукой и сказал очень сухо, отрезал: «Пойдемте к реке. Стоянку нужно делать».

Оказывается, здесь, в районе Турбазы, излучина реки, и можно от обратной стороны Турбазы спуститься в речную пойму наискосок по пологому спуску и оказаться у реки, сразу километров на пять вниз по течению. Спуск был широкий, утоптаный, и, хотя родители и Алеша вновь нагрузились громоздкими пожитками, спускались к реке быстро, весело. Даже папа отошел, повеселел (что ж, прошло время; теперь другие сплавляются).

Река появилась внезапно – вся вдруг. Только вышли из сосновой рощи, как под ногами за узкой полосой низкого берега оказался бы-

стро текущий поток реки, напротив – высокие, отполированные дождями и ветром высокие причудливые скалы (их здесь называют «каменьями»). Среди них – устремленная в небо каменная стрела с ровной площадкой наверху – камень «Сторожевой». В реке – зеркальное отражение вереницы камней во всех деталях. У Алеши внезапно, неведомо откуда, мелькнула мысль: «Вот бы сейчас на байдарке вниз, до следующего поворота, и дальше, дальше – неведомо куда».

Но тут раздалась команда папы: «Идем вниз, налево, по ходу течения».

III

Берега оказались разные. Тот, который на другой стороне реки, – весь в скалах, которые резко обрываются, падают крутой стеной прямо в воду. Там рядом с водой не пройдешь – обрыв (папа пояснил – на другом берегу можно пройти лишь по верху прибрежных камней, там есть тропа или, кажется, даже лесная дорога).

А вот тут, на левом берегу, – удобная, пусть и не очень широкая прибрежная полоса, покрытая густой травой и мелким кустарником, среди которых змеится тропа. Иногда встречаются деревья – сосны, ели, березы. И только в десяти-двадцати метрах от кромки воды выступают старые разрушенные слоистые скалы. Странно. Почему так получилось? Ведь река своими потоками устремляется направо, прямо бьется о скалы противоположного берега. А они, правобережные камни, – все целехонькие, будто недавно появившиеся на свет, лишь отполированные. А тут разрушенные красновато-желтые невысокие камни с косыми слоями.

Прошли километра два. Река стала все больше поворачивать направо, открывая тихий стоячий плес. В одном месте к самому берегу подступила все же небольшая скала («Камень-малютка»), оставив неширокую полосу для тропы.

– Здесь остановимся. Разбиваем лагерь, – сказал папа, когда обогнув Камень-малютку, вышли на небольшую полянку.

Еще до этого места, не доходя до Камня-малютки, Алеша и папа одновременно обратили внимание на большое сухое дерево с толстыми, раскидистыми ветвями, будто лапами-щупальцами. На стволе дерева белел затес, на нем три начертанные красной краской буквы «Su-W» и небольшая стрелочка – от реки в глубь берега, идущего на подъем. А по направлению стрелочки виднелась в траве еле заметная тропка. Что бы это значило?

Место для стоянки лучше не придумаешь, прямо-таки идеальное. Полянка уютная. С трех сторон защищена – позади Камень-малютка, слева – крутой берег, уходящий вверх, впереди – густой кустарник. Остановившаяся на плесе река, сбегающий в нее небольшой ручеек. Подход к реке – пологий, до воды – две, кем-то аккуратно выкопанные ступеньки, у самой воды мелкий желтый песочек.

На середине полянки – костровище с рогатинами по краям. Судя по всему, не раз использованное. Какие-то мгновения – и папа с мамой наломали лапник, и на нем уже стоит отливающая серебром палатка-«памирка».

И вот уже на костровище горит костер, на перекладине крючья, а на них два котелка с водой. Папа только скомандовал Алеше: «Подровняй ровик вокруг костра и следы, чтобы огонь не расползлся и горел ровно, прямо под котелками».

Да, стоянка получилась отличная. Вот бы Димка со Славкой посмотрели бы. Позавидовали бы. Даже по телеку такое не увидишь, а увидишь – не поймешь, наверное.

После недолгих сумерек разом стемнело. И тут же появилась бескрайняя россыпь звезд на черном-пречерном небе. Некоторые из них тонули в звездном тумане, но большинство звезд – крупные, яркие. Таких крупных, казалось, не бывает, в городе не увидишь никогда, но вот они – есть.

Когда Алеша взглянул на реку, то ахнул – точно такое же, правда, чуть колышущееся, звездное небо появилось и на воде. Два звездных мира. Черт знает что такое! Колдовство какое-то.

IV

Утром после завтрака (доедали вчерашнюю гречневую кашу с тушенкой, бутерброды с сыром, крепкий чай) в темпе свернули лагерь. Через полчаса собрали рюкзаки, затоптали и даже залили водой костровище, убрали поляну, закопали мусор. И когда первые лучики солнца выскочили на поляну, все уже сидели на своих вещах. Папа и мама – на рюкзаках, Алеша – на своем тюке (палатка и спальный мешок; утром мама умудрилась приделать к тюку лямки).

Что дальше?

– Пойдем в гору, – сказал папа. – Там наверху всегда есть, насколько я помню, поляны с нетронутой брусничкой.

Карабкаться вверх со всем скарбом, да по таежному бурелому, было тяжело. «Но во сто раз легче, чем тащиться по этой пыльной

дороге», — подумал Алеша. Он уже не изображал высшее состояние неудовольствия, не отставал, обогнал даже маму, шел прямо за папой, шаг в шаг.

Когда вскарабкались на гребень увала (Река отсюда виделась небольшим ручьем), то выяснилось, что дальше — не спуск на другую сторону увала и не ровное поле, а какие-то ступенчатые холмики. Горки, овражки — пересеченка. Под ногами и впрямь появились небольшие, с вершок, кустики со спелой черно-красной брусникой. Действительно, никем не тронутая. Может, остановимся?

— Нет-нет! — скомандовал папа. — Идем дальше. Там должны быть большие брусничные поляны.

И вдруг — стоп! — наткнулись на тропку. Пошли по ней — по тропе удобней и интересней («куда выведет?»). И неожиданно справа от тропы появилось сухое ветвистое дерево, такое же, как на берегу, на нем белел кругляшок затеса с тремя буквами «Su-W» и небольшая стрелочка — вперед, дальше по тропе.

Пошли дальше. Спуск, небольшой подъем. Внезапно тропа под прямым углом уперлась в ствол упавшего большого дерева. Папа своими длиннющими ногами перешагнул через ствол. Туда же, сначала вскарабкавшись на дерево, прыгнул и Алеша. Нет, тропы за упавшим деревом уже не было. Куда же она делась?

Папа покрутил носом, принимался — как будто бы сквозь лесные ароматы чудится запах чего-то копченого. Не из того ли оврага, над которым нависает вершина упавшего дерева?

— Ну-ка, Леха, — сказал папа, — сходи-ка, насколько сможешь, по стволу в сторону вершины дерева. Посмотри — что там?

Ствол был, если так можно сказать, хожений, мелких сучков нет, остались справа и слева несколько крупных сучьев, на которые можно слегка опереться, кора на стволе местами стерлась, различимы следы. Как только Алеша добрался до того места, где дерево нависает над оврагом, он увидел, что край оврага утопан, а дальше идут ступеньки вниз («Такие же, как на стоянке, у реки», — подметил Алеша). Рядом с ними — прибитая к деревьям тонкая жердь.

— Папа, мама, — закричал Алеша, — здесь продолжение тропы.

Первой появилась мама. За ней — папа, прихвативший и Алешин тючок.

Алеша спрыгнул на край оврага, помог спуститься маме, принял свой тючок от папы, который тут же спрыгнул с дерева.

Затем они все вместе — первый Алеша, за ним — мама, замыкающий — папа стали, придерживаясь за жердь, спускаться в овраг.

V

Внизу неглубокого оврага оказалась небольшая ровная площадка, а на ней – целое хозяйство. Аккуратное, ухоженное. Между двумя небольшими деревцами сушилась на натянутой проволоке связка средних размеров рыбешек (вот они – «копчености»). Посередине поляны – стол из обтесанных жердей. Сиденья, как и ножки стола, – из толстых сухих бревен. Рядом с костровищем, обложенным камнями, сосенка с сучками-отростками, на них – кружки, маленький котелок с ложками.

В двух шагах от костровища – выбоина (тоже обложенная камнями) с ключевой водой, оттуда вытекает небольшой ручеек и, пробежав немного, сразу же исчезает среди камней. Тоже тебе фокус-покус!

Папа положил ладонь на угли костровища, сказал: «Угли теплые. Еще ночью костер горел. Или, может быть, рано утром».

Кроме тропы со ступеньками, вверх по склону убегало еще несколько тропок. Одна из них, наиболее утоптанная, упиралась в отвесный склон... Ой, да что же там такое?

Алеша пробежал по тропе совсем немного и тут же закричал: «Папа, мама, да там же дом!»

Да, в самом завершении тропы виднелось опять-таки несколько ступенек, затем – небольшая площадка, а дальше – прямо впечатанные в склон двери и окно, сверху прикрытые какой-то зеленью (дикий виноград? Или просто спадающая с откоса длинная трава, что ли?). И странно – несколько сбоку, прямо из земли высовывалась железная труба с коленом, поднятым вверх, почти до края оврага, с конусом-искроуловителем на конце.

– Ну что, сын, рискнем, поднимемся в чьи-то домовладения? – спросил папа.

Алеша утвердительно кивнул головой («спрашиваешь!»), и они вдвоем быстро отправились к дому, или землянке, как говорили в прежнее время. Мама осталась у стола, села, вытянула ноги на бревенчатом сиденье, махнула рукой: «Идите! Я посижу здесь».

Нет, это был все же Дом. Пусть и какой-то особый. Дверь деревянная, массивная, крест-накрест железные полосы. Над дверью они увидели узкую дощечку, на которой был выжжен огнем! именно выжжен! тот же знак – «Su-W», затем тире и слова: «**Супер. Вик. – Вик.**». Папа так и уперся глазами в табличку, замер, сказал еле слышно: «Понятно. Но почему “Супер”?» Ну, а что дальше делать?

Дверь не закрыта. То есть закрыта, но всего лишь маленький засов брошен на петлю, без замка, на щепочке.

— Может, зайдем? — осторожно спросил Алеша.

— Нет-нет, — чуть задумавшись, сказал папа. — Это — чужое. К тому же, какой ни есть, но — Дом. Пойми (папе как-то удалось донести до сына, что первая буква — заглавная, — Дом). Святое. Даже в лесу. Даже землянка.

Но в окно все же заглянули. Оно, судя по всему, закрывалось изнутри, а снаружи — ставни-щит (были заметны пазы для щита). Но сейчас их не было. Так что внутри Дома почти все было видно. Слева виднелся письменный стол, кресло. Справа — печка, камин, еще одно кресло. Прижатый вплотную к окну виднелся краешек керосиновой лампы.

Впрочем, и тут папа не очень-то отступил от своих правил. Прошло мгновение-другое, и он сказал: «Нечего увлекаться подглядыванием. Пошли к маме. Будем выходить. Но тут же папа замер, — он увидел на краю площадки небольшой металлический ящик. Да не просто металлический, а деревянный, обитый почерневшими металлическими плитами, судя по всему — свинцовыми.

— Ну, что ж, нарушать, так нарушать, — неожиданно сказал папа и открыл ящик. Там снова была свинцовая плита, а под ней разного размера тонкие пластины какого-то минерала — матово-серого, слегка рыжеватого, с неровными, угловатыми краями, местами под тонким слоем проглядывал ярко-желтоватый наплыв, казалось, с чуть оплавленными краями.

— Придется позаимствовать во имя науки, — вновь, правда, не очень твердо сказал папа и положил одну из пластинок (где было два ярко-желтых включения) в карман своей куртки-штормовки.

Когда же они спустились вниз, к скамейке, где вытянув ноги, сидела мама, папа попросил у мамы плитку шоколада из ее рюкзака, разделил на три части («пожует») и обернул пластину-минерал серебристой фольгой, а затем — своим большим носовым платком и все это вновь положил в карман куртки.

— Теперь, вперед — за брусничкой! — явно торопясь и почему-то не очень весело скомандовал папа.

Когда они поднимались по ступенькам, сзади, на противоположном краю овражка, послышался шорох, затем сорвался с края и полетел вниз камешек или несколько камешков — зашуршало. Что там такое? Зверек? Или кто-то все это время подглядывал за ними? Ничего не поймешь.

Папа насчет брусничной поляны оказался прав.

Действительно, прошли не больше километра и открылась между двумя пролесками широкая поляна, от которой даже шел какой-то красный отсвет — настолько много там было брусники. Собирай целыми гроздьями, можно — сразу обеими руками. Не прошло и часа, как оба котелка и плюс к ним целлофановый мешок были до краев набиты брусникой. Большой и маленькой. Но в основном — крупной, спелой-преспелой.

А потом неизвестно почему (неужели что-то случилось у таинственного Дома?) всем сразу захотелось скорее-скорее домой. Даже от обеда у костра все дружно отказались. «Уже подкрепились шоколадом». Папа достал из рюкзака карту-километровку, повозился над ней с маленькой сухой веточкой, что-то подсчитал. А потом сказал: «Пойдем сразу на станцию».

Оказывается, недалеко, километрах в двух-трех от того места, где они были, проходит автомобильная дорога. А по ней всего ничего до станции.

«Сухой» обед-перекус устроили в электричке. И к вечеру были дома.

Алеша хотел было сразу позвонить Диме или Славе — рассказать ребятам обо всем интересном, что случилось в эти два дня. Но тут же передумал. Сказал про себя: «При встрече. Не телефонный разговор. Есть что обмозговать».

VI

Встреча с ребятами, Димой и Славой, так скоро, как хотелось Алеше, не состоялась. Начались семейные беды.

Не прошло и недели после похода, как папа заболел. Он пришел рано с работы, лег на тахту с мокрым полотенцем на лбу (болела голова). Поставил рядом на стуле графин с водой — много и жадно пил. Глотал какие-то таблетки.

На следующий день приехала целая бригада врачей. Человек пять. Привезли с собой какой-то прибор. И после того, как послушали папу, посмотрели на данные прибора, один из врачей, видимо, главный среди них, сказал маме: «Соберите, что надо, повезем в больницу».

Один из врачей убежал вниз, на улицу, вернулся с двумя санитарями и носилками. Папе даже не разрешили самому спуститься по лестнице. Увезли на «скорой». Потом вызывали в больницу и маму с Алешей. Брали на анализ кровь — из пальца, из вены. Проверяли на каких-то приборах. Врач, который их проверял, сказал:

— Ладно. Идите. Вам повезло. Но вы, может, еще понадобится.

Папа болел долго. Лежал он в какой-то загородной больнице. Туда даже родных не пускали, только по пятницам принимали передачи («Ничего себе порядочки — делают что хотят»).

Как-то Алеша услышал обрывок телефонного разговора мамы с папиным сослуживцем. Мама негромко говорила: «...обострились старые болячки ...да, в связи с прошлой командировкой на атомный объект ...уже тогда поражение было большое».

Потом папе как будто бы стало лучше, он начал выздоравливать. Мама говорила даже: «Через недельку мы папку заберем домой». Но потом ему вновь стало хуже. Врачи даже предупредили маму, что вскоре папу перевезут в Москву, в Центральный институт. Возникли проблемы, которые здесь, на месте, не решишь.

И вот за несколько дней до отъезда маму и Алешу неожиданно пригласили в больницу. По просьбе папы, как сказали по телефону.

Больница показалась маме и Алеше прекрасной. Не больница, а дворец. Просторная, большие окна, широкие коридоры. Все побелено, вычищено, ни соринки. Не видно никаких больных (или они, если есть, — в палатах). Одни снующие туда-сюда врачи и сестры в белоснежных халатах и в таких же белоснежных шапочках.

У одной из дверей пожилая сестра, сопровождавшая маму с Алешей, сказала: «Мальчик, ты посиди». И пригласила за дверь одну маму: «Проходите, пожалуйста».

Через полчаса мама вышла, серьезная, задумчивая.

— Теперь ты иди, мальчик. Алеша, кажется? — сказала сестра.

Папа был в палате один. Он на первый взгляд не очень-то изменился. Даже, кажется, поправился, лицо округлилось, глаза только стали более серыми, слегка потухли, с какой-то внутренней болью.

Папа сказал:

— Садись-ка, Леха, прямо на кровать, рядом со мной. Мы тут с мамой говорили о всяких медицинских вещах, о лекарствах и другой ерунде. А у нас с тобой — серьезное дело. И не учеба — я знаю, что с ней у тебя все в общем нормально. Я расскажу тебе кое о чем в связи с нашим осенним путешествием на Турбазу («Осенним, — подумал Алеша, — а сейчас уже весна, время как быстро идет»).

— Я знаю, — сказал папа, — чей этот дом в овраге около Турбазы. И даже знаю, хотя и в общих чертах, в чем тут вообще дело. Ты, возможно, вспомнишь, что над дверью был на узкой дощечке выжжен знак, который был на деревьях, — «Su-W», а затем слова «Супер. Вик. — Вик.» Что такое «супер», я, кажется, только сейчас, в больнице, догадался, а вот что такое «Вик.—Вик.», я уже понял, когда увидел расшиф-

ровку W, это — наложенные один на другой два V, то есть — Викентий Викторович. В общем, наш бывший сотрудник — раздражающий всех выдумщик Самарин, незаурядный научный сотрудник соседнего с нами Академического института, не от мира сего — выскочка и с претензиями, как считают многие.

У него, Вик-Вика (сотрудники Института, для упрощения, его нередко так и зовут), вышел конфликт с руководством.

Директор Института, Годовец, недавно был избран «член-кором», сразу же понял, что он — величина. И когда Вик-Вик на какой-то конференции рассказал, что им среди разрушенных скал Реки найдены выходы странного минерала с включениями непонятого происхождения, да к тому же — с необычными свойствами (возможно, космического происхождения), то Годовец высмеял его. И высмеял грубо — беспочвенные выдумки сумасшедшего «от науки».

Самарин же с большим упорством настаивал на своем, как он считал, «историческом» открытии, предлагал организовать под его руководством экспедицию, лабораторию для исследований, дать нужные публикации, заявки и, понятно, ассигнования. Тогда директор Института совсем завелся, опубликовал в академической газете заметку под названием «Причуды космического неудачника». После этого Вик-Вик подал заявление об уходе и тотчас же куда-то исчез. И уже целый год о нем ничего не известно. Ни слуху, ни духу.

Папа продолжал:

— Я скоро выйду из больницы («Неужели он ничего не знает, что его хотят увезти в Москву?» — внезапно похолодел Алеша). И тогда мы снова съездим на Турбазу, снова найдем Дом и, я верю, встретимся с Вик-Виком. Я один из немногих, кто верил и верит в него (хотя, конечно, не во всем). Может быть, действительно, у него дело стоящее. И в чем-то, возможно, и опасное. «Его минерал», кажется, дает какое-то, пусть и небольшое излучение, частично — тепловое, но не только (это, видимо, и есть «супер»), которое и активизировало мою старую болячку. Кстати, — добавил папа, — тот кусочек минерала, который взят у дверей Дома, я спрятал в свинцовый контейнер (он в деревянном ящичке закопан за дровяным сараем на нашей даче).

Когда выходили из больницы, Алеша подумал: «Наверное, не напрасно встреча с ребятами по поводу путешествия на Турбазу все время как-то откладывалась. Теперь пора. Надо встречаться. Что-то делать».

Новая встреча с Домом

I

На следующий день Алеша предупредил Славу и Диму: «Парни, задержитесь после уроков ненадолго. Срочное дело».

Выйдя из школы и постояв для порядка минуту-другую, Алеша предложил друзьям: «Давайте в воскресенье съездим на нашу родительскую дачу — там поговорим вволю. Есть о чем. И кое-что нужно проверить».

Все согласились. Хотя бы подышим чистым воздухом. Тут же решили — «на сколько?», «что с собой?».

Мама не возражала: «С Димой и со Славой — нет вопроса. Тем более что мы в наших загородных владениях всю зиму не были».

В воскресенье — три перегона на электричке, и ребята оказались на месте. «Загородные владения» — это всего лишь небольшой садовый домик, сарай, колодец, дровяной навес (также именуемый «сараем»), беседка.

После того как расчистили дорожки от остатков снега, удалось открыть дверь. Печь сначала пыхнула в дом гарью и огнем, наполнила дом дымом, а потом весело разгорелась, даже загудела. Вскоре стало тепло. Чайник с колодезной водой вскипел мгновенно.

Во время чая (все припасы — на стол!) Алеша рассказал об осенней поездке на Турбазу, о таинственном Доме в овраге, о Вик-Вике, о болезни папы, о его рассказе. И закончил так: «Надо бы съездить к тому Дому. Все хорошенько разведать».

— А кто тебя пустит? — возразил Дима. — Мы ведь для родителей все еще «малыши».

Но тут вмешался Слава:

— А у меня — идея. Давайте привлечем к этому делу нашего физика — Петра Петровича (Петю). Он ведь мужик молодой. Только что закончил Университет, скалолаз, горнолыжник. Наверняка секреты держат умеет. И не такой, чтобы высовываться.

На том и порешили. Завтра же поговорим. Но тут Алеша вспомнил:

— Надо бы проверить то место, где папа припрятал свинцовый контейнер.

Около дровяного сарайчика еще высились небольшие горки снега. Особенно — с северной стороны. Но когда обогнули сарайчик, там, где и ожидалось, был папин тайник, место тайника искать не пришлось. Посередине валика снега образовался круг с оттаявшей

землей. Было заметно то место (центр круга), где земля не так давно была вскопана, хотя потом и прикрыта дерном. Ребята по очереди приложили ладошки в центр круга. Оттуда шло легкое тепло. Как от слегка разогретой кирпичной печки. «Супер», – негромко заметил Алеша. А потом сказал:

– Ну, что? Едем в следующее воскресенье...

II

С Петром Петровичем договорились легко. Оказывается, он знал Вик-Вика (даже такое его краткое имя), верил в его находки и раздумья, хотя его всякие выдумки и претензии в Университете не популяризовались, не поощрялись. Упрямый самолюб. Явно с приветом. Бывает. Но в общем-то – что-то интересное. Может, все талантливые люди – такие, неординарные. Жаль, что куда-то сгинул.

Алеша, было, начал сбивчиво и невнятно говорить об отце, который сейчас заболел. Но «Петя» прервал его: «Не крути. Я все понимаю. Без претензий. Буду и останусь на подхвате, после похода вместе ходим к твоему папе. Я о нем тоже слышал еще в Университете» (посещение, заметим наперед, не состоялось, – папу к этому времени уже увезли в Москву).

Дома – с походом, как и предполагали ребята, – все в порядке. Воскресный поход с учителем (с физиком! Мужиком, спортсменом! Да еще на Турбазу!) – полная поддержка!

Электричка пришла на станцию еще в полутьме, в предрассветных сумерках. Было прохладно. Легкий морозец, хотя снег почти сошел. По дороге ребят с учителем обогнала плотная толпа, казалось, убогих старушек, обгонявших друг друга, чтобы занять в церквушке место – служба предполагалась воскресная, долгая.

На Турбазе не задержались. Решили сразу идти на место. С обратной стороны Турбазы, вперед, к реке. Прошли мимо университетской обсерватории. Там, кажется, шла какая-то стройка, гудела бетономешалка, рядом стояла лошадь, на санях какой-то закрытый короб. Дальше, как и летом, – широкий утопанный спуск к пойме реки, на краю спуска просматривался даже след от лыжни. На полпути, еще на пригорке, влево круто уходил по островкам обледеленого поутру снега санный след (куда бы это?).

Но вот и Река. Еще покрытая снегом. Но было видно по всему – Река как бы набухла, чуть вздыбилась, еле сдерживается, чтобы не ринуться вниз по течению грохочущим ледяным обвалом – ледоходом.

По левому берегу шла леденистая лыжня, местами — там, где уж совсем стаял снег, она прерывалась, открывалась знакомая летняя тропа. Слева виднелись полуразрушенные с косыми прослойками скалы. Над ними местами вились еле заметные прозрачные струйки пара. Заметив эти струйки, Петр Петрович даже приостановился, стал внимательно вглядываться в разрушенные скалы.

Неожиданно из-за дерева навстречу вышел крупный мужчина в форменной фуражке. С ружьем. Лесник?

— Здравствуйте, я лесник, — сказал мужчина. — А вы куда путь держите?

Петр Петрович отреагировал сразу:

— Здравствуйте! А я — учитель, Петр Петрович. Мы тут с ребятами интересуемся скалами. Особенно — вон теми, от которых пар идет.

— Да. Это — камень «Теплый». Такие камни и дальше по реке есть. Еще километров 60—70 вниз по течению почти до Верхнего Села. Только в войну, как мне рассказывали, когда кругом вырубил лес, они быстро стали разрушаться. Старики говорят, что раньше эти камни были горами. Хотя тоже — теплые, особенно у подножия. Были даже теплая пещера и теплый ручей. Только народ туда не ходил. Чего-то опасались.

— Ну, ладно, — прощаясь, сказал лесник. — Изучайте. Только с кострами поосторожнее. Да далеко в лес не ходите. Не надо.

III

За Камнем-малюткой сохранилось костровище с рогатинами. Как летом, по оттаявшей земле среди камешков струился ручеек. Решили сделать привал, попить чайку. Когда вскипел котелок, достали припасенные из дома бутерброды — съели их сразу, почти все.

— Легче идти будет, — сказал Петр Петрович.

Тропы вверх, на высокий берег, не было. Но Алеша заверил, что он дорогу хорошо помнит.

Карабаться вверх было в общем не так уж трудно. Снег на этом берегу почти весь стаял. А его остатки, островки сейчас, поутру превратились в неглубокую ледяную крошку. Так что двигались бодро, в хорошем темпе, без остановок.

Но на гребне увала Алеша остановился. Куда же идти дальше? Много оврагов. Все похожие друг на друга. Где же «наш»? Решили, по предложению Петра Петровича, сделать широкий полукруг от этого до другого края увала, а затем «сжимать» его.

На другом краю увала, ближе к Турбазе, неожиданно выскочили на санную дорогу. Она спускалась в овраг. Не там ли? Нет, в овраге на одном из склонов сделан какой-то проем, он забит досками, есть даже что-то вроде двери с металлическим засовом (не закрытым, только щепочка), на земле рядом с санной дорожкой следы цемента. Не склад ли это какой-нибудь сооружает Турбаза или Обсерватория? Нет, все это не то. Нужно возвращаться на «свой полукруг».

Теперь новый полукруг стали делать внутри «старого», более узкий, короткий. И только начали проходить его, как Алеша закричал: «Ура! Вот оно, дерево!»

– Какое дерево?

– Да то, на котором был знак. А от этого дерева не так уж далеко до Дома.

Пригляделись. Действительно, на дереве, пусть и полустертый, но виден кругляшок затеса с двумя поблекшими буквами «Su-W», и тут же – небольшая стрелочка.

Прошли по тому направлению, куда указывает стрелочка, и вот уже видно упавшее дерево, вершина которого нависает над оврагом. Все. Мы у цели.

Пошли к Дому прямо, минуя всякие тропы и ступеньки. Тут память у Алеши сработала точно, хорошо.

Когда ребята вместе с учителем оказались на небольшой площадке около земляного Дома, то здесь, по впечатлениям Алеши, будто бы ничего и не изменилось. Площадка расчищена. Окна не занавешены. Даже дверь не закрыта, только засов наброшен, на щепочке («Смотри-ка, – внезапно обдала мысль Алешу, – как на строящемся складе; или это не склад вовсе?»).

Алеша долгим взглядом посмотрел в глаза Петра Петровича. Спросил:

– Может, войдем в Дом? И признался: – Папа не решился. Для него «Дом» – святое.

– Да, святое, – согласился Петр Петрович. – И тут же громко-громко крикнул:

– Викентий Викторович! Викентий Викторович! Есть кто здесь? Откликнись!

В ответ – ни звука. В лесу даже стало еще тише, беззвучней. Будто все замерло. Тогда Петр Петрович сказал:

– Мы, наверное, все же должны зайти в Дом. Всякое может быть. Только оставим записку с извинениями и своим адресом.

Петр Петрович вынул щепочку из засова, откинул его, открыл дверь и вместе с ребятами вошел в Дом.

IV

В Доме было темно.

Но когда Петр Петрович зажег висящую на гвозде у дверей керосиновую лампу, оказалось, что здесь — большая со вкусом, искусно отделанная комната. Слева — письменный стол, еще одна лампа, кресло, кровать. Полка — с книгами, папками бумаг. Справа — печь с камином, кресло, дальше — небольшая перегородка, а за ней — широкий стол. На столе — привинченные к столу тиски, какие-то колбы, портативный паяльник, еще что-то из «техники» — целая лаборатория. Тут же что-то вроде экрана, стоящего на подставке и прикрытого темной занавеской.

Петр Петрович зашел за экран. Там — еще одна лампа и не керосиновая, а, по словам кого-то из ребят, карбидовая, трескучая, с неприятным запахом. Когда Петр Петрович зажег лампу, экран даже под занавеской осветился ровным светом.

Алеша видел, что Петр Петрович, как только зашел за перегородку, почему-то напрягся, встревожился. Особенно после того, как он пригляделся к материалу, лежащему в белой ванночке на столе. И еще более, когда он взял один из осколков тонкой плитки, лежащей в ванночке. Алеша уже рассказывал о таких плитках, и, кажется, именно они как раз подобраны или добыты в Теплых Камнях (возможно, в одном из слоев скал).

Но сейчас Петр Петрович воочию увидел и напрямую ощутил эту плитку (плитка была матово-серой, с небольшой желтизной и с неровными, угловатыми краями, местами под тонким слоем проглядывал желтовато-красный, словно опаленный, наплыв). Он покрутил осколок плитки в руках, а затем поднес его к светящемуся экрану. В тот же миг кусочек плитки, и именно там, где выглядывал желто-красный наплыв, вдруг вспыхнул ярким холодным огнем. Очень странным огнем. Ибо этот огонь как бы стягивался к центру, в одну точку, и там будто бы даже убежал, исчезал. И все заметили, как Петр Петрович замер и уставился в исчезающую точку огня, прямо впился в нее — казалось, не оторвать.

Но в это время где-то за Домом раздался резкий хлопок взрыва или выстрела, какой-то крик (и будто даже различимы слова — «сюда-сюда»).

Ребята вместе с Петром Петровичем, бросив все, выскочили из Дома, скатились со склона оврага и побежали в ту сторону, откуда прозвучали странные тревожные звуки. На пути оказался небольшой

подъем. Перескочили его, и вдруг все оказались в другом овраге — притом как раз в том, где они (вот номер!) совсем недавно были. На одном из склонов — проем, забитый досками, есть даже что-то вроде двери с металлическим засовом, на земле рядом с санной дорожкой следы цемента... Все похоже на сооружаемый склад. И как раз тут, у санного следа, патрон, слегка дымящийся клочок ваты (пыж, что ли?).

Но что это? Что происходит или случилось? Не видно никого из людей. Только вот металлический засов двери закреплен не щепочкой. На нем висел и даже, казалось, чуть-чуть раскачивался большой висячий черный замок.

— Эй! Кто тут есть? — громко крикнул Петр Петрович. И добавил неожиданно: — Викентий Викторович! Викентий Викторович!

Ни звука. Петр Петрович и ребята потоптались еще немного, прислушались, Алеша подошел к двери проема, потрогал замок — крепкий, даже слегка теплый.

Нужно идти обратно в Дом — там остались рюкзаки, лампы не потушены, дверь не закрыта. Не распахнута ли вообще?

Но у Дома Петра Петровича и ребят встретила новая неожиданность.

Дверь Дома оказалась плотно закрытой. На металлическом засове висел большой висячий черный замок. Точь-в-точь такой же, какой оказался на двери «склада». У дверей лежали рюкзаки, оставленные ребятами в Доме.

Оказалось закрытым и окно. Плотный фанерный щит с металлической окаемочкой был подогнан в пазы по внешней раме окна и, судя по всему, как-то крепился изнутри Дома.

Петр Петрович порылся в своих карманах, пробормотал: «Фу ты, черт». Затем достал из своего рюкзака, который не снимал все это время, блокнот. Что-то быстро написал на вырванной из блокнота странице и засунул записку в щель двери, рядом с замком. А после этого сказал:

— Все. Возвращаемся домой. Как Алеша? Нет возражений? Возражений не было.

V

Возвращались через овраг со «складом» по санному следу. Вскоре оказались на пологом спуске, теперь — подъеме. Недалеко от Турбазы обогнали неторопливо ищущего лесника с ружьем. Тот заметил обго-

нявших его ребят (просто так заметил, случайно, попутно, или специально ожидал? — кто знает):

— Что-то мало вы погуляли, парни.

— Да, мало, — отозвался (не входя в подробности) Петр Петрович.

На Турбазе остановились у одного из корпусов, на одной из широких скамеек. Тут же на стене висело расписание электричек.

— С полчаса можем пофилонить, отдохнуть, — сказал Петр Петрович. И тут же, снова порывшись в своих карманах, опять пробормотал: «Фу ты, черт».

— Что случилось? — спросил Алеша.

— Да вот, — ответил Петр Петрович, — хотел было взять небольшой образец пластинки из Теплового Камня. Тот, который в ванночке и который я держал у экрана. Но вот не получилось, в спешке оставил в Доме.

— Ничего, — успокоил учителя Алеша. — Папа взял довольно большой образец, он теперь в свинцовом контейнере на нашей даче, так что поделимся с вами.

Воспользовавшись тем, что какой-то разговор начался, Петр Петрович, как говорится, продолжил тему.

— Вот что, ребята, — сказал он. — Вы не расстраивайтесь, что план наш по разведке не во всем состоялся. Хотя что-то есть, да и минутный результат — тоже результат. Но гости мы оказались все же неожиданные, нежеланные. В общем-то иного (коль скоро мы коснулись серьезного дела) и быть не могло. Даже в чем-то можно восхититься, как ловко и изящно нас выдворили. Не допустили, дали понять, что мы — публика нежеланная. Но все же не отторгли совсем. Что уже неплохо.

Петр Петрович продолжал: — А дело тут, могу заверить, — крупное. Надо как-то вступить в контакт с Вик-Виком. Эта забота моя и твоего папы (кивок в сторону Алеши). И моя же забота — теоретическая часть. Тут нужно поглубже покопаться в науке. Разобраться хотя бы на уровне гипотезы. И посоветоваться, Алеша, с твоим папой. Никого другого привлекать пока не надо. А мы все давайте образуем группу «Поиск» — следующим летом совершим сплав на байдарке по Реке, порыскаем по левому берегу, особенно там, где разрушенные Теплые Камни.

Петр Петрович не стал спрашивать «согласны — не согласны?».

Все было ясно и так.

К вечеру вернулись домой.

Потрясение

I

Алешин папа умер.

За день до того, как стало известно о его смерти, Алешу встретил около учительской Петр Петрович. Он молча подошел к Алеше, крепко прижал его к себе и потом быстро, не говоря ни слова, ушел в учительскую. И внезапно Алеша почувствовал, что его начинает охватывать нарастающая тревога.

Нет, не случайно, выходит, мама еще два дня назад уехала в Москву.

И вот страшное известие, которое не укладывается в сознание. И папы нет во всем мире. И не будет никогда. Есть только, как говорят, «останки».

Вернулась мама. С «останками» (причем в каком-то особом металлическом ящике). И предполагается еще какое-то «прощание». «Предание земле». «Поминальный обед». И что-то еще, в том же духе. Говорят, что это — «дань усопшему», давние традиции. И что это будто бы смягчает боль и страдания близких.

Да нет же. Нет никакой «дани», «смягчения боли». Есть другое. Нет больше отца, папы. И это значит — разверзается весь мир и оказывается, что за нашей повседневной жизнью есть небытие, когда исчезает, исчезает безвозвратно, навсегда — то, без чего, казалось, сама жизнь не бывает, невозможна. Исчезает в сущности — часть самого тебя. И надо научиться продолжать жизнь в этой бездне небытия, в прямом соприкосновении с ней. И не впасть в отчаяние. И не потеряться. И сделать все возможное, чтобы (ни секунды не теряя ощущения пустоты и потерянности, чего просто быть не может) возвыситься как существу разумному. Не на этом ли построена религия?

Вечером того дня, когда проходили всякие похоронные церемонии (на них Алеша отсутствовал — «болел»), к ним домой, без какого-либо приглашения пришел Петр Петрович. Оказывается, он чуть ли не сразу после похода на Реку, к Таинственному Дому съездил в Москву, к отцу Алеша. Но его, как и несколько позже маму, не допустили к больному. Полагали, что он поражен какой-то необычной радиацией, небезопасной для окружающих. И доступ к отцу Алеша был совершенно закрыт. Но зато они — сначала Петр Петрович, потом мама — обменялись какими-то письмами, бумагами, вволю поговорили по телефону.

Теперь Петр Петрович долго, один на один, говорил с мамой. К счастью, после этого разговора мама как-то пришла в себя, немного успокоилась. А в разговоре с Алешей Петр Петрович рассказал, что он все сведения и впечатления от путешествия к Таинственному Дому передал папе. У них выработалось одно мнение насчет всего. Передал он Алеше и коротенькую записку от папы. В ней было написано только: «Сынок! П.П. рассказал мне все. Дело тут крупное. Его надо продолжить. Держись П.П. И доведите работу до конца. Крепко целую и люблю. Твой папа».

Петр Петрович сказал еще, что папа передал пакет с научными записками, набросками и просил его в первую очередь поподробнее ознакомиться с ними. Проверить некоторые данные, особенно – гипотезы (странные и диковатые, в духе Вик-Вика).

– Я кое-что поизучаю, детальней, поразмыслю кое над чем, а потом передам записки тебе, – сказал Петр Петрович.

После разговора с учителем Алеша тоже отчасти внутренне успокоился. В основном по состоянию души хотя бы. Проводил Петра Петровича до остановки троллейбуса. Вынес из кухни ведро с мусором. Спросил маму, не надо ли сходить в магазин, купить чего («Не надо. Пока все есть»).

II

Как-то мама очень долго не приходила с работы. Пришла без привычного шума, молчком. Глаза красные, опухшие, вся заплаканная. В чем дело?

Мама сначала упорно молчала. Потом разговорилась.

Оказывается, Годовец по каким-то причинам очень крепко настроился против своего бывшего сотрудника В.В. Самарина – Вик-Вика. И почему-то все более ожесточался. И может быть, хорошо, что этот «гений» ушел из Института, сгинул. Нечего противопоставлять себя другим.

И вот на тебе – человек, который, как говорят, верил во все бредни непризнанного гения, пал жертвой губительного излучения. Судя по всему, в связи с фокусами Самарина. Сначала – заболел, а недавно – умер.

Так что болезнь и смерть папы, как теперь узнал Алеша, Годовец каким-то образом связывал с работами и деятельностью Вик-Вика. Узнав об этом, мама и расстроилась. Очень. Долго плакала на работе. И сейчас по-настоящему не могла успокоиться.

Она еще больше расстроилась, когда спустя несколько дней узнала, что Годовец направил в Академию и в Правительство официальные письма, в которых смерть одного из сотрудников Института, то есть «нашего папы» (происшедшая, на самом деле – насколько известно – из-за атомного поражения на производстве в предшествующие годы, а сейчас был, возможно, только толчок, «последняя капля»), прямо связывал с «безответственными выдумками» В. В. Самарина. Поэтому Годовец предлагал наложить строжайший запрет на какие-либо исследовательские работы и деятельность, связанные с известными минералами. Они, хотя «науке и практике известны уже давно», но из-за тающихся в них опасностей и бесполезности для производства намеренно не вводятся даже в опытные работы (вот ведь какой неправдивый аргумент придумал!). И значит, предлагал он, впредь допустимо проводить такого рода работы только с разрешения «директората нашего Института».

Видимо, эта реляция одного из известных молодых руководителей перспективного Института возымела ожидаемое действие. По ведомственной линии Академии были спущены какие-то строжайшие указания. На их основе Годовец издал приказ, запрещающий любое сотрудничество с «кем бы то ни было» по указанной теме, все имеющиеся материалы на этот счет должны быть переданы в спецотделы «по принадлежности» и на основе предоставляемых дополнительных ассигнований в месячный срок проводятся «на месте» оградительные работы, исключающие возможность «безответственных опытов».

Вскоре Алешу и маму вызвали в Центральный медицинский институт города. Целый день их муржили, брали какие-то пробы – кровь для анализа, исследовали на каких-то страшных приборах. Долго крутили и вертели всякие – судя по всему – крупные медицинские спецы. Но, слава Богу, ничего, что могло бы заинтересовать медицину, не было найдено. Рекомендовали – соблюдать режим, принимать общеукрепляющие витамины, через год – снова на проверку.

В этот же день, вечером, к ним, Алеше и маме, пришел Петр Петрович. Долго пили чай. Мама рассказала о своих переживаниях, о медицинских мытарствах. Петр Петрович сказал:

– Не обращайтесь внимания. Как говорят немцы: «Из всякого свинства можно вырезать кусочек ветчины». Рассматривайте свои медицинские мытарства как годовую диспансеризацию. А дело, к которому был причастен твой отец (к Алеше), мы продолжим. Для нас ведомственные циркуляры не указ. Продолжим в школе. На днях я объявлю набор

в кружок любителей физики под странным названием «Солнышко». А летом – «Поиск». Поход по Реке по прежней программе.

Алеша заметил, что мама вдруг выпрямилась. У нее даже блеснули глаза. Она сказала:

– Если потребуется, собирайтесь у нас. Места хватит.

III

В школе все обратили внимание на то, что «физик» Петр Петрович развил бурную деятельность. Он, кроме уже имеющегося особого кабинета физики, выхлопотал у директора еще какое-то полуподвальное помещение. Затем через одного из своих давних кружковцев связался с его отцом – директором крупного «ящика» и договорился с ним о передаче школе за какую-то символическую цену довольно сложного оборудования. Для школы. Это – нормально. Даже поощряется.

То, что заново реформируемый кружок назван «Солнышко», оказалось незамеченным (известное дело – «физики шутят», народ неисправимый). Но вот отбор в кружок – это уже было круто, уж очень серьезно. Петр Петрович из многих претендентов, действительно, отбирал не просто «отличников», а каких-то заумных чудаков и, конечно же, старшеклассников, уже настроившихся на физмат. Впрочем, Алеша и его друзья – вне конкурса.

Ребята-кружковцы допоздна торчали в кабинете физики и в полуподвальном помещении, названном «Рабочая лаборатория». (Вот так! Завидуйте!) Что-то там делали – устанавливали и опробовали оборудование, приборы, ремонтировали кабинет и лабораторию. Днем и под вечер часть кружковцев помогали Петру Петровичу проводить какие-то исследования. Сам же Петр Петрович порой оставался в лаборатории один, допоздна.

В эти же дни Алеша с Петром Петровичем съездили на электричке на дачу. Сразу же, не заходя на дачу, Алеша привел учителя на то место, где был укрыт папин контейнер. Даже через щипцы, которыми орудовал Алеша, разламывая плитку на две части (да так, чтобы в каждой оставались красно-желтые наплывы), ощущалось мягкое тепло, идущее от плитки. Петр Петрович положил часть плитки в свой небольшой ящичек, приставил к ящичку какой-то прибор, удовлетворенно хмыкнул и спрятал все в сумку с длинным заплочным ремнем.

Не задерживаясь, они тут же вернулись в город. Петр Петрович сразу же – в школу, в лабораторию. С тех пор Петр Петрович задерживался в школе еще дольше («Ночует он там, что ли?» – думал Алеша).

Однажды, когда никаких сборов и заседаний кружковцев не намечалось, Петр Петрович на перемене сказал Алеше:

– После уроков зайти в лабораторию.

В лаборатории, несмотря на дневное время, было полутемно. На письменном столе, за которым работал Петр Петрович, горела настольная лампа. Рядом со столом стояли два мягких кресла. На них и сели Петр Петрович и Алеша.

Петр Петрович начал разговор так:

– В названиях нашего кружка – «Солнышко» – действительно, есть, как многие и считают, что-то от романтической красоты, даже чуть ли не от позерства. Но никто не знает (кроме, пожалуй, Вик-Вика да твоего папы, еще двух-трех человек), что тут – строгая научная реальность. Пусть пока еще далеко не во всем разгаданная, не понятая по всем характеристикам. Предположение. Гипотеза.

Сами по себе матово-серые пластинчатые минералы с рыжеватым оттенком, – продолжал Петр Петрович, – замечены, особенно уральскими рудознатцами, уже давно, хотя и не получили общепринятого наименования. Они издревле рассматривались как сопутствующие породы к месторождениям изумрудов. А на всякие оттенки и на желто-красные наплывы, встречающиеся в этих породах, вообще никто внимания не обращал. Кое-где только, в отдельных описаниях, они зафиксированы. Рассматривались вроде «рудных меток» драгоценных камней.

Даже на то обстоятельство, что они «теплые», – особо заметил Петр Петрович, – никто внимания не обратил. Хотя некоторые из плотогонов подметили, что от отдельных камней на левом берегу Реки идет какое-то тепло. А то, что подобное тепло связано с упомянутыми породами, – это никому и в голову не приходило. Да прийти, наверное, и не могло. Потому что, как становится ясно теперь, особые свойства «наших минералов», в том числе тепловые, в полной мере проявляются лишь при известных условиях (главным образом – наличия света определенной интенсивности). Таких же условий долгие века, точнее даже тысячелетия, не было, так как камни на Реке были покрыты густым лесом.

И вот во время страшной войны, которая произошла в середине XX века (ее называют «Великой Отечественной»), лес на камнях и вокруг них был вырублен. И тогда «теплые камни» на левом берегу довольно быстро, за 2–3 года, разрушились. Сохранились только их разрушенные остатки с обнажившимися косыми слоями пород. В некоторых слоях этих пород и обнаружили «наши минералы»

с красно-желтыми наплывами, которые при известных условиях излучают свет и теплоту.

А теперь, — продолжил Петр Петрович, — самое главное.

Еще в Доме в овраге на берегу Реки, когда мы в этот Дом весьма самовольно (чего уж там!) проникли, я подметил, что при свете карбидовой лампы — более интенсивной по накалу, чем лампы керосиновые, — вспыхивает в месте красно-желтого наплыва холодный огонек. Этот же огонек, если в него вглядеться, оказывается бездонным. И при более тщательном исследовании в лабораторных условиях на образце, который ты мне дал, притом при многократных повторях, я убедился, что это именно так. При околопредельных по возможностям аппаратуры увеличениях через этот огонек открывается вещь изумительная и загадочная — бесконечность. Не некий предел, не темнота, не мрак, а именно бесконечность, которая оказывается видимой. Ощущения и понимание непередаваемые, но очень точно и именно так воспринимаемые.

Надо думать, что это как раз то, что поразило Викентия Викторовича.

Как все это понять? Не знаю. В наше сегодняшнее сознание, даже строго научного уровня, такого рода факт и его восприятие не укладываются. Одна из гипотез сугубо фантастического порядка заключается в том, что перед нами раритет Вселенной — расплескавшиеся капельки протовещества, из которого «сложилась» вся Вселенная. Если это верно, то характеристики и свойства подобного феномена должны быть тоже фантастическими, необыкновенными.

В поиске

I

К походу на Реку в кружке начали готовиться еще в конце зимы, весной. Узнали через деда Матвея, школьного кладовщика, что где-то на складе сохранились от давнишних походников (когда существовал школьный туристский клуб «Аврора») старая байдарка, несколько камер для плотов, палатки, еще какое-то снаряжение. Оказалось, когда покопались в разном старье, накопившемся на складе, — да, это все есть, притом пригодное после кое-какого ремонта для использования.

Поддержал поход по Реке и директор школы. Он только сказал Петру Петровичу и ребятам, что поход надо оформить в городском клубе туристов «как полагается», по всем правилам.

Оформить? Пожалуйста! Дня за два подготовили маршрутный лист, другие бумаги. Даже медицинские справки и справки от физрука по плаванию на каждого. Всего — 9 человек, Петр Петрович и 8 школьников старших классов.

Но тут начались неожиданные трудности.

Сначала в городском клубе Петра Петровича и ребят встретили чуть ли не с ликованием: «Ура! Наконец-то появились школьники. Уже года два не было никого из школ. Оставляйте ваши документы. Дня через два заходите, все оформим».

Через два дня — отсрочка, еще неделька, не успели.

Через неделю — «снег на голову». Оказывается, пришло «из Москвы» новое разъяснение. Водный поход по реке для учащихся школ теперь разрешается только под руководством инструктора по водному туризму.

Какое разъяснение? Петр Петрович провел в городском клубе чуть ли не целый день. Работники клуба куда-то уходили, прятали глаза, говорили — «разъяснение устное», «нарушать не можем. Простите». Один из работников смущенно сказал: «Вот пешие двухдневные походы — пожалуйста. Можно и трехдневные. Только, чтобы в школе знали контрольные сроки».

II

Петр Петрович и ребята были обескуражены всем случившимся.

Целый день Петра Петровича не было в школе.

На следующий день он пришел в школу. Как ни в чем не бывало. Собрал кружковцев (да и «собирать» ребят не надо было — все как будто знали что-то, уже с утра были в кабинете, в лаборатории — занимались уборкой).

Петр Петрович сказал:

— Меняем план. О всяких предшествующих подробностях забудьте. Об этом знать никому не надо. Мы же будем настраиваться на пеший поход в район Реки. Впрочем, — добавил он (и загадочно улыбнулся), — могут быть вариации. Официально — трехдневный плюс день приезда, день отъезда, дневка. В общем итоге по времени — неделя. Может быть, в зависимости от обстоятельств — два раза по неделе. День возвращения в каждом случае заберем у директора как контрольный срок. В общем, это неплохо. Все — по правилам.

Все ребята вслед за Петром Петровичем заулыбались. Жизнь продолжается, несмотря на все препоны. Мы же все же русский народ — обходить законы умеем.

Да и с подготовкой к походу стало полегче. Уже не требуются хлопоты и маята с байдарками или иными плавсредствами. А все другое — особых проблем нет: три палатки, костровое хозяйство, пара топоров, пила, другая мелочь. Питание — купим накануне отъезда, да и на Турбазе можно дозаправиться. Вот не забыть то, что нужно для возможной работы: небольшой ломик, пара лопат, свинцовый контейнер. Ну и, понятно, личное снаряжение, штормовка, спальный мешок (придется все же обзавестись резиновыми сапогами).

Группа сохранилась в полном составе — пять парней, три девчонки и, естественно, Петр Петрович.

Скорее бы июль! Черт с ними — с этим клубом, их бюрократией, какими-то «устными указаниями». Или, действительно, были указания, только не прямо ли на их, Петра Петровича и команды, счет?

III

Наступил июль. Жара несусветная. Солнце палит, как в Ташкенте. Или даже — в Сахаре. Родные и знакомые говорят — вам хорошо, вы скоро будете у Реки, у воды всегда легче. Да какой-никакой ветерок гуляет по реке, да и от воды — свежесть.

Действительно, легче стало уже в самом начале похода. Даже в городе утренние часы — ранняя прохлада. И в электричке все окна открыты — вот тебе почти речной ветерок. Когда разгрузились на станции, а потом нагруженные гигантскими рюкзаками двинулись к Турбазе, солнце уже поднялось над горизонтом, но еще не палило, как днем. Так что до Турбазы, несмотря на весь походный груз, дошли неожиданно быстро и легко. Только подвесной мост под тяжестью всей группы сегодняшних тяжеловесов стал прогибаться сверх меры — пришлось на ходу рассредоточиться.

И на Турбазе был земной рай. От реки веяло утренней речной прохладой, а от близкого хвойного леса шел, пусть и чуточку сырой, свежий елово-пихтовый аромат прибрежной тайги.

И все же — вперед, к Реке (только Петр Петрович на минутку сбегал куда-то в один из корпусов). Когда быстро прошли мимо университетской Обсерватории по пологому спуску, то, как и в прошлое время, вновь как-то вдруг оказалось — вот она, Река, прямо под ногами. Завивающиеся бурунчиками быстрые струи, бьющиеся о берег. Остатки утреннего тумана, стелящегося по воде. Высокие Камни на правом берегу. Проторенная тропа — на левом.

Дальше — вперед по тропе.

И вот — неожиданность. Чуть ли не на том же месте, как в прошлый раз, из-за дерева выходит крупный мужчина. Неужели лесник? Да, лесник, в той же форменной фуражке, только почему-то в черных очках. Какое совпадение! Или ребят уже вновь ждали?

— Здравствуйте, ребята! — обращаясь к Петру Петровичу, сказал лесник. — Понравилось в прошлый раз? Решили подольше побродить в наших краях?

— Да, — ответил Петр Петрович. — Вон там, дальше, на полянке, за Камнем-малюткой, остановимся дня на два-три.

— Что ж, — доставая из планшетки тетрадь, сказал лесник. — Запишем. Какой номер школы? Кто руководитель? Вы? Простите, ваша фамилия? Всего, значит, 9 человек. Ну, что ж, отдыхайте. Только вот что, — будто спохватился лесник, — тут на разрушенных камнях сделаны запретные участки. Не нарушайте. Мне велено охранять. И вообще далеко от Реки не отходите.

Лесник, наверное, почувствовал, что гаечку закрутил несколько жестче, чем надо. И поэтому, уже попросившись и отойдя по тропе к базе, он внезапно вернулся и сказал Петру Петровичу:

— Тут, ребята, недалеко, за поворотом, обратно по течению в Реке полузатопленная лодка. Можете взять ее. Подремонтируйте и покачаетесь туда-сюда.

Сказал это и быстро ушел.

«Странно, — подумал Петр Петрович. — Может быть, надо проверить, поплывем ли мы дальше? Ведь, когда мы сейчас были на Турбазе, я по пути забежал к старшему инструктору, спрашивал, нельзя ли купить лодку? Он ответил — теперь частным лицам не продаем. Странно».

Где же дерево с затесом и со знакомыми знаками («Su-W» и небольшая стрелочка)? Пригляделись. Дерево оказалось спиленным, разделанным на части. На одном из чурбанов заметен затес и обрывки знакомых знаков.

А вон то место, на котором прямо с тропы виднелись разрушенные скалы. Снова неожиданность. Подошли, не снимая рюкзаков. Все это место (по длине — метров 20–30) обнесено проволокой. На небольшой фанерке предупреждение — «*Запретный участок. Обход справа*». А сами камни залиты, по-видимому, бетоном. И даже залитые бетоном, камни как бы приникли, ушли глубже в землю.

Петр Петрович скомандовал: «Все! Разбираться будем потом. Идем на стоянку».

До Камня-малютки было совсем недалеко. Вон он. Рядом.

На полянке за Камнем все было в порядке. Будто сами ребята оставили ее только вчера. Струится меж камней ручеек. На том же месте — костровище с рогатинами. Сохранились даже остатки сухих дров. Сходили еще за дровами, нанесли целую гору. Нарубили в чашобе свежий лапник.

И вот уже стоят три палатки. На перекладине крючья с ведрами.

Решили до обеда отремонтировать лодку (если лесник не слукавил). А после обеда — в лес.

IV

Полузатопленная лодка, застрявшая чуть ниже каменистого переката в кустарнике (и привязанная к вбитому ко дну реки колу; лесник?), оказалась почти целой. Даже одно весло лежало на днище. По всему было видно, что на лодке не справились с проходом по перекату, острым камнем в одном месте дно лодки было пробито, и те, кто сплавлялся на лодке, решили с ней дальше не возиться.

Отчерпав воду из лодки и заделав на время пролом завернутым в тряпку пучком густой травы, ребята быстро на одном весле перегнали по течению полузатопленную лодку к своей стоянке. И действительно, к обеду в общем-то отремонтировали ее — пусть не по всем канонам лодочного мастерства, но плыть можно. Один из ребят сбегал на Турбазу, добыл там кусок доски и баночку дегтя. Затем наложили на место пролома заплату, заделали ее жестью, вырезанной из старых консервных банок, сделали даже из сухостоя некоторое подобие второго весла с самодельной (из обрывков жести и проволоки) уключиной. Добавили ко всему этому два шеста, выструганных из тонких сухих лиственниц. Все! Лодка к походу готова!

После обеда (умяли целое ведро картошки с тушенкой) надо было бы немного вздремнуть — так думали и рассчитывали все. Хотя бы часок. Но Петр Петрович скомандовал: «Ребята, не расслабляться. Идем в лес — все, кроме дежурных. Маршрут — район Дома. Направляющийся — Алеша».

Но Дома не было.

До того участка, где был Дом, добрались в общем-то легко. Не в первый раз. Нашли даже два оврага, в одном из которых был как раз Дом, а во втором сооружался «склад». Но всю местность как будто бы подменили. Не было нависающего над оврагом дерева, рядом с которым тянулись ступеньки. Не было на дне оврага стола со скамейками. На этом месте высилась груда камней. Не было даже ручья (лишь под камнями

угадывалось его легкое журчание). Появились какие-то новые поваленные деревья. Кое-где кучками были разбросаны дерн, мох. Да и сами овраги будто бы уменьшились, местами чуть ли не сравнялись со всей окружающей лесной равниной.

— Давайте пройдем по краям оврагов, — предложил Алеша. Прошли. Вновь ничего особого. Да сами овраги, как бывает, когда смотришь на знакомую местность со стороны, как будто вообще стали неузнаваемыми. И вдруг Алеша замер, будто наткнулся на стену, и закричал: «Петр Петрович, Петр Петрович! (хотя он был в двух шагах от Алеши) смотрите-ка!»

На самом краю оврага высывался кончик железной трубы с конусом-искроуловителем на конце.

— Значит, здесь был «наш Дом», — предположил Алеша.

— Что же, может быть, может быть, — несколько задумчиво ответил Петр Петрович. И тут же скомандовал: — Заканчиваем. Возвращаемся в лагерь.

И вся группа, цепочкой — впереди Алеша, замыкающий Петр Петрович — потянулась вниз, к стоянке.

V

На следующий день группа двинулась вниз по Реке. Разделились на два отряда или подотряда — «моряков» и «пешеходов».

Моряки — Слава и еще один парень, Володя, и одна (поочередно) из девчонок — на лодке. На лодке — тяжелый груз, упакованный в целлофановые мешки (Петр Петрович припас!), — все основное снаряжение, палатки, продукты, костровое хозяйство. Приказ — далеко не вырваться. Как только исчезает флаг пешеходов — остановка.

Пешеходы — Петр Петрович, Алеша, все остальные. У всех рюкзаки, но по минимуму. Один из парней несет «флаг» (красная майка, привязанная к небольшому шестику) — для контакта с моряками.

Идти пешком — прекрасно, «по-мужски» (недаром пешеходы между собой чуть ли не сразу стали называть моряков «дачниками»). Тем более что рядом с кромкой воды, почти не прерываясь, тянется рыбацкая тропа, а кое-где удается срезать угол (понятно тогда, когда там не было разрушенных камней или чего-то иного, интересовавшего группу).

Вот отчего порой случается так, что, миновав излучину, не представляющую какого-либо интереса, пешеходы укорачивали путь. И тогда — сидишь на берегу, поплеываешь и ждешь этих самых «моряков», все еще возившихся на перекате, где порой приходилось проводить

лодку «на руках». Такое случается на стоячих плесах, на лодке приходится с великими усилиями выгребать, зачастую против ветра. Но бывает и так — «моряки» по стремнине резко выскакивают вперед, пристают где-нибудь к берегу и оттуда призывно машут руками: «Ну, что вы там? Утомились, что ли?»

Но это все попутные забавы. Все знали — у «пешеходов» главная, непростая работа. Нужно было обследовать каждое более или менее крупное дерево. И стоящее на берегу, и спиленное, упавшее. Просмотреть чурки спиленных деревьев. Нет ли затесов? И тем более — знакомых знаков? Не идет ли от дерева тропа к камням? И нет ли вообще разрушенных камней, скал?

Прошли километр, другой, третий — ничего.

И вдруг — стоп! Пень от спиленного дерева. Чурок нет, но от пня тянется тропинка. И там дальше, видно даже отсюда, от берега, заметны невысокие каменистые скалы.

Но до самих камней дойти — как и в районе Турбазы — не удалось. Дорогу преградили два ряда проволоки, натянутой вблизи камней. Причем даже из-за проволоки было видно, что камни залиты бетоном. Значит, что? Поворот назад? Нет, вперед.

До вечера таких «забронированных» камней было найдено еще несколько. Везде на железках предупреждение — «запретный участок».

Но тут на какое-то время внимание группы привлекло другое. Еще до обеда на одном из прямых участков Реки пешеходы заметили, что вырвавшиеся вперед «моряки» энергично машут руками, показывая на противоположный берег. Что там? Пригляделись. На правом берегу по ходу пешего отряда движется какой-то всадник. Показалось, что всадник похож на лесника. Но что точнее можно разобрать на расстоянии? Тем более что на всаднике — большая плащ-палатка с капюшоном, лица не видно совсем. Во время обеда «моряки» рассказали, что всадник сопровождает пешую группу с самого утра.

Все это почему-то сильно повлияло на Петра Петровича. Он помрачнел, по всему было видно — ожесточился, достал из своего рюкзака саперную лопатку, заткнул ее черенком за свой армейский ремень и, возглавив пешую группу, решительно пошел по прибрежной тропе. Когда же совсем под вечер вновь обнаружился забетонированный участок разрушенных скал, Петр Петрович скомандовал: «Алеша, Дима — со мной; остальным перекур» и вместе с двумя ребятами подлез под проволоку к скалам.

Сначала по кромке бетонной нашлепки Петр Петрович и ребята ладонями попытались определить, нет ли где-нибудь теплых мест.

Но потом, махнув на эту затею рукой (земля везде была одинаково сухой и к концу летнего дня горячей), Петр Петрович начал копать саперной лопаткой в том месте, где бетон не полностью покрыл камни.

И тут — удача. На небольшой глубине, не более полуметра, оказался слоистый камень. Причем один из слоев оказался именно тем, что надо, — прижатые друг к другу матово-серые плитки с рыжеватым оттенком, с неровными, угловатыми краями; и даже здесь, на небольшом краешке камня, местами под тонким слоем проглядывали желтовато-красные, словно опаленные, наплывы. «Теплые», — прислонив к ним руку, сказал Алеша.

Петр Петрович выломал несколько плиток желтовато-красного камня, спрятал их в серебристый мешочек, запаковав его в какую-то коробку, а затем вместе с ребятами зарыл вырытую ямку.

В это время рядом раздался два резких щелчка (похожие на щелчки сработавшего затвора фотоаппарата) и тут же послышался удаляющийся топот лошади. Кто-то из ребят было рванулся вслед, но Петр Петрович остановил: «Не надо. Все и так понятно. Пусть».

Лагерь для ночевки решили устроить тут же, на берегу («морьякам» на лодке пришлось возвращаться: они уже ушли вперед, до поворота Реки). Место было чудесное. Небольшой полуостров. Сухое дерево, которое ребята спилили — дров навалом. Ровная площадка для палаток. Небольшая заросшая протока (видимо, здесь когда-то был островок, потом протоку забило деревом, дерном, выросла трава, кустики). Метрах в ста небольшая речушка с кристально чистой водой.

После ужина Петр Петрович сказал:

— Здесь прерываем маршрут. Продолжим через недельки две-три, может быть — через месяц — как получится. Так что — готовиться к общему пешему переходу. Завтра, прямо с утра.

Находка

I

С самого утра Петр Петрович с Алешей долго колдовали над картой. Что-то примеряли, высчитывали.

Решили выйти прямо на дорогу, ведущую к станции. Дорога, кстати, та же самая, автомобильная, тянувшаяся до Верхнего Села или дальше, по которой Алеша еще с папой выходили из района Турбазы, от Дома в овраге. Может, автобус или иную машину там встретим?

Собрались быстро. Уже научились – каждой вещице свое место в рюкзаке. Полянку прибрали – будто никого и не было. Лодку спрятали в протоке, подтопили, замаскировали старым высохшим валежником – в метре лодку не видно.

Около речушки оказалась проселочная дорога, которая быстро вывела на автомобильную трассу. Прошли по дороге километра три-четыре, и действительно, группу нагнал небольшой автобус. Полупустой.

Водитель сам остановился: «Садитесь, ребята. Возьму недорого». Сразу же понесло на песни, свои, костровые. И вот уже знакомые Алеше места. И вот-вот должна показаться станция. Но тут неожиданно Петр Петрович крикнул с заднего ряда сидений, где он устроился среди рюкзаков (и девчонок):

– Остановите, пожалуйста, машину!

И когда автобус затормозил, скомандовал:

– Мигом, ребята, выходим. Есть дело. Водителю – спасибо и расчет.

И когда автобус уже скрылся в клубах дорожной пыли, Петр Петрович объяснил с какой-то ноткой горечи или даже вины:

– Ведь мы так ничего и не узнали о Доме Викентия Викторовича. Только кончик печной трубы нашли. А что там, под завалом?

Сначала вернулись по дороге на полкилометра назад. Там – мостик, под которым речушка, впадающая в Реку около Турбазы.

– Вон там, около лесочка, поближе к Турбазе и остановимся, – сказал Петр Петрович. А когда пришли на место стоянки, добавил: – Мы с Алешей, Димой и Володей идем в овраг. А здесь командует Слава. Обед. Разбить палатки. Может быть, заночуем, если не управимся в овраге к вечеру.

II

Петр Петрович и ребята, уходящие в овраг, быстро собрали весь «шанец»: лопаты, кирку, пару топоров, все другое, и не мешкая, быстрым шагом, цепочкой – в лес.

Овраг с Домом нашли не сразу. Решив идти напрямую, сначала забрели в какие-то непролазные дебри. Пришлось круто брать вправо – в сторону Реки, Турбазы. Здесь выскочили поначалу к дорожке, которая ведет к оврагу со «складом». И тут уже было все ясно. Не прошло и десятка минут, как ударная («шанцовая») группа оказалась у трубы.

– Ну, вот, – сказал Петр Петрович, – теперь все зависит от нашей памяти и даже способности предельно точно воспроизводить по памяти детали прошлого. Большая надежда на тебя, Алеша, – ты обна-

ружил Дом — дважды, второй раз — тоже по памяти. Главное здесь — перед нами окончание печной трубы. А где же может быть площадка перед входом — дверью и окном? Петр Петрович достал лист бумаги. Стали чертить на нем схему (Алеша все твердил, что труба вышла как-то сбоку Дома, и лишь потом ее колена поднимались вверх, к краю оврага). Стали размечать, отмеряя направление — от кончика трубы и дальше на всю предполагаемую площадь Дома. Вбивали колышки. Наконец, Алеша сказал твердо: «Вот тут площадка». И даже нарисовал на обороте листа со схемой очертания фасада Дома, как он ему запомнился. Особо выделив трубу и площадку перед дверью и окном. Все согласились: «Да, как будто все так, точно...»

— Начинаем копать, — скомандовал Петр Петрович. Оказалось, что схему на бумаге и колышками на земле обозначили верно. Только начали копать, и сразу открылись верхние венцы сруба, потом табличка со знакомыми знаками, рама, закрытая щитом окна, проем двери. Через час вся площадка перед домом была откопана. Дверь с петлей и висячим замком была сорвана. Так что пришлось выбрасывать и землю, попавшую в дом через незакрытый проем двери.

После этого Петр Петрович и ребята вошли в Дом. Слава Богу, сохранились и работали керосиновые и карбидовая лампы. Зажгли их все. Стало светло, да и через проем двери проскальзывали лучики и блики солнца. Поразительно, но внутри Дома ничего не было нарушено, лишь заметно было что в помещение стала проникать сырость. В углах Дома начала проступать плесень. Около печи горка золы. На деревянном полу следы грязной обуви. Но никаких следов разрушений, бесчинств. Значит, не всегда срывает ген разрушения; даже тогда, когда его следы может скоро скрыть земля.

Но в Доме не осталось ни одной бумажки — ни книг, ни папок, ни журналов. Тщательно обыскали все уголки, стол, полки. Ничего. Неужели ничего не осталось, кроме предметов быта?

И вдруг Алеша за кроватью, примыкающей к столу, заметил шелочку между картонной обшивкой. Отогнул краешек обшивки, просунул в щель руку и там сразу наткнулся на плоский предмет. Это оказался клеенчатый пакет, а внутри его — толстая в твердом переплете тетрадь. На первой ее странице — два крупно начертанных заголовка:

«ДНЕВНИК. ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ».

Алеша негромко позвал: «Петр Петрович, можно вас?»

Как только Петр Петрович увидел тетрадь, он резко выхватил ее из рук Алеши и спрятал за пазуху. Сказал только:

– Молодчина. Но никому ни слова. Пока. Я изучу и отдам тебе, потом, быть может, на кружке начнем разговаривать...

III

Через минуту-другую Петр Петрович дал команду: «Кончаем работы. Все приводим в порядок».

Посадили в проем дверь, прибили петлю с замком. Все, Дом закрыт.

Затем на всю площадку навалили обрубки стволов деревьев, чурбаны, притащили даже сухое корневище. И все это засыпали хворостом, мхом. Теперь Дом не завален, а как бы спрятан. Даже вблизи вряд ли кто-нибудь его обнаружит.

Обратная дорога была довольно легкой. К счастью, ребята в лагере не успели развернуть палатки. Но обед был готов. Отобедав и убрав площадку, группа также быстро добралась до станции. А там, будто по заказу — уже стояла электричка.

До свидания, Река! До новых встреч!

Викентий Викторович

I

В среду лаборатория была набита битком. Пришли все походники. Пришли и другие кружковцы. Получился общий сбор.

Петр Петрович начал разговор так:

– У нас сегодня произойдет, пусть и заочная, встреча с Викентием Викторовичем.

И продолжал:

– Но я прежде всего должен извиниться перед нашим отрядом. В Доме все же были обнаружены бумаги. В курсе были Алеша и я. Но мы это не обнародовали (скажем так), думаю, по понятным извинительным причинам. Во-первых, дневник — дело личное и мне надо было решить, могу ли я взять на себя ответственность что-то из него оглашать (даже перед своими). А во-вторых, тут вещи деликатные и странные. Автор бумаг уже пострадал. Где он вообще, Викентий Викторович? Недаром и все бумаги, кроме случайно найденных, исчезли.

Но кое-что нашим кружковцам надо знать, — сказал дальше Петр Петрович. — То, что наверняка поведал бы и сам Викентий Викторович.

Главное — это то, что основные предположения совпали. Один в один.

Напомню. Красно-желтые («теплые») наплавы в минералах, найденных в отдельных слоях разрушенных скал, — это следы, брызги или остатки первородного вещества Вселенной. По математическим расчетам, их, таких следов первородного вещества, не может не быть. Хотя совершенно неясно, как они сохранились до сих пор в своей первозданности.

Викентий Викторович полагает, что это вообще не «вещество», а нечто неведомое, концентрат энергии, до предела уплотненный и определенченный, который даже в неадекватных условиях непрерывно дает малое тепловое и какое-то еще излучение.

Но больше Викентия Викторовича, как и меня, поразило другое (он возвращается к этому пункту в дневнике многократно). Нарастивая излучение при источниках света определенной интенсивности, «вещество» само начинает выдавать холодный свет, который, при попытках проникнуть в его свойства, неожиданно вводит в ошутимую, чуть ли незримую бесконечность. Что это такое и как все это можно объяснить — совершенно непонятно. Абсолютно. Нет даже какой-нибудь смутной гипотезы. Словом, это, конечно же, — открытие. Но к постижению тайны мы еще даже не приблизились, — мы находимся на очень дальних подступах.

В заключение встречи Петр Петрович предупредил:

— Все, что связано с Вик-Виком, пока — наше внутреннее дело, находящееся в стадии разработки, осмысления. Пусть до поры до времени все это останется между нами.

А вот группе «Поиск» — быть готовой к походу через 3–4 недели.

II

Летнее время бежит быстро. Не успели, как говорится, глазом моргнуть, как подошло начало августа. Петр Петрович через Алешу передал команду — всем готовиться по прежней схеме, снаряжение — то же, продовольствие на неделю. Выезд в ближайшую субботу самой ранней электричкой. К группе присоединились еще два кружковца, два парня.

Еще на перроне выяснилось, что поход — особый. Ну хотя бы потому, что поход не станет простым продолжением прерванного пути (туда, откуда выходили с маршрута месяц назад, отправятся только Слава, Дима и Володя — за лодкой). Вся же группа едет сразу до Верхнего Села.

Уже в электричке Петр Петрович, слегка помявшись, приоткрыл суть своего плана. Сразу же выйти на конечный пункт, где заканчивается полоса «наших минералов». Для чего? Может быть, тут самое тайное из расчетов Петра Петровича — нет ли именно там чего-то такого, что помогло бы найти Викентия Викторовича?

Трое ребят («лодочников») вышли на одном из разъездов, где рядом шла шоссейная дорога и до Реки было всего ничего, километра два-три.

Вся же группа через каких-нибудь полчаса была уже в Верхнем Селе. И здесь Река была недалеко, километр-полтора, не больше. Дойдя до Реки, группа, не мешкая, отправилась в путь, по берегу, вверх по течению. Надо было пройти километров десять до пункта, где заканчиваются выходы в разрушенных скалах и где предполагалась, уже этим вечером, встреча с «лодочниками».

Уже к обеду группа была на месте. Вскоре появились и «лодочники». Так что все вместе в небольшой уютной лоштинке оборудовали стоянку. Выход к камням — только завтра, рано поутру.

III

Камни на следующий день нашли не сразу. Оставив на стоянке дежурных — дневальных и сторожей (всего пять человек), группа пошла по берегу Реки против течения. Прошли километр-другой. Никаких признаков — ни сигнального дерева со знакомыми знаками и стрелочкой, ни скал, ничего, что бы их напоминало. И только после того, как прошли по берегу еще с километр и наткнулись на водную преграду, как бы на ответвление Реки, поняли, в чем дело. То, что предстало в виде «ответвления реки», а в свое время было протокой, теперь, «на выходе», заросшей, ставшей «заводью» или «старицей». А когда-то здесь было основное русло. И значит, Камни должны быть расположены на том берегу этого старого русла, сейчас — старицы.

И действительно, как только переправились через протоку и немного прошли по берегу «обратным курсом», так лоб в лоб наткнулись на дерево — ура, не спиленное! — с затесом, на котором четко виднелись знакомые знаки («Su-W» и небольшая стрелочка). И от дерева по курсу стрелочки — узкая тропа, ведущая вглубь берега. Но и от самого дерева уже были видны рваные зубцы разрушенных скал. А дальше, у самих Камней, все было так же, как и в иных подобных случаях. Натянутая вокруг скал проволока с «запретной» табличкой. Часть же скал, как видно из-за проволоки, покрыта бетонным покрывалом.

Что теперь делать?

– Давайте-ка все же, – сказал Петр Петрович, – внимательно осмотрим объект. Особенно – на стыках с бетонным покрытием. Наверное, здесь – последний шанс («Что это за последний шанс?» – подумал Алеша).

Подлезли под проволокой и медленно стали просматривать скалы, двигаясь вокруг Камня двумя группками – справа и слева, с тем чтобы встретиться на противоположной стороне Камня. А когда встретились, чуть ли не одновременно ахнули – под самой кромкой бетонной крыши – большая, покрытая пятнами буро-зеленой краски фанера. Сделана искусно – сразу и не увидишь.

Приподняли фанеру, и на оборотной ее стороне снова знакомый знак – «W».

– Ура!! – неожиданно громко, не считаясь с какой-либо конспирацией, закричал Петр Петрович. – Викентий Викторович здесь! Он, как я и предполагал, где-то тут, недалеко, рядом.

В самом деле – это фирменный знак, а под фанерой узкий лаз, ведущий к слоям Камня, один из которых местами тускло посверкивал. И лаз этот, судя по всему, часто посещаемый. Здесь, здесь Викентий Викторович! Наверное, после разгрома Дома в овраге, где-то в Верхнем Селе, рядышком с выходом наружу «его» минерала. «Да где еще он может быть?» – соглашаясь с Петром Петровичем, подумали все.

Петр Петрович осторожно пролез по лазу, отковырнул охотничьим ножом пару плиток минерала, спрятал их в рюкзак, в «свинцовый» мешочек. И сказал: «Теперь в путь. Обрато на нашу стоянку».

Пошли напрямик. Дорога была приличная, даже в одном месте обнаружилась тропа. Не по ней ли ходил Вик-Вик? Лишь в одном месте, где раньше была, а ныне полностью заросла протока (а до нее, возможно, находилось основное коренное русло), было слегка сыровато, пришлось обходить небольшое озерцо, прыгать по кочкам. Но путь оказался довольно близким – пришли на стоянку, когда дневальные только-только начали готовить обед.

IV

На поиски Вик-Вика (если верны вчерашние приметы) Петр Петрович предложил отправиться небольшой группой – он сам, Петр Петрович, Алеша, Володя и одна девочка – Оля, эдакая хлопотунья-хозяйка – с кем хочешь сразу же найдет общий язык, заставит собеседника «открыться».

Устроили общий совет или разбор. Где все-таки Викентий Викторович может быть? Все равно он где-нибудь должен работать. Где же?

В поселке всего-то — леспромхоз, лесопилка да старинный железоделательный заводик, ныне используемый под мастерские да кузню. Так что другого места, кроме школы, где бы мог обитать и работать Вик-Вик, просто нет. «Конечно, школа», — решили все.

Но в школе разведочную группу ожидала неудача. Хотя завуч, Ольга Павловна, сказала, что в конце прошлого учебного года в школе по инициативе научного работника из города («Звали его? Да, точно, Викентий Викторович») был организован геологоразведочный кружок, занимались во внеурочное время в школе, бродили с молотками по камням у Реки. Потом он ушел или уехал. Обещал продолжить работу с кружком осенью (может быть, и об этом был разговор, проведет несколько занятий по математике или физике со старшеклассниками). Где он сейчас? Неведомо. Кажется, как-то устроился в местном совхозе, именуемом теперь «АО имени XX съезда».

Пошли в совхоз. Километра полтора от села. А там уже по-настоящему удача. Первый же встреченный около построек совхоза работник сказал: «А, Викентий. Знаем. Он живет у пасечника Семена. Вот там, за посадками, ближе к Реке».

Пошли дальше. И вновь крупная удача. Прямо у пасеки, на скамеечке — Викентий Викторович. Высокий, худющий, нескладный. Глаза — большие, упрямые, будто и не мигающие совсем.

Узнал Петра Петровича. И обрадовался ему, ребятам.

— А я-то все думаю, кто это за мной, кроме нашей славной Академии, неотступно ходит. Вообразил, что это какие-нибудь «органы». Немедленно всей группой переходите сюда. Тут у нас («У нас, — про себя повторил Алеша, — значит, он крепко сдружился с пасечником»), у самого берега есть подсобный домишко с террасой. Поживете денька два. С медком. Познакомлю с ребятами из школы, они отчасти в курсе дела. Будем дружить.

Во второй половине дня вся группа («моряки», разумеется, вместе с лодкой) перекочевали на пасеку. Вечером вместе с Викентием Викторовичем и пасечником Семеном устроили шикарный ужин. И не только с медом во всех разновидностях. Пасечник Семен принес гигантский кусок копченого окорока. Вот это пир!

V

Еще до завтрака Петр Петрович предупредил:

— В десять часов, на берегу — общий сбор или симпозиум, как угодно называйте. В общем, разговор вместе с Викентием Викторовичем на тему наших поисков. Всем быть.

Устроились хорошо — на квадрате четырех толстых бревен (видимо, здесь порой устраивали костер, шашлык).

И разговор был долгий.

Рассказывал в основном Викентий Викторович. Точнее, говорил, как на лекции, слегка наставительно. Его рассказ в сокращенном виде стоит привести.

— Можно уверенно предположить, на каком-то весьма дальнем витке своей эволюции наша планета прошла мимо и, не исключено, чуть-чуть коснулась какого-то небесного тела или выброса из тайников Вселенной, несущего остатки или элементы протовещества (одновременно — протоэнергии). То есть того, что существовало в первые мгновения после Большого Взрыва, или чего-то иного, с чего началась наша Вселенная или очередной цикл ее круговращения и почему-то — причина совершенно неясна — осталось до нынешней поры.

Вот так и получилось, что следы или капли такого вещества (и энергии) каким-то образом сохранились на одном из слоев каменистых пород.

Вещество это — необычное, не подпадающее под привычные представления. Оно — и тут наши мнения, Петра Петровича, мои и твоего папы, Алеша, — сошлись полностью — не просто «материальное». Оно, по всем данным, такой концентрат энергии и настолько является ее плотным сгустком, что выступает в «опредмеченном виде». Таким же, как и любое материальное вещество.

При этом одна из гипотез, сугубо фантастическая, заключается в том, что перед нами не просто некий раритет Вселенной — расплескавшиеся капельки протовещества и протоэнергии, — из которого «сложилась» и стала развиваться вся Вселенная. Если это верно, то характеристики и свойства подобного феномена должны быть тоже фантастическими, необыкновенными. Кто знает, например, не «вещество» ли, первичное и вместе с тем глубинное, является вечным запалом, поддерживающим в сущности бесконечное во времени горение звезд с выделением чудовищного по объему тепла, иной энергии?

— А теперь, — продолжал Викентий Викторович, — о самом главном. О жизненном парадоксе, весьма печальном на первый взгляд, но все же таком, который обернулся или оборачивается положительным эффектом.

Вам известно, что в Академии я оказался непонятым. Сработали характерные для наших научных кругов, особенно элитных, — косность, недоверие к иным взглядам, амбиции, отторжение других крупных ученых и многое другое. И тут даже как-то странно соединилось несоеди-

нимое – неверие («этого не может быть никогда») и опасения насчет возможных неблагоприятных последствий, что отчасти правильно.

И вот сейчас я скажу совсем удивительное. Все эти разрушительные меры, как это ни покажется странным, в конечном счете объективно правильны. И своевременны. Очень хорошо, что выходы нашего минерала залиты бетоном и охраняются. Потому, что еще не пришло время. И потому также, что крупные ученые в данной области не обрели еще силу. Моя судьба – тому пример.

И быть может, замечательно, что проблема – благодаря вам, Петру Петровичу – и совершается теперь на школьном уровне. Пусть всю эту проблематику пока считают школьной. Она, впрочем, такой и является по существу. Наше время впереди.

– Давайте запомним все это – то, что наше время впереди.

– Ведь у нас в руках оказался кусочек или осколок самого Солнца, – сказал Петр Петрович.

ТАЕЖНЫЕ СЕКРЕТЫ

Часть первая. Горы

Между былью и сказкой

Школьные годы Толи оказались богатыми на приключения.

Первое из них, случившееся в то время, когда Толя еще учился в первом классе, и «приключением» трудно назвать. Это было скорее сказкой. Или, быть может, сказкой-былью, сновидением. Но сновидения – и это Толя точно знал с совсем ранних лет – что-то мимолетное, какие-то ночные образы, которые очень недолго помнятся после пробуждения, а потом исчезают навсегда.

Но сказочные сновидения порой – правда, с годами все реже и реже – вспоминались. Притом вспоминались «как живые», со всякими деталями и частностями.

А теперь – самое главное.

В средних, 6–8 классах, Толя с друзьями попал в приключения, которые произошли совсем в других местах, чем те, что случились с ним в первом классе. Толе и его друзьям пришлось пережить события, которые ранее представлялись ему, когда он был еще школьником-первоклашкой, сказочными сновидениями.

С чего начались «приключения первого класса», Толя помнит хорошо.

Однажды папа сказал: «На следующей неделе мы поедem в горы».

И добавил, обращаясь к Толе:

– Там ты, Толик, увидишь и горы, и настоящий лес.

Настоящий – не настоящий, но Толя уже знал, что такое «лес». И по малышowym книжкам, и по телику, да и каждый раз, когда по дороге на дачу-сад, как только машина выезжала за город, папа или мама почему-то обязательно говорили:

– Смотри, Толик, начинается лес.

Это понятно. Лес – это не парк, куда учительница, и то лишь к концу первого класса, стала выводить их, первоклашек, на прогулки – деревья стоят, как по линейке, дорожки, скамейки. Лес – это когда деревьев много, растут они вместе, близко один к другому, и даль-

ше — тоже деревья и кусты, и они не выстроены в ряд, как в парке. И деревья разные, Толя многие из них уже знал — березы, сосны, осины, и хорошо, что нет городских тополей — от них в начале лета на улицах один пух и сор.

Но что такое «горы», Толя толком еще не знал.

О поездке в горы папа и мама говорили уже давно. До «гор» надо было ехать всю ночь поездом, а потом еще добираться на автобусе и идти пешком. Папа и мама с друзьями часто ездили туда в студенческие годы. Там папа с мамой и встретились, а потом больше уже не расстались. Но с той поры съездить в горы так и не пришлось.

— Теперь точно едем, — сказал папа, когда, вернувшись с работы, положил на стол только что купленные железнодорожные билеты. И вот уже в папином кабинете образовалась большая куча походных вещей, которые он достал из кладовки, — рюкзаки, два больших и один маленький, спальные мешки, котелки, палатка в чехле, топор, моток веревки, ножи и множество каких-то еще вещей, название которых Толя даже не знал.

Потом мама и папа сходили в магазин, и папа принес огромную картонную коробку со всякими съестными припасами — банки мясной тушенки, банки со сгущенным молоком, еще какие-то консервы, пачки сахара и чая, связка копченой колбасы и другие продукты, а мама в кошелке — хлеб — несколько булок и батончиков.

Затем произошло чудо. Пока Толя смотрел по телику фильм о приключениях мальчика и дельфина, папа и мама умудрились за это время всю грудку вещей и продуктов уложить в два больших рюкзака. Был уложен и маленький рюкзачок («Это мой», — догадался Толя). В маленьком рюкзачке оказались свернутый в скатку небольшой спальный мешок, теплая куртка, резиновые сапоги, маленький целлофановый мешочек со спичками, складной ножичек, полотенце и всякий «туалет».

— Рюкзачок маленький, а сколько в него входит вещей! — удивился Толя.

Дорогу в горы преодолели очень быстро. Вечером на машине с папиной работы добрались до вокзала. На перроне уже стоял поезд в горы (это совсем в другую сторону от города, чем дорога на папину родину — в село Брусяны). Пассажиров в поезде было мало. В купе, где разместились Толя с папой и мамой, больше никого не было. Мама расстелила на нижней полке постель, принесенную проводником, и сказала Толе:

— Ложись сразу. И спи. Потом и я прилягу к тебе.

Толя, как только лег, тут же заснул и проснулся, когда подъезжали уже к станции, на которой нужно было выходить, — «Прииски». Он так и не заметил, спала с ним мама или нет. Наверное, да, потому что он спал крепко, спокойно, не просыпался. Папа и мама были уже одеты. Толя тоже оделся, сбегал с мамой в конец вагона, в туалет, и даже успел выпить полстакана теплого чая с сухариком — прежде, чем поезд, погрохотав на стрелках станции, остановился.

Когда вышли на перрон, Толя от неожиданности сел на рюкзачок и, как зачарованный, уставился на горы. Горы, казалось, — вот они, рядом — вереница остроконечных каменных великанов, тяжелых и мрачных, закрывавших полнеба, — чуть ли не сразу за домами, расположенными на станции. Сквозь расщелины гор то появлялся, то исчезал расплавленный диск солнца. И когда он появлялся, тогда все вокруг расцветивалось — яркой зеленью — лес, голубым светом — зеркальце озера, сталью отроги предгорья.

Заметив удивление сына, папа сказал:

— Вот видишь, какие они — горы. Понял? Только ты не думай, — пояснил папа, — что эти горы совсем рядом. Это только кажется. До них еще далеко. И мы, если повезет, доберемся только до отрогов гор. До предгорья. И то — только к вечеру.

Действительно, почти весь день ушел на то, чтобы, втиснувшись в небольшой автобус, доехать до окраины города, а затем, взвалив весь груз на плечи, тащиться сначала по пыльной дороге, затем по узкой лесной тропке, которая становилась все круче и круче. В одном месте, на поляне у горного ключа, когда из-за деревьев снова прорвались слепящие лучи солнца, сделали привал, съели по плитке шоколада и напились воды прямо из ключа. И лишь к вечеру, когда солнце, обогнув горы, осветило местность, Толя и родители добрались до места стоянки.

Это был покатым зеленым пригорком величиной с волейбольную площадку, за ним поднимались скалы («Это когда-то часть горы обрушилась; теперь тут безопасно», — сказал папа), за скалами возвышалась гладкая стена горы, уходящей в небо.

С левой стороны пригорка погрохатывала небольшая горная речка, вытекающая из ледника, его краешек виднелся из-за горы. С другой же стороны пригорка, как бы подпирая его, стоял лес («Конец леса, выше — только камни», — сказал папа) — сначала поваленные сухие стволы деревьев, видимо, сломанные падающими камнями с горы, потом — сплошной бурелом, а за ним сухие или полусухие большие и маленькие деревья и кустарники, плотно прижатые друг к другу. Выходит, это и есть «настоящий лес».

– Вот где мы остановимся дня на три, – сказал папа.

На пригорке было заметно место для палатки (на траве – окопанный четырехугольник, внутри которого горка уже подсохшего, желтоватого лапника), место для костра с сошками и бревнышками для сидения. А дрова – вон они, рядом, под пригорком на опушке леса – бери, сколько хочешь, не ленись только.

Папа и мама быстро поставили палатку, добавили свежего лапника (за ним в лес сбегал папа). В палатке разместили вещи из рюкзаков. Позвали и Толю – нечего просто так глазеть по сторонам, осваивай походные премудрости.

– А теперь, – сказал папа, – ты, Толик, будешь костровым – следить за костром. Все вместе быстро сходили за сухими сучьями, папа укрепил сошки, положил на них толстую перекладину, на нее с помощью крючков повесил два котелка с водой из речки, под ними вспыхнул яркий огонь. – Следи, – наказал папа, обращаясь к сыну, – чтобы огонь не перескочил через канавки и пламя было точно под котелками.

Затем, разобравшись с продуктами, подошла мама и стала, как говорится, кашеварить. Но она сварила не кашу, как сначала подумал Толя, а макароны с сыром (настрогала сырные завитушки папиным ножом от большего куска) и какао. Получилось настоящее объедение!

Быстро темнело. По всему небу засверкали необыкновенно большие яркие звезды. А внизу, чуть поодаль, тускло засветились огни в домах, наверное, еще и на станции – там лучик фонарей. Или прожекторов. И, наверное, лучики от паровозов.

Толе очень захотелось спать, и он полез в палатку. Внутри нее горел на стойке маленький фонарик. Оказалось, что Толино место – посередине палатки, между мамой и папой. Но Толя вдруг заупрямился, кстати, совершенно неизвестно – почему, и когда в палатку вошла мама, попросился на место с краю («А то я ночью верчусь, а еще, если захочу выйти, придется вас будить», – сказал Толя первое, что пришло в голову). Мама переложила его спальный мешок к краю палатки, положила рядом куртку и резиновые сапоги – на тот случай, если потребуете выйти, – под голову какой-то мягкий сверток. «Ложись, сынок, – сказала мама, – мы с папой еще посидим у костра. Спокойной ночи».

Толя снял ботинки, залез в спальный мешок и сразу уснул.

Берг-младший (первая встреча)

Было прохладно. «Ночь, все же», – сообразил Толя. Но камень, на котором он сидел, был теплым – наверное, нагрелся за день. «Хорошо, что

куртка с сапогами на мне». В этот миг он почувствовал, что кто-то на него пристально смотрит.

Толя оглянулся. Была ночь и вместе с тем как-то светло, по-прежнему сверкали большие звезды, казалось, их стало еще больше и они стали еще более яркими и искристыми, из-за гор выглядывала Луна. И тут Толя увидел, что недалеко от него, почти рядом, тоже кто-то сидит — какой-то невысокий человек в капюшоне («Конечно, человек, или человек, лилипут, только горный; кто бы еще это мог быть?» — промелькнуло в Толиной голове).

— Ты кто? — спросил Толя.

Горный человечек (на нем был серый костюм с матовым металлическим оттенком и такие же ботинки) ответил:

— Меня зовут Берг. Берг-младший, — поправился он и продолжал, медленно, с трудом, как показалось Толе, подбирая нужные слова. — Тут у нас юношеская тренировочная база, наша старшая группа тренируется перед Главным экзаменом.

Странно, но Толя ничему не удивлялся — ни тому, что он вдруг оказался ночью одетым среди камней, ни тому, что с ним разговаривает «горный человечек», ни тому, что он говорит. Толя только для порядка называл себя — «Ая — Толя» — и спросил:

— А почему ты тут один, Берг?

Берг-младший ответил сразу (он, наверное, заранее подготовился к такому вопросу):

— Меня послал на встречу с тобой наш Старший Инструктор. Его зовут, запомни, Павл-сан. «Сан» означает старший, уважаемый, — тут же пояснил Берг. — Мы давно хотим встретиться с людьми, которые живут на Земле. Но со взрослыми у нас встречи не получаются — нас либо не видят, либо принимают за ночных зверюшек, либо просто шарахаются от нас. А может быть, не способны нас понять или вообще увидеть. Лишь иногда нашим посланцам удавалось «войти в среду лилипутов», как у вас говорят, но это всегда заканчивалось почему-то трагически.

Вот мы и прячемся, днем не выходим на поверхность. Тут, видимо, предрассудки давних времен, когда нас вообще уничтожали, истребляли, считая — как это? — за «чертей», «демонов» и прочее. И мы подумали, что нас, возможно, смогут понять молодые люди, лучше даже — дети. Наш Старший Инструктор, он только что был здесь (это он разбудил и одел тебя), поручил мне поговорить с тобой, а потом показать нашу спортивную базу, если ты захочешь.

Пока Берг говорил, Толя присматривался к нему. Парень как парень, по школьным представлениям — класс 8–9. Только маленький, действи-

тельно, как лилипут, ростом с самых низкорослых ребят из первого класса, даже детсада (хотя и говорит, что он из «старшей группы»), да какой-то слишком бледный, вертялый, вернее, гибкий и очень худой, даже как бы слегка сплюснутый — нос выдается вперед, а ушей не видно. Но это ничего, и у нас в школе кого только не встретишь.

— Ну, а сейчас я тебе очень коротко расскажу, откуда мы, «горные человечки», взялись (насколько я могу догадываться, ты нас так называешь, впрочем, иначе и не назовешь). Мы — потомки тех людей, которые существовали на Земле много тысяч лет назад и достигли очень высокого уровня технического и социального развития. Они жили на большом острове, на котором, покинув землю, оставили много интересных технических устройств. Вокруг же был совсем иной мир — мир животный и растительный.

— Однажды, — продолжал Берг, — наши ученые обнаружили, что Солнечная система должна войти в «темную космическую полосу»: произойдет смещение магнитных полюсов. Что это такое, я не знаю. Знаю только, что, находясь в этой «полосе», Земля несколько лет будет закрыта от Солнца, она как бы перевернется, обледенеет и почти все животные и растения погибнут, может быть, останутся только примитивные особи, способные «долго выживать». И тогда на референдуме все человечество решило дать исключительную власть группе наиболее видных ученых, которые смогли бы перенести человеческую цивилизацию под землю. С новыми источниками тепла, энергии, ресурсов. И это, действительно, — пусть со значительными потерями — было сделано. Только в связи с особенностями жизни в толще Земли, физически мы (и по росту, и по некоторым другим внешним характеристикам) в чем-то деформировались, за исключением интеллекта.

А уже после того, как Земля вышла из «полосы», — магнитное поле восстановилось — стала «оттаивать», на ней произошли вулканические катаклизмы, в результате которых часть наших людей погибла, а часть была выброшена на поверхность, без всякой связи с базами, созданными еще на нашем острове. На землю, покрытую льдом или, напротив, тропическими лесами. К несчастью, они очень быстро утратили — и это горько сознавать — свойства интеллектуально и социально развитых существ в процессе выживания в ту страшную пору примитивной зоологической жизни. Словом, им пришлось начинать жизнь сначала, без нашей науки и техники, как бы с нуля, в совершенно непривычных тяжелых условиях. И именно с них отчасти «началось» современное человечество, во всяком случае, какие-то его ответвления, к одному из которых, возможно, принадлежишь и ты. Но и люди из Древнего мира сохранились со всеми

техническими чудесами, которые, кстати, как мне рассказывали, иногда проявляются («чудят», как говорят наши) в океанах и морях около ваших кораблей как вспышки, летающие объекты и прочее.

— Ну, ладно, — закончил Берг, — всего сразу не расскажешь, потом я познакомлю тебя со всем остальным, теперь же нам нужно пройти на Верхний ярус — туда, где наша спортивная база и переходы на другие базы («Все места, где мы живем, работаем и учимся, называются не городами или селениями, а «базами»», — пояснил Берг).

Сказав это, Берг встал с места, подозвал к себе Толю, и они пошли по камням к гладкой каменной стене горы. Точнее, по камням карабкался Толя, с трудом перелезая с камня на камень, в одном месте он даже поскользнулся, порвал на коленке джинсы и, кажется, поцарапался. Берг же непонятно как скользил между камнями, порой чудилось, что он как бы сплющивается и извивается вокруг камней, будто ящерица.

Когда же в очередной раз Толя, преодолев несколько камней, увидел Берга, то очень удивился. Берг, замерев, сидел на корточках и что-то внимательно слушал. Потом, заметив Толю, он негромко произнес несколько слов и резко поднялся:

— Нам нужно срочно возвращаться. Мы прошлой ночью, когда тренировались недалеко отсюда на поверхности, около каких-то шахт, напились из горного ручья. А в ручье оказались промышленные сбросы, и несколько человек нашей группы, видимо, отравились. Нам приказано всей группой срочно прибыть в ближайший медицинский центр. Значит, посещение спортивной базы переносится, наверно, на завтра. Поэтому давай быстро возвращаться.

На этот раз Берг уже не забегал вперед, а шел рядом с Толей, помогая ему там, где это было нужно, одолевая каменные преграды. Довольно быстро они вернулись на то место, где встретились, и устроились на тех же самых камнях, на которых сидели при встрече.

— Посидим немного, — сказал Берг и добавил, — пока никому не говори о нашей встрече и о том, что я тебе рассказывал.

В этот миг Толя почувствовал, как чья-то тяжелая ладонь легла ему на голову, а запястье правой руки оказалось стиснутой тем, кто стоял за его спиной. «Наверное, это Старший Инструктор...» — успел подумать Толя, и в то же мгновение все окружающее разом как бы потухло, исчезло.

ТОЛЮ КТО-ТО непрерывно толкал в бок и даже встряхивал за ноги в спальном мешке. «Вставай, вставай, восходитель, а то скоро солнце скроется за горой», — слышал он голос папы. Вставать не хотелось.

Но молния спального мешка была уже расстегнута. Хочешь не хочешь, надо было вставать.

Толя выполз из мешка, не торопясь надел ботинки. Хотел было натянуть и теплую куртку, но папа его остановил — не надо, тепло. И когда Толя вылез из палатки, то понял — почему. Оказывается тот пригорок, на котором они остановились, с утра ярко освещен солнцем, оно быстро нагревает все вокруг, прямо по-южному, потом солнце скрывается за высокими горами, как бы обходит их и вновь появляется только вечером (так что в самое жаркое время тут тень, прохлада и, наверное, прелесть).

Папа скомандовал Толе:

— Теперь — полотенце и туалетные принадлежности в руки и бегом к речке.

До речки тянулась среди камней и кустов еле заметная, но ровная тропинка, и папа с Толей вмиг оказались у скачущей с грохотом по камням речки — даже не разбежишься. Толя вслед за папой разделся по пояс, поплескался в жгучей ледяной воде, сделал все то, что требуется по законам утреннего туалета.

Когда Толя с папой вновь поднялись на пригорок, то выяснилось, что завтрак уже давным-давно готов: его мама с папой сделали еще до пробуждения Толи. Так что все сразу сели на бревнышки у тлеющего костра.

После завтрака папа вновь скомандовал:

— Пять минут передышки, и готовимся к выходу на тренировки.

И только в этот момент Толя вспомнил, что ночью с ним что-то было. Сон что ли какой-то? Или что-то другое? Парень, горный человечек, был. Как же его зовут? Берг? Да, точно — Берг. Что-то затем сорвалось. Да нет, решил Толя, все это ночные видения во сне. Только здесь, в горах, они, наверное, какие-то реальные, будто настоящие.

Почти весь день у Толи с папой и мамой прошел сначала в тренировках на скалах, а потом в восхождении на небольшую вершину, возвышающуюся около самого перевала. Папа и мама достали из рюкзаков ледорубы, большой моток капроновой веревки, карабины со страховочными поясами и ляжками и, к удивлению Толи, три пары новеньких резиновых калош с приделанными к ним ляжками.

Папа при этом сказал, обращаясь, в основном, к Толе:

— Все делайте так, как я. Шаг в шаг. И вот две заповеди. Первая: при восхождении и тренировках ни шагу без страховки. Вторая: все время на камне должны быть три точки опоры — обе руки и нога либо обе ноги и рука.

Когда папа надел на Толю страховочный пояс с карабином, Толя внезапно почувствовал, что его приняли в какое-то новое, по-настоящему мужское братство. Он сразу весь собрался, сосредоточился, туго затянул лямки, надевая калоши, проверил их на прочность и стал мысленно проверять себя: сможет ли забраться на скалу? И сам себе ответил: «Смогу. Должен смочь. С папой, конечно».

Папа, как только закончил со страховками для них с мамой, тоже надел калоши, прочно прикрепил их лямками к ботинкам, а затем, забросив на плечо моток веревки, необыкновенно легко, как по знакомой лестнице, лишь иногда придерживаясь ледорубом, взлетел на верх скалы. Оттуда он сбросил вниз веревку. Толя прикрепил ее карабином к своей страховке и попытался вскарабкаться на вершину по-папиному, легко.

Но не тут-то было. Правда, помогали веревка и, как ни странно, калоши: они прилипали даже к гладкой поверхности камня. «Три точки» не всегда получались. Да и ступенек никаких не было. Или следующий выступ на скале оказывался где-то высоко. Приходилось все время держаться за веревку, подтягиваться, нащупывая ногой хоть какую-нибудь опору. Уже на половине скалы вся рубашка была до ниточки мокрая. А отец только подбадривал сверху: «Молодчага! Только не смотри вниз».

Наконец, все мытарства закончились. Еще один шаг (даже без «трех точек») — и, держась за папину руку, Толя оказался на вершине скалы.

И тут его охватила радость, которую он никогда еще не испытывал. Радость достигнутой высоты, покоренной скалы. Радость восходителя.

Еще большая радость, даже ликование, охватила его, когда вместе с папой и мамой, в одной связке Толя достиг вершины горы, возвышающейся около самого перевала. Какой невиданный и чарующий простор открывается с горы, даже такой небольшой, которая была перед перевалом. А какое, наверное, счастье оказаться на вершинах больших гор, которые одна за другой вытянулись в цепь вот тут, совсем рядом! Папа настроил фотоаппарат, и они все вместе, в обнимку, сфотографировались.

С вершины горы было видно, что несколько в стороне (довольно далеко от станции) голубело горное озеро. Любопытно, что из озера вытекал поток воды, который скрывался в расщелинах горы и появлялся вновь ближе к станции, вырываясь почему-то вздыбившимся потоком и падая в другое, уже маленькое озерко, образуя небольшую горную речку. «Значит из большего озера, — подумал Толя, — можно попасть в маленькое озерко, а потом и в речку. Вот было бы здорово!»

Весь остаток дня ушел на тренировки, которые сами по себе были необычайно увлекательны, – спуски с горы (дело, в чем-то более трудное, чем подъем на гору), потом спуски с обрыва, переход через расщелину, даже прыжки через расщелины со страховкой и многое другое. К вечеру добрались до перевала, с него открывалась широкая, думалось, бесконечная лесная долина.

На одном из привалов мама устроила «лечебницу». Достала из сумки бинт, вату, йод, зеленку, какие-то мази.

– Ну-ка, – сказала мама, – начнем с тебя, молодой восходитель. Вон сколько царапин у тебя на руках.

Мама быстро обработала поцарапанные места йодом, в одном месте перевязала ранку бинтиком.

– А это что, у тебя колено поцарапано? Мама, указывая на порванную Голину штанину, продолжала теревить Толю. И тут они ахнули – у колена краснела довольно глубокая царапина, но она – вот номер! – уже вся затянулась. – Это ты вчера еще поцарапался? – спросила мама и для порядка все же смазала почти затянувшуюся ранку зеленкой.

И в этот момент Толя внезапно вспомнил. Это ведь он ночью, когда пробирался с Бергом через камни, поскользнулся, порвал на коленке джинсы и тогда, кажется, поцарапал колено. «Что же это было, ночью? Разве во сне может быть такое? Чудеса какие-то», – еще раз подумал Толя и, спускаясь с перевала, стал вспоминать и другие детали своего ночного сновидения. Или не сновидения вовсе?

Вернулись в лагерь, когда уже стемнело.

Папа быстро развел костер, на котором мгновенно вскипел котелок с водой, принесенной Толей с речки.

А мама тем временем подготовила большие бутерброды с подогретой на костре тушенкой и раздала почти по целой миске приготовленной еще дома смеси грецких орехов с изюмом. А главное, хотелось пить, пить, пить... Толя выпил кружки три чая без сахара и бегом – в палатку, нестерпимо хотелось спать.

Толя снова лег с краю и, засыпая, все же проверил, пошарив рукой, рядом ли теплая куртка и сапоги.

Спортивная база (вторая встреча)

Толе с трудом удалось открыть слипшиеся глаза...

– Ну, молодец, очнулся, – услышал он голос Берга младшего, – а то нам с Павл-саном пришлось с трудом вести тебя по камням до машины. Наверное, в первый день ты перетренировался. Со всеми бывает.

Мягкая скамейка, на которой, откинувшись на спинку, полулежал Толя, чуть вздрагивала. Было ощущение, что он вместе со всеми довольно быстро движется. Толя сел прямо, огляделся. Рядом с ним на скамейке (или диване?) сидел Берг-младший, за ним высокий, то есть выше своего соседа и даже немножко выше самого Толи, человек в сером костюме с матовым металлическим блеском. Очень похожий на Берга — бледный, поджарый, одни мышцы, худой и, так же как Берг, слегка как бы сплющенный — нос выдается вперед, ушей не видно. Но все же совсем другой. «Наверное, Старший Инструктор», — подумал Толя. В тот же миг человек повернулся к Толе, улыбнулся ему и сказал:

— Я — Старший Инструктор, Павл-сан.

Все помещение напоминало кабину самолета, которую Толя видел в Парке Молодежи. Только нет никаких окошек-иллюминаторов. Или они задраены. На другой стороне кабины — тоже длинная мягкая скамейка. Впереди в носовой части за полупрозрачной («тонированной») перегородкой — явно «водители», «рулевые», там смутно виднелись ряды маленьких мигающих огоньков, приборных досок, рукояток, еще чего-то — трудно разобрать. Перед рулевым отсеком, кажется, грузовая площадка — ящики, мешки, свертки. А кормовая часть — свободная, видно, что вся задняя стена — большая многостворчатая дверь, наверное, когда надо, собирается или даже сплющивается в гармошку. Но вообще-то что это за машина такая?

В тот же миг Берг сказал:

— Мы движемся на горном вездеходе. («Мысли мои они читают, что ли», — подумал Толя.)

Берг, обратившись к Инструктору, спросил: «Можно я расскажу Толе о принципе работы машины?» Тот, не задумываясь, кивнул: рассказывай, мол. И Берг начал рассказывать.

— Это великое открытие сделано еще до обледенения планеты самым крупным нашим ученым — Мень-саном. Глубинную суть этого открытия не знает никто. («Не дано знать никому», — поправил Инструктор.) Мень-сан обосновал, что при кратковременной направленной вспышке мощного пучка энергии X в зоне вспышки вся материя на короткое время (до 2–3 секунд) переходит во взвешенное состояние, рассыпается на атомно-молекулярном уровне на первичные элементы. В этот момент, как — мы не знаем («И не надо знать», — вновь вставил слово Инструктор), через такую зону можно беспрепятственно проходить, правда, необходима высокая степень защиты. Когда действие энергии прекращается, материя на этом участке пространства восстанавливается в прежнее состояние и форму, становится такой же, какой она была.

В эти секунды «рассыпавшейся материи» по разряженному пространству проходит горный вездеход, не оставляя за собой никакого следа. Понял, Толя? — спросил Берг.

— Понял, — неуверенно ответил Толя, — но это какая-то фантастика.

— Ну, и считай это фантастикой, — вмешался Инструктор, — тем более, что баллоны с энергией X, которыми заряжаются вездеход и другие технические устройства, сконструированы так, что при любой попытке проникновения в их содержимое они автоматически самоликвидируются, просто исчезают.

В это время вездеход замедлил движение. Легкое подрагивание почти прекратилось. Внезапно вездеход вздрогнул, будто на что-то наткнулся. («Совсем остановился», — решил Толя.) Затем машина немного подала назад, последовало резкое боковое дрожание, и Толя ощутил, что он вместе с вездеходом начинает вращаться, разворачиваться в противоположном направлении. Вновь — остановка, легкий толчок, и на «корме» стали раздвигаться, складываясь гармошкой, широкие двери, на место которых выдвинулась серая матовая штора, как раз по размеру дверного проема.

— Ну, все, — сказал Инструктор, — можно выходить.

Старший Инструктор подошел к шторе, которая была на корме, отодвинул ее с одной стороны, за что-то закрепил конец и махнул рукой — «за мной».

Выскочив из вездехода, Толя оказался на каменной площадке большой пещеры, освещенной слабым лучом прожектора вездехода. Толя оглянулся, но вездехода он не увидел: оказывается, штора полностью сливается с каменной стеной, не различишь («Наверное, так было и в прошлую ночь у скалы», — подумал Толя), виднеется только небольшой освещенный треугольник в двери, из которой вышли пассажиры вездехода.

Впереди был довольно широкий тоннель, в конце которого открывалось большое пространство, тоже неярко освещенное, — зал с высоким сводом. Под сводом часть пространства была заполнена какими-то сооружениями из камня и металла геометрической формы («для гимнастических занятий, что ли?»), на одном из них сидели такие же, как Берг, человек десять — все как один низкорослые; с потолка свода спускались канаты. Другую часть пространства под сводом занимал большой водоем или бассейн — из-под камней вырывался бурлящий поток воды, который вновь нырял под скалу.

В это время к Старшему Инструктору подбежал один из ребят и доложил: «Павл-сан, все упражнения выполнены, готовы к водным испытаниям». Инструктор похлопал по плечу говорившего и сказал: «Хоро-

шо. Только сейчас всем, и тебе, Берг, повторить бросок к куполу. А потом — испытание».

К Инструктору подошли и другие ребята. Для Толи — все какие-то одинаковые, все босиком (и Берг когда-то умудрился переодеться, стоит тоже босиком), в одинаковых спортивных костюмах, брюки до колен заканчиваются манжетами-наколенниками, на рукавах рубаш, засученных до локтей, тоже манжеты, налокотники. Даже пальцы на ногах и руках какие-то одинаковые, короткие, растопыренные, издали видно — ногти коротенькие, жесткие, остренькие.

Инструктор скомандовал:

— Всем — свободный, без страховки подъем по обратно наклонной вертикали, спуск по канату, 10 минут. Приготовиться: три — два — один. Подъем.

И тут Толя онемел от изумления. Все ребята, включая и Берга, после слова «подъем» разом сорвались с места, через какие-то мгновенья оказались у подножия свода и стали быстро карабкаться по его неровной поверхности — чудо! — не только без страховки, но и безо всякой обуви и перчаток. И сразу — вниз головой. Их руки и ноги, заметил Толя, плашмя ложились на камень, а пальцы, раздвинутые в стороны, как будто впились в неровности — небольшие выступы и трещины. Двигались они довольно быстро. Как обезьянки какие-нибудь. Или горные козлята. Или ящерицы.

Через несколько минут ребята, первыми добравшиеся почти до купола свода, до канатов, приняв странную позу (руки и ноги — вперед, канат под мышками и между ног), стали стремглав спускаться вниз.

Прошло еще немного времени, и все до единого, сдерживая дыхание, уже стояли рядом. Инструктор посмотрел на часы и сказал: «Порядок. Все уложились в срок. Теперь 5 минут для подготовки к “воде”».

Затем Инструктор и все ребята (кроме, конечно, Толи) быстро скинули верхнюю одежду, сложили ее аккуратными стопками и остались в одних купальниках, закрывающих все тело и натягивающихся на голову; на макушке — яркий красно-желтый крест. Было видно, что купальники плотные, гладкие, как бы приклеивающиеся к телу, на поясе два предмета — один, кажется, нож, другой что-то вроде небольшого термоса с трубочкой и нагубником. Показывая на этот предмет, Инструктор пояснил: «НЗ воздуха, на крайний случай».

Инструктор и ребята подошли к той части водоема, где бурлящий поток выбивался из-под камней. А потом, выстроившись в шеренгу, один за другим — начиная с Инструктора — с небольшим интервалом стали нырять в водный поток — только один скрывается под водой, тотчас же ныряет другой.

Через несколько мгновений с тем же интервалом красно-желтые крестики вереницей промелькнули на гребне потока и скрылись в нем, спадающем под скалу.

Толя остался один. Впрочем, он тут же заметил у края тоннеля, ведущего к вездеходу, человека, в руках которого был какой-то прибор со светящимся экраном, а на голове стеклянный шар от скафандра. Толя, было, направился к нему, но человек еще издали рукой остановил его: «Не надо. Не подходите».

Свет в зале слегка потускнел. Стало сумрачно и одиноко.

Время тянулось медленно. Прошло минут 10 или 15, а может быть, и полчаса. Толе стало тревожно, но в это время что-то вспыхнуло, осветив каменный зал, и в тот же миг Толя увидел на противоположном боковом склоне свода, на высоте 8–10 метров, где был замечен каменный выступ, как сдвинулся каменный блок и один за другим стали появляться ребята – сначала Инструктор, а за ним и вся группа.

Ниже того выступа, на который вышла группа, оказалось еще несколько выступов, поменьше. Они прыжками спустились к подножию свода и подошли к Толе.

Павл-сан сказал:

– По водным испытаниям – всем «зачет». Так что наша «кругосветка» завершена. Лишь одна потеря – у Кыры в потоке выпал нож. Но мы его еще поищем рентгеновским искателем. Или спишем, – улыбнулся Инструктор.

Улыбнулся и один из участников группы («Вот и она, девочка», – сообразил Толя).

– Сейчас, – продолжал Павл-сан, – минут 30–40 отдыха, пока мы с Толей не вернемся в его места обитания.

Уходя, Толя помахал остающимся рукой. Все дружно ему ответили. («Мы все, в общем-то, одинаковые», – радостно подумал Толя.)

На этот раз сопровождать Толю на вездеходе отправился только Инструктор. И вообще что-то изменилось. Когда Инструктор и Толя вышли из вездехода (который и тут ловко развернулся на месте), Павл-сан сказал Толе:

– Мы сейчас вместе дойдем до того камня, где ты сидел прошлой ночью, а потом запустим «Систему единичного возврата в наземный мир», над которой мы долго работали. Мы хотим очень осторожно и аккуратно вступать в контакты с земным человечеством. Тут все очень хрупкое.

Когда Павл-сан и Толя дошли до того места, где произошла первая встреча с горными человечками («Да не “с человечками”, – поправил себя Толя, – “с людьми”»), и Толя сел на «свой» камень, Инструктор поло-

жил широкую теплую ладонь на его голову, тотчас же весь окружающий мир стал для Толи тускнеть, расплываться, а потом и совсем исчез...

ТОЛЕ НИКАК не хотелось просыпаться. Хотя он чувствовал, что папа не только упорно тормозит его, но и стянул с него спальный мешок. В уходящем сне Толя ощущал себя так, что он будто бы все еще находится в подземном тренировочном зале. И ему не хотелось покидать его. Потому что он точно знал, что стоит ему открыть глаза, «совсем проснуться», как все, что произошло ночью, исчезнет.

Так и случилось. То есть какие-то мгновенья после того, как Толя встал на ноги, что-то из ночных приключений еще помнилось. Но как только Толя начал заниматься обычными утренними делами (побежал к речке — умыться, помахал руками — зарядка), как земные дела быстро согнали все сновидения и фантазии. Тем более что папа от костра несколько раз с нетерпением крикнул: «Толя, ты что там, застрял?» «Толя, поторопись, у нас сегодня дальняя дорога». «Толя, мы уже опаздываем».

Как выяснилось после завтрака, дорога предстояла, действительно, дальняя — в район озера, в Сталактитовую пещеру — главную достопримечательность этого края. Папа после завтрака плотно зашнуровал палатку, в которую сложили все кухонные принадлежности. Затем они с Толей отнесли в лес в одном из рюкзаков продукты, и папа повесил продуктовый рюкзак на одном из деревьев на короткой веревке. После этого прибрали весь пригорок — «Законсервировали», — сказал папа.

Дорога оказалась долгой. Сначала нужно было спуститься по горной тропе до «трассы» — дороги, по которой ходил автобус. Это было легко и даже весело. Но затем пришлось ожидать попутный транспорт, так как утренний автобус уже прошел (вот почему папа так торопился!). К счастью, подвернулась какая-то ведомственная крытая полторка с бригадой дорожных строителей. «Пол-литра» для водителя решили все проблемы. В кузове машины стояли скамейки, и на одной из них даже нашлись свободные места.

Машина шла до поселка Озерный. Дальше трассы не было, строители как раз размечали ее продолжение — где-то там работали геологи.

В поселке мама купила булку свежего хлеба, от которой папа и Толя — пока мама укладывала хлеб в рюкзак — умудрились отломить по ломтю. Хлеб только что испеченный, горячий, пушистый — как тут удержишься. Лишь в отдаленных от города поселках такая вкуснятина и бывает.

Дальше пришлось карабкаться в горы пешим ходом. Не идти проселочной дорогой, которая уходила вправо, к озеру, а сразу двигаться прямо в гору, тропой, в начале которой на прибитой к дереву фанерке было написано желтой краской: «К пещере».

Идти по тропе было трудно. Все время шел подъем, дорогу порой перегораживали упавшие деревья, тропа кружила, огибала скалы, еще выше на ней стали появляться россыпи камней — все ноги перековеркаешь. Наконец, наверное, через час подъема, вышли на широкую поляну.

— В конце поляны, — сказал папа, — вход в пещеру.

Действительно, даже отсюда, с другого края поляны, было видно, что там дальше, где вновь начинается чахлый лес, возвышается массивная скала, а в скале у самой земли — проем. Пожалуй, проем в скале и есть вход в пещеру. Это казалось странным, так как левее и чуть ниже поляны, за скалой слышался шум горной или подземной реки («Не той ли, — подумал Толя, — которая вытекает из озера?»). И в тот же миг обрывки ночных впечатлений стали связываться в сознании Толи с этим шумом реки и с пещерой, вход в которую был впереди.

У входа в пещеру папа сказал:

— Ну, дальше все ясно. Я в этой пещере был несколько раз, все ответвления знаю. Пойдем сначала к Сталактитовому озеру.

После этих слов папа достал из рюкзака два фонаря. Один — большой, на батарейках — себе, другой — маленький, «жужжалка» — нужно нажимать на рукоятку и получается неяркий свет — маме, на всякий случай.

Как только вошли в пещеру, увидели ответвления. На правом — дощечка с надписью «Сталактитовое озеро».

Но папа сказал: «Пойдем левой дорогой. Тут можно пройти, как я помню, более коротким путем».

Папа включил большой фонарь, и они цепочкой — папа, Толя и мама — осторожно пошли по левой галерее. Было темно, на пути встречались большие камни, да и сам проход иногда становился довольно узким. В одном месте Толя закричал: «Папа, папа, мы справа пропустили какой-то проход».

— Фу ты, черт, я и не заметил. Ничего. Мы пройдем по следующему правому повороту, может быть, там дорога будет еще короче.

Вот и следующий поворот направо (к той дороге, как думали, которая ведет к Сталактитовому озеру). Но когда вошли в новое ответвление, увидели, что этот проход совсем заброшен. Никаких следов. В одном месте наткнулись даже на завал из крупных камней, который

пришлось перелезть, — сверху лишь небольшая узкая щель. Но дальше как будто бы даже повезло — проход расширился, дорога ровная, только почему-то все более уходящая налево.

И тут внезапно рядом с Толей будто быстрая стрела пронеслась. Толя даже вскрикнул — «Ой, что это такое?»

— Не беспокойся, это летучая мышь, встревоженная нами. Или охранник мышьиной колонии.

Папа поднял луч фонаря кверху, к своду, и Толя увидел гроздья будто бы приклеенных друг к другу маленьких мышек с чуть подрагивающими крылышками.

А дальше — снова загадки. Вышли на просторную площадку, от которой уходило сразу три ответвления. По какому из них идти? Конечно, по самому правому. Но только прошли по нему минут 5–10, как вообще наткнулись на глухую стену. Причем как будто бы оказались на самом дне глубокого провала — стена, на которую наткнулись, уходила круто вверх, а вокруг нее, судя по всему, была пустота. Папа осветил фонарем. Так и есть — бездна, только обращенная вверх. А на самой скале, заметил Толя, вроде цепочки еле заметных ступенек (как в тренировочном зале, мелькнула мысль у Толи).

Папа опустил фонарь вниз. И тут Толя чуть было не вскрикнул: у его ног лежал небольшой продолговатый блестящий предмет. «Боже мой. Да это же нож». Да, нож. Судя по рукоятке, такой же (или тот же?), который был утерян Кирой во время водной тренировки! Толя нагнулся, взял нож за рукоятку и быстро спрятал его во внутреннем кармане куртки. Никто — ни папа, ни мама — этого, кажется, не заметили.

— Повернем назад, — не скрывая огорчения, сказал папа, — я где-то просчитался. Или что-то в пещере изменилось.

Повернули назад. Прошли несколько минут. Вот-вот должна появиться площадка с несколькими поворотами. Но неожиданно слева оказалось ответвление, которое ранее, когда шли вперед, не заметили. Может, пойти по нему — какое-то кривое направление, не оно ли позволит сократить дорогу?

— Давайте рискнем еще раз, это ответвление должно вывести если не на главную дорогу, то хотя бы на проход с завалом. Как, Толя? — папа впервые стал советоваться с сыном («Вот и мой совет потребовался», — с гордостью подумал Толя).

— Ну, что ж. Давайте рискнем, — согласился Толя.

Но согласился он, кажется, напрасно. Новая дорога, хотя и была довольно ровной, но стала отклоняться куда-то в сторону, на подъем, и неожиданно выскочила на совершенно незнакомую площадку,

от которой отходило не два, не три, а куда больше разных ответвлений. Притом с большими пустотами. Прямо выработки какие-то.

И тут все растерялись. Куда идти? И вообще, в какой стороне вход в пещеру хотя бы? И где, в каком направлении Сталактитовое озеро? К тому же, стало темнеть, папин большой фонарь явно стал сдавать, батарейки сели или что-то другое с ним случилось? Мамина же «жужжалка» давала бледный свет на метр-два, не дальше.

Папа совсем выключил большой фонарь (надо экономить батарейки), взял у мамы «жужжалку» и сказал:

— Присядем вот тут, на камнях посередине площадки и успокоимся, подумаем.

«Жужжалка» в руках папы стала светить ярче — почти до самых стен (хотя было заметно, что и папе непрерывно и с силой нажимать на ручку фонаря было трудно).

Толя тоже сел, камни были плоские, сидеть на них было удобно. Но тут же он соскочил, что-то («что» — он не знал, не понял) подняло его на ноги и заставило слегка пройтись, походить. Он так и сказал папе:

— Папа, можно мне немножко походить. Не дальше света фонаря. Чтобы вы с мамой меня видели.

— Ну, походи, походи, — задумчиво сказал папа.

Толя, не торопясь, вглядываясь в темноту проходов, сделал несколько кругов. И вдруг, делая уже третий или четвертый круг, приостановился. Вдали прохода, против которого он шел, замерцал огонек. Ярко, с короткими одинаковыми интервалами — блеснет три раза и погаснет, вновь блеснет три раза и погаснет. «Не для нас ли эти сигналы?», — мелькнула мысль.

— Папа, папа, — закричал Толя, — нам идти вот по этой галерее (Толя показал рукой), — там я видел свет, огонек.

— Да? — оживился папа, — тогда сразу пойдем, не будем терять время.

Папа и мама тоже встали и пошли. Правда, в другом порядке — сначала папа, потом мама, Толя — замыкающий.

— Смотрите! — вскрикнул папа, — снова блеснуло.

Но это были уже не короткие троекратные вспышки, а один длящийся несколько секунд огонек. (Толя расшифровал его так: «Все правильно. Так держать».)

Через некоторое время в галерее посветлело. Впереди стал пробиваться дневной свет. Ага. Вот в чем дело! Небольшой поворот налево — и перед путешественниками открылся выход (или — вход?) из пе-

щеры, через который били слепящие солнечные лучи. Все невольно зажмурились и смотрели прищуренными глазами.

Выход из пещеры был довольно узким, можно пройти только по одному, но зато отчетливо обозначилась тропка, по которой, было видно, часто ходили. Перед пещерой возвышался сплошной лес, правда, мелкий, наполовину высохший (отчего бы это?). Тропка раздваивалась, одно ее продолжение уходило направо и резко вниз — там грохотала река, а другое — круто налево, по пологой просеке. Не исключено — на поляну.

— Ну, что, — обращаясь к Толе, спросил папа, — пойдем налево? Там, наверное, поляна. («Здорово! Опять папа советуется со мной», — с какой-то радостью подумал Толя.)

— Да, наверное, — ответил Толя.

Действительно, не прошло и десяти минут, как они своей малой группой (теперь — мама впереди) — ура! — вышли на поляну. Притом — к широкой тропе, которая идет от трассы. Невдалеке, на другом конце поляны, был виден вход в пещеру.

— Ну, что? — спросил Толя, — может, все же сходим к Сталактитовому озеру в пещере?

— Нет, — ответил папа, — времени у нас теперь совсем не осталось, сейчас уж никак нельзя опоздать на автобус. Да и в пещере мы уже рассмотрели всякого...

Спуск с поляны прошел быстро — где тропа была ровной, можно было даже пробежать трусцой. И настроение у всех было, если не радостное, которое бывает у людей, добившихся цели, то легкое, веселое — настроение людей, вырвавшихся из пещерного плена.

Папа оказался прав. Только вышли из леса, как на остановке у поселка появился автобус. Водитель, увидев бегущих к автобусу людей, даже подождал минуту-другую. И дальше все шло благополучно, без задержек. Даже дорога по тропе к своей стоянке показалась короче и не столь утомительной.

Когда расшнуровали палатку, достали кухонную утварь, принесли из леса «продуктовый» рюкзак, развели костер и мама начала готовить ужин, уже наступили сумерки, в последних отблесках зашедшего за горы солнца засверкали звезды. Ужинали уже в темноте, при свете костра.

Толя быстро съел большую миску с рисовой кашей, выпил кружку сладкого чая, заваренного с листьями смородины (где-то по пути сорванными мамой), и скорее, скорее в палатку. Он не стал даже раздеваться, остался в куртке и сапогах, укрывшись расстегнутым спальником.

Толя решил, вновь устроившись с краю, у стенки палатки: «Покемарю часа два-три. А потом сам пойду навстречу своим горным человечкам. Есть о чем поговорить. И кое-что вручить...»

ТОЛЯ НИКАК не мог открыть глаза. Было больно. Казалось, болело все — и руки, и грудь, и ноги, и голова — все.

Но оказалось, глаза открыть было можно. И даже без боли.

Приоткрыв глаза, Толя увидел, что он лежит на мягкой подстилке, прикрытый расстегнутым спальником. И лежит он под каким-то пологом, что-то вроде матерчатого навеса.

Да нет же — это не полог и не навес, а палатка, один из скатов которой отстегнут и держится на каких-то небольших шестах. И из палатки теперь видны и остроконечные горы, и синее небо со слоистыми облаками. И если слегка приподняться, то, наверное, можно увидеть горное озеро, а совсем внизу — железнодорожную станцию. А вон и костер, около которого на бревнышке сидят мама и папа.

Мама и папа, увидев, что их сын зашевелился, — бегом к нему. Еще на ходу, а потом вместе с папой присев около сына, мама стала быстро и тревожно спрашивать: «Ну, как ты?», «Что болит?», «И как это тебя угораздило?» и еще что-то в этом роде. Но папа остановил ее: «Подожди с расспросами, у Толи повреждений серьезных нет, ведь я уже осмотрел его. Нужно только отойти от ударного шока». И, обращаясь к Толе, продолжил:

— У нас сегодня целый день отдыха. Вечером отъезд, домой. А тебе до обеда лежать, не вставая, только пить-есть и дремать, да глазеть по сторонам. Только для сведения скажу: ночью было какое-то глубинное извержение, полгоры снесло. Палатку свалило и даже засыпало какой-то крошкой. С трудом с мамой выбрались. Ты же оказался рядом, в метрах десяти от палатки. Не знаю, помнишь ли ты?

Толя кое-что помнил, и какие-то смутные картинки всплыли в памяти сразу, как только он очнулся, даже до того, как открыл глаза. Особенно, — и тут очень ярко — как он, пробираясь среди каменных глыб от вездехода к своей палатке (был ли Берг-младший с ним?), почувствовал, что сзади надвигается что-то угрожающее, потом услышал тревожный гул и нарастающий грохот, внезапно что-то сильно толкнуло его вверх и вперед, оглушило...

Потом, когда он выпил большую кружку чая со сгущенкой, проглотил бутерброд с маслом и паштетом (все это принесла мама) и даже удобно устроился почти сидя, облокотясь спиной на скатку папиного спального мешка, он быстро стал вспоминать и все остальное.

Картинки того, что произошло ночью, одна за другой начали проходить перед его глазами.

Ночью Толя не спал. То есть, кажется, сначала заснул, но сразу же проснулся — уж очень хотелось самому пойти на встречу со своими новыми друзьями. Он слышал, как, переговариваясь шепотом, прокрались в платку мама и папа, как папа зашнуровал вход в палатку, как он и мама осторожно залезли в свои спальные мешки и вскоре послышалось их мерное сопение.

И вот тогда, выждав еще несколько минут, тоже очень осторожно, Толя встал, аккуратно уложил одеяло-спальник и, ослабив шнуровку, подлез под переднюю стенку палатки.

Потом следующая картинка — сразу то место, где обычно Толя встречался с Бергом. С Бергом-младшим на этот раз был человек тоже, как и Инструктор, «сан» (имя только забылось), по какой-то странной должности — Инспектор дальних галерей.

Уже в вездеходе Толя передал Бергу найденный в пещере нож. Спросил: «Это Кирин?» Берг усмехнулся и, передавая нож Инструктору, ответил: «Да, Кирин. Мы вас обнаружили по своим приборам как раз в том месте, где лежал нож, а потом помогли нашей сигнализацией выбраться из подземного лабиринта».

Тут Толя припомнил, как в вездеходе Инструктор долго объяснял, что на этот раз у них будет дальняя экспедиция туда, где болота около села, где родился папа и где Толя вместе с родителями был еще в дошкольном возрасте (рогатые коровки, зеленый луг, маленькие рыбки, «малявки» у самого берега речки). И путь непростой: спуститься на «низкие горизонты», обойти какие-то подземные сооружения, попасть в точку вблизи равнинной поверхности и еще что-то сложное. И действительно, вспоминалось, как с трудом шел вездеход — то заметно устремляясь вниз, то довольно круто вверх.

Наконец — стоп, вездеход остановился, развернулся, открылась задняя зашторенная стенка. И все, кроме механиков-водителей, вышли из вездехода.

Вспоминая этот момент, даже сейчас — как это было при выходе из вездехода — Толя вздрогнул. Потому что они внезапно оказались в галерее (вот откуда странное название должности Инспектора!).

Вспомнилось, как поразил его, Толю, рассказ Берга о том, что им неизвестно происхождение этих галерей. Здесь, как считают одни ученые, — остатки еще более древних (или параллельно существовавших в древности) цивилизаций (правда, впоследствии эти галереи использовали старатели). Более того, существует очевидная, но непонятная

связь с космосом — периодически сюда прилетают космические объекты, которые — что удивительно — каким-то образом влияют на запасы и оттенки цвета некоторых минералов. Или, как считают другие исследователи, космических пришельцев притягивает какое-то мощное тело, находящееся в глубине, «брызги» от которого и образуют «драгоценные камни».

Галерея, в которой оказался Толя со спутниками, представляла собой хорошо оборудованную штольню.

В той точке, на которую вышел вездеход, галерея то ли начиналась, то ли обрывалась, то ли вообще был выход нетронутой каменной породы, то ли произошло обрушение, да притом такое, что самый конец галереи рухнул в какую-то, чувствовалось, бездонную пропасть. Дальше же — за провалом — находились ромбовидные плитки, из которых состоял пол галереи, ровные, как бы отшлифованные стены, внизу которых заметен был желоб с отверстиями, видимо, для слива воды.

Дальнейшее путешествие по галереям Толя помнил плохо. Какие-то отрывки, не связанные друг с другом. Отчетливо помнилось круглое помещение, что-то вроде небольшого зала, из которого начинались две галереи (по одной из них они, кажется, и пришли). Посередине зала довольно крутое, ступенчатое возвышение. Оба «сана» и Берг долго что-то говорили, то и дело показывая наверх, где прямо над ними нависала плита с каменным наплывом (люк, что ли?).

Затем еще одна картинка. Галерея меньших размеров заканчивается, а за небольшой полоской воды — каменная порода, в ней какой-то яркий голубоватый огонек...

Вспомнилась обратная тревожная дорога на вездеходе. Что-то очень взволновало спутников Толи. Напряженные позы и лица. Никаких разговоров. Вездеход мелко дрожит, наверное, от быстрого хода.

И конечно, этот торопливый бег среди камней к палатке (так и не вспомнилось, был ли с ним Берг-младший). А позади нарастало напряжение. Потом — грохот и резкий удар в спину.

После обеда Толя поднялся, облачился в спортивную одежду, встал на ноги. Оказывается уже ничего не болело — отлежался, только голова была тяжелой и состояние разбитое, полусонное.

Толя прежде всего посмотрел на горы. Да, мощный взрыв. Что же все это могло быть? Боже мой, там же были люди — мои горные человечки!

Приближался вечер. Собираться было проще, чем разбивать лагерь. И груз легче — продукты съедены, да и вообще — дорога под го-

ру. Тем более что папа отобрал у Толи его спальный мешок и скатал его вместе со своим — и все в свой рюкзак.

Действительно, дорога до станции, а потом до дома была легкой и быстрой. И все, что случилось в горах, на следующий день казалось уже чем-то произошедшим в другом мире, сказочном. А может, все это и было просто сказкой?

Так Толе думалось и позже, когда он уже учился в старших классах. Только порой, чаще всего перед сном или на скучных уроках, неожиданно всплывал в памяти остроносенький Берг-младший. Или стоящая в ряду сверстников Кира с блестящим ножиком за поясом.

Часть вторая. Подземелья

То, что случилось с учениками городской школы № 1 девятиклассниками Толей, Маратом и Андреем, никто толком понять не мог.

А произошло все это, если рассказывать по порядку, с самого начала, так.

Два года назад, когда Толя закончил шестой класс, родители на лето отправили его отдыхать к бабушке-дедушке в самый медвежий угол, как говорили многие, — далекую таежную деревню Брусяны. Толя к концу лета вернулся окрепшим, деловым, а главное — возбужденным, радостным. После уроков, а нередко и на переменах, он, уединившись с друзьями Маратом и Андреем, что-то оживленно рассказывал им, в чем-то убеждал. Не агитировал ли он их поехать следующим летом вместе с ним в этот самый медвежий угол?

И действительно, когда друзья закончили седьмой класс, в начале лета они заявили родителям о своем желании отправиться в Брусяны. И их родители, собравшись дома у Толи, согласились — пусть ребята едут на лето в деревню — втроем даже надежнее. Тем более что папа Толи, провожавший сына прошлым летом в деревню, Иван Максимович, заверил: «Там места для отдыха — то, что надо. Нетронутый лес, речка, грибы, рыбалка. Условия — отличные. Места безопасные. И Дед, мой отец, строжайший. Лесовик. Стопроцентная надежность».

К концу лета ребята вернулись заметно подросшими, здоровевшими, умелыми: могли двумя ударами молотка гвоздь вбить и на бруске топор поправить, лошадь оседлать, в телегу ее запрячь. Только в их разговорах иногда проскальзывало что-то тревожное. Вновь, как и в прошлом году, они втроем оставались после уроков или уединялись на переменах — что-то обсуждали, казалось, даже спорили.

А вот после восьмого класса, как только начались летние каникулы, Толя, Марат и Андрей исчезли. Родители нашли записки с одним и тем же примерно текстом: «Мама и папа! Я организую летний отдых сам. Не волнуйтесь — доверьтесь мне. У меня будет все в порядке. Не ищите меня и не беспокойтесь. Вернусь в августе за неделю до занятий. Привет и целую».

Родители посоветовались и решили не устраивать никакой тревоги. Ребята сами этого просят — значит, есть причины. Даже в школу не сообщили. И никаких поисков. Можно оттолкнуть от себя детей навсегда. А ребята уже взрослые — девятиклассники, все прошлое лето сами в лесу были, и вообще время сейчас другое. Доверять надо.

Только Голин папа через знакомого оперуполномоченного железнодорожного райотдела милиции разузнал, что день или два назад было куплено три билета до разъезда Болотный — ближайшей от Брусянской станции. Помнится, сказала кассир, уезжали старшеклассники, документы будто были в порядке. Голин папа написал письмо в Брусяны, родителям, потом (не получив ответа) — их соседям. Оттуда недели через две сообщили: старики болеют, их увезли в районную больницу, кажется, какое-то время назад в деревню приходил один из известных в деревне ребят, потом он, прихватив парня из деревни, с которым ребята работали прошлым летом (Павла), ушли в лес, может быть, на лесную дедову заимку или куда-то еще дальше. Где они сейчас, никто не знает. Да и никто, по правде говоря, в деревне и не интересуется, наверное, где-то подрабатывают у старателей. Только Ольга и Марина часто спрашивали — не видели ли «наших городских», да сестра Павла справлялась о брате.

Таинственная глухомань

I

ТОЛЯ закончил шестой класс хорошо. Без троек. И без замечаний в дневнике. Его даже, по рассказам мамы, хвалили на родительском собрании по итогам года — старательный, прекрасное изложение написал.

У родителей были планы на летний отдых — то ли поездка в Крым, то ли самолетом в турецкую Анатолию — восточная экзотика, купание в море. Но все сорвалось — папе неожиданно пришлось поехать от института в экспедицию, притом по папиной тематике — не отка-

жешься. А у мамы открылись ее болезни, нужно будет все лето ходить на процедуры, уколы, возможно, и на неделю-другую придется лечь в стационар. Вот тебе и отдых!

Папа с мамой весь вечер обсуждали — что делать с Толиком. Решили — поедет к папиным дедушке-бабушке в Брусяны. Старики давно приглашают. Да вообще пусть Толя увидит настоящую деревенскую жизнь, корову, лошадь. Парное молоко, горячий хлеб из печи, вечерние посиделки — подальше, подальше от этих проклятущих городских соблазнов. Вот уже девочка-семиклассница с седьмого этажа — полная наркоманка, все тащит из дома, через соседский балкон убегает на улицу. Ничто не помогает.

Толя к предстоящей поездке на лето в какую-то деревенскую глухомань на удивление отнесся равнодушно. Деревня — так деревня, хоть от родителей можно отдохнуть немного, все учат да наставляют, все пытаются уберечь от городских бед, которые во всей манящей прелести показывают по телику. Да и вообще, может, там, в медвежьем углу, действительно есть что-то интересное, стоящее. Надо посмотреть.

ДЕРЕВНЯ Брусяны оказалась как на картинке из прошлой жизни. Как в «лубочном» кинофильме о прошлом. Высокие, крепкие дома из бревен-лиственниц — два ряда друг против друга на высоком крутом берегу над спокойной речкой. По откосу змеек-тропинок — прямо к реке. В каждом доме конюшня — своя лошадь. Улица между рядами домов — вся в траве, дорога только для народа и лошадей, да редких легковушек, даже пыли от дороги нет (трактора и грузовики, кроме легковушек, доезжают только до околицы, потом по отвороту — до магазина или в огород, кому куда надо).

В деревне полно людей — и молодых, и старых. Живут, в общем, хорошо: после войны во главе отделения совхоза стал односельчанин, капитан-фронтовик, возглавлявший в войну на южных фронтах конную разведку. Из отделения составил три артели (бригады) — полевую, скотоводческую и хозяйственную; каждая живет на то, что сама заработает. Открыл мастерскую — старики делали старинные игрушки из дерева, возили в город — за два часа все разбирали. Зарплата во всем отделении — как на городском заводе, выше «минимума». Капитан командовал и никого не слушал, кроме директора совхоза, главы районной администрации, да время от времени советовался с односельчанами, делился планами со всеми, кто в пятницу вечером приходил в правление.

Но эта картинка — так, для общего фона, что ли. Главное же у дедушки-бабушки жизнь оказалась вполне сносная. Действительно, парное молоко и горячие краюхи хлеба из домашней печи. Хотя в деревне есть и общая пекарня. Да и само житье у стариков в норме: отдельная просторная комната в пристрое (хоть Марата с Андреем приглашай — места хватит). И распорядок дня приличный: с утра дед с бабушкой определили часа два для хозяйских дел (принести пару ведер колодезной воды, убрать в конюшне, занести дрова из поленницы в избу), а потом до темноты, как и у большинства ребят-девчат в деревне (кроме тех, кто на стройке своего дома или нанялся в пастухи), полная свобода, торчи хоть целый день у реки, играй в игры, делай что хочешь до темноты. Плавай до одури или лежи-загорай на пешеходном мостике через реку. Или карабкайся по отрогам белой скалы, нависающей над рекой. А вечером, под ночь — еще посиделки у старого клуба или на берегу.

Да и сверстники оказались что надо, свои ребята, к тому же без закидонов насчет дискотек и всего такого прочего. Хотя есть тут что-то и свое: уже женихаются и невестятся, вечерние посиделки до поздней ночи, расходятся парами. С мальчишками Толя сразу же познакомился, представился сам («Толик»). Но ребята уже знали о нем. Особенно соседские — Иван и Марья, близняшки, тоже уже семиклассники, потом оказалось, как и многие в деревне, какие-то дальние родственники Толика. Еще Павел, чуть постарше, десятиклассник, чем-то показавшийся очень близким Толе.

Этот Павел, молчаливый и неторопливый (сначала почудилось — не debil ли?), вскоре показался, напротив, Толику вполне основательным, надежным, что-то в его душе есть свое, не своротишь, не пожалеет сил.

Одно огорчение — дед болеет, не может пока сходить с внуком в лес, показать тропы, рассказать, что к чему. В начале лета на огороде перетрудился, отказался от лошади с плугом, решил перекопать все десять соток лопатой самолично. Ну и сгорел — годы уже не те, дня три отлеживался, теперь ковыляет с палочкой, что-то делает по хозяйству, обещает, что через несколько дней все наладится.

— Запряжем, Толян, нашего мерина, и на ту сторону, к лесу, жерди на обратном пути прихватим — изгородь надо поправить.

ДЕД был прав. Через несколько дней он был как огурчик. Или — почти. Может, в чем-то и создавал видимость здоровяка. Фронтоник, умеет.

С утра он отвлек Толю от носки дров. Стал показывать, как запрягать лошадь, которую Толя сам вывел за уздцы из конюшни («Нашего мерина зовут Шустрый», — пояснил Дед).

Речку переехали рядом с мостками. Там мелководная переправа, вода не выше полколеса, а дальше по реке бурный перекат с подводными камнями («ташами»), справа по берегу высоченная остроконечная скала («камень Острый»), и река за скалой переходит в тихий плес и заметно поворачивает на запад, к северным европейским рекам.

Докатили на телеге по ровному заливному полю до леса. Остановились у кипы длинных жердей, давно заготовленных Дедом. Толя вместе с Дедом распрягли лошадь, пустили ее на поляну с густой травой.

— Никуда не денется, — сказал Дед, — Шустрый свою поляну знает, не отойдет от нее ни на шаг. Тут и до моей заимки километра три, не больше, но в сторону, вниз по реке.

Затем Дед захватил топор и небольшую котомку и вместе с внуком, не торопясь, слегка припадая на одну ногу, направился прямо в лес. По дороге объяснял Толику:

— Наш лес красивый, как из сказки. Он крепко манит к себе, в нем иногда люди пропадают без следа. Старики говорили, что там, где сейчас болота, в давнюю старину были залежи сокровищ. Настоящие копи. А там, где сокровища, там всегда гуляет нечистая сила. И сейчас — как все верят в деревне — эта нечистая сила охраняет те места. И не знает пощады. Есть там дальше болото без конца и края, а в глуби болот, как рассказывали деды отцов, есть даже каменный остров, или остров земляной на каменных сваях с теплой пещерой и живительным ледяным ключом. Только туда никто дороги не знает, не добраться никому. Всех нечистая сила, гуляющая в розовом тумане, топит. Поэтому в те места в деревне никто не ходит.

Вместе с тем сразу твердо запомни вот что. Когда ты немного освоишься, можешь ходить в лес один, рядом с деревней опасностей никаких, но обязательно каждый раз надо сказать об этом кому-нибудь и идти с топором (я уже припас тебе ладный, облегченный) и главное, не дальше «телефонки». Километрах в двух отсюда идет небольшая просека со столбами, на которых провода, просека вырублена наискосок по течению реки от районного поселка к лесопилке. И вот за «телефонку» заходить нельзя никогда. За ней начинаются низины, болота и топи, над которой часто клубится рыжий туман. Из топей выбраться никто не сможет — лошадь с головой засасывает за минуту. В общем, гиблые места.

Дед с Толиком довольно быстро дошли до «телефонки», но там тропа словно наткнулась на стену и раздвоилась — одна направо, другая налево, но в обе стороны тянется вдоль просеки, ее не пересекая. Дед показал еще несколько троп, малинник, пригорки, где на солнцепеке густо краснеет земляника. «Завтра или послезавтра дождичек будет — грибы пойдут», — сказал Дед.

Когда Дед с внуком вернулись к поляне с жердями, Шустрый уже стоял у телеги, настроился на обратный путь, угадал как-то. После того как телега была нагружена жердями, а Дед перевязал их вместе толстой веревкой в обхват, Толик забрался поверх жердей на мешковину, расстеленную Дедом, взял в руки вожжи.

— Держи вожжи крепче, так, чтобы лошадь чувствовала тебя, но не дергай, а то лошадь сама начнет нервничать, беспокоиться. Шустрый сам найдет дорогу домой, — сказал Дед и пошел пешком, чуть поодаль. Шустрый, действительно, сам нашел переправу, а Дед прошел, не торопясь, по мосткам, переступая через загорающих на горячих досках ребят, каждый из которых — как и Толик — называл Деда «Дедом» и на «ты». Все в деревне, выходит, родственники — близкие и дальние.

Вечером затопили баню. Толя недолго выдержал банный жар, посидел немного на верхней полке и как ошпаренный выскочил в предбанник; потом в основном сидел там, в предбаннике, успокаивал дыхание. Лишь когда Дед вышел из парилки, опасливо зашел в нее и прямо на полу помылся из деревянной шайки.

После бани распаренный и еще более благодушный Дед, приняв положенную в банный день стопку, разговорился и рассказал внуку о главном событии в деревне. Прошедшей зимой всю деревню разбудил грохот и ослепительный свет, высветивший всю округу, — по небу пролетел огненный шар. Знакомый лесник рассказывал, что шар этот над лесом сделал какой-то поворот и грохнулся где-то там, за ближними болотами — даже здесь земля дрогнула и в окнах стекла зазвенели. В газетах об этом писали. Но никаких людей или чего-то другого после этого не видели. У нас пришлых не бывает.

А такой огненный шар, как рассказывают со слов своих дедов наши самые старые старики, был и в далекое прошлое время, когда за болотами кое-где еще промышляли драгоценными камнями. Что удивительно — шар упал в то же, что и раньше, место. Лес валило снопами. Там горело, и болота дымились несколько лет.

А вообще-то интересные дела. Хотя, по словам приехавшего с сыном Ивана Максимовича, как раз те дела, которыми занимается его институт. Может, кто-то приедет от них в экспедицию? Хотя это толь-

ко по карте до интересного места близко, а так — далеко, за болотами и топями, гиблыми местами. Не доберешься. Надо подъезжать по шоссе с другой стороны, вокруг болота, по сухим местам, которое идет вдоль реки Таввы.

ДЕД с внуком сходили в лес еще несколько раз. Однажды даже верхом на лошадях. Одну из лошадей Дед одолжил у соседа, долго учил внука седлать лошадь, вспрыгивать одним махом в седло. Съездили на заимку на лошадях — туда малым ходом, обратно местами рысью. Там дедовы покосы, навес, сарай с сеном, небольшой дощатый домик с печкой.

Наверное, через неделю после приезда Толя уже знал все главные тропинки, поляны, грибные места (иной раз приносил бабушке полную корзину — белые, подберезовики, подосиновики), земляничные пригорки — кружка за полчаса. Однажды рано поутру сходили с Дедом на рыбалку. За перекатом — глубокий плес, омуты. Принесли почти полное ведро — несколько щук, больших окуней, крупных хариусов, вытащили на самом перекате. Вечером бабушка испекла рыбный пирог — не оторвешься.

Вскоре Толя ходил в лес и без Деда — с соседскими близнецами, с Павлом, с другими ребятами, а то и вообще один — это лучше всего.

Бабушка стала было возражать: «Мал еще, совсем дитя...» Но Дед грозно посмотрел на бабушку, а потом легонечко обнял ее за плечи, сказал с хитрецей, напоминая что-то: «А мы с каких годков в лес стали сами ходить? Вспомни-ка».

— И то верно, — согласилась бабушка.

И Толя про себя повторил: «Верно». Когда ты один, ты сам себе хозяин. С перекинутым за спину топором (дедово искусство, топор — прелесть, играет в руке, точил каждый вечер — бритва), с небольшой заплечной котомкой, в которой спички, складной нож, кусок подсоленного хлеба в тряпочке, небольшая накидка и кружка. Иной раз (когда «шли» грибы) в руках плетеная корзинка. И иди куда хочешь. По любой тропе. Или между ними — на какой-нибудь пригорок или к упавшей сосне. Лишь бы не выскочить за «телефонку».

Впрочем, дедово заверение в том, что в лесу никого чужих нет, оказалось не совсем точным. Первый раз встреча с чем-то «чужим» произошла так. Толя бойко шел по знакомой тропинке, как вдруг он увидел недалеко от нее пенечек от низко срубленной сухой сосенки (сруб был даже припорошен старыми сосновыми иголками). От пенечка тянулась по траве дорожка в заросшую лошину. Когда он подо-

дид к ложине, услышал какие-то приглушенные голоса, потом шипение вылитой на огонь воды. Выглянув из-за толстой сосны, Толя заметил потушенный (или залитый водой) костер, а рядом прикрытый щитом из старых досок вход в землянку. Как будто бы слышались чьи-то удаляющиеся шаги. Толя хотел было подойти к костру и землянке. Но что-то остановило его. Незнание? Страх? Осторожность? Наверное, все вместе.

Как-то проходя мимо того места, где он неожиданно вышел на таинственную землянку, Толя попытался (шел осторожно, крадучись) найти это место с землянкой. Прошел несколько раз. Но так ничего и не нашел. Или не заметил.

ОДНАЖДЫ Дед спросил Толика: «А ты нашел поляну с лесной клубникой?»

— С какой такой лесной клубникой? — переспросил Толя.

— Ох, неужели я забыл тебе сказать об этом, — всполошился Дед. — Это самая замечательная, по моему пониманию, из ягод. Растет она на самом солнцепеке дальнего увала. Ее стебельки маленькие, прижаты к земле, кустятся густо, собирай обеими руками, меньше чем за час — ведро, ешь вместе с чашечками, к которым они будто прилипают — вместе с ними как раз вкус особо отменный.

На следующее утро Толя, прихватив корзинку, отправился к увалу. Увал был виден чуть ли не от самой деревни. Но был сравнительно далеко, на него еще не приходилось ходить.

Сначала Толя бойко шел по тропе, которая вела прямо к увалу. Потом тропа резко свернула в сторону, и пришлось идти лесом напрямик. Толя решил сначала вскарабкаться на самую высокую левую часть, которая находилась напротив околицы, а затем, спускаясь по гребню в сторону «телефонки», найти и ту поляну, о которой говорил Дед.

Напрямик забираться на высокую часть увала было нелегко. Там, как оказалось, откос, и по нему почти до вершины тянется россыпь мелких камней и плиток. Ноги по ним скользят, в одном месте Толя даже сполз на несколько метров назад. Тогда он достал из-за ремня топор, вырубил из молодой сосенки палку (посох? альпеншток?) и, опираясь на нее, вскарабкался по откосу и выскочил на гребень. Еще несколько шагов — и он на вершине

Но что это?

С противоположной (от деревни) стороны вершины, плашмя, неглубоко вкопано длинное отесанное бревно, видно, недавно срубленное. За бревном — что-то вроде маленькой вытоптанной площад-

ки, обставленной срубленными ветками деревьев. На площадке — два чурбана-сиденья. Тут же, в уголке, — окурки сигарет, какая-то опорожненная банка с цветастыми наклейками, на каком языке — непонятно, ни одного русского слова. И, совсем непонятно, рядом с чурбанами брошенная ручка-самописка, видно, не расписалась.

Откуда все это? И вновь вспомнилось, что Дед говорил — людей тут нет, да и Толя, кроме землянки с потушенным костром, как будто бы никого не видел — ни одной сломанной ветки, ни следа — ничего.

Толе пришла на память недавно виденная землянка, и вдруг захотелось скорее-скорее домой. Что-то очень тревожное во всем этом.

Но нет. Толя даже ожесточился. Поправил за спиной топор, попробовал лезвие. Достал из котомки нож, положил его в карман куртки. И пружинистым шагом, не озираясь, но все время боковым зрением глядя по сторонам, не торопясь, пошел дальше вниз по гребню искать ту самую клубничную поляну.

Неожиданно, когда Толя прыгнул с уступа большого камня, лежавшегося на пути, он, чуть оглянувшись назад на полянку, увидел, что трава на поляне отдает красным отсветом. Да это же ягоды! Лесная клубника. На поляне прямо около камня, почти не сходя с места и работая обеими руками, Толя собрал половину корзины. А еще минут через десять и полную корзину ягод, даже с верхом-бугорком. Вот чудо-то! И тут же, присев на корточки, он вволю и сам отведал ягод — как положено, до предела. И впрямь, очень хорошие. Толя даже забыл осторожно поглядывать краешком глаза по сторонам.

Дома с молоком лесная клубника оказалась совсем уже объединением. А бабушка тут же наварила из ягод расчудесное варенье. Действительно, дары природы. Да еще какие! Ум отъешь.

ПОСЛЕ своего первого похода на увал каждый раз, когда он один или с новыми друзьями углублялся в лес, Толя внимательно всматривался вокруг — нет ли надломанных веток, следов на тропе или около луж на оголенных от травы местах. Ведь не так давно кто-то же был, и долго был, на вершине увала. И может быть, не один раз.

Но следов — никаких. Или он, Толя, просто их не видит?

Но ожидаемое порой приходит внезапно.

Толя в тот раз вновь ходил на поляну с лесной клубникой. Возвращаясь с полной корзиной, Толя, спустившись с увала и пройдя дальше метров сто или чуть больше, внезапно остановился, будто споткнулся. *Перед ним на сосне на уровне вытянутой вверх руки белела на сосне свежая зарубина.* Недалеко на другом дереве была видна еще одна, та-

кая же, на той же высоте. Зарубины были не сплошные. Одна от другой находились так, что если стоишь у одной, то с этого места видно только две зарубины — одна впереди, другая — сзади.

Зарубины — свежие, казалось, только-только вырубленные. Во всяком случае, когда Толя шел к увалу, он их не видел. Или не заметил.

Толя прошел по зарубинам вниз, дальше от увала (по дороге он подметил местами примятую траву, кустики, кое-где — отпечатки обуви) до ближайшей тропинки. Там, на пересечении тропы и линии зарубин, он надломил вершину низкорослой осинки — примета. И затем в быстром темпе — домой.

Вечером Дед, наряду с другими деревенскими новостями, рассказал о том, что у одного сельчанина какой-то гражданин (не местный, по одежке — работяга) купил за неплохую цену лошадь, трехлетку, к ней седло, ремни, похоже, для волокуши. И сразу же увел лошадь. И куда он ее увел, как вы думаете? По дороге? Да нет, прямо в лес. Вот фокусы. Не затеваются ли там, в лесу, какие-нибудь дела? Или старатели, когда-то шуровавшие на дальней реке, за болотом, у шоссе, вернулись?

НА СЛЕДУЮЩИЙ день Толя с самого утра отправился в лес. С собой — ничего, кроме топора и котомки. И сразу же — к развилке, где на тропе надломанная осинка.

И вот то, что Толя и ожидал увидеть. По линии зарубок уже наметилась новая тропка, а по ней — лошадиные следы. Точнее, сначала следы сапог в обе стороны, а затем, зачастую поверх этих следов, острые вмятины лошадиных копыт в направлении «телефонки».

Пойти что ли по этой новой, «зарубочной» тропе? Толя осторожно, поглядывая назад, шел по тропе. Тропа и зарубки совпадают точно — одна линия. Вот и «телефонка». Новая тропа проскакивает без задержки и ее.

Пойти, что ли, тоже дальше? Ничего страшного — даже лошадь проходила.

Толя перемахнул просеку «телефонки» несколькими большими прыжками (зачем прыжками? Даже самому потом смешно стало). А дальше тропа как тропа, ничего особенного, только идет она под легким уклоном. Понятно, кажется, — дальше низина, болото.

Но вот тропа выровнялась и пошла по перелескам, постепенно сворачивая влево («От болот она, что ли, уходит?» — подумал Толя). Вдруг Толя почувствовал легкий запах дыма, а когда прошел еще немного, услышал лошадиное ржание. И почти сразу он оказался на поляне, окруженной с трех сторон густым лесом.

На дальнем краю поляны виднелся шалаш, покрытый брезентом. Тут же недалеко паслась лошадь. А у шалаша горел небольшой костер, у которого на чурбане сидел человек в плаще с капюшоном.

Толя остановился в нерешительности. Что делать? Как быть? Подойти к костру?

Но человек, сидевший у костра, уже увидел Толю и махнул рукой, приглашая к себе, подходи, мол, не стесняйся.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Садись, гостем будешь, – сказал сидящий у костра. Человек уже в годах, но крепкий, с небольшой бородкой. – Меня зовут Михаил Михайлович. Тебя как? Толя? И что ты делаешь в лесу?

– Да вот, – ответил Толя, – приехал в гости к дедушке-бабушке в деревню. Сейчас с утра решил прогуляться – посмотреть, где и какие грибы-ягоды.

– Ну, этого добра здесь навалом. Не ленись только. А ты, – поменял тему Михаил Михайлович, – познакомился с местными деревенскими ребятами? Я тут с некоторыми даже поговорил, инертные они какие-то, привязались к своей деревеньке, им бы только купаться да на посиделках с девахами баловаться, не сдвинешь с места...

В это время на костре вскипел небольшой котелок, привязанный на цепочке к наклонной палке. Михаил Михайлович бросил в кипяток несколько щепоток чая, намазал на два ломтя хлеба подогретой на костре тушенки, протянул Толе кружку с чаем и ломоть хлеба:

– На, угостись. Не брезгуй. Походное.

Толя не брезговал. И хотя еще рано утром он уже выпил с горячим хлебом почти половину крынки парного молока, но и у костра нехитрое угощение умял с удовольствием.

– Вот, молодец, – похвалил Михаил Михайлович, – ведешь себя как надо, не кочевряжишься, нормальный отрок. Уже семиклассник? Вижу, здоровый парень. И друзья у тебя такие же здоровые парни, да?

Он помолчал немного, о чем-то подумал. Потом сказал:

– Тут нам помочь надо, ты бы смог?

– Конечно, о чем разговор. Когда требуется? – с готовностью ответил Толя.

Михаил Михайлович снова задумался, потом спросил:

– Ты сможешь через недельку на эту поляну прийти? Тут нужно кое-что обмозговать. Разговор особый, не между прочим...

И потом продолжил:

– Нет возражений? Ну, давай, тогда в следующий вторник (я не ошибаюсь, сегодня вторник?) встречаемся в 12 часов дня, минут пятнадцать туда-сюда. Договорились? Не болтай только очень.

На том и разошлись. К удивлению дедушки-бабушки Толя уже к обеду был дома.

СЛЕДУЮЩИЙ вторник Толя ожидал с каким-то нетерпением. Что это за «особый разговор»? Какие-то дела, где требуются такие, как он, Толя. И, кажется, неспроста Михаил Михайлович спрашивал его о друзьях, таких же, как он, «здоровых парнях». Что бы все это значило?

До вторника Толя вообще в лес не ходил. Все время – у речки. Купался, загорал на мостике, дурачился, как мог. Заметил, что Ольга, дочка продавщицы, крепкая, остроглазая, с косой до пят, наверное, на год-два старше его, весело и озорно поглядывает на него. Спросила: «Ты что это на посиделки не приходишь? Не засиживайся дома».

Во вторник Толя проснулся раньше обычного, бабушка только-только подоила корову. Позавтракал парным молоком и свежим бабушкиным хлебом, сделал кое-какие дела по хозяйству и еще до десяти настроился на выход в лес. Притом, налегке, без ничего. Но Дед напомнил:

– Не забудь топорик и котомку. У нас их нельзя забывать.

До двенадцати было еще много времени. Поэтому Толя для разминки решил в темпе сбегать на увал, потом уже по «зарубочной» тропе спуститься до поляны с шалашом.

Когда Толя, обойдя каменную россыпь, взлетел на увал, а затем, отдышавшись, поднялся на вершину, с которой открывался вид на околицу деревни, он остолбенел. На вершине, кроме вкопанного в землю бревна и чурбанов, наискосок были положены тонкие жерди, на них прикреплен целлофан, внутри под навесом расстелен мох. Значит, здесь кто-то ночевал? Но почему на вершине, напротив деревни? Прибавилось и мусора на маленькой, еще более вытопанной площадке. Среди мусора две пустые водочные бутылки, еще несколько испорченных ножом консервных банок.

Но это было еще не все.

Спускаясь по гребню увала, Толя заскочил на ягодную, с лесной клубникой поляну, попасся там с полчаса, а затем, набрав скорость, уже напрямик вышел на «зарубочную» тропу (заметил, что поверх лошадиных отметин выделяются новые следы от ботинок или сапог с рифленой подошвой), а потом без остановки, прямым ходом, че-

рез просеку с «телефонкой» (на этот раз — без дурацких прыжков) — к поляне.

Вновь, как и в прошлый раз, еще издали от поляны потянуло дымком. Значит, костер уже горит, и Михаил Михайлович наверняка там. Толя ускорил шаг и, как только выскочил на поляну, увидел, что костер догорает, Михаил Михайлович сидит на бревне, шевеля в костре угли небольшой палкой, рядом с ним еще один человек в вязаной черной шапочке.

— Ну, молодец, даже раньше времени пришел, — сказал Михаил Михайлович, как только Толя с коротким «здрасьте» подошел к костру. И сразу же продолжил:

— Здравствуй — здравствуй. Знакомься — мой товарищ Олег, можешь звать его так, он не намного старше тебя (Толя пожал руку Олегу, белокрысому крепышу, вязаная шапочка до бровей, рука жесткая, крепкая, глаз не поднимает, знает себе цену — явно спортсмен). Сейчас немного почаявничаем, а потом — разговор.

Толя увидел: котелок уже стоит на земле, дымится, наверное, уже заварен, рядом на подстилке — большая пачка галет, сахар, три кружки («Ждали, не сомневались, что приду», — про себя отметил Толя).

Когда попили чая, похрустели галетами, Михаил Михайлович сказал:

— Теперь поговорим. И, обращаясь к Толе, продолжил: — Ты, судя по всему, парень надежный, верим — болтать не будешь (Толя кивнул головой — крепыш впервые поднял глаза, в упор посмотрел на него). Поэтому сразу скажу — дело у нас не то, чтобы секретное, но, скажем так, строго личное, не для болтливых. Суть его вот в чем.

Ты уже, наверное, слышал, что зимой в этих местах упал большой метеорит или еще что-то, точно никто не знает. Насколько мне известно, из Горного института хотели прислать сюда экспедицию («Ага, — вспомнил Толя, — кажется, в ней папа должен был участвовать; но потом его послали в другое место»). А вот мы с Олегом, да еще двое наших друзей, все из университета, решили поразведать. Для одного из нас, нашего шефа, — это тема научной работы; все остальные — любители-энтузиасты. Оформили мы все по закону. Считаемся экспедицией от Университета; есть у нас на этот счет бумага с печатями. И лицензия на поиск веществ внеземного происхождения есть (ректор выхлопотал в Москве). Даже так, понял?

Так вот, — продолжал Михаил Михайлович, — мы нашли то место, где находится Тело (так мы называем метеорит или что-то иное, упавшее с небес). Это — за шоссе и дальше, за другой рекой, Таввой, ухо-

дящей, в отличие от нашей реки, Брусяновки, в восточные азиатские реки. Километров 20–30 отсюда. Там, в заречной округе, как и здесь, множество болот и топей. Леса вокруг воронки повалило много, правда, не сплошь, деревьев обожжено множество, километров на десять по радиусу.

К счастью, Тело упало на небольшой возвышенности, но оказалось, что на дно воронки, где необходимо начинать раскопки, просачивается вода. Мы с весны начали строить домик, купили лошадь с волокушей для подвозки бревен из поваленных деревьев, отвели воду, близкую к воронке. Но на большее сил не хватает. Даже лошадь не выдержала, пришлось купить новую, хотя на зиму, наверное, придется отвести ее на отстой в деревню. Хотели мы, было, нанять ребят из Брусян для раскопок и других работ. Но те ни в какую – для них все, что за «телефонкой», – гиблое место, ни шагу туда. Вот мы и подумали о тебе, Толя, и твоих друзьях. Не могли бы вы следующим летом поработать у нас месяца полтора, не больше? Нам нужно человека три-четыре.

Какой интерес? – спросишь ты (и твои друзья, конечно). Прежде всего, страшно любопытно самому найти посланца с неба. Или то, что от него осталось. Впечатление на всю жизнь. Плюс – природа, сам видишь. Есть и материальный интерес, скрывать не буду. Кроме оплаты проезда и самой работы, не исключено и большее. Если нам будет сопутствовать удача, то и вы не будете внакладе. Небесные посланцы больших денег стоят. Не дай Бог, конечно, чтобы нагрянули другие «черные искатели», там бывает беспощадный народ. Но надо иметь в виду, что дело у нас государственное, научное – мы все же экспедиция от государственного Университета.

Ну, какое у тебя, Толя, – в заключение своего рассказа спросил Михаил Михайлович, – впечатление и отношение к этому делу?

– В общем, положительное, – ответил Толя, – только мне нужно посоветоваться с друзьями. Да и родители еще есть, – негромко добавил он.

– Хорошо. Я считаю, – сказал Михаил Михайлович, – что мы в общем договорились. Предварительно, во всяком случае. А окончательно ты нам сообщишь следующей весной в городе. – И Михаил Михайлович передал Толе небольшой блокнотик. – Тут наши адреса и телефоны – мой и Олега (по телефону может ответить по нашему поручению и кто-то другой), – пояснил он. – Если ты с ребятами договоришься, то ровно за месяц до дня отъезда – звонок нам по телефону. Прибавь сюда время дороги, еще день-другой для акклиматизации в деревне,

и мы встречаемся на этой поляне, как всегда, ровно в 12 дня. Запомнил? (Толя утвердительно кивнул — что тут запоминать?). Тогда до встречи в следующем году.

II

К КОНЦУ седьмого класса Толе наконец-то удалось уговорить Марата и Андрея поехать на лето в Брусяны.

Марат — до сих пор еще сорванец, готовый ко всему, что «на пределе», — горным лыжам, сплавам по порожистым рекам, всяким восхождениям, пещерам и всему прочему в том же роде. Вот только нудные полуторамесячные работы, наверняка строительные и земляные, не очень-то по нему, потому он поначалу и колебался: ехать-не ехать в Брусяны. Андрея же, трудягу и силача (где-то явно мышцы «накачивал»), это-то как раз не смущало, напротив, он опасался, не сведется ли работа в лесу к муторному собирательству образцов, их описанию и тому, что делают коллекторы в геологоразведочных партиях. Негде будет мышцы поднакачать.

И, пожалуй, только тогда, когда Толя, отведя друзей в сторонку и понизив голос, стал рассказывать о всяких загадочных и не очень ясных вещах (наблюдательный пункт на вершине увала, следы, поляна, работы какие-то таинственные и все такое), да напомним о недавнем падении в этом районе большого метеорита (или даже, не исключено, не метеорита, а чего-то более серьезного), всякие сомнения у Марата и Андрея исчезли. И каждый раз с новыми увлекательными деталями рассказывал Толя о речке, купаниях, вечерних посиделках. «А таких, как Оля, там в каждом доме, и не по одной», — говорил он. У ребят, насмотревшихся в последние годы фильмов о «постельных делах» и о «девчонках нынешней поры», разом помутнели глаза и запотели руки.

Осталось только решить вопрос с родителями и их постоянными страхами. Но весной и это дело уладилось, притом довольно быстро. Толя мобилизовал «своего предка» — отца (которому поведал о том, что в Брусянах или около открылась возможность что-то подзаработать), тот созвонился с предками Марата и Андрея, и майским субботним вечером все три пары родителей путешественников устроили у Толи дома вечеринку со всем, что положено в таких случаях, и уже к концу вечера решили — отпустим. Пусть только Толин папа все держит под контролем, на что тот ответил, что договорился о приезде ребят с отцом, т.е. Дедом, и дал ему самые строгие наказания. Тут же роди-

тели договорились сброситься на дорогу туда-сюда, на житье («Много не надо, там все свое», — заверил Толин папа) и чтобы вообще в «карманах ребят хоть что-то бренчалось; уже не малыши; глядишь — скоро женихаться будут».

ДОРОГУ на поезде до Брусян провели весело. Болтали о всякой всячине. Андрей пересказал статью из газеты, в которой говорилось о «брусянском метеорите» и о том, что туда, к месту падения небесного пришельца, собирается научная экспедиция и что наверняка «черные археологи» там уже шарят — небесные камешки среди знатоков немалых денег стоят.

На станции ребят встретил Дед на лошади. На телеге — брезент, под ним — сено или солома, мягко. Ребята чинно поздоровались за руку с Дедом (Толю он слегка обнял), а потом побросали на телегу сумки и, несмотря на приглашение Деда присесть рядом, пошли быстрым шагом вслед за телегой, дружно вскакивая на нее на спусках.

Шли по дороге и видели: Толя все верно рассказывал. Кругом лес, не пригородный лесочек-парк, а бескрайний и дикий лес, — с каждого пригорка открывается бесконечный простор, видны речушки, без сомнения, с кристально чистой водой. Совсем другой мир.

А сами Брусяны — не развалюхи с одинокими старухами (как показывают по телику), а какое-то, наверное, исключение — многолюдная с крепкими высокими домами деревня. «Из лиственниц, вековые», — пояснил Толя.

И Дедов дом оказался таким же, из лиственниц в обхват, да еще с пристроем, в котором уже стоят три лежанки-кровати. А в самом доме уже накрыт стол, на нем крынки с молоком, сметана, тарелка с желтоватым («своим») маслом, на деревянной подставе прикрытые полотенцем теплые краюхи хлеба. И бабушка (в общем-то не очень старая, но все ребята стали сразу звать ее «бабушкой» — иначе и не назовешь) ставит на стол большой поднос с картофельными шанежкам. «К вечеру, после баньки, пельмени будут», — пообещал Дед. Словом, или рай, или сказочное царство — одно и то же.

И так — весь остаток дня — жаркая банька, маленькие пельмени, туго набитые сочным мясом, чуть пьяненькая медовуха. На какое-то мгновение открылась дверь в сени, и появились девичьи мордашки — Ольга, и кто-то еще. Ха-ха, хи-хи. Бабушка пригласила их за стол, но дверь уже захлопнулась. «Разведка», — сказал Марат.

Только-только наступили вечерние сумерки, как ребят потянуло в «свой» пристрой. Там, не сговариваясь, они, раздеваясь на ходу, ра-

зом плюхнулись на лежанки и залезли под одеяла. Через минуту-другую с трех концов пристроя раздавалось ровное сопение крепко спящих ребят. Не шелохнутся — хоть из пушек стреляй.

СОЛНЦЕ давно уже наполнило весь пристрой светом радости и ожиданий наступающего дня. Несколько раз к двери пристроя потихонечку подходила бабушка («проснулись ли ребятки?»): остывали пирожки с ягодами, все приготовленное к завтраку давно уже стояло на столе.

Наконец проснулся и сел на кровать Андрей. Он взглянул на часы и ахнул — двенадцатый час. Почти полдень. Андрей соскочил с кровати и стал без раздумий сбрасывать с ребят одеяла.

— Общий подъем! — скомандовал он. — Скоро полдень!

В этот момент в дверях появилась бабушка: «Мальчики, все стынет...»

Теперь подал голос и Толя:

— Бабушка, заспались мы, сейчас будем за столом.

Все сразу забегали, засуетились. «Где туалет?» «Где умывальник?» «Где вещи будем раскладывать?» Пришлось Толе чуть ли не за руку водить каждого.

После завтрака твердо решили — в лес сегодня не пойдем. Да и Дед, узнавший о «производственных» планах ребят из письма сына, еще во время завтрака за столом сказал: «Не торопитесь, надо обдумать все. Работа у “старателей” (так Дед называл всех землекопателей в здешней округе) далеко, за болотами, в обход придется идти, тропами. Без понимания и сноровки не пройдешь. Да и “старатели” бывают разные», — загадочно добавил он.

Оказалось, так даже к лучшему. Весь день ребята провели на реке. Купались до одури, загорали на мостике. Толя перезнакомил своих друзей с местными ребятами, прежде всего, понятно, с соседскими близняшками — Иваном и Марьей, с Павлом, другими парнями. Оля с подружкой Мариной подошли сами, устроились на широком полотенце рядышком на берегу.

Полазили по Скале. Потом, переправившись по мостику на другой берег, сходили всей компанией (Оля с Мариной — тоже) до гремящего переката, «для интереса» попытались пройти по перекату, держась за руки, как можно дальше, к середине реки. Но не удалось. Хотя возглавил цепочку Марат, знакомый с горными реками, поток воды стал сносить по течению, камни острые, есть провалы, девчонки — в визг, пришлось повернуть к берегу. Зато увидели, как рыбак в высоченных

резиновых сапогах, каким-то образом добравшийся почти до середины переката, вытащил удочкой большую рыбу («Мы с Дедом такую же вытаскивали», — похвалился Толя). То и дело ребята падали в воду, повеселились друг над другом всласть.

Когда вернулись, Оля, было, завела разговор о посиделках. Но Толя и его друзья уже убежала к дому — завтра рано вставать. С утра идти в лес.

ДРУЗЬЯ вышли в лес сразу после завтрака.

Хотели пойти на поляну для встречи со «старателями» (так, по-дедовски, ребята начали называть мужиков из Университета). Но тут Толя вспомнил, что когда в городе разговаривал по телефону с другом Михаила Михайловича (его самого не было, но друг был в курсе дела), то они не договорились точно о дне и времени встречи. Толя подумал, что раз он сказал о дне выезда, то очень легко подсчитать, когда ребята смогут прийти на поляну. Но это если считать. А в какое время? Опять около 12? Так что есть неясности. Можно не торопиться.

Поэтому решили сегодня, в день знакомства с лесом, пока не спешить, сходить сначала на увал, а там, будет время, заскочить и на ягодную поляну, посмотреть, что там и как.

Когда забрались на вершину увала, Толя, Марат и Андрей увидели, что тут недавно, действительно, плашмя было вкопано бревно, след остался четкий, хотя уже стал зарастать травой; сора же и других следов нет. А вид на деревню отсюда и впрямь отличный — на околицу и дальше на всю улицу.

Потом ребята спустились вниз по гребню, и вот он, камень, а от него на солнечном склоне — ягодная поляна. Да такая, какой не видел никто, присядь — и можно пастись вволю, не сходя с места. Все, как рассказывал Толян. Еле оторвались от этой благодати.

Когда ребята стали спускаться с увала, то уже на склоне выскочили на «зарубочную» тропу (хотя сами зарубки потемнели, затекли смолой). Тропа уже вытопанная, многохоженная, лишь слегка припорошенная сосновыми иголками. Потом прошли, почти не заметив, «телефонку» и дальше — по тропе к поляне. Но никакого дымка, ни звука — тишина. Неужели никого? Да, на поляне никаких людей нет, нет даже признаков того, что здесь кто-то недавно был. И шалаш частично разрушился, покосился от толстого зимнего снега, наверное.

Теперь каждый день ребята после завтрака, искупавшись и с полчаса просидев на речке, делали легкую, с небольшим снаряжением

(топор, рюкзачок) пробежку до поляны. Занимало все часа два с половиной. Возвращались как раз к обеду. Потом на часок-другой включались в хозяйство («Дед, что делать? Дровишки поколоть? Забор поправить? На крыше шифер заменить? Или что еще?»).

И ВОТ в один из дней со стороны поляны донесся запах дыма.

Толя поднял руку и скомандовал: «Стоп!» Марат и Андрей встали. Толя продолжал:

– Давайте договоримся: с университетскими буду говорить только я. Если что, обсудим между собой потом. Все можно уточнить, исправить. А сейчас – без галдежа.

Когда подошли к костру, Толя увидел, что рядом с Михаилом Михайловичем сидит не Олег, а двое других его коллег, которые сразу же представились ребятам: «Семенович» (тяжелый мужчина в годах с коротенькой бородкой, видно, уже остепененный, кандидат наук, наверное) и «Володя Коротаев», лет двадцати, лаборант кафедры, как он сам сказал, опережая Михаила Михайловича.

Ребята сели с другой стороны костра на коротенькое бревнышко, Толя назвал своих: «Марат, Андрей». Помолчали, всматриваясь друг в друга. Потом Михаил Михайлович, обменявшись взглядом с Семеновичем, сказал:

– Спасибо, парни, что приехали. Вы действительно нам нужны для серьезных работ. За хорошую оплату, понятно, подтверждаю. Но вот что ребята – работа у нас тяжелая. Придется все время быть у нас. Надо достраивать дом, бревна тяжелющие – лошадь из леса еле вытаскивает, а главное, из воронки вода ушла, и нужно будет копать, то ли шурф, то ли небольшую шахту, притом в каменистом грунте. И вот наша просьба. Не смогли бы вы пригласить еще кого-нибудь из сильных деревенских парней? Вам будет легче, и дело быстрее пойдет. Ну, как?

У Толи сразу мелькнула мысль о Павле. Увалень, деревенщина, но явно силач, к хозяйским делам, кажется, хорошо приспособлен. А других кандидатур будто бы и нет.

И Толя сказал:

– Хорошо. Хотя в деревне претендентов на ваши работы нет (Толя вспомнил прошлогодние впечатления Михаила Михайловича), все заняты в своих хозяйствах, но мы посмотрим.

– Тогда так, – подвел черту Михаил Михайлович. – Постарайтесь все же найти подмогу. Если не удастся, все равно завтра в это же время или на часок пораньше мы будем ждать вашу команду на этом же ме-

сте со всеми личными вещами, которые понадобятся на время месячного пребывания у нас. Да, близких предупредите, чтобы не беспокоились. Через месяц с небольшим (может, еще несколько дней) «рабочая командировка» ваша закончится, будете дома.

ПАВЛА Толя нашел у реки около моста. Он уж сделал все свои хозяйские дела по дому, искупался, а теперь дремал на солнышке в стороне от всей компании. Толя присел около него, сорвал травинку и пощекотал в носу приятеля. Тот покрутил носом, чихнул, сел и тут же увидел Толю. Глаза Павла потеплели:

– Привет, Толян. Чего тебе?

Толя, не торопясь, рассказал обо всем – о небесном пришельце и о возможной месячной работе у университетчиков на той стороне болота, где найдена воронка от падения «метеорита».

Павел обхватил голову руками, задумался, долго молчал. Потом сказал:

– Конечно, работа на месте падения метеорита – это очень интересно. И трудную работу, наверное, осилю, уже всякое было, хоть молотобойцем. Но есть у меня две закавыки. Первое – это хозяйские дела по дому. Правда, тут мой братан может помочь, вопроса нет. Вторая закавыка сложнее. Слава у меня плохая – драчуна и еще хуже. Дрался я крепко, не просал никому, а однажды два месяца сидел в КПЗ районной милиции, уголовное дело даже возбудили – челюсть своротил одному дачнику, он одну из наших девочек испортил. Потом, правда, меня простили – вся деревня заступилась. Но отметина есть: был в ментовке, «сидел».

Толя еще ближе подсел к Павлу, обнял его и сказал только: «Спасибо. А насчет последнего не беспокойся, у нас, в городе, это нормально, даже наоборот: парень, не знающий ментовку, – не парень». Затем Толя рассказал о снаряжении, которое они все берут с собой с расчетом на месячное пребывание в полевых условиях. «Топор не забудь», – добавил Толя. «А еще возьму свой охотничий кинжал», – добавил Павел. В итоге договорились, что Павел завтра к десяти утра подойдет к дому Деда, где в пристрое живут ребята, и оттуда они вместе отправятся к поляне за «телефонкой», на встречу с университетчиками, а оттуда – в конечный пункт.

ПАВЕЛ постучал в окно пристроя, когда ребята еще только собирались после завтрака. Толя глянул на часы – «Бог мой, уже начало одиннадцатого». А в пристрое – обычная предотъездная суета и нераз-

бериха: что-то никак не находится, так и не решили, брать ли спальники, «у кого пила?» и прочая суматоха. Так что Толе пришлось командовать: «Десятиминутная готовность. Спальники с собой».

И действительно, через десять минут ребята присоединились к Павлу. Вышли на крыльцо Дед с бабушкой. Дед сказал:

– Берегитесь там. При случае дайте знать о себе. Не нарушайте срок, пять недель. А мы пока город не будем тревожить, будем считать, что все в порядке. Дорогу запоминайте.

На поляне ребят уже ждали Михаил Михайлович и Олег. Заметно обрадовались, когда увидели четвертого – Павла.

Когда присели у затухающего костра, после короткой паузы Толя перечислил, указывая рукой на каждого из парней: «Толя, Марат, Андрей и Павел».

Михаил Михайлович сказал:

– Вот, спасибо, полный комплект. Итак, пойдем мы без лошадки, тропами, и это будет кружной путь в обход болот до самого шоссе, там нас будет ждать машина. Весь путь, вместе с машиной, будет километров 30. Напрямик через болото отсюда чуть больше 10 км, но нам не пройти – топи.

Тропа была хорошая, утоптанная, шла все время по краю болота, прыгала с пригорка на пригорок. Через час сделали привал. Вышли к шоссе только под вечер – солнце потихонечку начало садиться за горизонт. Машина – вездеход, по внешнему виду, возможно, смонтированный из «Газели». За рулем – Володя Коротаев, спросил: – «Что это вы припозднились? – Ничего, – ответил Михаил Михайлович, – тропа кругом идет».

ШОССЕ было хорошее, почти без выбоин. Видно, что его недавно латали дорожники.

До поворота к реке доехали быстро, за какие-то минуты. Река Тавва большая, широкая и тихая, ей не приходится, как Брусняновке, прорываться через горы. Напротив, она спускается с гор и течет в сторону азиатских рек.

По берегу реки пришлось проехать еще несколько километров. Ниже река разливалась и образовывала брод, не глубже полколеса машины.

На другом берегу – направо – широкие болота-топи, а слева – невысокие холмики.

– Видите, вон там, километрах в двух, высокий шест? – спросил Михаил Михайлович. – Там наше «Гнездо» – база экспедиции.

Ребята пригляделись и заметили кроме шеста какие-то деревянные конструкции, наверное, дома.

Дорога до Гнезда немного петляла, но была ровная. Несколько минут – и вся группа оказалась на базе. Ровная площадка, посередине – высокий шест с небольшой тряпочкой наверху («Флаг, что ли?»). Тут же недостроенный приземистый двухэтажный или полутораэтажный дом. Первый этаж, судя по всему, уже жилой, окна застеклены. Около дома – навес с кухней. Тут же большая армейская палатка. Еще один навес, видимо, для автомашины, рядом с ним небольшая конюшня.

А где же воронка? Как, где? Разве не видно, лес кругом повален. Даже тут, на базе, защищенной от эпицентра вершиной холма, верхушки деревьев как бы срезаны или надломлены, а одно дерево на краю базы вырвано с корнем. Лес повален в одну сторону, веером, и там, где лучики веера сходятся, должна быть воронка.

Кто-то из ребят громко спросил:

– А можно сейчас сходить на место падения?

Михаил Михайлович откликнулся сразу:

– У нас выход запланирован на завтра, на утро.

Но Толя тут же поддержал свою команду:

– Михаил Михайлович, пожалуйста, ходим сейчас. Это ведь недолго.

– Ну, ладно, – согласился Михаил Михайлович. – Выходим через десять минут.

Широкая тропа к месту падения метеорита лавировала между упавшими деревьями, но была утопанной, видно, что по ней лошадь таскала что-то тяжелое на волокуше. За вторым холмиком показалась воронка – округлая и неглубокая.

Воронка была окружена изгородью из веток поваленных деревьев. Вырывать ямки для колышков, видимо, не пришлось – они легко втыкались в выброшенную из воронки коричневую, а местами голубовато-зеленую породу. Дно воронки сухое, его явно осушила канавка, вырытая у подножья холмика и идущая к болотной низине. Один из краев воронки укреплен бревнами и сверху застлан толстыми досками. На них – ворот: одна бадья внизу, другая – на помосте, чтобы поднимать породу или еще что-то.

Вечером устроили небольшое совещание. Михаил Михайлович сказал, что никаких вещественных следов метеорита не найдено, ни одного, даже самого маленького осколка, «ни крошечки, ни пылинки». Не повторится ли, пусть и в меньшем масштабе, непонятная история

с падением Тунгусского метеорита? Более или менее точно установлено, что метрах в пятистах над землей произошел сильный взрыв, но какой-то взрыв произошел и на земле, с довольно большим выбросом земли. Тут много неясного. Прежде всего хорошо бы найти какие-то остатки самого «тела», пусть небольшие.

— Так что придется двум нашим новобранцам, Толе и Марату, продолжить поиски, а лучше всего — раскопки в самой воронке. Может быть, копнуть поглубже — все равно какие-то осколки должны были по инерции уйти вглубь. Удивительно, что, судя по первым наблюдениям, из глубины воронки идет какое-то тепло, и откуда оно — совершенно неясно. А Андрей с Павлом — на стройку, там надо будет наверху бревна ворочать, покрывать крышу, шифер мы недавно привезли.

Ребят устроили в одной из необорудованных комнат первого этажа. Пришлось и ручки к дверям привинчивать, и дощатые нары-лежанки сколачивать (у Павла — лучше всех получилось), на них — мешки с сеном, самодельные матрасы, и спальные-одеяла. В стену вбили гвозди для одежды, сколотили из досок общий стол и лавки к нему. Провозились до темноты.

III

ПОТЯНУЛИСЬ нудные рабочие дни. В семь часов утра подъем. В восемь — завтрак (кашеварил Олег, он же водитель и снабженец). Ровно в девять — работа. В час — на обед. Конец работы — в семь часов. И тут уже конец дня. Поужинали, чуть пошатались по территории — и в постель. И так день за днем.

Однажды Марат отвел Толю в сторону: «Разговор есть».

— В чем дело? — спросил Толя, когда они присели на бревно у заборчика.

— Тут разговор долгий, потом все обсудим. Надо на денек выбраться из нашего лагеря. Предлог — рыбалка. Олег рассказал мне, что недалеко в Тавву со стороны болот впадает речушка Быстрина. Рыбу — хоть ковшом черпай. Но главное, там можно без посторонних глаз и ушей кое-что обмозговать.

Толя не возражал. Раз уж Марат заговорил о чем-то, значит, тому есть серьезная причина. Плюс — свободная прогулка, рыбалка. Михаил Михайлович после просьбы о «рыбалке на денек» задумался, внимательно посмотрел на Толю и спросил: «Сколько дней вы уже здесь? Десять?» И с горечью добавил: «Беда в том, что нет никакого резуль-

тата. Никакого, черт побери. Был бы хоть маленький – праздной неделю. Не считать же результатом то, что с углублением в воронку в ней нарастает какое-то тепло». И заключил: «Ладно. Прогуляйтесь денек. Может, второе дыхание откроется...»

С вечера Павел проверил удочки, приладил захваченную из дома леску, где-то накопал червей, наловил в спичечную коробку кузнечиков, приготовил ведро, несколько мисок и кружек для чая. На следующее утро, как только встало солнце, выпросив у Олега по миске только что приготовленной каши и что-нибудь на дневной перекус (полбулки хлеба, две банки тушенки, заварку и сахар для чая), ребята выскочили на шоссе и в быстром темпе пошагали в сторону Быстрины. Путь оказался коротким. Не прошло и часа, как показался мостик, а под ним – быстро текущая, грохочущая по камням речушка. Действительно, Быстрина. С мостика стало видно, что тропа идет не по левому берегу, на котором вдали виднелись холмики (наверное, продолжение тех, на которых находилась база), а по правому, по ходу течения, берегу, там, где низина и топкие места.

Действительно, по тропе идти было трудно. Хотя местами между кочками были брошены жерди и коряги, довольно часто приходилось прыгать с кочки на кочку, и ноги соскальзывали в болотную жижу. Но вскоре берег как бы приподнялся, стал ровным и сухим, тропа пошла по самому краю берега. Кое-где стали встречаться стоянки рыбаков: вбитые колья, рогатины, следы костровищ, какие-то решетки (наверное, для сушки рыбы).

Прошли еще немного, приблизительно с полкилометра. Берег оголился. Поваленные деревья лежали рядами в направлении общего завала. Но вот группа наткнулась на дерево, которое по всем признакам рухнуло еще до общего завала (или было специально завалено) в другую сторону, прямо поперек речушки.

Может, это переход на другой берег, более высокий с небольшими холмиками? И впрямь – ствол был слегка подтесан, а сучья отрублены так, чтобы за них было легко держаться при переходе по стволу дерева.

Ну, что – переходим? Конечно. Группа, не сбавляя темпа, перескочила на другой берег. Оказалось, что с холмика вытекает кристальной чистоты ручеек, а чуть дальше, у подножья холмика – хорошо оборудованная стоянка: костровище с рогатинами, поленница дровишек, около большего нависшего камня – площадка, заваленная толстым лапником (видно, для палатки; хотя можно переспать и под камнем – очень удобное логово).

Ребята сбросили рюкзаки, стали обустриваться. Павел собрал все удочки и сложил их в один пучок. То ли начинать рыбную ловлю, то ли к обеду готовиться... Но где же Марат? Он же сам говорил, что главное — это разговор, нужно что-то обсудить. Куда же этот непоседа пропал?

В это время ребята увидели мелькающую вдоль ручья шапочку Марата и услышали периодически повторяющийся легкий металлический скрежет и плеск воды. Что же это такое? Ребята хотели было побегать к Марату. Но тот, увидев их, махнул предупреждающе рукой, дал понять — не ходите, я сам скоро подойду.

— Тогда слегка перекусим. Готовим чай, режем хлеб, разогреваем тушенку, — скомандовал Толя.

Когда все было готово к «перекусу», появился Марат и сразу присоединился к компании.

— ТЕПЕРЬ, ребята, — сказал Марат, когда закончился «перекус», — я расскажу то, что сам знаю, в связи с этим придется, возможно, что-то предпринимать. Но сначала кое-что покажу.

Марат достал из одного застегнутого кармана завернутую тряпочку, взял другую, лежащую у его ног, развернул обе. На обеих тряпочках лежали кусочки какого-то зеленовато-голубого вещества (глины или минерала?), а на второй — еще какой-то белесый грязноватый небольшой камешек.

— Что это? — спросил Марат и сам же начал объяснять. — У меня есть друг Вовка. Его старший брат Дмитрий два года работал в Якутии в городке Мирный на обогатительной фабрике. И однажды он показал нам с Вовкой минерал, который содержит алмазы. Называется этот минерал, как бы не ошибиться, кимберлитом. Так вот, *на одной тряпочке — вещество, которое я взял из отвала на нашей базе, а на другой — то, что нашел здесь, у ручья. Это и есть кимберлит.* Правда, какой-то другой, не такой, что мне показывали. Не глина, а что-то окаменевшее, чуть ли не кристаллическое.

Меня эта находка в отвале привела в смятение. Надо было поговорить с вами, пока не догадываются наши «хозяева», из-за этого я и затеял рыбалку. Можно предположить, что метеорит при падении разрушил край кимберлитовой трубки и выбросил часть вещества наружу. Может такое быть? И тогда надо, чтобы всем этим занялись не какие-то энтузиасты и тем более не коммерсанты, а действительно специалисты — дело-то по-настоящему государственное, да еще какое! Вдруг обнаружатся прямо на поверхности следы кимберлита, ка-

кие-то шахтные сооружения или их остатки, которые необходимо сейчас осмотреть. И еще: я определил (способом, которому меня научил Володька), что этот камешек – низкосортный алмазик. Хотя, может быть, это мои фантазии.

Посоветовавшись, ребята решили так. Сейчас они разделятся на две группы: «рыбаки» – Павел и Андрей – пусть займутся рыбалкой, а Марат и Толя обследуют еще раз ручей и следы шахтных сооружений. Потом, в конце дня, решить все окончательно. Подвести черту.

Так и поступили.

Павел с Андреем, взяв удочки, перешли на другую сторону речки и расположились в облюбованном прежними рыбаками месте с воткнутыми по берегу рогатинами, на которые можно пристраивать удилища: один конец на берегу, а другой, чуть дальше середины удилища – на рогатинке. Все четыре удочки были установлены. И Андрей с Павлом только и бегали между ними, прихваченная Павлом сетка быстро наполнялась окунями средних размеров, поймались и две большие рыбки, судаки, кажется.

А Марат и Толя, захватив с собой обычные миски, стали подниматься вверх по ручью. Все дно ручья было покрыто галькой и осколками камней. Как тут определить, какой камешек драгоценный? Марат показал, что можно сделать обычной миской: зачерпнуть камешки с водой и быстро покрутить миску вокруг оси. Легкие камешки из миски выплескиваются, а на дне остаются тяжелые, драгоценные. Толя с Маратом не удержались, каждый положил в карман по несколько наиболее приглянувшихся небольших камней. Один из них остренькими краями все дорогу жег Толю, казалось, впивался в тело.

Там, где, как предполагал Марат, находятся шахтные сооружения, оказалась большая глыба земли или почерневшей породы, из которой Марат выцарапал горсточку кимберлита, и просто-напросто сложенные квадратом небольшие толстые бревна, уже все трухлявые (потом следы шахты были обнаружены и значительно дальше, ближе к болотам). Но ребят ожидало другое открытие.

В одном месте около глыбы они заметили довольно глубокую ямку. На дне ее виднелось что-то вроде сплошной плиты, уходящей, кажется, под землю. Лопат у ребят, понятно, не было (кто берет на рыбалку лопаты?). Толя и Марат нашли толстые крепкие палки, слегка заострили их и начали разбрасывать землю, освобождая плиту. Но плита была какая-то нескончаемая. Тогда Толя и Марат стали копать в сторону их стоянки, к реке. И только они копнули, как увидели, что пли-

та круто уходит вниз, глубже в землю. Где же ее край? Палками не откапашь. Тут экскаватор нужен.

Может быть, попытаться найти другой край плиты? Ребята побежали в сторону болота, болотной низины.

Здесь на открытом месте поработали дожди, ветер, солнце, смена времен года — словом, природа. Плита обнажилась и выступила четким прямоугольником на краю обрыва. Когда ребята прошли по самому краю плиты, то увидели что-то вроде гладкого-гладкого каменного ролика, на котором остались следы, по-видимому, когда-то скользившего по нему троса или каната. Значит, тут была шахта, разрез или нечто в этом роде, и это явный остаток такого сооружения.

Впрочем, сама плита — что-то непонятное. Бетон — не бетон, камень — не камень. Ни пазов, ни трещин. Сплошной прямоугольный монолит. Или наплыв. Бросишь камень — отскакивает, даже царапинки на плите не остается.

Перед отходом выпили еще чая с остатками сахара и хлеба. Обо всем, что узнали, договорились молчать. Без исключений. Даже не намекать о найденной породе — кимберлите. Камешки — просто так, детские игры.

Их возвращение на базу никто, кажется, и не заметил. Сдали всю рыбу (полную сетку!) Олегу. Тот расчувствовался. Привел ребят на кухню, там сохранилось кое-что и для ребят, похлебали остатки дневного супешника.

Утром началось как всегда, по строго заведенному порядку: подъем, завтрак, к 9 утра — на свое рабочее место. Никто ни о чем и не спрашивал. Только Михаил Михайлович поинтересовался:

— Все в порядке? Рыбу я видел, молодцы.

ДО ОКОНЧАНИЯ летних работ оставалось еще недели две. Ребята подустали — проработали уже почти месяц.

Андрей и Павел еще ничего, на стройке всегда интересно — работа разнообразная, дом почти закончили, окна застеклили (из деревни даже привозили на машине двух печников, печь греет всюю), сейчас баньку строят, да колодец начали рыть.

А вот у воронки — одна маята, тупое беспросветное землекопание. Нарастающее тепло, идущее из глубины воронки, непонятное по происхождению, по сути, ни о чем не говорит. Михаил Михайлович приказывал то в самой воронке продолжать рыть (уже выкопали целую траншею, можно даже тепловую ванную устроить), то вокруг

какие-то осколки метеорита искать – черные ноздреватые, оплавленные. Раза два Михаилу Михайловичу показалось, что недалеко от воронки что-то как будто врезалось в землю. И там рыли траншеи. Ничего. Никаких черных ноздреватых осколков.

Но вот однажды, когда до отъезда «по домам» оставалось совсем немного, к землекопам, работавшим в тот день без Михаила Михайловича в траншее внутри воронки, неожиданно прибежал Олег и заторопил их со страшной силой:

– Парни, снимаемся с работ. Скорее, скорее. Все переходим к дому. Все берем с собой, ничего не оставляем. Все-все. Выходим.

У дома Толю и Андрея встретил Михаил Михайлович. Он был какой-то возбужденный и, как показалось Толе, слегка растерянный, объяснял все как-то неуверенно:

– Ребята, сейчас всякие поиски пока прекращаем. Надо тут с баней и колодцем помочь. Потом, может быть, вернемся.

Толя и Марат сразу же присоединились к Павлу, который копал колодец. Он обрадовался:

– Вот хорошо. Надо быстро делать сруб к колодцу, а то вода уже просачивается. Наверное, от ключа тянет (ключ, действительно, находился недалеко, метрах в десяти).

После обеда опять все переменялось. Михаил Михайлович, а с ним все ребята стали делать длинные брусья и колья из материалов, оставшихся от строительства дома. А уже ближе к вечеру всей командой перенесли эти брусья и колья к воронке. Следующий день был потрачен на то, что всей командой устанавливали изгородь на кольях, врытых в землю, притом намного дальше, чем прежняя изгородь из веток. Михаил Михайлович прикрепил со всех сторон изгороди таблички – «Запретная зона. Вход и проезд запрещены».

Во время работ по установке изгороди Толя услышал обрывок разговора между Михаилом Михайловичем и Семеновичем: «...как хорошо, что пришло в голову отмыть один камень...».

Михаил Михайлович и Семенович удалились, продолжая свой негромкий разговор.

А Толя остался стоять на месте, как вкопанный.

В глазах его блеснула догадка. И тревога тоже.

НАСТАЛ день, когда по договоренности (два-три дня не в счет) ребята должны разъезжаться по домам. Уже накануне вечером они собрали вещи. Толя и Марат долго решали, куда спрятать камешки из ручья (вдруг будет общий *шмон*). Наконец, придумали. Старый туалет (но-

вый, в самом доме, еще не был готов). Положили камешки в целлофановые мешочки, и Толя побежал в старый туалет, деревянная коробка которого стояла поодаль, потом, скрипнув дверью коробки, он мигом сбегал метров на пятьдесят в сторону, к старому пню, спрятал мешочки под пень и тем же путем вернулся обратно — прямо от туалета (старательно при этом застегивая брюки).

Вечером в ребячью комнату пришел Михаил Михайлович.

— Ну что, братцы, по домам. Поработали вы хорошо. Вот ваш заработок, не так уж много (вы сами знаете, не все удалось найти), но кое-что есть, как говорится, «детिशкам на коньячишко», — и Михаил Михайлович протянул каждому по конверту (надо сказать прямо, не очень пухленькому).

— Теперь, — продолжал Михаил Михайлович, — надо бы договориться на следующий год. Заранее предупреждаю, что работа, судя по всему, будет тяжелая, «шахтная», но, понятно, и заработки будут другие, может быть, просто большие. Впрочем, решайте сами. Где-нибудь в апреле-мае договоримся, номера телефонов ты, Толя, знаешь.

Завтра подъем рано, в шесть часов, чтобы в семь выехать. Олег доведет вас до тропы. А там до Брусян километров 5—6, не больше. Дорогу вы знаете.

Действительно, Олег поднял ребячью группу ровно в шесть утра, скомандовал: «Завтрак уже готов. Через 30 минут — за стол».

За время умывания и туалетных дел Толя умудрился сбегать за камешками, да так, что никому его вылазка в глаза не бросилась. Позавтракали кое-как: аппетита не было, и думы были уже далеко от базы.

Поездка до тропы в Брусяны показалась вообще мгновенной, несколько минут гонки по шоссе — и уже надо выгружаться. Впрочем, машину отпустили не сразу, сначала убедились, та ли это тропа. Павел сказал твердо: «Та» (он, оказывается, оставил отметину — слегка затесал ствол березки, надломил на ней ветку).

Сразу двинулись в путь. Но прошли совсем немного, с полчаса, и у небольшого ручейка Толя сказал: «Остановимся на минут десять. Есть разговор».

Когда расселись на свои рюкзаки и выпили по глотку ледяной воды из ручья («Отходная», — весело заметил Марат), Толя продолжил:

— Перед тем, как произойдет наше расставание в деревне, всем должно быть ясно то, что произошло в последние дни. Мы с Мара-

том, кажется, больше других в курсе дела, и Марат уже многое рассказал. А я добавлю вот что. И на базе, и на речушке оказался кимберлит. («Об этом по рассказам стариков в деревне знают», — вставил Павел.) Возможно, они есть даже в тех камешках, которые мы собрали с Маратом на речушке, и я думаю, что Марат вместе со своим братом установят это окончательно. Смущает, пожалуй, только то, что в месте падения метеорита чувствуется нарастающее тепло из глубины воронки, и что это такое, мы даже догадаться не можем. И, кстати, надо сразу договориться, что если что-то ценное там есть, в том числе в собранных нами камешках (Толя, как и другие ребята, избегал слова «алмазы»), то это ценное будет нашим общим, используем его на наши общие дела или так, как все вместе договоримся. Но так, чтобы в конце концов выйти на специалистов и чтобы нас никто не считал черными «космоискателями».

Помолчали. Потом Толя продолжал:

— Но главное, наверное, все же не это. Главное — это то, что, судя по всему, наши «хозяева» независимо от нас также нашли в районе падения метеорита большую ценность (каждый про себя перевел — «большой алмаз»), и, значит, за ними, возможно, стоит крупный коммерсант или группа. Так как понятно, что все расходы по базе ни они сами, ни весь Университет не потянули бы. Что там будет следующим летом, неизвестно. И мы, я считаю, не оставим это дело.

Решим следующей весной, — закончил Толя. — Нужно только, чтобы Павел сообщил нам о том, что станет известно в деревне, или даже сам с кем-нибудь из своих друзей смотается в район базы. Все адреса и телефоны я напишу тебе в деревне, — Павел согласно кивнул головой. — А пока — молчок, никому ни слова о наших открытиях. Когда узнаем все более точно и полно, сообщим обо всем этом кому надо. Сейчас у нас еще нет таких данных, к тому же они могут попасть в недобрые руки. Словом, понятно.

По дороге, на поляне, где ранее происходили встречи с университетчиками, группа приостановилась — над костровищем вился змейкой небольшой дымок. Толя сбросил рюкзак и подошел к нему. Недогоревшие поленья были еще теплыми. Под ними — россыпь припорошенных пеплом мерцающих угольков. Кто-то жег костер вчерашним вечером или даже ранним утром. Кто бы это мог быть?

Уже под вечер Толя, Марат и Андрей, заглянув на часок к Деду (Толя, несмотря на возражения Деда, оставил ему ровно половину всего заработанного), сели в поезд.

Испепеленные сокровища

I

ПОЧТИ весь учебный год Толя, Марат и Андрей (теперь уже восьмиклассники) совещались, прогуливаясь обычно после уроков по городскому саду.

Прежде всего надо бы узнать и понять, *что* там происходит за брусянскими болотами, за рекой Таввой? В газетах об этом ни слова. Почти. Хотя в прошлом году разговоров о «большом метеорите», упавшем в районе Брусян, было много. Сейчас же, кажется, только в одной из газет появилась небольшая заметка под названием «Без результата». В ней говорилось, что экспедиции Университета не удалось обнаружить метеорит или его осколки. Обнаружен только лесоповал, подобный тому, что возник при падении Тунгусского метеорита, правда, не столь масштабный. В конце заметки сообщалось: университетская экспедиция продолжит свои поиски в следующем году.

Интереснее оказались два письма от Павла. В первом письме он сообщал, что через лесничество в деревне распространился слух о том, что за Таввой, в районе падения метеорита развернуты какие-то работы — бульдозером вырыта широкая траншея, построен небольшой металлический ангар, привезены движок, камнедробилка и механизмы. И будто хозяева там какие-то новые, жесткие.

Во втором письме Павел сообщал, что он со своим другом Семеном (которого он, понятно, оставил в неведении о существовании дела, кроме известного всем самого факта падения «огненного шара») побывал в районе базы. Сначала добирались по тропе; потом — по шоссе. Часок-другой посидели на ближайшем пригорке, откуда вся база хорошо видна. Там работает движок. Кроме того, на базу удалось провести малую линию электропередачи, причем (вот здорово!) прямо через болото, от «телефонки». Кроме того, у воронки работает какая-то промысловая машина, к которой от колодца (наверняка, углубленного) протянут большой шланг. База охраняется ребятами в камуфляже. Ходят машины, когда машины попадают на дороге, они прячутся в кустах, чтобы их никто не заметил.

И еще одна новость. Лесничий нашел недалеко от деревни замаскированную в ложине землянку, а в ней — тело мертвого человека с перерезанным горлом в одежде заключенного. Приезжала из района милиция с собакой. Походили кругами. Но дальше «телефонки» ни со-

бака, ни милиционеры не пошли. Теперь в лес поодиночке никто не ходит. В конце письма Павел написал: «Если что, летом я готов продолжить с вами “рыбалку”. Может участвовать и Семен – парень он работающий, надежный, ручаюсь».

ВОТ ТАК! В районе базы идет работа! Наверное, происходит выемка породы. Неужели университетчики решились на это без огласки и без оформления лицензии?

Толя сходил в Университет. Там он узнал, что Михаил Михайлович и несколько его коллег находятся в длительном неоплачиваемом отпуске. Где он и его друзья – никто точно не знает. Может, «завелись» на своем метеорите и где-то бродят по тайге.

Толя осторожно спросил и отца о том, занимается ли их институт метеоритом. «Нет, – ответил отец. – Там работали университетчики, к тому же их финансировала какая-то мощная фирма, кажется, совместная с иностранной. Но сейчас и они все законсервировали. У нас же в институте много другой работы, и на следующий год метеоритная тематика вообще не предусматривается».

Что же делать? Может, вновь включиться в команду Михаила Михайловича, он же сам предлагал?

Еще была зима, только-только начался февраль, но Толя все же позвонил по телефонам, оставленным ему Михаилом Михайловичем. Однако ему ответили: «Вы ошиблись. Никакого Михаила Михайловича здесь нет. Не звоните сюда больше».

Но наступил апрель, и Толя снова позвонил по тем же телефонам. Ответ был тот же. Более того, Толин голос узнали и сказали: «Ведь вам уже говорили, чтобы вы не звонили сюда».

Когда Толя поделился этим со своими друзьями, неожиданно вспылал Марат:

– А почему мы вновь должны наниматься туда? Опять чернорабочими? И платят они, сказать по правде, те так уж, чтобы очень, – и тут же предложил, – а почему нам самим не заняться тем, что мы открыли «на рыбалке»? Хозяева там какие-то другие, неведомые. И потом, если оправдаются ожидания и расчеты, не лучше ли будет самим сделать заявку по полной форме? Кстати, Толя, мы ведь до сих пор не изучили те камешки, которые привезли оттуда.

На том и порешили. Действительно, сначала нужно посмотреть, что за камешки нашли на ручье, сделать это побыстрее, денька за два. Попросить брата друга Марата помочь, а потом и определиться окончательно.

На следующий день, собравшись после школы у Толи, ребята свалили в одну кучу камешки, принесенные Толей и Маратом, хорошенько промыли их в тазике и стали аккуратно очищать старыми зубными щетками. Потом снова промыли. А когда разложили промытые камешки на газете и они стали подсыхать, некоторые из них вдруг блеснули лучиками яркого голубоватого цвета. Каждый камень завернули в отдельную бумажку, а затем все камни сложили в один пакет и передали Марату. С наказом, чтобы их посмотрел Дмитрий, который в Якутии два года работал на обогатительной фабрике, но не рассказывать ему никаких деталей, ограничиться лишь тем, что «случайно нашли на речке, надо еще поразведать».

Больше половины всех камешков, сообщил Дмитрий, оказались драгоценными камнями, да притом по цвету, чистоте и каким-то еще показателям алмазами высшей пробы. А порода — явно кимберлит, только какой-то особый, спаянный в монолит. Дмитрий сам очень просил пока не болтать о находке, а точно описать речку, где были найдены камешки, еще раз проверить все на месте и лишь после этого объявлять об открытии, и то через специальные органы, тут строгий порядок существует.

— Так что же будем делать? — спросил Толя, когда ребята молчали, осозная все то, что, по словам Марата, сказал Дмитрий. И продолжил: «Пусть для начала один из нас, лучше всего Андрей, так спрячет камешки, чтобы они были надежно укрыты и о их месте знал только он один. У Андрюшиных родителей большая дача, постройки, сад, участок леса. Никто, кроме Андрюши, укрытия лучше не найдет».

Так. А дальше что?

— А вот что! — вновь заговорил главный «энтузиаст» Марат. — Надо организовать экспедицию самим. Самим добыть те сведения, о которых говорил Дмитрий. И даже не очень-то ставить в известность родителей, просто уехали отдыхать, вернемся вовремя. Иначе о поездке скоро всем станет известно, и все нас смогут достать, не только наши предки. И тогда жди черт знает что.

— Маму и бабушку жалко, переживать будут... — сказал Андрей.

— Да, все будут переживать, тут нужно поласковее письма оставить, пообещать, что вовремя вернемся, — сказал Толя. — Я думаю, родители стали привыкать к нашим путешествиям. И вообще, сообразят.

Решили начать подготовку к летней экспедиции немедленно. Срочно написать письмо с датами Павлу (Толя), собирать деньжата (Андрей), готовить специальное снаряжение (Марат), попытаться

ся отыскать – может быть, в турклубе? – карты и описания района Брусян (Толя).

Незаметно закончилась весна и настало лето...

УЕЗЖАЛИ без провожатых. Днем, когда родителей не было дома.

На остановке ребят встретил Павел, со всем снаряжением и даже с охотничьим ружьем. О присоединении к группе его друга Семена, упомянутого в письме, он не говорил (промолчали и ребята). К огорчению Толи он не был в курсе дел его стариков, дедушки и бабушки, которые последний год болели. Поэтому, когда группа дошла до околицы и остановилась поодаль на полянке, Толе пришлось кружным путем («огородами») сбегать до дома дедушки-бабушки.

Но дом был закрыт. Вышедший на крыльцо сосед (отец Ивана и Марии, которые выглядывали из-за его спины) сказал, что дедушка-бабушка – в районной больнице и что он их уже раза два навещал. Как будто бы поправляются, наверное, скоро вернуться. Вся живность – и лошадь, и корова – пока у свояков. И посоветовал: «Вы пока идите на дедову заимку, там его и дождетесь».

Когда Толя вернулся к ребятам, Марат заметил:

– Все, господа конспираторы. Здесь нас засекли. Хотя в чем-то это, может быть, и неплохо. В случае чего, известно, где мы.

До шоссе дошли довольно быстро. По дороге – небольшая остановка на поляне, где обычно проходили встречи. На поляне – никаких следов. Даже костровище стало затягиваться низкорослой травкой. Видно, с прошлого года здесь никто не останавливался.

Шли по самому краю правой стороны шоссе, чтобы при первых же звуках машины – спереди или сзади – сразу сойти с трассы и укрыться в кустарнике. Но за всю дорогу никто не встретился. Базу обошли стороной. Но с расстояния почти километр увидели, что там, за высоким забором (раньше его не было) – какие-то новые строения, штабеля досок. Прошли под линией электропередачи, тянущейся к базе через реку из болотного желтоватого тумана. Кто-то из ребят чуть не споткнулся о толстый, полузарытый в землю шланг, проложенный из базы до Таввы. Шланг слегка вздрагивал, значит, и сейчас работал.

Вот и Быстрина. Когда перешли по мосту через реку и вышли на тропу, как будто оказались в родном доме. Судя по всему, по тропе никто не ходил. Может, только какой-нибудь рыбак, и то едва ли. Посоветовавшись, решили организовать стоянку на рыбацкой поляне – вокруг густой неповаленный лес, до «рыбы» ближе, и костер с базы не

должен быть виден. А до «работы» — холма на другом берегу речки — ходу не больше 10 минут.

Весь остаток дня ушел на обустройство лагеря. Поставили две палатки («памирки»). Завалили два сухих дерева, наготовили дров для костра, теперь можно не экономить. Потом сбегали на другой берег, на свой «рабочий холмик». Все в порядке, все на месте. Павел пригляделся к тому месту у большого камня, где отдыхали и перекусывали в прошлый раз, и сказал: «Я забиваю место, здесь, под камнем можно ночевать — вольный воздух и простор. Так что иногда буду сюда смыкаться на ночь».

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ, перебравшись на другой берег, прежде всего отправились на место прошлогодней стоянки. Все же свое, родное место. Там насадили на лопаты и кайло крепкие черенки, заготовленные еще в лагере. Договорились, что именно здесь, под большим камнем, лучше всего хранить свой шанцевый инструмент.

А затем вышли к холму со стороны болота. Сели на край плиты, возвышающейся над болотной низиной, и долго всматривались в сторону базы. Как будто все именно так, как описывал в письме Павел. Было видно, что и сейчас, наступившим утром, на столбах горели лампы, а около воронки, где работали какие-то механизмы, огни были особо резкими, яркими. От воронки выкарабкивалась на подъеме большегрузная машина. Неужели там идет добыча того, что сначала было всего лишь находкой?

Быстро посоветовавшись, ребята решили, отметив вешкой место «каменного ролика» на краю плиты, спуститься вниз и посмотреть — что же там, внизу под этим самым роликом. Так и сделали. Откос оказался не очень крутым, а под откосом, только на ярус ниже (но явно выше уровня речки), продолжалась каменистая почва, тоже вроде плиты или ровной площадки (может, здесь когда-то были строения?) и такая каменистая почва волнами уходила дальше — туда, где, казалось, были одни болота.

Но вот то место под откосом, которое точно соответствует поставленной вешке, и, значит, каменному ролику.

И что же здесь? Да ничего. Плита уходит круто вниз. А трава, маленькие ветвистые кустики и небольшое деревце прямо упираются в отвесную стену камня.

Может быть, расчистить площадку «под роликом»? Только стали расчищать площадку, как под тонким слоем земли начала вырисовываться другая плита, которая стороной, обращенной к стене, утыка-

лась в точно такие же каменные ролики с вырезами, которые находились прямо над ними наверху.

Более того, когда кто-то из ребят попытался лопатой расширить еле заметную расщелину, все увидели, что перед ними не сплошной камень, а сравнительно небольшая четырехугольная плита, которая, еще даже не откопанная целиком, слегка шелохнулась от движения лопаты.

Тогда все вместе стали откапывать эту плиту. Сначала аккуратно сняли пласты дерна, отнесли их в сторону, из оставшейся земли соорудили, не разбрасывая по сторонам, небольшой конус. Причем, когда ребята дружно («раз, два, взяли!») попытались приподнять плиту, то она «пошла» не вверх, а стала двигаться в сторону, вдоль стены. Расчистили почву по ходу движения плиты, при этом на земле обозначилось несколько параллельных желобов. Теперь легкого нажима было достаточно, чтобы плита плавно, лишь изредка «спотыкаясь» на оставшихся неровностях, съехала, открыв провал — четырехугольное отверстие (колодец) куда-то в каменные глубины.

Ребята заглянули вовнутрь колодца. Внизу, метрах в двух от края, была отчетливо видна ровная площадка (еще одна плита), с которой, возможно, поднимался груз наверх. Два края этой площадки можно было рассмотреть, а дальше все постепенно скрывалось во тьме, заметны были лишь стены и еще что-то, но все каких-то неясных очертаний.

Вновь короткое совещание. Решили сбегать в лагерь, принести фонари (их оказалось два), свечи, гвозди, которые, по словам Павла, были во внешнем кармане его рюкзака, и веревку, она была в рюкзаке Толи.

В лагерь отправились Марат с Андреем, а Толя с Павлом тем временем стали готовить жерди для лестницы.

МАРАТ с Андреем добежали до лагеря мгновенно. Но как только они вышли на поляну, их разом обоих что-то остановило. Неужели так обостряются чувства в отдаленном от людей таежном крае? Они одновременно ощутили, что в лагере кто-то был. «Ты чувствуешь?» — спросил Марат Андрея. «Понятно», — ответил тот. «И недавно. Дымком сигареты отдает. А вот, посмотри», — Андрей указал носком ботинка на окурочек и тут же предположил:

— Может быть, кто-то из рыбаков проходил?

— Кто знает? — ответил Марат. — Только никого из рыбаков мы не видели.

Никаких других следов как будто не было. Нашли свечи, фонарь и гвозди в рюкзаке Павла. Другой фонарь был у Марата. А вот Толиного рюкзака в палатке не оказалось. Его нашли рядом с палаткой, но ника-

кой веревки в нем не было. Что за чертовщина! Хорошо хоть, что в рюкзаке Павла ребята обнаружили моток бечевки, крепкой и длинной, метров 50, наверное.

Когда Марат и Андрей вернулись к колодцу, первый вопрос Толе: «Где ты оставлял свой рюкзак?» Толя замялся:

— Рюкзак был в палатке, но, кажется, перед отходом я выносил его, где-то компас затерялся. Что, и веревки в нем не было? Неужели я ее в поезде оставил? По шее мне.

Ну а в остальном все как будто в порядке. Молодцы ребята, что шнуры у Паши нашли...

Павел из приготовленных жердей сколотил лестницу, и ребята по ней спустились на каменную площадку. Когда зажгли фонари, то увидели довольно просторную пещеру с ровными стенами и потолком, облицованными каменными плитками. Пол тоже облицован плитками, только более крупными, и до него от площадки не больше чем полметра.

Все спрыгнули вниз. Обнаружилось, что дальняя сторона площадки как бы скошена и представляет собой что-то вроде наклонной плиты, утыкающейся в пол (так, что с этой стороны можно просто зайти на площадку или затащить на нее груз).

Тем более что с обеих сторон этого спуска-подъема выступали крючковатые каменные наросты. «За них можно веревку или бечеву зацепить», — сказал Павел. (В этот момент Толя подумал: «А не дальние ли предальные предки жителей Брусян промышляли в этих подземельях? У Павла порой какое-то странное “понимание” прорезается».)

Ребята определили, что из пещеры («холла», как заметил Марат) в двух направлениях ответвляются штольни-туннели: один туннель — левый — как бы по краю наружной плиты (если сделать проекцию наверх) в сторону шоссе, а другой — под прямым углом в ту сторону, которая представлялась низиной, болотом, точнее, в сторону базы.

И тут на Толю внезапно нахлынуло странное смутное воспоминание о чем-то. Он даже присел около стены. «Чертовщина какая-то. Ведь я совершенно точно все это видел еще в пору, когда был первоклашкой...» И вдруг перед ним воочию (конечно, показалось) — горный человечек. Тотчас же Толя вспомнил, куда ведут штольни-туннели — и правый, и левый, и что невдалеке в левой штольне должен быть провал. Что же, наверное, надо пройти сначала по левой штольне, до провала. И все это время Толе не давала покоя мысль о том, что случившееся тогда было не просто сном «с продолжением», а чем-то происходившим на самом деле.

Толя сказал: «Давайте сначала обследуем левую штольню».

Так и поступили. Зацепили петлей один конец шнура за крючковатый выступ и, потихоньку распутывая моток, пошли вперед. С собой — одна лопата и охотничий нож. Для экономии притушили один фонарь. Штольня была достаточно высокой, метра два в высоту, стены облицованы плиткой без единой выбоины («умели же!»). Видимо, она долго служила, коль скоро применен столь необычный, «дворцовый» способ крепления. Необычный и непонятный, так как настоящим креплением подобная облицовка, по современным представлениям, не может быть в принципе.

Группа прошла метров пятьдесят, не больше. И вдруг — впереди провал, штольня вся как будто обрушилась в пропасть. Посветили обоими фонарями. Нет, ничего не видно. Какая-то подземная бездна. Брошенный вниз камень только секунд через десять стукнулся обо что-то твердое, а затем плюхнулся в воду.

На Толю вновь нахлынули воспоминания: «Все точно так и было. Мы обходили этот провал с левой стороны». Толя тут же отогнал эти мысли («Ладно, додумаю потом»).

Не торопясь отправились обратно, сматывая бечевку. Дальше, если проследить линию штольни через провал, как будто бы вырисовывается продолжение, но все очень смутно, ничего не поймешь.

Теперь — в другую штольню, ту, которая тянется в сторону низины. Снова, зацепив за крючковатый нарост и разматывая шнур, ребята осторожно пошли вперед. Пол, как и в холле, выложенный крупными плитками, был потертым, «заезженным», грязным, а главное, наклонным, постепенно уходящим куда-то вглубину. Внизу, в боковых стенах местами встречались небольшие, тоже облицованные, насколько можно было увидеть, отверстия, судя по всему, — водные отводы.

Штольня не заканчивалась, шла и шла вглубь. Закончился шнур, его оставили, тем более что в такой «дворцовой» штольне он не очень-то и нужен.

Неожиданно облицовка из плиток закончилась, потолок как бы опустился и местами обрушился, его подпирали теперь поставленные друг на друга полукруглые каменные блоки, упирающиеся в тонкие и неровные слоистые плоскости на потолке (тоже каменные). На полу штольни местами лежали груды какой-то белесой породы.

Наконец, в свете двух фонарей стало видно, что штольня упирается в какой-то темный, местами белесый массив сплошного камня. Полукруглый. Вроде выступающего лба неведомого существа. Не доходя метров пять до этого массива, начиная от последнего, не обли-

цованного отвода, стояла вода, которая, когда ее потрогали, оказалась почему-то теплой.

Толя и Павел, не снимая обуви, осторожно нащупывая дно (хотя вода была прозрачной, отстоявшейся), пошли к массиву камня. Толя шел, опираясь на лопату. У камня воды было по колено. Толя потрогал массив руками, хотел было лопатой отколоть от него образец. Но Павел остановил его. Он достал из-за пояса охотничий нож и начал аккуратно отделять от массива тонкие пластинки камня. Явно кимберлит, пусть и особый, кристаллический.

Вдруг он остановился, подозвал Толю, и они, не отрывая глаз, стали внимательно смотреть в одну точку, туда, где только что отковырнул кусочек камня Павел.

Потом они оба вернулись к Марату и Андрею, стоявшим у кромки воды.

— Там кимберлит, а в нем драгоценный камень, — сказал Толя, обращаясь к Марату и Андрею.

— Большой, красивый, — добавил Павел.

Марат и Андрей тоже сходили туда, долго смотрели в одну точку, а вернувшись, подтвердили:

— Да, большой, красивый.

Ребята уже собрались было уходить, как Павел предложил:

— Давайте пороемся еще в этих кучках, они наполовину из кимберлита, — может быть, и там что-то есть.

Покопались лопатой, палками, руками. Действительно, нашли несколько грязных камешков, в которых через верхние слои проглядывало что-то стоящее.

КОГДА ребята вылезли из подземелья («Копей», — проскочило в словах Толи), они сдвинули, теперь уже совсем без труда, «словно по маслу», четырехугольную плиту обратно, на входной лаз в подземелье. Кроме того, убрали все следы недавних работ, замаскировали разрытый участок земли пластами дерна, бросили на него несколько охапок старого мусора и обломков старых веток. Павел даже умудрился по пути к лагерю замаскировать мхом и ветками «каменные ролики» на самом холме.

В лагере ничего не изменилось. Все в порядке. Но через некоторое время после возвращения огорченный Павел выполз из палатки. В его руках — двустволка. Исчезли все патроны, даже те, которые Павел (на всякий случай) загнал в ствол. «Надо скорее уходить отсюда», — пробурчал Павел.

Сразу после ужина (лапша с тушенкой и чай) – быстрое совещание, никаких сидений у костра и песен.

– На нас кто-то вышел. Кто-то недобрый и опасный. Отсюда – два основных пункта, – сказал Толя. – Первый. Я думаю, что мы будем здесь не более двух дней. За это время нам следует закончить исследование всего района. В том числе и, скажем так, нижнего яруса. Извлечем из породы то, что торчит наружу. Потом, мне кажется, надо нарисовать схему на бумаге, отработать ее и тут же сжечь на костре. А в городе воспроизвести по памяти.

– И второй пункт, – продолжал Толя. – Давайте после того, как закончим обследование, полностью забудем о подземелье, точнее, о копиях. Во всяком случае, до того, как передадим все сведения в городе. До этого, если даже кто спросит, отвечать: «Не знаю», «От вас первого слышу». Если находим что ценное, сдаем кому-то одному и тоже забываем о нем. Кому?

– Давайте мне, – сказал Павел – Все будет надежно.

Все согласились с тем, что сказал и предложил Толя. Решили старательно изображать себя рыбаками, наладить удочки и завтра с раннего утра забросить их, по очереди дежуря, на рыбацком месте, а впредь перейти на рыбное меню.

Последующие два дня прошли так, как и планировали. На «рыбацкой вахте» дежурили по двое. А когда Толя с Павлом спустились в «копи» надолго, часа на три-четыре, Марат закрыл за «подземщиками» вход и все время, пока они не вернулись, дежурил у него. Потом все вместе снова так тщательно замаскировали плиту над входом в подземелье, что спустя некоторое время и сами с трудом смогли, и то «примерно», определить заветное место.

Перед «рыбацким» обедом Толя, Марат и Павел долго рисовали на двух тетрадных листах схемы – «верхний ярус» и «нижний ярус». С трудом оторвали Андрея от рыбной ловли и безуспешно потребовали от него, чтобы он раскритиковал и внес коррективы в схемы. Андрею критиковать и корректировать не хотелось, он весь отдался рыбалке, хотя большая сетка была уже целиком забита пойманной рыбой – и мелкой, и крупной. Да и варить уху нужно было срочно, приближалось время обеда.

Рыбу на обед чистили всем отрядом. Уха была «двойная». Сначала сварили более мелкую рыбешку, повыбрасывали ее из ведра и лишь затем запустили в уже отменную юшку большие куски судака. Получилось объеденье.

После обеда все как-то разом неожиданно решили свернуть лагерь уже завтра, и сразу, пока в памяти свежи все схемы и детали, – в путь

на Брусяны. Тут же разобрали удочки, пособирали вещи — так, чтобы все было на месте и поутру ничего не пришлось искать. А вот шанцевые инструменты решено было оставить, основательно припрятав их, для чего Павел убежал на «рабочий холм» и пропадал там часа два.

Вечером, расправившись с остатками обеденной ухи и попив чаю, пораньше разбрелись по палаткам. Надо хорошенько выспаться — завтра будет тяжелый день, ходовой. Только Павел остался у костра, наверное, ждал, когда он догорит.

НОЧЬЮ будто обрушился мир. Только Марат, как выяснилось потом, сквозь сон смутно слышал шум приближающейся машины или трактора.

Но ни Марат, никто другой не могли ничего сообразить, когда поляна перед палатками осветилась ярким светом, а вслед за этим на них обрушились скаты палаток и кто-то рывками стал вытягивать их за ноги наружу. И уже оказавшись на освещенной поляне, каждый из них почувствовал, как к лицу прижалась мокрая, остро пахнущая тряпка и сознание, в которое ворвались какие-то видения, стало меркнуть. И Толя, сопротивлявшийся изо всех сил, так и не понял, глядя вверх мокрой тряпки, не закрывшей ему глаза, что это было — одно из видений или явь: большая гусеничная машина (вездеход?) освещает прожектором поляну, около нее стоит Михаил Михайлович и кого-то из ребят двое мужчин в пятнистой одежде тащат за руки и ноги к машине...

II

БЫЛО нестерпимо жарко, пот облепил все тело, даже одежда промокла от пота, во рту все ссохлось и хотелось только одного — пить, пить, пить...

Толя приподнялся. В помещение сквозь зарешеченное окошко, находящееся почему-то над дверью, проникал не очень яркий дневной свет. Рядом, на матрасах, брошенных на пол, лежали ребята — Марат и Андрей. А у двери на небольшой подставке — ведро с ковшом. Неужели вода? Толя подполз на коленях к ведру. Ура! Вода! Держа в руке ковш, он, не выдержав, стал, захлебываясь, пить воду прямо из ведра — пить было трудно, приходилось все больше наклонять ведро, ручейки воды бежали по губам, шее и телу. И это тоже было, ох, как приятно, но Толя никак не мог остановиться до тех пор, пока воды не убавилось, наверное, на четверть.

Проснулись и ребята — Марат, Андрей. Толя поднес ведро и по очереди дал им по ковшу воды.

Когда ребята чуть-чуть отошли от болезненного забытья, прежде всего скинули с себя рубашки и майки, сняли носки — все мокрое от пота. Остались в одних легких тренировочных брюках. Влажными были и матрасы, но под ними — горячий пол.

Сели друг против друга. Первый вопрос: «Где и у кого мы?» И еще «первее»: «Где Павел? Что с ним?»

— Паша просто так не сдастся. Неужели его изолировали? Или что-то еще хуже?

Андрей начал было предполагать: «А если он...» Но Толя перехватил его недосказанную мысль: «И не думай даже. Павел надежнее любого из нас. Но на всякий случай... — продолжил Толя. — Помните (у него мелькнула мысль, что их могут слышать), ведь он собирался в деревню, — и Толя очень жестко и выразительно посмотрел на своих друзей. — Да, я точно вспомнил, это он организовал всю рыбалку, но сам еще вчера вернулся в деревню. Точно».

А вот в главном у ребят даже намек на сомнение не было. Они сейчас явно находятся на базе, притом, судя по всему, в районе воронки или даже в ней самой. Толя тут же подошел к двери, пододвинул подставку, на которой раньше стояло ведро, встал на нее, подтянулся к окну, схватившись за нижний край оконной рамы, и уткнулся в грязное стекло.

Спрыгнув вниз, Толя сказал:

— Да, мы в самой воронке. Вся воронка разрыта, стоят несколько строений и подъемник с железной лоханкой, которая, наверное, поднимает породу. Там, куда уходит подъемник, виднеется край железного ангара. Неужели они тоже вышли на коренной кимберлит и добывают крупные камни? Тут что-то такое закрутилось... Древние копи, в породе — крупные экземпляры драгоценных камней, огненный шар с небес. Чертовщина какая-то! Или, наоборот, послание от высших сил, как говорится, Мирового Творца или чего-то в этом роде. Недаром в последнее время об этом много пишут и в журналах, и в Интернете.

Прошло некоторое время. У Толи, да и у Марата с Андреем стали слипаться глаза.

Но в это время за дверью послышались шаги, какой-то шум и разговор. Лязгнул замок, и открылась дверь. В помещение вошли трое — Михаил Михайлович, коренастый мужчина в гимнастерке и охранник в камуфляже с автоматом. Охранник внес небольшую деревянную ска-

мейку, на которую сели гости, а сам с автоматом под мышкой остался стоять у полуоткрытой двери.

— Ну, что, ребята? Здравствуйте. Сразу скажу самое главное. Здесь сейчас база не Университета, а коммерческой организации, кипрско-русского ООО «Дружба». Исполнительный директор фирмы Петр Моисеевич сидит рядом со мной, он решает все вопросы. Те, кто из Университета, работают на фирме по договорам, без связи с Университетом. (В этот момент директор резко повернул голову и сверкнул глазками в сторону говорящего, взгляд был острый, жесткий.)

Так же жестко Петр Моисеевич начал говорить, одновременно положив руку на колено Михаила Михайловича (все поняли, это означало «молчи»):

— Значит так, теперь здесь строгий порядок и подчинение. Вы уже взрослые и должны знать, что нарушили священную частную собственность. У нас лицензия на любую добычу в пределах четырех километров. Мы вправе вас задержать, а вы должны загладить нарушение, отработать. И вам не нужно знать, что мы делаем. Вы должны бросить всякое городское слюнтяйство и болтовню, чтобы нам не пришлось принимать другие меры. Будете работать и жить только здесь. Кормежка два раза в сутки, до и после работы. Работа с завтрашнего дня. Чтобы помыться, будете ходить за водой с ведрами. Охрана получила полномочия при грубых нарушениях применять оружие на поражение. И еще. Кто знает, что вы сюда приехали отдыхать? Совсем никто? Ну, нормально, — закончил Петр Моисеевич и снял руку с колена Михаила Михайловича.

После этого все трое гостей, не прощаясь, ушли. Снаружи шелкнул дверной замок.

ДО ВЕЧЕРА никакой еды не было. Лишь позднее охранник принес котелок с рисовой кашей, булку хлеба, разрезанную на три части, ложки и кружки. Предупредил: «Ничего другого сегодня не будет. Посуду оставьте у себя».

Толя еще раз подтянулся к окошку. Охранник сидит наверху у края ангара, напротив их жилища. Там небольшой навес из листа железа и что-то мягкое на месте сидения. Автомат из рук он не выпускает.

После ужина неожиданно звякнул открывающийся замок, заскрипела дверь и появился Михаил Михайлович.

— Выйдем ненадолго, — сказал он Толе.

Когда вышли, Михаил Михайлович закрыл массивный замок на затворе и произнес:

– Разрешили прогуляться с тобой. Дело есть.

Поднялись наверх воронки, Михаил Михайлович, сказав охраннику: «Ключи у меня. Разрешено», – пошел дальше в сторону ручья. Толя увидел, что ручей, подпертый небольшой бетонной плотинкой, образовал узкое озерко. Михаил Михайлович объяснил:

– Когда расковыряли воронку, туда стала попадать вода из ручья. А там – все усиливающийся жар. Чуть было взрыв не произошел. Пришлось ручей отводить. Скоро придется укреплять плотину – может прорвать, особенно после дождей.

Поднялись еще выше по течению ручья – до того места, где вода, перепрыгивая через камень, каскадом с шумом падает вниз. Остановились. Михаил Михайлович сказал:

– Быстро снимай рубашку и помойся хорошенько. Это был главный предлог, чтобы прийти сюда. Только до этого места их новейшие «телеглаза» с «прослушками» не дотягивают. А дело, из-за которого затеяна эта прогулка, вот в чем, – начал разговор Михаил Михайлович, когда Толя всласть наплескался в холодной родниковой воде. – Главное (о чем мы все обязаны молчать; но перед тобой я не могу) – это, что мы, университетчики, а теперь и ваша группа захвачены криминалом, точнее – их сообществом, которое сейчас все более легализуется, приобретает имидж обычных коммерсантов. Это они весь прошлый год следили за нами, да и за вами тоже (причем, кажется, две группировки, одна из которых, «пришлая», вообще готовилась к нападению и на базу, и на Брусяны). Ждали, когда мы обнаружим метеорит или его частицы, которые на диком рынке стоят бешеные деньги. Когда же мы неожиданно вышли на драгоценные камни, да еще в такой концентрации и таких небывалых разновидностей, которые неведомы ни одной кимберлитовой трубке мира, наша судьба была решена. Как они узнали обо всем, не знаю; но как только мы обнаружили камни, мы и все наше хозяйство были сразу захвачены, как и банк, который нас поддерживал.

– Через нас, – с горечью заметил Михаил Михайлович, – они во многом и легализовались, во всяком случае, даже Университет с российской стороны выступил, с нашей – увы – подачи, формальным соучредителем этого ООО «Дружба». Правда, все это с помощью какого-то крупного столичного чина, через которого куда-то наверх уходит чуть ли не половина нашей добычи.

– А кто мы, здесь находящиеся? – продолжил вопросом Михаил Михайлович. – Больше всего мы – а теперь и вы – напоминаем заложников и одновременно бесплатных работников, современных ра-

бов, что ли. Вместе с тем мы точно знаем: у этой публики есть твердое намерение свидетелей не оставлять. Наверное, поэтому мне разрешили пообщаться с тобой один на один, чтобы любым способом выманить Павла из деревни (ваши все разговоры они слышали). А может быть, с его помощью хозяева намерены попытаться что-то еще поискать — то ли у них какие-то подозрения есть, то ли им не дает покоя старая легенда о том, что именно здесь в незапамятные времена были копи каких-то нездешних людей — пришельцев с Востока. А с вашим другом мы, полагаю, немного потянем. Я, будто с ваших слов, передам, что сейчас Павла звать бесполезно. Что-то у него с родными случилось, и если он сможет уйти из деревни, то не ранее чем дней через десять...

Толя и Михаил Михайлович молча спускались вдоль ручья. Нигде больше не останавливались. Только у плотины с озерком слегка задержались. Михаил Михайлович вновь задумчиво покачал головой. Толя же спросил: «А зачем с боковой стороны большое колесо сделано?»

— Здесь колесо управления, — ответил Михаил Михайлович. — Эту плотину соорудила бригада из городского Гидростроя. Плотина сооружена на металлическом каркасе, из блоков, с помощью колеса и идущих от нее рычагов она может приподниматься. Для чего это сделано, не знаю. Так у них положено по каким-то правилам.

Уже в темноте (горела только наружная лампочка, бросая тусклый отсвет через окошко) охранник принес три брезентовые робы — заскорузлые, негнушиеся, будто из жести, брюки, такие же куртки и три пары толстых, как у хоккеистов, наколенников. «Там на коленях ползать придется», — пояснил охранник — «А вообще, ложитесь. Подъем в семь, через час — на работу».

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ охранник растолкал ребят в семь утра: «Встать! Пятнадцать минут на всю гигиену. Одеваться сразу в робу», — и вернулся на свой пост. Оттуда лучиком прожектора он сопровождал Толю, когда тот с ведром бегал за водой, а потом принес котелок с кашей, разрезанную на три части буханку хлеба и закопченный чайник с теплым чаем. Умывание и другую «гигиену» делали за «сараем», как называли свое помещение ребята. Там находилась небольшая деревянная будка, поставленная на неглубокую яму, внутри будки на деревянном полу — «очко», пожалуйста, приседай, принимай позу орла; на боковой стенке будки прибит рукомойник.

К концу завтрака в помещение, сказав «привет», вошли двое, тоже, видно по всему, работники фирмы. Представились: Артем, Костик. В новеньких робах. Артем сказал:

– Я организатор работ. Разбиваемся на две группы. Одну я буду сопровождать. Во второй – Костик с одним из ваших. Кто идет со мной?

Пошли Толя с Андреем.

Вход к месту работы рядом. Ясно, снова подземелье. Отодвинули большой щит и – вот он, наклонный тоннель шириной метра два, в высоту чуть больше полутора метров. Крепеж стен и потолка – доски, набитые на брусья. Тут же ниша, где весь инструмент – лопаты, ломы, кувалды, металлические клинья, а также две «люльки», что-то вроде корыт, только вместо маленьких отворотов по бокам – две большие створки на шарнирах, которыми можно закрыть содержимое; спереди и сзади – ручки, к одной из них приделаны лямки, можно впрягаться. Все эти инструменты, как сказал Артем, вместе с робами ранее хранились в помещении, где сейчас живут ребята, а теперь вот приходится бросать прямо здесь.

В первую «люльку» впрягся Андрей. В люльке – лопаты, кайла, клинья, кувалда и небольшой ломик. Артем зажег яркий фонарь и – вперед.

Тоннель пошел почему-то в сторону от воронки (ведь здесь – самый короткий путь к трубке, из которой при падении небесного тела был выброс, в котором университетчиками и были найдены камни).

По тоннелю пришлось идти слегка сгорбившись, высота – не по росту (не то что в «копях»!). Но двигались быстро: тоннель наклонный, а «люлька», слегка подталкиваемая сзади Толей, чуть ли не сама двигалась по желобу – следу ее многократного таскания, да еще, при обратном ходе, в гору с грузом...

Становилось все жарче. Но вот, кажется, и конец тоннеля, который еще более повернул в правую сторону. Закончилась сплошная дощатая крепежная обшивка, осталась только на потолке и с левой стороны, а с правой стороны – только стояки, подпирающие потолок. Впереди и справа перед Толей и Андреем выступило нечто, похожее на виденное ими несколько дней назад в копях. Выпуклый массив, только не темноватый, как было в копях, а белесо-голубоватый, но такой же сплошной, с правой стороны весь истерзанный недавними разработками, с отколотыми частями, со следами идущих работ. Несомненно, это – конец окаменевшей кимберлитовой трубки. Так что теперь тоннель шел уже по краю самой трубки, и выработка, не углубляясь в толщу массива, приближалась к сво-

ему конечному пункту — забою, отстоящему метра на три от внешней породы.

«Организатор работ» Артем поставил большой фонарь напротив забоя, отчего все вокруг еще больше окрасилось слабым зеленовато-голубым цветом, выгрузил инструмент и, отбив кайлом небольшую горку камней, стал лопатой нагружать ими подтянутую к забою люльку.

Потом Артем сел на чурку, покрытую старой телогрейкой (заранее подготовленное начальственное место), достал из кармана куртки другой, теперь уже маленький, фонарик, положил его на колени и скомандовал, обращаясь к Толе и Андрею:

— Продолжайте откалывать и нагружать. Откалывайте осторожно. Если что-то сверкнет, сразу зовите меня. Самим камни не трогать. Нагрузите — и марш наверх до грузовой площадки. Я буду вас сопровождать.

Артем зажег маленький фонарик. При свете двух фонарей было отлично видно, что делают «забойщики» Толя и Андрей. Они разделись по поясу, сняли рубашки и майки («А куртки оденьте, — скомандовал Артем. — А то каменную пыль из кожи не выскребете»). Ребята быстро перебросали камни с подножья массива, а потом работа пошла труднее, было сложно осторожно откалывать кусочки массива, пришлось использовать лом, клинья и кувалду.

Вскоре появились два «плотника», притащивших на тележке брусья и доски. Два мужика, разговаривающих, и то вполголоса, только между собой, кивнув Артему, стали вколачивать брусья и прибивать к ним доски, продолжая дощатую крепежную обшивку.

Вслед за этим загрохотала вторая люлька, Марата и Костика. Сопровождал их громоздкий неуклюжий парень, которого все, кто знали, вполне оправданно именовали «Слоном». Как только Толя с Андреем закончили наполнять свою люльку, их место сразу же заняла команда Слона. По всему было видно, что Слон — помощник Артема. Он слово в слово повторил новым забойщикам наставления Артема. Им в чем-то повезло — как только они забили несколько клиньев и Костик ударил в образовавшуюся щель ломом, удалось отколоть большой кусок массива, чуть ли не целую глыбу. Так что работы не убавилось, надо было разбивать целую глыбу на части, но все осколки не вошли в одну люльку, пришлось оставлять часть добытого до следующего раза.

Толя и Андрей втаскивали люльку сначала быстро и даже весело. Скорее, скорее от этой удушающей жары подземелья — сверху уже слабо потянуло свежим прохладным ветерком. Как и при спуске — Анд-

рей впереди, Толя сзади, притом не надо было сгибаться в три погибели к самой люльке, когда ее спускали сверху, была толстая сучковатая палка с замысловатым набалдашником, и вот ее, как подсказал Артем, можно вставить в корму люльки и подталкивать ее, не очень сгибаясь.

Вскоре стало невыносимо тяжело. Люлька, казалось, отяжелела. Каждый камешек на пути – непреодолимая преграда. Толя то и дело забегал вперед, помогая Андрею в очередной раз втаскивать люльку. Тянувшийся от входа свежий воздух не столько охлаждал разгоряченное тело, сколько делал его ватным, вялым и липким. Когда же Толя и Андрей вырвались наружу и, распахнув куртки, сели неподвижно около люльки, они увидели, что вслед за ними на каком-то расстоянии вышел Артем. Пока ребята сидели на земле, он стоял, дожидаясь, когда они отдышатся. Потом с помощью механика подъемника подтащили люльку на грузовую площадку и осторожно перегрузили породу в большую плетеную корзину, которая сразу же была поднята наверх.

Толя и Андрей выпили из ведра, стоящего у входа в «их сарай», по ковшу воды («Больше нельзя, обессилите, – сказал Артем. – После третьего подъема будет хлеб с солью и два ковша воды», – пообещал он). Ребята полежали еще несколько минут на досках, которые были припасены плотниками. А затем без команды, только взглянув на переминающегося с ноги на ногу Артема, подхватили освободившуюся люльку и, не торопясь, потянулись вниз, в забой.

И так целый день, до темноты. Так же и в последующие дни.

Все эти дни думалось только о свежем воздухе, еде и сне. Все, что было раньше, – школа, Брусяны, копи, – было давно в прошлом. Да и было ли оно вообще?

РЕБЯТА точно не знали, сколько прошло дней – всего несколько, неделя, две... Время тянулось бесконечно – спуск по тоннелю, забой, тяжкий путь с люлькой наверх, ковш воды, снова спуск, забой, путь с наполненной люлькой, короткий тяжелый сон, еда вдвоем из одного котелка и опять все то же и то же. Конца нет.

Но однажды ночью ребят разбудил страшный грохот, по двери сарая колотили молотом или чем-то другим, тяжелым. Впрочем, была уже не ночь, а раннее утро (внутренний «будильник», настроенный на скорую побудку, уже прозвонил, но так хотелось протянуть оставшиеся минуты во сне). Потому, наверное, все – и Толя, и Марат, и Андрей – проснулись разом, вскочили на ноги и усталились на вздрагивающую от ударов дверь. В это мгновение дверь распахнулась, грохоча по земле отбитым засовом с замком, вовнутрь сарая ворвались два

луча яркого света от фар стоящей напротив двери машины, и ребята увидели в дверях улыбающегося Павла. Он обнял за плечи своих друзей и быстро сказал:

– Привет-привет. Мигом собирайтесь, парни. Едем домой, в город.

Около воронки, дальше, у дома и на всей территории базы, было много машин с яркими фарами, людей в камуфляже с автоматами, на куртках – яркое обозначение ОМОН. Когда ребята шли к автобусу, стоящему на шоссе, они увидели, что из дома выводят группу людей в наручниках. Среди них – Петр Моисеевич, Михаил Михайлович, Олег, Артем, Слон, Костик, охранники и другие малознакомые или совсем незнакомые люди из «фирмы».

По дороге, в автобусе, Павел рассказал ребятам, что в ту злополучную ночь захвата лагеря он, ничего не ведая, по старой своей задумке ушел ночевать на рабочий холм, где давно уже оборудовал себе лежанку под камнем. Но когда услышал шум мотора приближающейся машины, а потом – заварушку в лагере, он мигом прибежал к месту событий и все время из-за деревьев и кустов наблюдал за происходящим. Слушая их предельно откровенные разговоры, он чуть ли не сразу понял, что это проделки не университетчиков, а криминальной братвы, захватившей и поставившей себе на службу университетчиков и через них легализовавшейся в какую-то фирму. До города, минуя Брусяны, он добрался на попутной машине и там обратился во все «органы», которые только знал.

Но там отреагировали почему-то не сразу, тянули, что-то согласовывали, решали, и вот, спустя лишь неделю была совершена акция освобождения и задержания.

Тут же, в автобусе, решили, что на второй день после приезда вся команда будет действовать решительно. Расскажут все, как было. Дело стоит того. Может, здесь несметное богатство для всей страны. Дело самое что ни на есть государственное, всего общества.

III

ПЕРВОЕ ВРЕМЯ Толе, Марату и Андрею пришлось долго оправдываться перед родителями и в школе (все время не забывая о своей тайне, о копиях у речки). Родители после эйфории первых минут встречи все равно стояли на своем: ведь можно было как-то конкретнее объяснить свой отъезд, чтобы не вызывать такого беспокойства (искоса поглядывали на Павла – он жил у Андрея в большой комнате с раскладным диваном – не он ли «увлек»?).

Но через денек все успокоились, особенно когда до всех дошло, что цель-то у ребят была исследовательская, романтическая — искали обломки метеорита, а «таинственность» из-за того, что опасались всяких «черных искателей», любителей поживиться, которых много развелось в последнее время.

Милиция и ОМОН не давали о себе знать — не вызывали, ничего не сообщали. Освободили — и все. Никакого интереса. А ребятам казалось, что их будут опрашивать, снимать показания. Ничего этого не было. Андрей даже рассказывал, что когда бегал в магазин за хлебом, будто бы видел Олега, которого он хорошо знал — несколько дней в прошлом году работал с ним в паре при строительстве дома. Точно, он. Шел по улице один, какой-либо охраны или сопровождения.

На следующий день после приезда, собравшись у Андрея (его мама по такому случаю напекла гору пирожков), начали писать «бумаги». Главную — в самые высокие инстанции, с приложением всех образцов (молодец, Паша, все сохранил). В бумаге — в основном о том, что, судя по всему, недалеко от города с хорошими путями подъезда существуют мощные залежи драгоценных камней, громадное богатство. Там уже действует какая-то криминальная фирма, их, авторов письма, держали как рабскую силу. К письму приложили пакет из плотной бумаги с образцами, каждый камешек обмотан ваткой и марлей. И еще одно приложение — приблизительные, от руки, схемы всей местности и обоих ярусов древних копей.

Изготовили копии этого письма без подробностей и приложений — в Министерство, ведающее природой, и в Горный институт, в котором работал папа Толи.

ПОСЛЕ ТОГО, как запечатали и надписали последний конверт, стали раздумывать, каким путем лучше всего отправить письма. В Горный институт, понятно, — через Толиного папу. В Министерство можно через местное территориальное управление, оно где-то в центре.

А вот как быть с главным письмом? Там не только схемы, но и сами образцы породы, наверняка, сами по себе значительные ценности.

Толя предположил: «У нас есть Представительство Президента. Лучше прямо туда. Мы же на имя высших инстанций направляем данные, да и дело, действительно, важное».

Все согласились с Толей.

В Представительство пошли все четверо.

Там приняли не сразу. Дежурный милиционер спросил: «По вызову? Договаривались по телефону?» Пришлось тут же, от дверей, по ав-

томату звонить в канцелярию, потом — помощнику дежурного по Представительству и вкратце рассказывать о сути дела.

Минут через десять «помощник», высокий усатый сотрудник, плащ внакидку, спустился в вестибюль, усадил на стулья рядом с дежурной ребят, еще раз выслушал их сбивчивый рассказ обо всем произошедшем, взял пухлый конверт (не ему и не Представительству, кстати, адресованный), распечатал его. Все делал спокойно, не торопясь. Но когда он вскрыл пакет с образцами и развернул один из «образцов», вскочил, как пружинка, на ноги и торопливо сказал ребятам: «Спасибо, ответ вы получите, вызовем», — и торопливо убежал по лестнице куда-то наверх.

Дня два никаких сведений из Представительства не было.

На третий день в квартире Толи раздался телефонный звонок: его, Толю, приглашают к 11 часам в Представительство, в кабинет 325.

На этот раз у дежурного милиционера лежал пропуск. Раздевшись в гардеробе, Толя поднялся на третий этаж. Время уже подошло к 11 часам, и Толя постучал в дверь 325 кабинета.

В комнате был «помощник», с которым ребята два дня назад разговаривали в вестибюле. Отдельно, в стороне, сидел на диване неприметный лысоватый человек, державший в руках открытый большой блокнот.

На это раз «помощник» представился: «Василий Олегович, зам. зав. отделом».

Василий Олегович, посадив Толю напротив себя, сразу начал разговор по существу дела:

— Ну, что. Все ваши материалы изучены в Представительстве, наведены все необходимые справки, образцы ваших находок сданы в органы Минфина (Василий Олегович при этом помахал какой-то бумажкой).

— Итог такой, — продолжал Василий Олегович. — Вашей команде, конечно, спасибо за активность и бдительность. Но в данном случае все, в общем, оказалось в порядке. Вы, путешествуя, попали на территорию, которая по решению директивных органов и на основании лицензии, выданной в установленном порядке, находится в ведении совместной фирмы «Дружба», входящей к межнациональный консорциум, к которому особым постановлением недавно присоединилось наше Правительство. Фирма проводит изыскательские работы с пробной добычей минерала, который (Василий Олегович улыбнулся) «похож на алмазы». При этом часть образцов пересылается в столицу, где проводятся консультации со столичными специалистами. Тем более

что та порода, в которой находятся минералы и которую вы называете «кимберлитом», существенно, как говорят специалисты, отличается от породы под таким названием. И еще. Были вопросы к кадровому составу; да, там есть несколько человек, освобожденных после отбывания срока из зон. Но такое использование рабочей силы, а там есть специалисты, вполне соответствует привлечению данной категории граждан к труду.

Толя слушал все это ни жив ни мертв. Шок какой-то. Нестерпимо хотелось возразить. Но сил не было.

К тому же в это время подал голос сидящий на диване. Он сказал:

— Молодой человек, вы успокойтесь. Тут все в порядке. Всякие ваши предположения оставьте при себе. Это вопросы государственной тайны, и никому не позволено их касаться. Ваш долг — успокоиться и успокоить ваших товарищей.

Толя встал, отметил пропуск, попрощался с теми, кто оставался в кабинете, и быстро вышел.

Через два дня ребята, включая Павла, получили переводы от Минфина. Каждый — по тысяче рублей, с обоснованием: «возмещение за найденный клад».

Когда Толя достал бланк перевода из почтового ящика, он еще долго сидел за письменным столом с одной тумбой, потом открыл средний ящик. Там, в глубине, где соединяются поперечины, был у него свой заветный тайник. Он вытащил сложенную бумажку. В ней на тоненькой ватке лежал маленький камешек, яркие лучики которого вдруг окрасили всю комнату голубоватым искрящимся светом.

СПУСТЯ неделю всех четверых вызвали повестками в городскую прокуратуру к 10 часам.

В кабинет, в который им было предписано прийти, вызвали сначала Павла. Одного. Был он там минут пятнадцать. Вышел раскрасневшийся и злой. Сказал: «Получил предупреждение. Сегодня же еду домой».

Потом вызвали всех троих. За столом сидела средних лет женщина в роговых очках, в форменном кителе с погонями. Она сказала:

— Я помощник прокурора города, советник юстиции Ольга Владимировна Усольцева, уполномочена от имени прокуратуры сказать вам следующее. На вас подана жалоба фирмой «Дружба» с настойчивой просьбой возбудить против вас уголовное дело за грубое нарушение частной собственности и прав, вытекающих из государственной лицензии, за провоцирование условий, повлекших за собой необоснованные действия правоохранительных органов.

– Прокуратура, – продолжала Ольга Владимировна, – не нашла оснований для возбуждения против вас уголовного дела, но мы вас предупреждаем, как предупредили и вашего товарища, что подобные действия, в том числе в районе деревни Брусяны, могут стать основанием для возбуждения дела в уголовном или административном порядке.

После того, как Ольга Владимировна закончила, Толя с ходу задал вопрос:

– А в отношении фирмы «Дружба» нет оснований для привлечения ее к ответственности? В частности, за использование принудительного детского труда.

Помощник прокурора была готова к ответу на этот вопрос, она сказала:

– Этот вопрос затронула в своей жалобе и сама фирма. И он, насколько известно прокуратуре, был предметом изучения на высшем уровне. Труд задержанных на территории фирмы был использован только для возмещения затрат, связанных с содержанием задержанных. Фирме даже принесены извинения за неоправданные действия в отношении ее сотрудников со стороны правоохранительных учреждений. Ей от Администрации губернатора вынесена благодарность за деятельность по привлечению к труду лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

– Словом, – закончила Ольга Владимировна, – до свидания. Все в порядке, вас к ответственности не привлекают. Не шалите только.

Ребята разошлись молча. Потому что так, как произошло, не бывает или не должно быть. Говорить не хотелось.

И дома Толя сидел молча. Односложно отвечал на вопросы.

Только вечером неожиданно сел за свой стол и на одном дыхании написал заявление в суд. С просьбой разобраться и принять решение на основании того, что фирма «Дружба», осуществляя деятельность в районе деревни Брусяны, использует принудительный труд.

Утром он отнес заявление в Областной суд – там уж точно должны во всем разобраться. Секретарь в приемной долго не принимала заявление Толи: надо обращаться в районный суд, с подсудностью неясно, да и вообще, не так оформлено. Но потом, увидев раздосадованное лицо молодого человека, вдруг сжалась. Сказала: «Давай. Может, консультанты посмотрят. Есть у нас такой сердобольный – Гофман».

Неделю Толя ждал ответа из суда. Ответа не было. Тогда он пошел в приемную, туда, где оставлял свое заявление.

Секретарь сказала: «Иди к Гофману Исааку Васильевичу. Он занимался твоим заявлением. Это этажом ниже, комната 408».

Исаак Васильевич сказал: «Ничего не получилось. Сначала председатель заинтересовался и поручил мне разобраться во всем. Но только я стал заниматься этим делом, как председатель откуда-то получил сведения, что этим уже занимались ответственные инстанции и что будто бы школьники там сами нахулиганили. Так что, извини, дело закрыто. Закрыто», – еще раз сказал Исаак Васильевич и отвел глаза.

IV

ДЕВЯТЫЙ КЛАСС – еще не выпускной. Но уже почти. И сам уже «почти» или даже «совсем». Год-другой – и ты выходишь в люди, конец детскому школярству. Особенно, если пережил какие-то жизненные перипетии (такие, что случились с Толей, Маратом и Андреем).

В школе явных перемен в ребятах не заметили. Правда, они уже не собирались втроем на переменах и после уроков, больше не строили планы с горящими глазами, не спорили, перебивая друг друга. Встречаясь, по большей части обменивались рукопожатиями, слегка похлопывая друг друга по плечам: держимся, мол.

В конце сентября Толя получил письмо от Павла. В письме рассказывалось о том, что Павел в один из воскресных дней бегал в район базы. Там уже всюю работает старый персонал, всюю командует Петр Моисеевич, его везде сопровождает Михаил Михайлович. На самой базе достраивается второй дом и еще какая-то постройка. Часто ходят какие-то иностранные большегрузные машины. А главное, на месте воронки работает мощный экскаватор, тоже, судя по всему, зарубежный. Наверное, изменены план и стратегия – вместо разработки тоннелей с доморощенной ручной техникой идет подготовка ко вскрышным работам, когда порода будет извлекаться из открытого карьера (с последующим извлечением с помощью современной техники драгоценных камней). Но все это теперь трудно увидеть, потому что не только база, но и весь большой участок, отведенный фирме, включая речку, огорожены высоким забором с колючкой.

Письмо Павла привело Толю в состояние жесткого озлобления, отчаяния – хоть кричи. Неужели все богатства так и уйдут неведомо куда? «Хотя, впрочем, – думал Толя, – может быть и другое». (На него не раз накатывались детские воспоминания о приключениях в горах.)

В ЭТО ВРЕМЯ отец Толи получил печальную весть. Его отец и мать (Толины дедушка-бабушка) скончались чуть ли не в один день в рай-

онной больнице. Там же были кремированы и похоронены на больничном кладбище (их доконала какая-то подхваченная в больнице страшная инфекция, поэтому выдача останков родным возможна только через год, и то после дополнительных исследований и обработок).

Но надо было что-то оформлять в районе, решать дела с домом, постройками и с живностью. Толин папа был занят неотложной работой. Поэтому он сообщил в Брусяны, что сможет приехать вместе с женой только через две недели (тогда они съездят в больницу, организуют поминки, уладят наследственные дела). А пока в деревню на недельку придет Толя, ему будет поручено решить все неотложные вопросы.

Толя согласился сразу. Дал телеграмму Павлу, получил в школе разрешение на недельную отлучку, купил билет на вечерний поезд и собрал рюкзак. «А это зачем?» — спросил отец, когда увидел, что Толя упаковывает в рюкзак походные вещи. «Так. На всякий случай. Дед так наставлял», — ответил Толя.

На перроне в Брусянах Толю встречали Павел и Оля. Павел начал тут же оправдываться за Олю: «Я ей говорю, мы с Толькой управимся сами, что мы будем тебя...» Ольга сказала одно: «Я бы всю жизнь не простила себе, если бы не была сейчас с Толей». А Толя лишь обнял Ольгу за плечи и сказал: «Спасибо».

Почти весь день они втроем хлопотали в доме. Заколотили поверх ставен по диагонали крест-накрест окна, сложили, как по линейке, дрова, Ольга вымыла полы во всем доме и в бане. Навели порядок на огороде. Блеск, все хозяйство — хоть на продажу.

Уже под вечер Толя сказал Оле: «Оленька, молодец. Спасибо великое. А пока пойду к Павлу. Там и заночую. До завтра. Или до встречи, если я найду Берга».

Но вышло все иначе.

НОЧЬЮ раздался мощный взрыв. Судя по направлению — на базе. С той стороны не только донесся мощный грохот (даже земля слегка вздрогнула), но и высоко взметнулось пламя кроваво-желтого огня. Кто-то в деревне видел, что как будто из-под земли вырвался и стремительно взлетел, скрывшись в звездной дали, тот же самый огненный шар, который два года назад упал в болотной низине, повалив вековой лес. Но большинство людей никакого «шара» не видели, «привиделось пьянчугам и нервнобольным». Гарь и дым окутали все болото за «телефонкой» и уже чувствовались в деревне.

После обеда в деревню приехали две машины милиционеров. На расспросы жителей милиционеры отвечали, что жилые дома на

базе целы, лишь один слегка обгорел, погиб, кажется, только один человек и ранены осколками камня один или два охранника, дежуривших у входных ворот. Слава Богу, происшествие случилось в воскресенье, когда на выработках никто не работал. Там даже электричество было отключено.

Поговорив немного с жителями, милиционеры на машинах направились к дому Павла. Его родители сказали, что он вместе с Толей, своим другом из города, спит на сеновале. Но на сеновале оказался один только Павел. Он спал в одежде и в сапогах. И одежда, и сапоги были в грязи. Толи не было.

Когда его растолкали, он сначала недоуменно тарашил глаза. Потом, уже в избе, несмотря на настойчивые вопросы милиционеров и следователя, вообще ничего не говорил, молчал, упрямо глядя в глаза спрашивающему.

Наконец, у Павла вдруг потекли слезы, и он сбивчиво рассказал, что, да, ночью они с Толей ходили в район базы. Толя хотел посмотреть, что там делается, и прошел, пользуясь воскресным безлюдьем, за ограду базы по ручью. Но тут раздался взрыв, и Павла отбросило в сторону, в лужу грязи.

Толя не пришел. Павел ждал его до утра, решил, что его задержали охранники. И когда начался рассвет, он убежал домой.

На вопросы о том, были ли у них или хотя бы у Толи намерения причинить какие-то повреждения на базе, Павел твердо отвечал: «Нет. Не было. Только посмотреть». Так и твердил все время, отвечая на разные заковыристые вопросы: «Только посмотреть», «Только посмотреть, ничего другого». К концу допроса следователь сказал, что «преступник убит. Это, наверное, и есть “ваш Толя”».

К дому подошла Оля и села. И хотя она не слышала о том, что говорят в доме, вся замерла, крепко обхватила голову. Так и сидела до темноты. А может, и всю ночь. Никто ее не тревожил. Но если бы кто-нибудь подошел к Оле близко-близко, то, может быть, услышал, как она еле слышно шепчет: «Но мы ведь все равно встретимся с тобой. Я буду тебя ждать...»

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ в деревню приехали родители Толи, а с ними – Марат и Андрей. В деревне запрягли две подводы и на них поехали на базу.

Вокруг базы – посты охранников. Отец Толи предъявил документы, пришел дежурный офицер, и на одной из подвод проехали на территорию базы. Дома действительно были целы, лишь один дом обго-

рел, снесло крышу бани, экскаватор разворочен взрывом. По дороге офицер объяснял:

– Прорвало плотину. Возможно, сработало колесо управления, нижний край плотины оказался приподнятым, вода ринулась в воронку, а там, в глубине, по неизвестным причинам разогрев оказался чудовищным. Оттого и колоссальный взрыв, к этому, возможно, что-то еще примешалось. Хорошо хоть, что в этот день работы никакие не велись, на самом участке никого не было.

Останки Толи выдали в запаянном цинковом гробу. Судебный медик сказал отцу Толи:

– Опознания не требуется, весь комплект документов имеется. Если потребуется, возьмем пробу на ДНК. Вам смотреть нельзя. Выше человеческих сил, особенно для родных.

Перед выездом с базы к отцу Толи подошел следователь. Сказал:

– Крепитесь. В общем-то, несчастный случай (и в более широком смысле – тоже). Дело и юридически, и по-человечески надо бы закрыть. Прямых доказательств никаких. Но сверху требуют квалифицировать как терроризм. Может быть, потревожим еще Павла. Но результат суда, если до него дойдет дело, будет скорее всего плачевным. А базу, наверное, закроем. Там назревает крупное дело, в руководстве оказались рецидивисты. Да и месторождения уже в общем-то нет.

Похороны состоялись в тот же день. На кладбище пришла вся деревня. Отец Толи сказал:

– Никаких крестов. Пусть будет звездочка, золотистая. Он был из каких-то ранних, романтических комсомольцев, что ли. Другой человек, не нашего дня.

Крест поставили рядом. В середине прямоугольника, где была намечена могила бабушки-дедушки. Отец Толи обещал приехать на следующий год, привезти из районной больницы останки.

Рядом на пенечке в черном платке сидела Оля. Зажала голову руками и за все время, пока рядом были люди, не шелохнулась.

СПУСТЯ ТРИ МЕСЯЦА, уже зимой, Марат увидел на улице Ивана Максимовича, отца Толи. Подошел к нему, поздоровался.

– Ой, Марат, как хорошо, что мы встретились. Хочу поделиться с тобой теми предположениями, которые были сформулированы в нашем институте. Тут много непонятного. Откуда оно взялось, это месторождение, похожее на кимберлитовую трубку? И почему его посещали «огненные шары» – неизвестные и неуловимые небесные тела? И кто знает, может быть, правда, что одно из этих тел улетело в кос-

мос во время катастрофы («А с ним – и наш Толя», – про себя добавил Марат).

Так вот, предположение вкратце сводится к следующему. Не исключено, что кимберлитовые трубки, при всех геологических предпосылках, все же частично космического происхождения. Во всяком случае, те камни, «похожие на алмазы», и содержащая их порода, представляющая собой кристаллический монолит, являются объектами притяжения небесных тел. Или знаками для них.

Впрочем, все, что из этого вытекает, – сплошные фантазии. Есть только один точный факт: в настоящее время на месторождении около Брусян не найдено ни одного минерала, «похожего на алмазы».

Иван Максимович помолчал минутку. А потом взял Марата за плечи, притянул его к себе и сказал неожиданно:

– А где же все-таки наш Толя?

Через некоторое время, когда Иван Максимович уже скрылся за углом дома, Марата вдруг поразила мысль: «А почему он спрашивает, где Толя. Он ведь знает, что его просто уже нет на свете...»

ЗИМА в Брусянах прошла спокойно. Сельчане только наблюдали, как к Павлу раза два приезжала медицинская машина, да и сам он зачастую в район. Ну и баню свою палит часто.

Пришло лето. Однажды один из грибников заметил, что Павел, перейдя «телефонку», смело, не раздумывая, отправился с большим рюкзаком через гибкое болото напрямик, прямо по трясине, куда-то к центру низины, где чаще всего подолгу клубился розовый туман. Откуда он узнал древние тропы? И вообще, зачем туда идти, да еще нагруженным? Ох, много на свете чудачков.

Все в деревне заметили, что Ольга вдруг резко оттаяла, даже повеселела, только ее губы (когда она не улыбалась) всегда были плотно сжаты – ниточки.

Как-то вечером Иван, засидевшийся у окна, неожиданно позвал Машу: «Иди, иди сюда! Чудо покажу».

Мария подошла.

И тут же замерла, как вкопанная, – из соседнего темного дома с заколоченными окнами пробивались лучики света. А из печной трубы вилась тоненькая змейка белесого дыма.

Зина

МИНИ-РОМАН НА ПРАВОВУЮ ТЕМУ

Истина, даже ее малая крупница, никогда не дается человеку легко. К ней он пробивается через крушения иллюзий, страдания, беды.

Особенно трудно истина постигается тогда, когда в жизнь человека вторгается любовь или его охватывает ненависть, или в истерзанном обществе начинается гигантский тектонический слом.

Нечто подобное описано — понятно, через своеобразное авторское видение, с некоторыми историческими и художественными вольностями и намеренно уплотненным временем — в этом мини-романе (названном так исходя из сути его содержания) на правовую тему.

От войны — к праву

I

На подступах

МИР «гражданки» оказался совсем иным, чем ожидал Алексей.

Правда, в Подмоскovie, где расформировывался его корпус, дальше — в Москве, куда смывалась после обеда почти вся сержантская братия, а потом — в веселом поезде до дома, первые недели в родном городе, — было все как надо. Именно так, как мечталось в сырых блиндажах и кровавой болотной жиже приленинградских топей. Почтительность окружающих, сверкающие счастьем и ожиданием лица девчонок, завистливые взгляды мальчишек, дома — мама, в первые дни обкормившая всякими забытыми вкусностями, хлебосольство в семьях родных и друзей, бутылочка и не одна к вечеру, ну и, понятно, сладостная пучина бабьего моря.

Но вдруг все это оборвалось.

Накатился серый беспросветный быт. Растворились, исчезли кто куда дружки-фронтовики. Даже парней из дворового братства, Германа или Вовку, несколько раньше вернувшихся из армии, редко-редко удается увидеть (а ведь совсем недавно не отходили друг от друга). Один где-то учится; другой допоздна работает, тоже учится, на часов-

щика. Зашел на днях к тете Маше, самой лучшей маме всей дворовой компании, она усадила, было, за стол «ко шам» и тут же, не скрываясь, разрыдалась — ее сын, Мишка, не вернулся, только вчера пришел ответ на новый запрос: «Да, пропал без вести». Может, как и Лешкин отец, был в плену, сейчас — на проверках?

Кончались деньги. В кино или в какую-нибудь забегаловку не сходишь. Становилось голодно. Дома — пустой супешник, холодная картошка, остатки черствого хлеба. Мать приходит поздно, в темноте, готовит из ничего — брюква, какая-то зелень — один и тот же суп. Банку тушенки тянули по крошечке дней десять, были хоть видимость и запахи, теперь и это закончилось. В воскресенье съездили с мамой на новый огород (старый в обкомовской дачной зоне отобрали, маме даже не дали собрать выращенную картошку; новый — от остановки пригородного поезда два часа ходу), подкопали на огороде свежей картошки, Алеша притащил почти полный заплечный мешок. Мама напекла на каком-то странном, горьковатом масле картофельные оладьи. Прелесть!

Что же делать? Однажды сбегал на толчок — загнал новую гимнастерку, подкинутую впрок старшиной при демобилизации. Публика там — дешевка, мразь. Хотя встречались и солдаты из демобилизованных, и калеки. А дальше что? Не уходить же сюда — в коммерцию, на рынок? Недавно прошел слухок — на окраине города разбойничает группа былых разведчиков — неустрашимые и неуловимые. Ну что ж, и среди наших солдат попадаются всякие. Насмотрелся. Или просто бандюги-сволочи подстраиваются? И никто толком этим не занимается Или все это одни слухи, домыслы?

ПОРОЙ становилось нестерпимо скучно. Чем бы заняться? Книжки, что ли, перечитать — Маяковского, Блока, Есенина? Впервые позавидовал ребятам из соседних частей. Укатали на Восток. Теперь там раскручивается жуткая, смертельная, но азартная схватка (в чем-то и жаль япошек — в 41-м ведь пощадили нас, не ударили в спину). А вообще-то, хотя на передовой и вблизи ее тяжело до невыносимости, — не так страшна сама смерть, как ее близость и ожидание. Но зато, как переступил какую-то черту (нет, не страха, какую-то другую), — азарт и лихость. Кто кого. Все можно. Без пощады.

ВЧЕРА во дворе встретил Германа. Спрашивает: «А ты, Леха, получил аттестат в школе? Некоторые ребята ваших классов уже получили. Может пригодиться».

И тут Алексей вспомнил: в военкомате говорили, что по министерскому приказу тем, кто был призван в действующую армию из выпускного, десятого класса, директора школ вправе выдавать аттестаты по текущим оценкам.

Алеша сбегал в школу. Там все еще был госпиталь. Но старшина, дежуривший в госпитале, откуда-то знал о директоре (наверное, часто спрашивали). Он сказал, что директор школы, Иван Семенович, директорствует теперь в соседнем районе. Старшина назвал номер школы и сказал, как туда добраться.

Через полчаса Алексей был уже у директорской двери, которая выходила прямо в школьный коридор. Постучал и, не дожидаясь ответа, сразу открыл дверь. Действительно – Иван Семенович. Седой, совсем худой, лицо серое, скулы вперед, глаза впали. Сидит за столом, улыбается. Узнал сразу.

– Здравствуй, Алеша. За аттестатом?

Усадил рядом с собой. Порасспрашивал, а главное, поделился чем-то сокровенным, для него неожиданным:

– Ты знаешь, всех, кого до войны приходилось вызывать ко мне в кабинет, все до единого оказались на войне хорошими солдатами, а слыли хулиганьем. И я всех помню. По именам.

Алеша хотел было возразить («Нет, не все оказались»). Но не стал, потому что директор в общем-то прав: уличная драчливая допризывная подготовка – отличная тренировка к военной драке. Драка она драка и есть: всегда надо переступить какой-то порог. Как и на войне.

Потом они вместе стали вспоминать – какие у Алеши были оценки в девятом и десятом классах. Одну из оценок вспомнил сам директор: «Помнится, по литературе была у тебя “пятерка”, в учительской даже читали твое сочинение». «И по истории – тоже, – добавил Алеша и дальше говорил одну правду: – А вот по химии, немецкому – “тройки”, по остальным, – в основном “четверки”».

– Ну, ладно, будем оформлять, – сказал директор. Он достал из шкафа бланк аттестата, быстро заполнил его, что-то записал в своем толстом журнале, грохнул по аттестату печатью и, не отдавая аттестата, спросил: «Ну и что ты собираешься делать дальше?»

У Алеши уже был заготовлен ответ:

– Хотел бы пойти в Юридический. Как вы думаете? Там сейчас, кажется, идет прием.

– Вот это правильно! Молодец! Тем более там деканом наш выпускник Абрам Моисеевич, он поддержит. Хотя, постой-ка, я схожу в соседний кабинет позвоню...

Иван Семенович быстро пошел к двери, по дороге спросив: «У тебя сколько наград? До десятка? Это хорошо». Хлопнула дверь.

«Ага! — тут же подумал Алексей. — По поводу моего папани пошел советоваться, все ясно. Телефон у вас, Иван Семенович, есть и на собственном столе. — Да все, — успокоил он себя, — будет в порядке — маму уже наши органы терзали, а меня батальонный “смершевец” тоже потерзал, глаза тарашил, но у нас, в войсках на передовой, все на виду, так что дал все же нормальную, как говорили девчонки из штаба, характеристику».

Вернулся Иван Семенович. Вручил аттестат, с чувством потряс руку. Сказал:

— Все в порядке. Только там большой конкурс — надо кое-что уточнить с директором («С органами», — про себя поправил Алеша). Приходи завтра, в обед ко мне.

Но уже следующим утром в щели двери Алеша нашел записку от директора, навверное, принесенную секретарем: «Алексей! Приходи в Институт прямо к Абраму Моисеевичу к 12 дня. Принеси фотокарточку — 3 на 4. С приветом — И.С.».

II

Восторг

ЗДАНИЕ Юридического института находилось в центре города, рядом с Областным судом.

У входа в Институт сгрудилась пестрая толпа людей — и молодежи, в основном девочек, судя по всему, только что закончивших школу, и довольно взрослого народа, навверное, родители школьников. Через толпу, не сбавляя хода, нередко проходили молодые ребята в солдатской или офицерской форме. На входной двери висела табличка: «Абитуриенты, демобилизованные из действующей армии, принимаются вне конкурса».

В кабинете декана никого, кроме самого Абрама Моисеевича, не было.

— А-а. Алексей Козловский, все в порядке. Я в курсе. Все решено. Иди сначала в спецотдел, в конце коридора. Потом, рядом со мной, в канцелярию, получишь студенческий билет. От деревни и дорожных работ как фронтовика освобождаем. Приходи прямо к 9 часам 1-го сентября в первую аудиторию. Группа у тебя — 7-я.

Начальница спецотдела — дама райкомовского вида, в темно-синем кителе — ничего не говорила, лишь поздоровалась — буркнула, да-

же глаз не подняла (наверное, возражала против приема «сына пленного» в Институт), переписала данные с солдатской книжки, потом сказала только: «Иди», — и выпроводила.

Зато в канцелярии девчонки беспричинно прыскали со смеху, стреляли глазками, долго наклеивали фотокарточку, все не отпускали, последняя, выдававшая студенческий билет, сказала: «А выкуп?» Алешка растерялся, ответил что-то невпопад, несуразное и глупое: «Только по письменному заявлению...» Ничего лучшего придумать не мог, недоумок. Позорище какое-то! Весь вечер страдал от этого.

ПЕРВОГО сентября Алексей пришел на занятия минут за двадцать до первого звонка. Аудитория № 1 (самая большая в Институте, как он потом узнал) уже была полна первокурсниками. Хорошая половина — из армии, видно по гимнастеркам, кирзовым сапогам, да и вообще по лицам — слегка счастливым и слегка растерянным от чего-то до того неведанного. Главное же — полно красивых девчонок. И не былых школьных соучениц с бантами, а таких, у которых, как и у фронтовых девчонок, уже что-то прорывалось — таинственное женское. Все небесные создания, в красивых белых и цветастых блузках, где все видно и понятно — смотреть страшно. До таких не дотронешься.

Но главное все же — на небольшой невысокой сцене, где длинный стол, покрытый красным сукном. За столом плотно сидят серьезные дяди и тети, явно преподаватели, среди них Абрам Моисеевич. Посередине уже стоит высокий мужчина военной выправки (позже Алесей узнал — директор, из чекистов-отставников).

Председательствующий поднял руку — тишина. Все замерли. Сам представился: «Семенов Сергей Иванович, директор Института, доцент». Дальше его вступительную речь наполнили дежурные слова — «поздравляю», «конкурс был большой — отобрали лучших», «институт надеется на вас — не подведите».

И вдруг — слова, самые нужные, точка в точку (прямое обращение к демобилизованным): «Вы — фронтовики и сейчас в тылу — тоже», «беспошадная борьба — с предателями, власовцами, хулиганьем и хапугами», «вы — наша надежда, страны и партии», «понятно, все по закону», «но главное всегда — воля партии и указания нашего гениального вождя товарища Иосифа Виссарионовича Сталина», «выше интересов трудящихся и коммунизма нет ничего».

«Правильно, — думал Алесей, — все правильно. Война продолжается. И враг еще страшнее, чем в открытом бою — изворачивается, ма-

скируется; но тут вам, граждане хорошие, придется встретиться с теми, кого не проведешь, — с нами».

Выступил Абрам Моисеевич. Тоже поздравил. И тоже сказал: «Вы — надежда». В заключение краткого выступления заметил:

— После лекции по теории государства и права, которая состоится сейчас (приготовьте, пожалуйста, тетради), всем собраться по группам, здесь или на втором этаже, список по группам — на двери. Надо будет избрать и представить в деканат кандидата в старосты, комсомольцы — комсорга группы.

Тотчас все, кто сидел за столом на сцене, покинули аудиторию. Остался один — высокий, изящный, с неизменной улыбкой — Карел Зигмундович Адамс (так его представил декан), коммунист-подпольщик, эмигрировавший из Польши или из Прибалтики еще 1930-х годах.

ДО ЧЕГО ЖЕ здорово Карел Зигмундович говорит! Алексей не успевал записывать. Оказывается, истинное учение о государстве и праве создали только великие гении человечества Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. По этому учению государство — это не некий общий орган всего сообщества (как утверждают буржуазные шарлатаны), а машина подавления угнетенных классов. Право же — это всего лишь возведенная в закон воля господствующего класса. Во всех странах это — орудие класса эксплуататоров, угнетателей народа. Только у нас, в Стране советов, открыто провозглашена «диктатура трудящегося народа». Против эксплуататоров, угнетателей, спекулянтов. За светлое будущее всех людей труда. Словом, государство и право — явления сугубо политические.

Преподаватель Адамс продолжал говорить в том же духе. А у Алексея, писавшего лекцию, мысль работала уже сама, но в том же ключе (иногда его мысли и мысли преподавателя удивительным образом совпадали). Вот чего добивались фашисты, ярые агенты всех империалистов — стереть с лица земли государство трудящихся. И наши «союзнички» оказались хороши — тянули два года со вторым фронтом до той поры, пока мы уже в основном разбили фашистов, и все время пытались охмурить нас прелестями своей будто демократии и рынка, на самом деле — изощренной плутократии (хотя «студебеккеры» — классные машины, а мясная тушенка — пальчики оближешь!).

Алексей возвращался из Института в восторге. Вот настоящая наука. Экономический базис, политика, воля господствующего класса. Хотя чуть-чуть расстроился, когда избрали комсоргом (знал — много

суеты, хотя кое-чему научился, когда два года был комсоргом в роте; тогда чуть было в партию не загремел — совсем суета сует). Под мышкой книга Ленина «Государство и революция» — надо будет вечером проштудировать. В общем — все прекрасно.

ПРЕДМЕТЫ в Институте разные.

Теория государства и права, конечно, блеск. Кладезь премудростей. И надо же, Сталин организатор всех побед в войне с фашистами и он же — продолжатель дела Ленина, создатель подлинно научной теории государства и права, действительно, настоящий гений. Три стороны диктатуры пролетариата. Пять особенностей пролетарской революции. Все точно и ясно. Да и Карел Зигмундович, пусть и эмигрант и слова некоторые коверкает, но излагает все без запиночки. Не торопится, все записать можно.

Понятны общие дисциплины — политэкономика, история партии. Тут много схожего с тем, что есть в теории государства и права. На семинарах по всем этим дисциплинам — если знаешь высказывания товарища Ленина и Сталина, то и все другое можно легко наговорить — очень просто.

Ну зачем, спрашивается, римское частное право? С мудреными словечками — стипуляция, виндикация, эвикция. Для чего все это? Говорят для хозяйства. Но у нас ведь хозяйство социалистическое, есть план, там все расписано. Для всяких «юридических закорючек» есть арбитраж. Не выполняешь, — пожалуйста, в райком, а то и сразу в обком. Там же — нет дискуссий, не следуешь линии партии и — «партбилет на стол».

В общем, с учебой в Институте оказалось не так уж трудно. Остается много времени — делай что хочешь.

В седьмой группе подобрался народ хороший. Всего три девчонки. Остальные из армии. Часть ребят, хотя и в гимнастерках, но какие-то вялые, недотепы, видно, где-то кантовались во втором эшелоне.

Но в группе есть несколько славных парней, наверное, из боевых частей. Человек шесть. Быстро сошлись. На лекциях, на семинарах сидят рядом. Для них, как и для Алексея, главное — это то, что мы победители и что Праздник Победы продолжается. И потому с первой же стипендии в соседнем магазине закупили пива, чуть ли ни целый ящик (к нему «для крепости» — бутылочку белой). В полуподвальной студенческой столовке нашлась небольшая пустая комнатка, официально — «для сотрудников». Пришли две столовские девчонки — при-

несли тарелку котлет. Веселились до вечера, пока столовка не закрылась. Пели песни – и довоенные («Чайка смело пролетела»), и военные («Эх, путь-дорожка, фронтовая»).

Команда стала складываться крепкая.

С тех пор и повелось (потом чаще всего в «комсомоле», в комнате общежития или у кого-нибудь на квартире) – каждый праздник, конференция, какой-то другой повод – веселимся, напоемся и танцуемся – до предела. На полную катушку. Наше время. Заслужили. Достойны.

В СЕРЕДИНЕ УЧЕБНОГО ГОДА начались сложности.

В конце декабря по некоторым дисциплинам пошли зачеты. Вещь нетрудная: почитал учебник вечером накануне, небольшая шпаргалка с датами и именами, пришел к концу дня, еще кое-что из студенческих хитростей – и все, строчка в зачетке заполнена – «зачет».

В эти дни Алешу как-то вызвали к декану, прямо с лекции.

Абрам Моисеевич в кабинете был не один. Рядом с ним за столом – крупный мужчина в гражданском, но явно – «военная косточка» («Интересно, какая?» – подумалось Алеше; впрочем, все сразу определилось). «Военная косточка» представилась сама:

– Зови меня Иван Иванович. А вопрос к тебе пока один. Почти теоретический. Скоро твой отец освобождается из фильтрационного лагеря. Я, как у коллеги, хочу узнать твое мнение – правильно ли его больше двух лет держали в лагере?

– Ну, в общем, правильно, – не задумываясь ответил Алексей, – общий порядок приказом товарища Сталина установлен.

– А как же с презумпцией невиновности? – спросил Иван Иванович. И по этому вопросу Алексей, не задумавшись (по «теории недавно об этом говорили»), сказал с убежденностью:

– В обстановке диктатуры пролетариата (в этот миг Абрам Моисеевич выразительно посмотрел на своего гостя) да при ожесточенной войне с империалистами действуют другие правила – впереди всего интересы и победа трудящихся. Тут не до всякого буржуазного хлама и формалистики.

– Молодец! – сказал Иван Иванович. – Впрочем, этот «хлам», может, как учит товарищ Ленин, и понадобится. Когда потребуется. Нужно только – это ты верно заметил – при всех юридических хитросплетениях не забывать главного: всегда оставаться партийцем, большевиком, солдатом товарища Сталина. А отец твой скоро вернется – у него все в порядке.

Теперь основной вопрос, из-за которого я пришел сюда. Здесь, в Институте ты замечен как настоящий фронтовик, патриот, преданный Родине. Знаем, был в армии комсоргом роты. И есть предложение кооптировать тебя в институтский Комитет комсомола. У нас с патриотическим, большевистским воспитанием не все просто. Вот и в Институте еще есть остатки дореволюционной профессуры, притом, как хорошо известно, кадетской выучки, не всех их в свое время почистили. А они вдруг кумирами становятся у молодежи. Так что работенки у нас хватает.

А ведь вы, фронтовики, — продолжал Иван Иванович, — резерв на будущее выдвижение в руководство прокуратуры, следствия, судов. Кого же еще? Там ведь сейчас чуть ли ни одни болеющие пенсионеры. Хотя и преданные партии. Но сейчас-то кем их заменить? Не даром в ЦК готовится постановление о юридическом образовании. Может, придется особые школы организовать. Курсы.

Ну, ладно, Алексей, все пока, — сказал Иван Иванович. — Иди теперь в институтский комитет комсомола. Там тебя ждут. По секрету скажу, вопрос уже решился наверху и на парткоме, — сказал, прощаясь Иван Иванович.

...Алексей ушел от секретаря институтского комитета только под вечер. Виктор Сафонов, с 3-го курса, парень будто ничего, представительный, был всю войну комсоргом на танковом заводе, выезжал на фронт. Сказал Алексею:

— Ты по рекомендации сверху партком прошел. Знаешь? Приступай, знакомься с делом в комитете. А развернемся в следующем году. Сейчас же — все силы на учебу, жми на всю катушку — чтобы одни «пятёрки». В парткоме сказали, что нашему Институту одну Сталинскую стипендию выделили. Надо бы не упустить. А то много всяких умников.

Домой Алексей шел в радостном, приподнятом настроении. Признают. Ценят. Но было что-то тревожное. Будто все связывалось с каким-то строгим заданием. И не спросили: хочешь — не хочешь. И даже, кажется, с каким-то намеком упомянута связь с отцом, его судьбой.

III Суета

ПОТЯНУЛИСЬ нудные студенческие дни.

Впрочем, не совсем нудные. Каждый перерыв и какое-то время после лекций Алексей в Комитете. Сначала просто сидел, читал протоколы, другие бумаги, отмалчивался, на вопросы: «Кто?», отвечал:

«Прикомандированный от масс». Учился шутить. Потом включался в общие разговоры, вставлял порой свое словечко. Комитетчики и секретари курсов привыкли к нему — свой парень, фронтовик, веселый. Несколько раз участвовал в каких-то комиссиях, проверках. Но Сафонов после лекций нередко выпроваживал Алексея в библиотеку, домой:

— Иди овладевай. Еще успеешь, насидишься.

Как-то незаметно «образовался» у него и близкий приятель, друг — Илья. Тоже из демобилизованных, однокурсник, член партии, выполнявший по заданию парткома в комитете «кураторское» поручение, чтобы ребята там не увлеклись самодеятельностью, которая их не касается. Алексей и Илья быстро сдружились, тем более что жили в соседних домах. Вместе рысцей (две остановки — на трамвае) прибегали на занятия. Рядышком — на лекциях и семинарах (договорились в деканате, чтобы Илью перевели в группу Алексея). И домой частенько вместе. На всякие междусобойчики — тем более.

Жаль только, что хотя Илья и большая умница, и партиец, да еще «куратор», но политически неряшлив, не тверд в убеждениях. Тянет его к какой-то отсебятине. Однажды заявил, что победа над фашистами — это, как считает большинство фронтовиков, еще «не торжество социализма», здесь еще много работы и много вопросов. Каких это «вопросов»? Ну, ничего, милый Илья, скоро ты и сам поймешь, что безусловная вера в социализм и дело товарищей Ленина и Сталина — основа настоящей юридической подготовки и будущей работы. И вообще всей нашей жизни.

Учеба шла нормально. Взял за правило — лекции и материалы семинаров изучать в тот же день, когда проходили на лекциях, семинарах, практических занятиях. Задания тоже (порой в перерывах, между заседаниями) выполнял сразу, как только задали, опять-таки в тот же день. От всего этого получался выигрыш. Действительно, на занятиях, потом на экзаменах шли одни «пятерки». И все к этому стали прибывать. И свободного времени — в достатке.

Лето прошло незаметно. Месяц с перерывами вкалывал на мамином огороде — повыковыривал и вытащил с участка все камни, дважды все перекопал, соорудил небольшой навес с будкой-сарайчиком для инструментов, рабочей одежды. Пару недель кантовался в Доме отдыха по бесплатной путевке от Комитета — отоспался, подурил, натанцевался.

Но уже в августе Алексея включили в приемную комиссию — принимал документы, проводил собеседования.

В Комитете Алексея сразу назначили «куратором» первого курса. Среди новых первокурсников было немало своего брата — демоби-

лизованных, но еще больше тех, кто работал на заводах «по броне», и просто выпускников школ. Среди школьниц — еще больше писанных красавиц. Одна — с золотой медалью, секретарь школьного комитета городской школы Наташа, — высокая, короткая стрижка, пронзительный взгляд голубых глаз, — не устоишь. Пригласил, было, «сбежать в кино», но она так взглянула — мурашки по коже. Ну что ж, таким и должен быть комсомольский вожак. Лестно быть с такой девушкой рядом, показаться на людях. И вообще бы. Удалось повернуть разговор на то, что Комитет будет рекомендовать ее секретарем бюро курса.

А на занятиях чудесные события — пошли специальные дисциплины. Гражданское право, уголовное право.

Особенно уголовное право («советское, социалистическое») — как раз то, что надо. Вот оно — главное орудие в беспощадной борьбе со всякой нечистью. Илья почему-то увлекся старьем — гражданским правом.

Читал лекции и вел практические занятия по уголовному праву бывший прокурор района, Озеров Виктор Михайлович. Он временно исполнял обязанности завкафедрой (вскоре из Москвы должен приехать на эту должность какой-то знатный специалист). Виктор Михайлович знал много любопытных происшествий из практики, поучительных уголовных дел, напирал на то, что основные статьи Уголовного кодекса нужно знать доподлинно, лучше — наизусть. «Если хотите быть хорошими юристами, — говорил он, — нужно быть верным партии и знать наизусть все абзацы и пункты». Это, по его словам, — самое важное на практике. Чтобы ни один адвокат вас по знанию закона не сбил, да и всяких случайностей при прохождении дел, особенно в суде, при этом куда меньше.

В ИНСТИТУТЕ с прошлого, 1946 года было организовано студенческое научное общество. Кружки по кафедрам.

Еще весной Алексей раза два забегал на кружок по теории государства и права. Оказалось, к сожалению, не очень интересно. Тот же материал, что и на лекциях. Диктатура пролетариата. Вероломные троцкисты, фактически — обычные террористы, убийцы. Хотя ведет кружок Карел Зигмундович и говорит он также красиво, изящно.

А вот на кружок по уголовному праву Алексей после каникул пришел одним из первых. Да вообще там собралось полкурса. Пришлось переходить в другую, более просторную аудиторию.

Виктор Михайлович вел кружок особо. Он не лез во всякую теорию, а приносил ворох уголовных дел, которые слушались в облесу-

де. Со сложной фабулой и непростой квалификацией. По какому-то интересному делу или даже группе дел устраивалась долгая дискуссия. Приходили другие судьи, студенты только что открытой Юридической школы, обычно практики-партийцы, которым вскоре уже предстояло идти «на должность». Орали, доказывая свою правоту, до хрипоты.

Однажды Алексей во время всех этих словесных баталий устроился у кипы принесенных из облсуда дел. Среди пухлых фолиантов вдруг обнаружилась небольшая стопка тонюсеньких дел — 4–5 страниц, не больше. Алексей полистал — на первой странице «обвинение» — данные о лице, перечисление деяний, квалификация. А дальше поразительно однотипные — «участие в троцкистской группе», «подготовка покушения на секретаря обкома тов. Кабакова», «чтение подрывной литературы» и пр. На следующей странице — добровольное чистосердечное признание «во всех инкриминируемых» контрреволюционных акциях. Показание о других лицах, участвовавших в группе. Длинный список всех участников (после каждой фамилии красным карандашом — крестик, синим — минус, а это что?). На последней странице — «приговор», тоже с однотипным содержанием: «расстрел с конфискацией всего имущества; родственники отселяются».

Алексей неожиданно поднялся с места и, прерывая очередную словесную дуэль, напрямую спросил преподавателя, подняв над головой стопку только что просмотренных дел:

— Виктор Михайлович, а это что за дела? Мы их тоже будем обсуждать?

Виктор Михайлович внезапно побледнел, резко сорвался с места, подбежал к Алексею и, выхватив стопку дел из его рук, быстро положил их в свой портфель. И сказал что-то не очень ясное, не совсем вразумительное:

— Это все Мария Петровна перепутала. Не работать ей больше — на этот раз ее не простят. Не обращайтесь внимания. А теперь продолжим...

На душе Алеши стало горько. Он посидел еще немного. Потом незаметно ушел. На занятия кружка он больше не приходил. Илье он об этом происшествии не рассказывал.

В НОЯБРЕ 1946 года, в канун Великой Октябрьской социалистической революции из Министерства пришел приказ с изложением Постановления Правительства о назначении Козловскому Алексею Сергеевичу стипендии имени товарища И.В. Сталина (Сталинской стипендии) — ежемесячно почти преподавательский оклад.

IV Новый завкафедрой

АЛЕКСЕЙ ЗНАЛ, что состав преподавателей в Институте неровный. Ну, теория государства и права — это особая статья. Здесь во главе — коммунист-эмигрант, как бы гость страны, оригинальный и интересный, — Карел Зигмундович Адамс. Есть в Институте крупные ученые-правоведы, профессора. Но они — специалисты по тем вопросам, которые были мало интересны Алексею: по гражданскому праву, по гражданскому процессу, с ними вообще никаких контактов (к тому же он помнил характеристики и оценки, которые еще на первом курсе дал этим «пережиткам старого» Иван Иванович в наставительной и жесткой беседе у декана). Да какие с ними могут быть контакты? И что там интересного нашел Илья? Лекции и практические занятия — так себе, ни то, ни се, действительно, формалистика и схоластика, далекие от реальной жизни, в особенности от тех грандиозных исторических процессов истроек коммунизма, которые по указаниям товарища Сталина разворачиваются в нашей стране — стране трудящихся.

Но вот на кафедрах, которые находятся на самом острие политической жизни и борьбы, особенно уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, ведущие преподаватели — почти сплошь работники юридической практики, и действующие, и отставники, — прокуроры, следователи, адвокаты. Говорят, что большинство «остепененных», дипломированных преподавателей этих дисциплин, ранее работавших в 30-х годах, оказались предателями, врагами народа. Сейчас здесь в основном — практики. Конечно, в привлечении юристов-практиков есть немалый плюс — прямая связь с жизнью, яркие примеры, любопытные следственные и судебные дела. Вместе с тем, если сравнить с преподаванием на других дисциплинах (как теория государства и права), — уровень тут недостаточный, нет глубины, основательности. Хотя тоже постоянно делаются ссылки на Маркса, Ленина и Сталина, но каких-то серьезных выводов из высказываний этих великих ученых, по сути корифеев науки, не делается. А жаль.

Теперь же ситуация, видимо, изменится — со дня на день из Москвы должен приехать на должность завкафедрой уголовного права доцент Воропаев Арсений Николаевич, признанный теоретик, вскоре он защищает докторскую диссертацию — «Советское уголовное право как новый исторический тип права и науки».

ВОТ ОН и приехал. С какой-то маленькой, неприметной женщиной или девушкой. Устроился прямо в учебном здании, в особом блоке для преподавателей.

Интересной была первая лекция, которую Арсений Николаевич читал студентам. Пришел в красивом, хорошо отутюженном коричневом костюме, со стрелками на брюках, широкий бежевый галстук. Большие, в роговой оправе очки. Стопка книг в руке.

Тема лекции наисложнейшая — «Государственные преступления». Разобрал 58-ю статью Уголовного кодекса по косточкам и тут же — ссылка на библейские древности (оговорившись, — «простите»). Оказывается, даже в библейских мифах, которые и здесь служили господствующим классам, «измена», «предательство» шли под знаком Иуды, когда изменник Родины — страшнее преступления нет — своим деянием ставил себя и весь свой род вне данного человеческого сообщества. Он как бы сам становится на тропу войны против своих, отторжения ото всех соплеменников. И тут как-то незаметно лектор вернулся к статье 58, к той ее части, которая касается измены Родине, и сказал о том, что «вот почему» по закону и по применению этой статьи на практике и у нас вполне логично и сообразно истинно человеческим началам признавались ответственными и близкие «иуды», предавшего Отечество. Как же иначе?

Только вечером перед сном у Алексея мелькнула мысль: «А если ближайший родственник ничего не знал о данном деянии вообще?» И тут же сам себе возразил: «Ну как же не знал? Родственник же ближайший! Даже дома — смотри в оба. И вообще, значит, тут во всей этой братии был какой-то настрой...» Мысль не удалось додумать — сон сморил Алексея. Утром в суете дел вечерние сомнения и не вспомнились.

ЧЕРЕЗ несколько дней в большой («обеденный») перерыв в комитет комсомола пришел Арсений Николаевич. И весело спросил:

— Ну, где тут у нас Сталинский стипендиат?

В комитете все замерли. Алексей, писавший в это время какую-то бумагу, вскочил с места. Руки по швам.

— Слушаю вас, Арсений Николаевич, — выпалил он.

— Да ты садись, садись, — прямо на «ты», умиряя пыл Алексея, сказал высокий гость. И сам присел рядом с Алексеем, — у меня всего несколько слов. Если сможешь после занятий (у вас, кажется, три пары. Так?) приди минут на пять на кафедру. Небольшое дело. Сможешь? Ну, чудненько, до встречи. Жду.

Как только закончились лекционные занятия («третья пара, две спаренные лекции — История партии») Алексей бегом по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, — на третий этаж, где расположен кабинет кафедры уголовного права.

Арсений Николаевич сидел в кресле во главе большого «заседательского» стола. Тут же сидели по бокам стола и стояли рядом с шефом несколько преподавателей, сотрудников, еще кто-то, возможно, старшекурсники. Увидев Алексея, заглянувшего в кабинет, Арсений Николаевич сразу же встал и, сказав своим сотрудникам: «Не расходитесь. Срочный вопрос. Три минуты», — пошел к другому, свободному концу стола, приглашая туда же Алексея.

Присев рядом с Алексеем, он сказал сразу, без обиняков:

— Я приглашаю тебя работать при нашей кафедре. Я знаю, что ты уже был пару раз на кружке. Можешь, если будет время, продолжать работать в кружке, мы его сейчас реорганизуем, а можешь заниматься наукой прямо на кафедре под моим руководством. Главное, чтобы ты сейчас уже начал хорошую теоретическую работу, которая потом выльется в дипломную работу, которая, как я думаю, должна вылиться во что-то еще, более крупное. Согласен? Ну вот и ладненько. Приходи через дня два — договоримся о теме и о методике. Вот и все. Жду тебя после третьей пары, здесь же. Пока.

Через два дня Алексей договорился с шефом о теме («Советское уголовное право на охране советского человека»). Договорились и о том, что Алексей по своему желанию, если позволит время, будет приходить на заседания кружка. Но это как получится. К шефу же — каждый месяц в первый вторник (после третьей пары) — обязательно со всеми наработанными материалами. «На всякий случай» шеф написал на отдельной бумажке номер своего домашнего телефона.

— Звони в любое время, — сказал он. — А если потребуется и заходи, я живу тут, в учебном здании, за широким коридором на втором этаже — дверь с табличкой «Преподаватели», моя комната 5-я.

V

Жена? Дочь?

АЛЕКСЕЙ постоянно помнил, что главное для него сейчас — это его настоящая теоретическая работа, которую поручил ему Арсений Николаевич.

На первый взгляд тема — «Советское уголовное право на охране советского человека» — довольно проста. Основные идеи ясны и оче-

видны. И тут на помощь приходят многочисленные высказывания на этот счет классиков марксизма-ленинизма, из которых как раз в это время Алексей создавал на кафедре картотеку.

Но не исключено, что в его теме есть и такой поворот, который не только довольно важен с позиций ленинско-сталинской теории, но и имеет более глубокое, общечеловеческое значение. Ведь человек, личность может получить действительную, реальную защиту только тогда, когда обеспечена охрана «трудящихся масс», «эксплуатируемых классов», людей труда, обездоленных. Может, это настоящее научное открытие?

С таким «поворотом» темы, с возможностью повернуть ее на «общечеловеческое звучание» (сам придумал фразу, здорово?) Алексей поделился с Арсением Николаевичем на первой же встрече, во вторник следующего месяца. Шеф сказал:

– Молодец! Ты и впрямь творческая личность.

Сказав это, шеф вдруг задумался. Потер себе виски, вздохнул, а затем продолжил:

– Меня только смущает твоя ссылка на «общечеловеческое звучание», нет ли тут отступления от классового принципа?

Алексей хотел, было, возразить шефу. Но не стал. Зачем? Стоит ли вступать в пререкание с авторитетом? (и все же по душе что-то болезненно скребануло, слегка испортилось настроение – а это почему?).

В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ, когда Алексей пришел на кафедру для отчета, лаборант Эльвира Карловна, старожил кафедры, мать-хранительница, лет двадцать на одном месте, сказала:

– Леша, позвони шефу, он приболел, на кафедре не будет, а с тобой хотел бы встретиться дома.

Алексей позвонил прямо с кафедры. Арсений Николаевич ответил: «Это ты, Алексей? Заходи. У меня ничего особенного. Немного приболел».

Алексей пошел искать жилье шефа.

Оказывается, за широким коридором, сразу за дверью с табличкой «Преподаватели», есть еще узенький длинный коридорчик, где у глухой стены хранятся всякие бытовые вещи – коляски, велосипеды, корыта, какие-то ящики, корзины. А с другой стороны, вдоль всего узкого коридора, комнаты с номерами.

Дверь пятой комнаты (или квартиры?) задрапирована цветастым коричневым материалом, посередине белый кружочек, внутри которого выписана ярко-красной краской цифра «5». Алексей нажал кнопку

звонка, раздалось легкое дребезжание за дверью, тотчас же открылась дверь и из нее вышла молодая женщина. Белая открытая блуза, туфли на высоких каблуках, толстая рыжеватая коса вокруг головы, широко открытые глаза. В ответ на Алешино «здравствуйте», она сказала:

— Заходите, Алеша (я не ошиблась в имени?), Арсений Николаевич ждет вас.

Что-то заставило Алексея секунду-другую, не отрываясь, посмотреть в глаза хозяйке. Дочери? Жены? — кто знает? Хозяйка не отвела глаз, сказала только:

— Проходите.

В комнате два больших резных шкафа, от пола до потолка. Большой диван и обеденный стол чуть ли ни во всю комнату. Угол комнаты отгорожен высокой, до потолка, занавеской — там наверняка что-то вроде спальни.

У окна письменный стол и этажерка. За столом и сидел шеф. (Направляясь к нему, Алеша задумался: «А где же книги? Впрочем, все понятно — в шкафах, в письменном столе; может, это вообще дурной тон красоваться книгами, выставлять их напоказ?»)

Арсений Николаевич, действительно, на вид был вполне здоров. Он сразу усадил Алексея рядом с собой. За стол села и хозяйка.

— Зина, — развернувшись в кресле, сказал Арсений Николаевич, — тебе не пора сходить в домоуправление? Там просили зайти.

— Нет, — коротко ответила Зина. («Ага. Значит, Зина. Наверное, все же молодая жена; и с характером», — мелькнула мысль у Алексея.)

Арсений Николаевич отодвинул свое кресло так, чтобы оно было развернуто спинкой к столу, и продолжал, обращаясь только к Алексею:

— Я долго думал насчет твоего выражения — «общечеловеческое звучание». И поначалу хотел тебе резко возразить. А потом передумал. Ты способен сам докопаться до сути. И может, даже собрать материал для эффективной контрпропаганды. В моей работе — это тоже наименее разработанный раздел. И мне здесь представляется очень существенным основательно порыться в зарубежной литературе. Может быть, как раз твоя тема — «Советское уголовное право на охране советского человека» — даст возможность вести серьезный бой с нашими врагами на этом остром участке идеологического фронта и разоблачить аргументацию тех, кто отстаивает буржуазный тезис о неких общечеловеческих началах в праве. Врага надо знать.

— Я согласен с вами, — сказал Алексей, — тем более что это вообще интересно.

– Насчет «интересно» ты брось, – заметил шеф. – Тут не интерес и не любопытство, а строгий, жесткий классовый подход, от которого ни на секунду нельзя отступать. Так что при работе над темой ты охвати литературу пошире. Я уже попросил Эльвиру Карловну взять в директорате для тебя допуск к закрытым архивам библиотеки. Пошуруй там. Вдруг найдешь что-нибудь новенькое, любопытное – то, что пойдет на пользу нашего марксизма-ленинизма.

Ну, ладно, – заключил Арсений Николаевич, – иди. До следующей встречи на кафедре.

Алексей, сказав: «Спасибо. До свидания», – пошел к выходу из комнаты.

Зины за столом уже не было. Да и очередной встречи, как выяснилось впоследствии, не было тоже.

VI Чужой мир

АЛЕКСЕЙ пропадал в библиотеке целыми днями. Как только закончится третья или даже вторая пара – он уже в читальном зале, причем – в особом, своем.

Завбиблиотекой, Лилия Романовна, прочитав допуск с подписью директора, сразу же спустилась вместе с Алексеем в полуподвал, где находилось книжное хранилище, в том числе – архив, открыв скрипучий массивный замок, пропустила его в отдельную глухую комнатушку. При этом она сказала:

– Вот тебе и закрытый архив. Отбери все, что нужно для работы. Будешь работать вот тут, в маленькой комнатке, а после работы – сдавать все книги мне.

Лилия Романовна открыла небольшую, свежевыбеленную комнатку – маленькую, но уютную: стол, стул, небольшая полка, даже старенькое кресло. Отдала ключ от комнатки Алексею и наказала:

– Книги сначала принесешь мне, зарегистрируем, а потом с книгами обратно сюда, в этот «свой кабинет», а после работы сдашь книги тоже мне.

КНИЖНОЕ ХРАНИЛИЩЕ оглушило Алексея. Гигантский непонятный мир. Чуждый и враждебный.

Дома, как он помнит, книг не было. Только на отцовской тумбочке – томик Сталина «Вопросы ленинизма». Да на шифоньере – толстый, без обложки роман, который иногда, кажется, на одном и том

же месте, читала мама. В школе – одни учебники и книги по школьной программе – Пушкин, Толстой, Горький, Маяковский. Был еще Жюль Верн, и – Гайдар, «Тимур и его команда». Эти новые книжки, конечно, блеск – то, что надо!

Здесь же – кошмар. Глаза разбегаются. С ума можно сойти. Тысячи имен и названий, о которых даже и не слышал. Иные книжонки – откровенная провокация, выпады против трудящихся. Алексей подобрал несколько изданий, о которых от кого-то слышал или помнил по критическим оценкам «классиков», – Руссо, Спенсера, Монтескье, Локка, из наших – Бердяева, Чичерина, Покровского, попались и совсем недавние издания или извлечения из них, такие как сшитые, в картонной корочке страницы из какого-то журнала некоего Обермаса (подумалось: «Не изъята ли эта самоделка у кого-то из врагов народа?» – тогда это вообще находка).

Алексей сбежал с кипой книг наверх, к Лилии Романовне, зарегистрировал книги в каком-то особом журнале и вернулся обратно в свой «кабинет» – работать.

Он сразу решил – все книги, которые выбрал, внимательно читать и прорабатывать не будет. Он сегодня-завтра просмотрит, выберет наиболее важные книги, две-три, и вот их уж проработает основательно. Потом, по ходу дела, можно обратиться и к другим фолиантам.

Уже к вечеру того же дня Алексей твердо знал, что будет пока заниматься только книгой Покровского (ведь будто бы «наш», из России) и брошюрой Обермаса. Для разнообразия, как он нередко делал, один час – книгу, следующий час – брошюру.

Сначала Алексей воспринимал все, что говорилось в этих книжках, как сугубо враждебные выпады. Причем – нелепые.

Но ведь это как раз и нужно для работы Арсению Николаевичу. И ему тоже. Вот, например, Обермас (он в предисловии каким-то неизвестным автором назван «крупнейшим и наиболее талантливым философом современности»). О чем же он пишет? О демократии. Пусть демократия, притом, разумеется, не формальная, не фальшивая, а подлинная, нужна и социализму. Но, по его словам, универсальным ядром конституционного государства является не только демократия, но и – представьте себе! – «права человека»! Человека как такового. То есть человека вообще – не только трудящегося, советского солдата, стахановца, другого труженика, но и любого пьяницы, фарцовщика, преступника. Ничего себе! А дальше вообще одни парадоксы и противоречия. Этот «великий философ» пишет даже, что (и тут Алексей записал цитату) «права человека обладают нормативным приоритетом

перед демократией». Вот тебе на! Выходит, какие-то права фарцовщиков, спекулянтов, террористов являются нормативным началом даже для демократии. Куда уж дальше?

Вот что на поверку получается от рассуждений будто бы гениального современного философа. Но это на Западе, где полно всяких извращенцев (кое-что Алексею довелось увидеть и самому; порой и впрямь перед всем этим устоять непросто).

Но ведь и у нас, в России, совсем недавно, в самый канун победы народа во главе с Лениным и Сталиным над кровавым царизмом, также встречалось такое. Еще и похлеще. Книга Покровского, как будто бы с безобидным названием (о проблемах гражданского права), написана летом 1917 года, всего за несколько месяцев до Великого Октября. Но начав изучать книгу, вот на какие слова сразу же наткнулся Алексей, с головой выдающего нашего правоведа. Слова такие (их Алексей тотчас выписал, рассчитывая при первой же встрече показать такой перл Арсению Николаевичу): «...есть такие “неотъемлемые права человека”, которые никаким законом уничтожены быть не могут, которые даже для государства в целом недосягаемы».

Вот так! Угнетатель народа, грабитель народных богатств, купающийся в роскоши и в разврате, а его права государство даже тронуть не смеет. Причем этот царский профессор напрямую связывает такое положение дел с личностью. Он даже утверждает (эти слова Алексей тоже выписал): «Самоутверждение личности достигает здесь в юридическом отношении своего кульминационного пункта. Некогда безгласная овца в человеческом стаде, она заявляет теперь претензию на роль равноправной с государством державы с правом суверенитета на некоторой собственной территории». «Какие тут еще нужны комментарии?» — думалось Алексею.

Недаром в России того времени началась полная анархия, а потом грянула Гражданская война! Спасибо товарищам Ленину и Сталину, что сумели с помощью диктатуры пролетариата (которая, как известно, является настоящей демократией для людей труда) остановить все это безумие.

АЛЕКСЕЙ в этот день ушел из библиотеки слегка расстроенный. Конечно, раскритиковать всю эту писанину, на которую он обратил внимание сегодня, можно. И даже подыскать довольно суровые слова на этот счет не так уж трудно.

Но все ли здесь так просто? Почему все эти зарубежные и наши до-революционные обществоведы (не все же они непорядочные люди?)

Негодяи?), по сути дела, говорят об одном и том же, ведь и в других книгах, которые он смотрел, подобной писанины — пропасть? В чем тут подоплека? Каковы основания для такого воззрения?

Ведь не случайно же даже наши профессора-цивилисты (говорили, что кто-то из них был учеником Покровского, во всяком случае, они наверняка слушали его лекции) обучают и разрабатывают именно гражданское право — пусть уже в наших новых советских условиях.

Ох, надо бы во всем этом разобраться (хотя это и выходит за пределы прямого задания шефа). И не стоит ли, пользуясь случаем, почитать, например, книгу Покровского просто так, вне задания, для себя, нет ли там, действительно, чего-то интересного?

VII Встречи

НО ПОЧИТАТЬ Покровского «просто так», «для своего интереса» сразу не удалось.

Где-то часа в два-три Алексей сбегал в столовку, подкрепился на полную катушку. И только он просмотрел прежние записи (попутно удивляясь: «Ну, что тут особого? Есть и что-то дельное»), как прибежала девчушка из комитета — срочный вызов к «самому». Оказывается, ЦК срочно затребовал прошлогодний отчет, нужно посмотреть, что-то отредактировать.

За книги Алексей вновь взялся уже вечером. Он открыл книгу Покровского наугад, посередине — там, где автор утверждает, что во все времена толчок в развитии общества происходил тогда, когда работники, организаторы производства, другие активные члены общества обретают свободу, условия для предприимчивости, активных действий на грани риска, личной ответственности за успех дела. И что, значит, в центре всего этого — не просто человек (об этом, кажется, все говорят), а его права, так сказать, «суверена». Кем бы ты ни был в данный момент — крупным полководцем, земледельцем, дворником, изобретателем. Пока не нарушен закон.

И тут же возникла мысль — не это ли сейчас стали делать у нас под маркой кооперации, хозрасчета, самоокупаемости? Только Алексей стал думать об этом, как в библиотеке начали тушить свет, и в его кабинет-каморку заглянула Лилия Романовна:

— Леша, быстро, носи книги наверх! А потом на выход — библиотека закрывается.

Голова у Алексея была тяжелая, горячая. Что-то смешалось в мыслях, «заклинило».

Алексей вышел на крыльцо Института. Пройтись, что ли, по аллее до выхода на бульвар, где погрохатывают трамваи?

Когда он прошел уже полдороги, то заметил на одной из скамеек у столба с ярким фонарем одиноко сидящую женщину. Она сидела в накинутах капюшоне, опустив голову.

Но в тот момент, когда Алексей подошел ближе к скамейке, женщина подняла голову.

Боже мой, да это же Зина!

Зина встала со скамейки и сказала:

– Здравствуй, Алеша. Я ждала тебя. Давай присядем ненадолго. Я тебя не задержу. Всего несколько слов.

И только они сели, как Зина, глядя широко открытыми глазами в глаза Алексея, быстро сказала:

– Алеша. Уходи, уходи от него. Он («Он», – сообразил Алексей, – это его шеф и ее муж, Воропаев Арсений Николаевич) страшный человек, не знает пощады. Я очень боюсь за тебя. Уходи, будь, пожалуйста, как можно дальше от него...

В этот момент слезы ручьями потекли по ее лицу. Зина быстро закрыла глаза ладонками. Но слезы все равно стекали по лицу, около запястий рук выбивались наружу. Но Алексей смотрел не на них, а на пальцы Зины, на ногти, покрытые красным лаком. Потому что кончики ногтей были неровными, в каких-то черных зазубринах, будто с тонкими черными подтеками внутри ногтей.

Алексей вдруг весь напрягся, напружинился. Он уже видел такое, когда освобождали один из лагерей в Польше, – такие руки и такие пальцы. Он резко оторвал руки Зины от ее лица, сжал их и поднес к своим глазам.

– Это что? Иголки? – жестко спросил он Зину.

– Зачем ты спрашиваешь? – вопросом и также жестко ответила Зина, слезы будто высохли. – Ты знаешь, что это может быть?

Он почувствовал, что Зина пытается освободить руки, которые он все еще держал. Затем рывком выдернула их, он увидел на миг ее лицо, залитое слезами. Она резко поднялась со скамейки и быстрым шагом пошла прочь.

Алексей встал и стоял, пока не хлопнула входная дверь Института.

ДОМОЙ ПРИШЕЛ отец.

Случилось это ночью. Мама и Алексей уже крепко спали.

Мама первая в одной только рубашке подбежала к входной двери. Ничего не спрашивая, одним движением открыла замок (он, судя по всему, был закрыт всего лишь на один оборот) и повисла, поджав ноги, на отцовской шее: «Сережа, Сережа, наконец-то». А приблизившемуся Алексею, крикнувшему: «Привет, папа», молча из-за спины выразительно и резко махнула рукой. Алексей понял: «Уходи к себе. Приходи потом».

...Когда через час Алесей пришел на кухню, он увидел отца в белой рубашке и старых гражданских брюках, всю разнаряженную мать. На столе — бутылка водки, три стопки, пара открытых консервных банок, тарелка со свежесваренной, неочищенной («в мундире»), дымящейся картошкой.

Отец, видимо, уже принял стопку и, очищая жгучую картофелину, рассказывал:

— Воевал я как все. И не плохо, и не хорошо. «Хорошо» вообще не бывает, разве что у генералов, в мемуарах, да у некоторых новобранцев, на день-два хватает. А для солдат — это тяжелая работа на краю смерти, когда надо подавить свою трусость, уберечься и убить другого человека — в другой солдатской форме. И выполнять приказы, подчиняться. В видениях только — ночью, иногда днем перед боем — дом, родные, ты, Алексей. Иногда, впрочем, жизнь бросает в самую бездну, там, наверное, бывают герои. Но я не видел, не встречал, хотя два года был под Ленинградом.

Все трое — отец, мать, Алексей — налили по полной и чокнулись «за возвращение», и отец продолжал:

— Сначала скажу, почему после оправдавшего меня решения суда я больше года не приезжал. Был, оказывается, протест прокурора, полагавшего, что недопустимо проявлять мягкотелость в отношении «приверженца власовцев». Ну и в зоне решили воздержаться. Так что всегда наготове наш надежный меч диктатуры пролетариата.

А теперь — о том, почему все это произошло. Произошло все это — начинайте удивляться — из-за вашей картошки. Тогда, когда я узнал из письма, что возвели забор, огородивший всю местность у озера, где были обкомовские дачи, и вам не дали даже толком убрать картошку. Меня это так взвинтило, хоть с автоматом — домой (в этот момент в разговор вклинилась мама и стала причитать: «Ой, дура, дура я какая, что написала об этом, не соображала ничего...») В общем, — кивок маме, — ты сделала все правильно. Я написал письма: одно, дабы излить душу, — другу из училища, продолжавшему работать там преподавателем (где все описал как есть и назвал обкомовцев «партийны-

ми чинушами, хуже, чем власовцы»), второе — прямо на имя первого секретаря нашего обкома партии. И вот, оказывается, первое письмо военная цензура задержала, а второе дошло до обкомовского аппарата, и оттуда переслали в политотдел нашей дивизии, причем к моему письму было приложено разъяснение о том, что забор в оздоровительной местности возведен в связи с тем, что «предполагается строительство у озера детского санатория».

— Меня, — продолжал папа, — вызвали в штаб дивизии, в политотдел, на какую-то комиссию. В комиссии были начальники, увешенные по шею орденами и медалями, военный прокурор, представитель военного трибунала.

В этот же день началось следствие. Особое следствие (папа выразительно посмотрел на Алексея; тот не выдержал — отвернулся). Следователь держал меня под лампой сутками. Надо было, чтобы я подписал «признание о сговоре», в списке которого было много имен, в том числе уважаемых очень, с кем я по службе общался (Алеша тут же вспомнил те списки, которые были в тоненьких папочках, случайно попавших на занятия). Я каждый раз рвал очередной список. После этого следователь изощрылся как мог, а я неделю отлеживался в карцере.

Потом, когда меня привели в порядок, был трибунал. Там меня обвинили в том, что я «позорю нашу армию и дело социализма, противопоставляя частный семейный огороδικ строительству детского санатория для детей трудящихся». А главное (по этому пункту выступил прокурор, который все время размахивал письмом, задержанным цензурой), юридически разъяснил, что мною и прямо совершено военное преступление, ибо я, по словам обвинителя, использовал отдельные недостатки в местном аппарате для клеветы на всю нашу славную коммунистическую партию, ее руководство и оценил их так, что они оказались будто бы хуже, чем власовцы.

Это, разъяснил далее военный прокурор, не что иное, как «отбеливание и возвеличивание предателей нашей Родины, а точнее — пособничество власовцам, что подпадает под смысл 58 статьи Уголовного кодекса РСФСР». Меня тут же взяли под арест, а через два дня трибунал осудил меня, впрочем, не на большой срок — всего на 5 лет общего режима. К счастью, сразу после окончания войны, в мае, по моей апелляции приговор был отменен (правда, награды не вернули). И хотя потом прокуратура почему-то всполошилась, подала протест на отмену приговора, но у нее на этот раз протест по неизвестной для меня причине не прошел. Может быть, пока.

...Алексей вскоре вышел из кухни. Как он сказал — «досыпать». Первые часы занятий — практикумы, но их, кажется, не будет. Можно пойти сразу в библиотеку. Но надо хотя бы немного еще поспать. Сон не шел. Было очень радостно (вернулся отец) и почему-то очень горько. И было что-то еще, что гнездится рядом со страхом и отчаянием.

К ДЕВЯТИ часам Алексей все же прибежал в Институт.

Чуть отдышавшись — сразу в библиотеку. Но только он увидел хмурое лицо Лилии Романовны, то сразу понял, что произошли какие-то не очень благоприятные события. Не успел он переступить порог кабинета Лилии Романовны, как она сама быстро вышла из-за своего стола и подошла к нему. Взяла его за руку и сказала:

— Леша, мне вдруг вечером позвонил домой директор — представляешь, прямо домой! — и сообщил мне, что твой допуск в архив аннулирован. И просили, как сказал директор, передать тебе, чтобы ты со всеми материалами к трем часам пришел в спецотдел.

Алексей ни с того ни с сего обнял за плечи Лилию Романовну и, больше ни слова ни говоря, быстро ушел. На занятия он не пошел. Без причин. Не пошел и все. Решил — до трех часов побуду дома, побобщаюсь с отцом.

Отец проснулся. Как он сам сказал, уже «дважды позавтракал». Сейчас сидел в большой общей комнате на старом кресле и всем своим видом показывал, что наслаждается домом. Мама ушла, по ее словам, на часок. Скоро придет. Отпросится.

Потом долго-долго Алексей с отцом разговаривали. Алексей, было, пытался повернуть разговор на свою материю — следствие, обвинение, суд, зону и все прочее. Но отец упорно уходил от этой темы и все склонял разговор к войне, фронту.

Алексей не так давно заметил парадоксы человеческой природы. Прошлое и настоящее (кроме, понятно, недавних дней и недель, наполненных эйфорией Победы) помнятся в черно-белом цвете, чаще — именно в черном. А вот позапрошлое — в нем нет черной краски, в нем стерты все невзгоды и беды, в памяти остается радостное и светлое, все в розовых красках.

Так и сейчас. Отец будто забыл все невыносимые невзгоды фронтовой жизни, а говорил и говорил о том радостном и счастливым, что, оказывается, было — о бескорыстном товариществе, о верности, о дружбе, обо всем, что фронтовики будут помнить всю жизнь.

Ну а зона? Нет слов, там есть немало того, что есть на фронте. Даже то, что «можно убивать». И все же зона — совсем другой, нечеловеческий мир. Мир голодной и злобной волчьей стаи. Или пыточно-го застенка, где с тобой могут делать все что угодно — вбивать иголки под ногти, жечь железом, заставлять есть собственные испражнения, публично насиловать и все прочее. Рассказывать нет сил.

Сказав об этом, отец сходил на кухню, залпом выпил стакан водки:

— Все. Хватит. Никогда больше не спрашивай меня об этом. Тема закрыта.

К ТРЕМ ЧАСАМ Алексей был в спецотделе.

В комнате, кроме дамы в темно-синем кителе, радостно на этот раз поблескивающей глазами («ну, что я говорила?»), был давний знакомец, Иван Иванович. Он сразу же и повел разговор.

— Ну что, сержант, доволен, что отец вернулся? Теперь, я надеюсь, конец всему (резануло все же «я надеюсь», да и дама, сидящая за столом, подняла голову и вопросительно посмотрела на своего гостя — или начальника?).

— Но это не главное, из-за чего я пришел.

Тут ваш директор допустил нарушения порядка пользования закрытым архивом. За это директору и Воропаеву (он должен был бы знать!) сделано серьезное замечание. Ты же сдашь в отдел, Марье Ивановне, все материалы, которые ты наработал в архиве. А пользоваться тем или иным материалом ты будешь лишь по заданию Воропаева и по согласованию с нами. Таков порядок.

Алексей достал из полевой сумки, которую он недавно приобрел, все материалы, наработанные в архиве. Положил материалы на стол и, на ходу попрощавшись, вышел из кабинета.

На календаре был первый вторник ноября. Надо бы, по установленному шефом порядку, идти к нему после третьей пары. И так уже пропущен целый месяц.

Но к Арсению Николаевичу он не пошел. И не только по тем причинам, о которых говорила Зина. Что-то вообще надорвалось. Да так, что не склеишь. «И кстати, — подумалось Алексею, — почему это Иван Иванович ни разу не назвал Арсения Николаевича по имени-отчеству? Все Воропаев да Воропаев — как в армии...»

Алексей пошел в деканат.

Абрам Моисеевич был один. По его напряженному, мрачному лицу Алесей понял — все знает. И поэтому не стал разводить тары-бары, был краток:

– Разрешите, Абрам Моисеевич, съездить к фронтовому другу, он что-то приболел. На сколько? На недельку, до следующего понедельника.

И когда декан утвердительно кивнул головой, Алексей сказал только:

– Буду точно. Не опоздаю. Спасибо.

ГЕОРГИЙ, земляк, с которым Алексей крепко дружил, прошел с ним все военные пути-дороги, все беды и передраги. Был он парень умелый, «золотые руки», а главное, безотказный, надежный. Из потомственных крестьян-умельцев.

Во взводе Жора командовал отделением, по уставу был под началом Алексея. Но никакого «командования» и «начал» все три года не было. Просто друзья, товарищи – и все. Всегда вместе. Вместе на переправе становились на одну сваю – в такт работали «бабой». Вместе за час-другой сооружали блиндаж. Вместе, не отставая друг от друга, шли на минное поле. Вместе, плечо к плечу, стреляли – у обоих автоматы Симонова. И так везде. Неразлучные. Даже одновременно шахрахнуло авиабомбой – вместе дней пять в медсанбате выбирались из контузии, отбиваясь от отправки в тыловой госпиталь.

Ехать до Перекатов, где жил Георгий, надо было местным пригородным поездом (электричек еще в то время не было).

Только выехали за пределы станционной неразберихи и путаницы стрелок, вагонов, составов и только все пути начали сливаться в две пары стремительно уходящих вдаль дорог, как все вокруг разом преобразилось. Надо же такому быть – три года находиться на «природе», а видели в деревьях один лишь стройматериал для блиндажей и лежневок, в зарослях – возможную засаду, в реке – проклятое место, где нужно сооружать переправу, в полянах и лужайках – сектора для обстрела и заминированные зоны?

А тут – леса и дубравы, скалистые горы и широкие поля. Осень в этом году задержалась – до середины сентября шли дожди, зато «бабьему лету» не было конца. Деревья, хотя уже и сбрасывали листву, но по всей дороге, переливами мелькали рощи и перелески, все еще обряженные в осенние наряды – от темно-синих до пламенно-красных. Между дубрав и скал стали проглядывать голубые зеркальца реки.

Такое буйство природной красоты Алексей видел впервые в жизни. Точнее, не то чтобы просто видел (виденного было предостаточно), а ощутил. Потому, наверное, дорога пролетела мгновенно, он даже вздрогнул и искренне удивился, когда, проходя по вагону, проводник громко объявил: «Перекаты, стоянка одна минута».

Деревня Перекаты, как он узнал на станции, находится на другом берегу реки. Надо было с километр пройти дорожкой по овсяному полю, потом через реку по «лавам» (временные мостики с перилами, устанавливаемые после ледохода и большой воды в начале лета), а там и деревня – два ряда домов, протянувшихся вдоль реки.

Дом Георгия он нашел легко. Первый же старик, встретившийся на главной дороге, пояснил:

– Тут и искать не надо. Пройди после магазина несколько домов и увидишь на обочине стоящий трактор. Там – и Матренин дом, Матрена – это Жоркина маманя. Сейчас он, наверное, спит.

У дома с трактором он сразу же встретил Матрену, крепкую, еще молоджавую женщину, складывающую в поленицу чурбаны, видно, недавно привезенных дров. Узнав у Алексея, кто он такой, предупредила:

– Зови меня просто Матрена, у нас – без отчеств. А Жорку пока не буди. Он с ночи. Разбудишь его досрочно, он раньше времени опохмеляться начнет. Пусть проспится. А ты пока прямо по огороду сходи до реки, там, в лодке, и удочка есть. Побалуйся, глядишь – выловишь что.

Но Алексей выпросил у Матрены топор. Поправил его на камне. И стал без остановок и перекуров, в темпе колоть чурбаны, с размаху и оттяжкой, сбрасывая колотые поленья в горку; потом укладывать их в поленицу – одна радость.

Где-то к обеду проснулся Георгий. Он выскочил на улицу прямо в белых подштанниках, с налета прыгнул, обнимая Алексея, оба повалились на траву. И так же в обнимку пошли в избу. Жорка, все еще иной раз толкая своим кулачищем гостя в бок, приговаривал при этом: «Ну, молодчина! Ну, уважил! Сейчас мы все организуем, у мамани где-то поллитровка припрятана. Сейчас-сейчас».

– Нет, не торопись пока, – подмигнув другу, сказал Алексей. – Мы с тобой, Жорик, попьем чайку, потом погуляем, ты мне расскажешь о ваших сельских делах, а под вечер – посмотрим, там другой коленкор. Кстати, почему работаешь ночью?

Жора, одеваясь, рассказал о том, что в райцентр в прошлом году привезли оборудование для птицефермы. Из Финляндии, что ли. Кажется, какие-то репарации. Но ферма так и не заработала – и оборудование толком не установили, кое-что растащили, работники куда-то делись. Предисполкома сказал нашему председателю: «Забирайте. Может, сумеете наладить». Но продать все это он почему-то права не имел (лучше просто «списать»). И поэтому в исполкоме попросили – вывозите, но только ночью, чтобы в глаза не бросалось. «Вот, – продолжил рассказывать Георгий, – я и вывожу ночью, а днем один

мужик и есть одна шустрая бабенка (я порой помогаю) – собираем, возводим, что-то, похоже, получается».

– Ну, вообще, как дела в деревне, в колхозе? – спросил Алексей.

– Плохо, – коротко ответил Жора. И продолжил: – Из «колхозов» иногда кое-что получается. Это когда председатель – настоящий хозяин, много работающего народа и удастся возродить артельный дух. У нас же этого не было и нет. Да и с войны вернулись всего два с половиной мужика. Еще раньше приехали из госпиталей человек пять калек, все по бабенкам балуются (кто может), не останятся. Так что сейчас работающий люд – почти одни бабы да старики. Утром председатель по домам ходит, набирает народу с отделение или полтора, не больше.

– Плохо и то, – продолжал Жора, – что в войну все подчистили – технику, посевные. Жуть, рассказывают, была – не спрячешь. Сейчас же сплошные поборы – налоги по мясу, маслу, яйцам, шерсти. Кое-что закупаем в городе. А за недоимки – тюрьма. Вообще мало кто понимает, что войну-то вынесли в основном крестьяне – и на передовой, и тут, в деревне. Из тех, понятно, кто остался после погрома в 30-х.

В деревне сейчас, – говорил Жора, – в общем-то голод. В этом году выдали на каждого едока по 200 грамм зерна, и все. И домашнее хозяйство держится в основном для налогов и картошки. Да и то всю прошлую неделю ходили землемеры, обрезали участки, чтобы частные сотки – строго по нормам и чтобы не было «две коровы». А начальство все это не беспокоит. Вот в том месяце привезли из района «на выборы» бочку пива – всех наших начальников-бездельников под пивко и песни переизбрали.

Что делать? Не знаю. Какая-то безнадега. Может, птицеферма поможет? Или какой-то толковый человек в высшее начальство придет? Да где он? Даже генералы – кроме, понятно, Жукова и некоторых других подобных, – все наши толстопузики после боев только и свозили тамшнее барахло вагонами по своим квартирам, помнишь?

Алексей со своим другом поговорили еще о всякой всячине. И о недавней речи товарища Сталина – хорошие рубежи намечены в промышленности («Жаль, что обойдено сельское хозяйство»). И о запущенных лесных угодьях («Знаешь, сколько зверья развелось»). И об отравленной реке («Теперь только на притоках ловим»). И конечно же о бабах (Жора причмокнул губами: «Ты еще не знаешь наших. Ваши городские плоскогрудые – низший сорт»).

А в это время Матрена добыла где-то сала и яиц. Алексей достал привезенную поллитровку. Жаркое – ни в каком ресторане не найдешь. Втроем выпили – власть. Спели «Катюшу». Под такую закуску

и настроение — ни в одном глазу. Жора было рванул в магазин за добавкой, но мать схватила его за руку и, не отпуская, усадила обратно на лавку. Все. Хватит. И Жорка сам сказал то же: «Все. Хватит. Всем спасибо».

Жора отвез на тракторе друга до реки. Обнялись. Встретимся ли еще?

Разговаривать было некогда. Алексей — бегом по лавам, потом по тропе до станции — еле успел на вечерний поезд.

...Дверь квартиры почему-то была приоткрыта. Внезапный ужас охватил Алексея. Он осторожно вошел в комнату. На кухне сидела мама. Неподвижно, будто съездившись, положив голову на стол. Увидев Алексея, она подняла голову. Лицо было осунувшимся, в глазах слезы: — Только ты уехал утром, пришли за папой. Его арестовали.

И она упала на плечо присевшего к ней сына и прошептала: «Боже мой, только бы тебя не тронули...»

VIII В дороге

УТРОМ Алексей сразу же пошел к декану. По дороге неожиданно встретил Илью. Тот молча подошел, крепко пожал руку и, закинув свою руку на плечо Алексея, молча дошел с ним до деканата (Алексей понял: «Я с тобой»).

Абрам Моисеевич, судя по всему, все знал.

— Иди к директору. Он тебя ждет, — сказал он.

Алексей спустился на этаж ниже, в директорский отсек. В приемной секретарь, Зоя Игнатьевна, тоже не медлила. «Заходи, Алеша», — сразу же сказала она.

Сергей Иванович вышел из-за стола. Поздоровался за руку. Сели за маленький столик с двумя ажурными мягкими стульями.

Немного помолчав, директор сказал:

— Ты, наверное, догадываешься, что твое назначение «стипендиатом» было делом трудным. И может быть, совсем в другом смысле, чем ты думаешь.

Теперь, ты понимаешь, ситуация изменилась. И очень серьезно. Появилась, как начинают говорить теперь, «однозначность». У меня предложение такое. Неожиданное, но ты солдат — поймешь.

Возьми отпуск или пойди на отчисление по семейным обстоятельствам, может быть, так, чтобы потом вернуться, что не исключено.

Во всяком случае, сейчас лучше всего (и для всех, добавлю) уйти самому, после чего сами собой решатся все вопросы. Да и полезно после теории вновь окунуться в жизнь. И кстати, сейчас есть хорошие возможности ко всему этому. Вчера ко мне заходил один из моих бывших сослуживцев, сын одного из крупных рудознатцев в нашем краю. Он формирует поисковую группу. Дело тут вот в чем. Тебе наверняка известно, что на юге Урала разворачивается грандиозное оборонное строительство, притом — на месте, где существуют мощные минеральные источники будущего производства. Но, по некоторым сведениям рудознатцев прошлого, в том числе отца моего сослуживца, и в других местах, где были пробиты шурфы в поисках драгоценных камней, как будто бы находили подобные минералы. И вот группа должна проверить эти сведения.

— Ты, — продолжал директор, — можешь подать заявление об отчислении тебя из студентов в связи с острой необходимостью материального обеспечения семьи (а заработки в группе предполагаются высокие). И уже спокойно можешь уйти в горы. Там до тебя никому не будет дела. И здесь все в порядке: взял да и ушел сам. Ну, как?

— Все по делу. Согласен, — ответил Алексей.

— А мама не возразит? — спросил директор.

— Не возразит, наверное. Она больше всего за меня боится. Знает, что, как и отец, могу завестись, что-нибудь выкинуть. Да и привыкла она нас с отцом не видеть (но знать, что — живые). Мы же более трех лет были в отлучке, на войне, а отец еще на проверках.

Здесь же, в кабинете директора, Алексей за маленьким столом написал заявление на имя директора. Заявление сразу было подписано. Сергей Иванович, кроме того, позвонил по телефону — сначала своему сослуживцу («Все в порядке, Юра. Спасибо тебе. Через часик он к тебе придет»), потом — в бухгалтерию, распорядился, чтобы Козловскому досрочно выдали стипендию. А Алексею сказал:

— Я сейчас распоряжусь, чтобы тебе выдали документы без «бегунка». Не забудь свой аттестат. Абрам Моисеевич выдаст тебе характеристику и справку о сдаче экзаменов на первом курсе с оценками. Храни все. Вот адрес, куда через час ты должен прийти, там — Юрий Кузьмич.

ПРИЯТЕЛЯ директора, Юрия Кузьмича Котова, он нашел сразу. Жил он в пятиэтажном доме, когда-то элитном, в трехкомнатной квартире, полученной еще до войны его отцом как знатным рудознатцем — гордости края. Отец не дожил до Победы всего лишь месяц.

Юрий Кузьмич, почти ровесник Алексея, чуть постарше, сразу же отрекомендовался: «Юра», — и своего гостя стал именовать просто — Леша, понятно, — на «ты». Сказал:

— Оформим тебя коллектором, это — всякие черновые работы. Ты ведь, кажется, в саперах служил — значит, все умеешь. Это нам и нужно. Группа наша всего 12 гавриков плюс повариха, всем придется вкалывать. И добавил еще: «Я был в тех местах, куда мы направляемся (это отроги Вишневых гор), еще пацаном, вместе с отцом. Он вообще хотел, чтобы я пошел в геологи, в Горный институт. Но меня «по комсомолу» загнали в органы, оттрубил там несколько лет — надо было боеприпасы прогонять на фронт. На снарядах сидел, иногда они взлетали в небеса. В «смерше» не был, не для меня работа и болтун я к тому же, говорю часто то, что думаю».

Вся квартира Юрия была завалена барахлом — брезентом, лопатами, рюкзаками, ящиками, походным снаряжением, продуктами.

Юра сказал:

— Давай-ка домой, доложи домашним, что уезжаешь (это пока) месяца на два — октябрь, ноябрь. Потом полевые работы будут невозможны. Будем в тепле кое-что обрабатывать или что-то еще потребуется. Оставь своим доверенность на зарплату, тут не обижают. Через час обратно. Будем все упаковывать. Выезжаем завтра утром.

Алексея никто не провожал. Только перед самым отходом поезда невесть откуда появился Илья. Поздоровался: «Всем привет!» А Алексея крепко обнял и негромко сказал: «Не теряйся. Маму буду держать в поле зрения, буду забегать каждую неделю. Все будет в порядке».

У Алексея на душе скребануло: в последние недели он не очень-то стремился к встрече с Илей; снова — урок.

IX Вишневые горы

В Поезде Алексей перезнакомился со всеми. Ребята молодые. Почти все только что демобилизованные. Женщина одна — Анна, повариха, всю дорогу пересчитывала продукты, что-то прикидывала, сопоставляла с календарем, потом привязывалась к Юре — надо то-то и то-то докупить. Зануда, что ли? Или настоящая хозяйка?

Приехали на место еще в темноте. Глухой разъезд. Их встречали две подводы (Котова в Вишневых горах знали хорошо, уважали). Проводник — тоже старый знакомый, ровесник и сподвижник Юриного от-

ца — Иванович (Иванович — только отчество, для близких и бывалых людей достаточно, так здесь принято).

Погрузили на подводы все вещи — тюки, ящики, рюкзаки. А сами, не отставая, по утренней скользкой от росы лесной дороге пешком за подводами. Дорога все время виляет по крутым увалам. На спусках приходится вставлять «палки в колеса» (только сейчас Алексей понял, что это такое, — то, без чего на крутых спусках не обойдешься; так что «палки в колеса» не всегда «плохо»).

Лишь к обеду вышли на широкую поляну. Это километрах в десяти от хутора, где жил Иванович; оттуда лошади, на одной из них Иванович уезжал каждый вечер к себе на хутор.

На поляне около гремящей речки — сруб лесного домика, рядом поленница, небольшой штабелек досок, недавно привезенных Ивановичем. Жесть, скобы, гвозди, еще какое-то железо. Домик без разговоров с кухонной утварью и припасами заняла Анна — так положено по законам таежных странствий, она их знает. Рядом с домиком вмиг поставили большую армейскую палатку; внутри на одной стороне — невысокие сплошные нары из свежих досок, на другой — печка, маленький столик, при необходимости — можно — и большой. За палаткой сколотили из досок стол, скамейки. Тут же, на столбах — «стратегический» продовольственный склад. Все. База к вечеру была готова. Обед и ужин (вместе) — тоже. Анна не подвела — повариха отменная.

НА СЛЕДУЮЩИЙ день — выходы на шурфы. Большинство шурфов обвалилось, обсыпалось. Сохранились лишь те, где были срубы. Но и там «искомого» минерала, даже его следов, не оказалось. Бесплодными оказались и несколько последующих дней — результатов никаких. Шурфы либо обвалились, даже заросли, либо пустые. Хотя минерал заметный, не пропустишь — литой, полупрозрачный, серо-матовый (сейчас остро необходимый то ли для атомных, то ли для дел ракетных. Образец, хотя всего и один, — у Юрия Кузьмича, но все в группе приметы минерала запомнили).

Что же делать?

Как-то вечером, после ужина Алексей отозвал Юрия Кузьмича:

— Поговорить надо. Сейчас.

Они зашли за большой валун у речки. Алексей предложил:

— Юра, а что если нам соорудить промывочные ковши? Пока реки не замерзли? Мы еще в школе, в старших классах, когда я был в геологическом кружке, раза два промышляли. У нас, кажется, лист или

два жести имеется. Сделаем запросто. Тогда, может, по притоку реки выйдем на район месторождения?

Юрий Кузьмич, с удивлением посмотрев на Алексея (поди-ка, что знает), тут же согласился. И они, призвав к этому делу еще пару парней, назавтра, еще до обеда сделали штук пять ковшей — эдаких низких прямоугольных тазиков с ручками.

Следующие пару дней ребята бродили по берегам реки, протокам и, чуть ли не отмораживая руки (вода ледяная!), трясли ковшами, нашли несколько стоящих полудрагоценных камней, но искомого минерала так и не было. Только к концу второго дня обнаружили нечто похожее, пусть и включенное в пустую породу, — литой матовый полупрозрачный минерал.

Чуть выше от места находки по течению реки — небольшая речка-приток. В нем отмыли еще один образец. И только поднялись вверх по притоку, на самой вершине увала — сразу два шурфа. Тут же — части какого-то крупного оборудования. Но шурфы обвалились, чуть ли ни сравнялись с землей. По верхним частям шурфов — заметно, что там были срубы. Но их, наверное, сняли, перенесли в другое место. Значит, не исключено, где-то поблизости может быть более богатый шурф.

Стали все, выстроившись в цепь, обходить окрестности. Но в это время посыпался, все усиливаясь, мелкий снежок. Сначала ничего. Снежок в первое время всего лишь припорошил кустарник, деревца, траву. Но потом снег повалил густо, крупными хлопьями, покрывая все кругом ровным, гладким слоем. Как зимой.

Так что на поверхности, под деревьями — ничего не различимо. Не определишь — то ли это какая-то выемка, то ли овражек, то ли заросший шурф.

Юрий Кузьмич скомандовал:

— Хватит. Пошли до дома.

ВЕЧЕРОМ начались раздумья. Что делать?

Иванович сказал:

— Надо дождаться утра. Посмотреть — куда погода повернет. Да голова по утрам яснее.

Снег валил всю ночь. К утру намело до окон избушки. Пришлось лопатой разгрести тропы — до воды, до дороги, от избушки — к палатке. И еще умудрились — перенесли стол и лавки в палатку, к печке, уместились в аккурат. Ребята, соорудившие нехитрую столовскую утварь, усмехались — на то и рассчитывали.

Приехал Иванович. Борода в снегу. Сказал твердо:

– Снег лег. Раз на камнях не подтаивает – значит, до весны. Придется, видать, сворачиваться. Как, Кузьмич? (Вот Юра и стал «Кузьмичом» – признали.)

Решили днем, пока снег не очень глубокий и светло, побродить по окрестностям. Вдруг где-нибудь обнаружится впадина с шурфом, да еще бы (фантазеры!) – с навесом? Вновь неудача. Нет ничего похожего. Везде чистая снежная гладь. Даже речки стали покрываться льдом, у берегов, по крайней мере, мелкие же притоки и ручьи вообще целиком спрятались под снегом.

После обеда все дружно занялись дровами. Завалили две большие сушины. Потом пилили, кололи чурбаки – поленница выросла раза в два. Топили печки без стеснения – стало тепло, даже жарко – хоть раздевайся до майки.

Вечером, после ужина, когда Иванович уехал на хутор, Юрий Кузьмич усадил всех вокруг стола, расстелил широкий лист бумаги, рядом положил карту-километровку.

– Давайте, попробуем нарисовать схему шурфов, которые мы обнаружили. Для отчета нужно, – сказал Юрий Кузьмич. – Кто возьмется?

Взялся рисовать один из парней – Павел: он служил в какой-то геодезической части, там их немного учили картографии. Но у Павла ничего не получилось. Хотя он одним глазком все время посматривал на карту-километровку, у него вышел набор полукруглых, волнистых линий с маленькими кружочками и звездочками между ними. Только изображенные в миниатюре палатка и избушка в центре листа и речка рядом с ними как-то помогали сопоставить нарисованные линии, кружочки и звездочки с реальной местностью. Либо слишком заумно, либо автор все же неумеха.

Тогда Алексей, кивком головы испросив разрешения у Юрия, перевернул лист бумаги и очень быстро, почти не отрывая карандаш от бумаги, набросал (не заглядывая в карту) сначала речку с притоками, потом окружающие поляну возвышенности, затем отметил на них кружочками найденные шурфы (обозначив обвалившиеся небольшими крестиками) и особо – часть увала с двумя шурфами, куда вывел по притоке найденный ими образец минерала, слегка заштриховал весь этот участок пунктирными линиями.

Все долго смотрели на нарисованную Алексеем схему. Все правильно. Один к одному. Даже красиво.

Юрий Кузьмич еще раз внимательно посмотрел на схему и после этого, скрутив схему в скатку, сказал:

– У всех свободное время. Погуляйте.

Ребята, правда, не стали «гулять», а, позвав Анюту (Анну), достали гитару и стали негромко напевать любимую на фронте – «...словно в путь-дорогу друга провожала, синие ресницы, синие глаза...». Потом еще одну песню, еще одну...

А в это время Юрий Кузьмич начал разговор с Алексеем. Он сказал:

– Если ты, Леша, не возражаешь, я попытаюсь договориться с начальством, чтобы ты был моим заместителем по освоению отрогов Вишневых гор. Согласен? Ну на время хотя бы. Но тогда тебе придется вместе со мной обосноваться в закрытой зоне в Главном институте, чтобы обработать все материалы и подготовиться к весеннему полю. Но обо всем этом надо будет еще договориться с руководством.

Юрий Кузьмич достал из своего объемистого рюкзака полевой радиотелефон, дозвонился (не сразу) до хутора, где была установлена аппаратура дальней связи, и попросил Ивановича утром привести еще пару лошадей. Рано утром они – Иванович, Юра и Алексей – быстрой рысью доскакали по обочине дороги до хутора (Иванович прочистил для себя конную тропу).

Разговор Юрия Кузьмича был долгим, кого-то сразу не могли найти, что-то надо было согласовать. Были какие-то сложности с пропусками. И прочее («Все понятно», – про себя подумал Алексей, отцов шлейф тянется). Но где-то через час-полтора, кажется, все вопросы были решены.

И когда вернулись на базу, Юрий Кузьмич собрал в палатке все группу и объявил:

– Наша группа до весны консервируется. Но все остаются на своих рабочих местах, получают зарплату, за вычетом – полевых. При необходимости – сбор за 24 часа. Все снаряжение оставляем на хуторе у Ивановича. Поэтому людской состав – завтра в город (без ущерба для дела там можно заняться и чем-то другим – учебой, где-то подрабатывать и прочее). Мы же с Алексеем остаемся в закрытой зоне.

На следующий день, еще в предрассветных сумерках, у базы оказались две подводы. Через час база опустела. Вечером все, кроме Юрия Кузьмича и Алексея, оставшихся пока на хуторе, уехали вечерним поездом в город.

Х

Главный институт

ЮРИЙ КУЗЬМИЧ с Алексеем тоже на денек смотались в город. Юра, как обычно, был весь в бегах по делам (оказывается, надо было

решить еще какие-то вопросы). Алексей вновь принял городской облик, удалось даже с часок повеселить маму, в дорогу взял теплый армейский бушлат, зимнюю шапку. Хотел, было, захватить учебники; но потом раздумал — взял только «Юридический словарь», просто так, вдруг понадобится.

Остановка, ведущая в зону, была следующей станцией после того разъезда, на котором выгружались в прошлый раз. Станция — «по полной форме», отвечающая обстановке. Высокий, ярко освещенный перрон, охрана у выхода, везде патрули. Сразу же — проверка документов: «кто», «куда», «документы». Либо паспорт с пропиской, либо справка из колхоза с датами и печатями, либо пропуск. Иначе: «Пройдемте, пожалуйста, в комендатуру».

У станционного здания стоял автобус, идущий до Института.

По дороге еще дважды проверяли документы. Сначала, когда въезжали на общую территорию всей закрытой зоны, потом — при подъезде к Институту.

Главный институт оказался гигантским четырехугольным зданием, этажей восемь с рядом подъездов и, наверное, с внутренним двором. К этому зданию был еще пристроен четырехэтажный блок, который был отгорожен невысоким забором. Здание и блок, судя по всему, недавно построенные.

Выяснилось, что у Юрия Кузьмича и у Алексея пропуска только в отгороженный блок (который назывался «Корпусом», с добавлением «Служебный»).

В регистратуре служебного корпуса дежурный сержант-регистратор определил ребятам комнаты (одновременно кабинет и спальня) — 418 и 429 и общую «чертежную» — 4-бис. Столовая в полуподвале, там же магазинчик. Бухгалтерия и касса — рядом с регистратурой. Сержант выдал талоны на питание и карту обслуживания (смена белья, стирка и прочее).

Комнаты хорошие. Все там есть, все удобства. Большой радиоприемник. Широкий рабочий стол с пишущей машинкой. Тахта, на ночь легко превращающаяся в кровать, кресло. Телефонный аппарат. Есть адрес («п/я»), Алеша сразу же отправил открыточку маме: «Все в порядке», сообщил свой адрес.

Первый день Юра с Алексеем побродили по корпусу. «Чертежная 4-бис» оказалась небольшой аудиторией с настенной доской и экраном. Лифта нет. Весь корпус не только примыкает к главному зданию, но и стыкуется по этажам. На стыках — наглухо закрытые массивные полустеклянные двери — через стекло видно, что «там» такие

же длинные коридоры и двери по обе их стороны. Дальше за поворотом коридора, наверное, все самое главное.

ПЕРВЫЕ два дня Юра с Алексеем, как говорится, «вживались», переписали и отработали отчет о своей короткой экспедиции. Перенесли со схемы все данные на карту 500-метровку.

На третий день в комнату Юрия, куда по вызову сержанта-регистратора пришел и Алексей, постучали. Вошел высокий, солидный, но какой-то лохматый мужчина в годах («дед»). Представился: «Профессор Изюмов Виктор Дмитриевич, руководитель группы “геологоразведка”. А вы – Юра и Алексей? Пройдемте, пожалуйста, в чертежную, проведем маленькое совещание». В аудитории оказались еще двое парней, выпускников Горного института из соседнего города – Михаил и Зигмунд («Зигма», как он сам уточнил). В углу чертежной высилась горка старых папок, каких-то свертков.

Виктор Дмитриевич сказал, что к летнему полевому сезону нужно подготовить всю «теорию» и рабочий план действий. Предположение – такое. Месторождение минерала имеет большое массивное тело, окончание которого находится как раз в отрогах Вишневых гор. По всем материалам ранее проведенных разведок (а потом и на месте – будут даны буровые установки) нужно будет уже в мае-июне решить, возможна ли тут промышленная добыча, которая при положительном результате должна начаться тотчас же, ранним летом.

После этого Виктор Дмитриевич раздал всем отчеты прежних экспедиций, добавив, что Юра с Алексеем должны добавить сюда собственные данные, полученные в осенний выезд. И вообще на них, Юрия и Алексея, возлагается общая координация всех поисков – сейчас по документам, потом – на местности. «Мне же, – добавил Виктор Дмитриевич, – придется вместе со своими коллегами из других отделов заняться отработкой “общей концепции месторождения” (тут не все просто и не все понятно)».

Затем Виктор Дмитриевич сообщил свой телефон (его резиденция оказалась в главном здании). Работаем с 10 утра в своих комнатах, если понадобится – вместе в чертежной. После этого «дед» ушел, оставив ребят одних.

РАЗГОВОР затянулся. Михаил и Зигма рассказали о своем институте. Он оказался «отпрыском» московской Академии, эвакуированной во время войны в эти края. Там в то время преподавали научные величины (очень интересно!), сейчас остались в основном их учени-

ки, и это тоже здорово. Михаил был на фронте, на Калининском, ранен в 1942-м. Подробно поведал о династии Котовых, оказывается, дед Юрия был чуть ли не самым знатным рудознатцем в крае, именно он «открыл» Вишневые горы — кладезь редких минералов. И так далее.

Вдруг кто-то посмотрел на часы.

— Ребята, а время обеда уже кончается. Бегом в столовку.

Все разом сорвались с места.

Самый короткий путь — это по лестнице, примыкающей к главному зданию.

Алексей опередил всех. Он не только перескакивал через ступеньки, но умудрился, опираясь рукой на перила, одним махом прыгать с одной лестничной площадки на другую.

И вдруг на последней лестничной площадке, примыкающей к главному зданию, что-то резко заставило сильно забиться сердце. Он остановился, замер.

Потом повернул голову к стеклянной двери, ведущей в главное здание. Там он сразу увидел прижатый к стеклу и от того расплющенный нос и широко открытые женские глаза. Женщина с рыжеватой косой, уложенной вокруг головы, радостно улыбнулась, приветливо махнула рукой, тут же отвернулась и быстро ушла по коридору, затем за поворотом исчезла совсем.

ЗИНА! Боже мой, Зина!

XI Письма

В ЭТОТ день и несколько дней потом Алексей был в приподнятом возбуждении. Будто что-то случилось во всем мире, во Вселенной. И Алексей оказался совсем в другом измерении, иной системе координат, в системе радостного ожидания.

Алексей часто, совершенно беспричинно улыбался, часами через окно с восторгом смотрел, как на ближайшем дереве стайка птиц, видимо, повзрослевших, народившихся этим летом птенцов, кружит и кружит вокруг птички-мамы. А вон облачко, похожее на рыбку. Мир так прекрасен!

Алексей понимал, что это — Зина.

И совсем не обязательно, чтобы человек, способный изменить твой мир, был с тобой рядом. Главное, чтобы этот человек был. И был недалеко — так, чтобы твое состояние, а возможно, и мысли могли каким-то неведомым образом дойти до него. Или просто чувствовать,

что они, может быть, доходят. И чтобы можно было, хотя бы изредка, видеть его...

В конце какого-то совещания, где разбирались несколько прежних отчетов, Алексей как бы случайно, между прочим (но голос у него дрогнул — сам заметил), спросил Виктора Дмитриевича:

— Виктор Дмитриевич, а вы не знаете Зину?

— Какую Зину? Как ее фамилия? Ну, нет, просто Зину я не знаю, — пошутил шеф.

Все, кто слышал этот краткий диалог, заулыбались. А Алексей подумал про себя: «Надо же! Они не знают Зину!»

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ, когда Алексей пробежал мимо регистратуры, дежурный сержант окликнул его: «429-й, вам письмо».

Письмо было из дома, от мамы. Вдруг стало очень тревожно. Алексей тут же, в вестибюле зашел за колонну, сел на стул и одним рывком разорвал по краю конверт.

Мама писала, что умер папа. Умер, как было сказано в кратком стандартном официальном извещении, «в тюремной больнице». Алексей уже знал (кстати, из рассказов отца), что «умереть в тюремной больнице», значит, как правило, попасть в тяжкое состояние после пристрастных допросов или там же, в следственной камере, распрощаться с жизнью — факт, который потом оформляют в больнице. Или просто отец, действительно, тяжело заболел? Он ведь дома долго и тяжело кашлял, говорил, что «сильно мерз там в последнее время».

На фронте Алексей со смертью своих товарищей или просто однополчан встречался не раз. И всегда очень страдал. Разве может быть такое «при Боге»? Был человек со своей душой и судьбой. Со своими мыслями, чувствами, страстями — единственными, уникальными, другим неведомыми, заведомо никем не повторимыми. И вот вдруг нет его, совсем, навсегда. И нет больше и никогда не будет таких мыслей, переживаний, страстей. Нет его — единственного и неповторимого. А смерть отца, прошедшего ужасы фронта и лагерей, — это вообще пропасть. В чем-то конец света. В чем-то и твое собственное небытие. Крах. Бездна.

И в то время, когда у Алексея в душе нарастали отчаяние и горе, он внезапно вспомнил о Зине. Вспомнил, и тут же что-то изменилось.

Где-то в глубине души — в бескрайнем горе и безнадежности вспыхнула ожесточенность, которая порой так необходима для жизни. И, Бог мой, как раз почти такое же состояние, которое возникало на фронте, на передовой, когда подавив в себе животный страх, человек откры-

то идет на смерть и на убийство врага, реально ощущая за собой родной дом и самых близких людей. Не так ли и здесь, когда есть мама? И есть еще Зина? А с ней что-то такое, что-то самое светлое на свете?

Мама просила сына приехать на похороны. Они через два дня.

Алексей тут же, из регистратуры, позвонил Виктору Дмитриевичу. Тот, почувствовав неладное, появился сразу. Узнав, в чем дело, Виктор Дмитриевич – без разговоров – достал из внутреннего кармана пиджака пачку денег и засунул ее в карман Алексею – «потом разберемся». Тут же он направился в комнату коменданта. Пробыв там минут десять, вернулся к стойке комендатуры и сказал Алексею:

– Все в порядке. Тебе оформляется отпуск на три дня. Все необходимые документы получишь через полчаса на этой стойке. У выхода будет машина до вокзала, билет на поезд забронирован по нашему ведомству. Все деньги, которые я тебе передал, будут зачтены как материальная помощь при несчастном случае. Передай соболезнования маме, всем родным. И сам держись. Иди, иди, быстро собирайся.

ПОХОРОНЫ были тягостными, нескончаемыми. Гроб с телом отца оказался запаянным. Спасибо, что хоть это есть. Нередко в подобных случаях – одни справки. Мама постаралась, до какого-то высшего чина дошла. Было приказано к гробу не прикасаться. «Оформляйте, украшайте – это, пожалуйста», – сказал суровый низкорослый человек с папкой, всю процессию не отходивший от гроба («Ну, что вы там натворили, парни», – зло подумал Алексей.)

Поразило, что к гробу, установленному на табуретки у подъезда дома, собралось много людей. Знакомых и совсем незнакомых. Тем более что Алексей снял свой затасканный орден «Отечественной войны» и прикрепил впереди к крышке гроба. «Человек с папкой» хотел было что-то сказать, но, взглянув в глаза Алексея, даже отшатнулся – он, наверное, впервые в жизни вплотную встретился с неприятием и жесткой отчужденностью, которые не знают границ. Были демобилизованные, солдаты, еще не снявшие форму. К Алексею и маме подошли несколько воинской выправки мужиков, молча пожали руки. Один сказал: «Он был настоящий солдат». Алексей понял – сослуживцы.

Безмерно тяжело было маме, она ни на секунду не отпускала во время всей процессии сына, держала его под руку, прижимала к себе. Но не плакала, не причитала, вся омертвела, будто высохла, совсем стала старушкой. И все время говорила сыну: «Скорее, скорее уезжай, возвращайся на работу. Хотя бы ты останешься. Там, как мне сказали, тебя никто не посмеет тронуть».

Поминальные часы в кафе-столовой прошли быстро (хотя народу опять набилось много). Речей никто не произносил. Но почти все подходили к маме, Алексею. Говорили: «Спасибо (мужу; отцу)», «Крепитесь». Многие, особенно мужчины, не скрывая, утирали слезы. Было видно — никто ничего не боялся.

АЛЕКСЕЙ вернулся в корпус рано утром. Строго уложился в трое суток.

Когда он открыл свою 429-ю, он сразу увидел на столе конверт, а на нем — небольшую розочку с черным бантиком на стебельке.

Зина! Сильно забилося сердце, впервые за все это время захотелось заплакать.

В незапечатанном конверте листок. На нем всего несколько предложений: «Лешенька! Держись. Это невозможно, но ты сможешь. Приходи ко мне к 6 вечера в главное здание. Очень жду. Зина. Ком. № 29». Тут же к письму прикрепленный скрепкой пропуск. Текст тоже предельно краток: «Пропуск на доступ в главный корпус. Через 4-й подъезд. С 18 до 20 часов ежедневно. Без проверки. Подпись — Л. Берия».

Подпись на пропуске привела Алексея чуть ли не в состояние болевой тревоги. Чуть ли не шока. Как так? Человек, который, как известно, причастный ко всяким злодеяниям и дискредитирующий товарища Сталина, подписывает (да еще «без проверки») пропуск человеку, отец которого проходил по его ведомству изменником и явно погиб как раз в его застенках?

Мысль эта все более нарастала, овладевая всем его существом. Но тут как бы прозвучало: «Стоп! Пропуск, на котором эта самая подпись, в письме от Зины». В тот момент Алексей даже не задумывался над тем, что здесь — разумные доводы? чувства? интуиция? Что-то еще совсем неизвестное? — но он сразу успокоился и, быстро переодевшись в рабочий костюм, побежал в столовую — как раз пришло время завтракать. Он еще не знал, что здесь родилось главное, что может быть в жизни человека, — вера. Вера в человека, во все, что его касается.

А потом был день — обычный, рабочий. Только Виктор Дмитриевич, когда вся группа собралась в чертежной, высказал слова соболезнования от всей группы, все сочувственно покачали головами, сидящие рядом ребята сочувственно похлопали Алексея по плечу, а Виктор Дмитриевич передал ему бумажку и квитанцию (это были документы от профкома о выделении А. Козловскому помощи в «связи с несчастным случаем в семье»).

В общем, день как день. Разбор очередного отчета экспедиции. Но ни на малое мгновение Алексея не покидала мысль о шести часах вечера, и он невольно все время (и во время обеда — тоже) отсчитывал — осталось еще 7 часов, еще 6 часов, еще 5 часов, 4 с половиной часа...

В половине шестого Алексей предупредил Юру, всех других ребят, что исчезает до восьми («пусть в столовой оставят что-нибудь куснуть»). Предупредил по телефону шефа, Виктора Дмитриевича: «Буду в отлучке два часа». Шеф сказал: «Хорошо», и никаких вопросов.

По пропуску, который был у Алексея, его везде пропускали без задержек. Дежурные даже не всматривались, не вчитывались в документ, только козыряли.

Ровно в 6 часов вечера с маленьким полевым цветочком, сорванным по дороге, Алексей был на втором этаже главного здания у дверей комнаты № 29.

КОГДА Алексей, постучав и не дожидаясь ответа, открыл дверь, то увидел, что Зина уже бежит навстречу к нему. Она обхватила руками Алексея, прижала к груди, крепко-крепко. Так и стояли, не шелхнувшись, пока Алексей не успокоился. Потому что он, не сдерживаясь, плакал. Как ребенок, держался-держался, и все же вот, заплакал. Тяжело, когда в открытую плачут мужчины. А Зина его успокаивала так, как может успокаивать только женщина, — собой.

Потом Алексей оторвался от Зины и, не отпуская ее, долгим взглядом посмотрел ей в глаза. Зина сказала:

— Давай присядем.

Они устроились на тахте. Чуть меньше, чем у Алексея, — почти диване. На тахте ряд подушечек. Одну из них Зина положила между ними; сказала, весело усмехнувшись: «Нейтральная полоса» («Нейтралка», — в том же тоне поправил Алексей).

— Теперь, — продолжила Зина, — я сначала должна кое-что тебе рассказать. Чтобы была полная ясность. Давай по пунктам.

Тебя конечно же не могла не взволновать подпись на пропуске. Объясняю: здесь такой порядок. Без исключений. Только по этому вопросу ездил к «самому» (к удаче, «он» оказался в Центре) наш директор, академик. И обоснование только одно — «приехал друг». Я просила, чтобы было только так, и просила в первый раз вообще.

А сейчас — самое существенное. Я ушла от *Него* (Алексей сразу же обратил внимание на то, что Зина не хочет произносить не только имя, но даже фамилию его бывшего шефа в институте — Воропае-

ва). Точнее — я вернулась в свой физико-математический институт, а еще точнее, в ту его часть, которая работает здесь. Тем более что меня очень настойчиво приглашали сюда более полугода — для чего-то я была здесь очень нужна.

Зина на какое-то время замолчала. По всему было видно, что она не хочет все вспоминать и боится увести разговор в ненужные частности. Рассказ Зины, действительно, достоин того, чтобы его выделить особо. Вот он.

— У МЕНЯ, — рассказывала Зина, — с раннего детства нашли какие-то от природы математические способности, притом особые (что, кстати, очень мешало мне жить; не скрою). И с ранних лет я была привлечена в Институт. Тут я придумала некую математическую теорию, «ключик» к которой не смог найти никто, и потому я часто нужна сама, лично.

А в Институте, еще несколько лет назад, за мной стал ухаживать кэзгбистский куратор — Воропаев, как мне говорили, дока по познанию и допросам («Впервые имя произнесла», — подметил Алексей), стал приставать ко мне — совсем молоденькой девчонке — я ведь тебе, наверное, одноклассница, даже моложе на годик-полтора. Подходил и так, и эдак. У него ничего не получилось. Тогда была придумана, как я поняла потом, жуткая комбинация, которая не укладывается в сознание.

Неожиданно я получаю письмо от родственников с сообщением о том, что мои родители арестованы. Я бросила все. И сразу приехала в свой Белорыбинск. Но, по всем данным, — опоздала. В окошке справок управления мне сообщили, что дело моих родителей — «закоренелых врагов народа, террористов и шпионов» — завершено и что уже состоялся суд, приговор — «высшая мера». Более того, в день моего приезда были арестованы мои дедушка и бабушка — учителя математики.

После обеда арестовали и меня. Что я испытала в застенках, рассказывать не буду, страшно и неприлично. Никогда и никому не расскажу. Тебе тоже.

Что делать? Мертвящий ужас.

Но надо же! Через день приезжает в город «по поручению руководства» наш куратор Воропаев. Он хотя и работал в органах где-то в Подмоскovie (может быть, в Можайске), а потом и в самой Москве, был почему-то тесно связан с белорыбинскими учреждениями (кажется, какое-то время он там работал). Меня сразу же освобождают. Я в общем-то в норме, даже испытывала гордость от того, несмотря на

предельную кэгэбистскую проработку по полной программе, выстояла, хотя кончики пальцев пришлось с помощью соседки медсестры аккуратно залепить медицинским пластырем.

Воропаев поохал и обещал мне во всем разобраться. Вечером он, радостный, пришел в нашу опустевшую квартиру. И говорит: «Я все уладил». Моих родителей, по его словам, просто отправят в ссылку, правда, «без права переписки» (я тогда еще не знала, что это такое). А дедушку с бабушкой с годик подержат для порядка под следствием, а потом – потихонечку отпустят. Словом, вот он – наш спаситель!

– Давай, – говорит наш спаситель, – это событие чуток отметим. Я, оглушенная всем случившимся, не сопротивлялась. Тем более что после всей кэгэбистской проработки я никак не могла (да и сейчас не могу) выйти из страшного потрясения. Он налил себе и мне по стакану водки. Мы выпили, и я погрузилась в небытие, прострацию, что ли. И он – прости меня Бог! и ты, прости – овладел мною. И в эти минуты, и после все время говорил: «Пока ты со мной, с твоими родными ничего не случится; заартачишься – все рухнет, ничто и никто не поможет». Утром, чуть проснувшись, он привез меня в какое-то учреждение и там оформили брак. Тут он добавил, что будто бы эта акция согласована вчера по телефону с самым «высоким начальством» (может, и согласована: они по бабьей части – «молочные братья»). И пока я под его крылом (заложница, что ли?) – никого, повторял и повторял он, из моих родственников не тронет никто.

– А совсем недавно, спустя несколько дней, как ты ушел из Юридического института, – продолжила Зина, – мой одноклассник, работающий в органах, сообщил мне по секрету, что мои самые близкие люди – мама, папа, бабушка, дедушка – были расстреляны в те самые дни, когда я была в своем городе, Белорыбинске.

И тут вдруг роли переменялись. Алексей заметил, как лицо Зины неожиданно исказилось болью и его как-то сразу залили слезы. И говорила она, с трудом преодолевая рыдания. Тогда Алексей отбросил подушку-нейтралку, притянул к себе Зину и крепко (как недавно это делала она) прижал ее к груди.

Зина плакала, уже не сдерживаясь. И быстро-быстро говорила, говорила сквозь слезы, порой сбиваясь на шепот. Из того, что она говорила, он уловил, что «этот Институт» не совсем институт, а больше эковская зона, или, как иногда сейчас говорят некоторые, «шарашка». А вот ее – хотя она отсутствовала почти год – не трогают. Даже, напротив, почему-то балуют, даже потворствуют. Как с пропуском тебе, Алеша, например. Уникум я, видите ли, какой-то...

А отчетливо, внятно повторила: на следующий день, после того, как узнала обо всем, она, не взяв ничего, оставила *тот* дом. И в одном пальтишке вернулась в Институт. Ее без всяких разговоров приняли. Допущена до всего.

Но то, что случилось, — случилось...

Вдруг Зина всполошилась. Оторвалась от Алексея и ткнула пальцем в настенные часы :

— Ты что? Времени-то без пяти восемь. Бегом к себе.

Алексей на ходу коснулся губами кончиков Зининых пальцев, собрав их в своей руке, и стремительно убежал. Охрана пропускала его молча, никто даже не посмотрел на часы.

ХII

Вопросы. Уроки. Фантазии

ВСКОРЕ все привыкли, что Алексей исчезает с 6 до 8 часов вечера. Приносили ему в комнату ужин, сгрузив все стоящее съестное в одну тарелку.

Странно, никто не удивлялся этому. Даже вопросы не возникали — что это и кто это? Любовница? Настоящая любовь? Старинная знакомая? Родственница? Наука? Не было никаких разговоров, даже из демобилизованной братии, склонных обычно после многолетнего солдатского монашества сводить разговоры подобного толка к «бабам». Слава Богу, не было в ту пору еще словечка и ореола «секса», прилетевших из заморских краев, вмиг истоптавших светлое и романтическое в молодости, что не повторяется в жизни человека больше никогда. И что делает жизнь потом скучной и противной. Везде — одни позывы физиологии и первая сигнальная система.

Первые два-три «визита» Алексея к Зине прошли в непрерывных разговорах обо всем и ни о чем. Но кое-что было очень интересное. Оказывается, Зина, очень далекая по своим научным и всем другим интересам от юриспруденции (более того, как и все ее коллеги, не очень-то как будто бы и считающая ее наукой, нередко видящая тут, вслед за своими коллегами, одни лишь «формалистику и схоластику»), была в общем в курсе того, что происходит в Юридическом институте, и мимоходом схватывала какие-то важные вещи в области права. Тем более что сейчас Алексей рассказал ей обо всем, что было с ним, даже о книге и брошюре, которые он читал в архиве.

Поразило и то, что Зина с какой-то непонятной симпатией относилась к «осколкам прошлого» — цивилистам, специалистам по гражд-

данскому праву. Даже брала в библиотеке на несколько дней учебник по частному римскому праву. Однажды «совершенно случайно» проговорила прямо в коридоре с одним из цивилистических корифеев, Марком Марковичем, присевшим во время разговора на какой-то ящик. Не от этого ли в ее разговоре с Алексеем в какой-то связи промелькнула фамилия Покровского? Ага! Тот же самый автор — Покровский!

Но когда Алексей пришел к Зине в следующий раз, он, к своему удивлению, увидел освобожденный от всякой мелочи и привычных вещей стол, гладко застеленный белой бумагой. У стола напротив друг друга — два стула, тут же на столе две толстые тетради, ручки и карандаши.

Так они и сели — друг напротив друга.

Зина сказала:

— Все, Лешенька, просто так мы с тобой наговорились. Теперь пора заняться делом. Хотя бы немного. Месяца через два, как я надеюсь, ты восстановишься в вузе. Здесь в центральном нашем городке, километрах в 20 отсюда, есть филиал московского юрфака. Тебя, конечно, примут; кого же еще принимать?

Но перед этим мы с тобой коснемся кое-каких вещей, так сказать, с моей колокольни. Не исключено — чего-то диковатого.

И тут мне нужно напомнить тебе, что у меня с детства обнаружена странная способность (или психический срыв, уродство?) видеть привычные вещи с необычной стороны, некоторые считают — с математической. Что это? Не знаю. Математики радуются каким-то математическим или физическим результатам в связи с моей, так сказать, теорией, не вижу тут ничего исключительного, иначе и быть не может, только у меня при этих экспериментах возникает сильное напряжение, потом голова болит. Все считают, что это глубоко математическое, но в каком-то особом понимании. Мне самой почему-то думать об этом не хочется.

И вот, хотя в вашей правовой обители я оказалась совсем случайно, да к тому же настроена была против юристов, их формалистики и схоластики, я, кажется, и здесь невольно увидела нечто поразительное.

Для этого начнем с азов. Я тебя чуть-чуть попытаю.

Зина протянула руку через стол и, улыбаясь, легонько щелкнула Алексея по лбу. Сказала:

— Соберись! Сосредоточься!

— ДЛЯ НАЧАЛА, — сказала Зина, — давай вместе вспомним, что сейчас преподают в Институте о вашей материи — праве, законах, судах и так далее. И о том, что я постоянно слышу со всех сторон.

– О чем же?

– О том, что право, которое изучается в Институте, – это всего лишь воля господствующего класса. И что именно экономически господствующий класс данного общества определяет в своих законах то, что в данном обществе является правом, – что «можно», а что «нельзя» и кто и на что «имеет права».

Но, может быть, здесь все по-другому и все сложнее?

Ведь история свидетельствует, что государство и юридические нормы возникли вместе с развитием человечества – в то время, когда людское сообщество становилось все более организованным. Не исключено, что именно право, законы, правосудие и есть атрибуты и механизмы той организации, которая и позволяет говорить о «цивилизации»?

– И кстати, в последние столетия, насколько я знаю, – продолжала Зина, – как раз сформулированы институты и механизмы для того, чтобы как-то обуздать власть, ограничить ее произвол. Да и сама государственная власть порой начинает служить людям. И может, самой природой она была предназначена для этого. Многие говорят, и это в основном правильно, что даже в нашей стране приняты хорошие законы. Например, почти не допускаются сверхурочные работы, как-то защищены права женщин.

Разве не стоит задуматься над всем этим?

И тут Зина совершенно неожиданно сказала:

– Знаешь, Леша, я как раз подошла к тому, чтобы сказать тебе самое главное из моих предположений. Только тут нужен перерыв. Хотя бы до завтра.

Зина, отвернувшись от Алексея, быстро проглотила таблетку и, слегка придерживая рукой голову, продолжила:

– Поэтому, дружок, собирайся-ка домой. И главное, настрой себя так, как настроил себя, по твоим рассказам, на чтение книги Покровского...

Алексей встал. И молча, не говоря ни слова (только помахав Зине рукой), вышел.

Времени было 7 часов с минутами.

Алексей даже успел на ужин. Он быстро управился с ужином. И не дожидаясь расспросов, сразу же исчез. Вмиг взлетел по лестнице в свою комнату.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ во время завтрака ребята хитро посматривали на Алексея, а один из парней, его сосед по столу, сказал будто бы сочувственно: «Ну, что, братец срывается? Или дело сделано?»

Алексей только улыбнулся (пожалуй, даже снисходительно), махнул рукой: «Дурачок; не о том речь» и убежал в свою комнату — надо было дописывать набело с черновиков завершающий отчет их группы.

Ровно в 6 он был у Зины.

Зина снова села напротив него. Вплотную — колени к коленям, глаза в глаза. И сразу сказала свое «самое главное» — совершенно неожиданное.

Сказала с напором, выделяя (как бы с нажимом подчеркивая) каждое слово:

— По моему разумению, право по своей сути (не искаженное властью и всеми нами) — *это математика*, притом — *особая*, призванная (и могущая) *ограничить и остановить произвол*.

— И эти слова, — продолжала Зина, — я говорю, конечно, не только потому, что, по словам одного великого ученого, в любой области знаний настоящей науки — столько, сколько в ней математики. Дело в самой сути.

Я слаба в фактических материалах по юриспруденции — и в исторических, и в судебной практике, к тому же очень разной в разных странах. Но, что я невольно слышала в той квартире, где я какое-то время находилась, уже дает довольно значительный материал. Конечно, уголовное право относится к карательной стороне жизни общества, к власти, порой к голой политике. Но даже здесь державное слово всевластного правителя тогда становится основой для признания того или иного поведения преступлением, когда оно (хотя бы даже при мало-мальском следовании цивилизационным началам), как я поняла, выражается в каком-то «составе», которое имеет какие-то «стороны», и что-то еще. Далее, существуют определенные ограничения, такие, например, насколько мне известно, как «необходимая оборона», и так далее. Так? Но если это — «так», значит, перед нами определенные соотношения или построения, впрочем, весьма особого математического типа.

Еще больше я удивилась, когда поговорила с Марком Марковичем, а потом взяла и посмотрела (нет, не читала — только посмотрела) учебник по частному римскому праву. Оказывается, в этой области, которую странно называют «частным правом» («Ленин осудил частное право для социализма», — успел вставить свое слово Алексей), в этой области вообще сложились, утвердились и существуют уже целые тысячелетия многообразные и сложные системы самых разнообразных связей-соотношений, тоже строго математического типа.

И вот в последние дни (нередко в мысленных разговорах с тобой) меня все больше захватывает мысль, понятно, только в виде предположения, даже – вопроса (Зина вновь стала резко, как бы подчеркивая, выделять слова) – *не для того ли дана человечеству высшая форма мышления – математика, чтобы рационально организовать нашу человеческую жизнь, и в первую очередь – не для того ли, чтобы предупредить произвол?* И коль скоро речь идет о самом поведении людей, их взаимодействии, то вот оно – право, которое призвано достичь все это непосредственно в человеческих делах, поступках!

В этот момент Алексей заметил, что Зина будто замерла – закрыла глаза, сидит недвижимая. Через некоторое время Зина приоткрыла глаза и сказала:

– Алеша, помоги мне перебраться на тахту, мне нужно прилечь.

Алексей не стал ничего «помогать», а, не раздумывая, просто взял Зину на руки и перенес ее на тахту. В это же время он как-то изловчился достать из тахты подушку и одеяло и после того, как Зина сбросила туфли, осторожно ее прикрыл. Зина крепко спала, обхватив голову руками.

Так же осторожно Алексей вышел из комнаты.

ПОДОШЛИ 18 ЧАСОВ следующего дня. Дверь в Зинину комнату была приоткрыта. Она сидела за столом и что-то старательно писала. Ее кровать не была убрана, постель не сложена в ящик под тахту: видимо, она не так давно лежала в постели, может быть, спала.

Алексей, входя, для порядка постучал в створку двери. Зина сразу же откликнулась:

– Входи, входи, Леша. Тебе можно. Для тебя и приоткрыла дверь. Извини, что вчера не выдержала. Со мной сейчас все чаще это случается – то ли из-за моей проклятой природы, то ли еще из-за потрясенный тех двух страшных дней и всего другого, с этим связанного, может, просто от напряжения в работе. Мне и математикой врачи разрешили заниматься не больше одного раза в неделю. И чтобы не волноваться. Но как это не волноваться? А тут еще ты! – весело добавила она.

Зина, приподнявшись из-за стола, взяла Алексея за руку и усадила рядом с собой.

– Ну, что, дружок, давай спрашивай. Я понимаю, что после моего вчерашнего неожиданного, сумбурного и, видимо, излишне мудреного выступления, когда я говорила, если так можно выразиться, на одних нервах, у тебя наверняка есть вопросы. Сначала честно – ты хотя бы в общем понял о том, что я хотела сказать?

— Нет, — ответил Алексей. — Не понял. Я понимаю, что в юриспруденции есть номера статей законов. Есть математические расчеты, когда надо складывать и вычитать меры наказания. Есть какие-то сложные подсчеты, как я слышал, при взыскании убытков, при получении и возвращении кредитов и т.д. Но почему право само по себе есть математика, для меня совершенно непонятно.

— А потому, что в законах, решениях судов, во всей юриспруденции есть нечто такое, что характерно для математики. Притом — любой математики. Будь это арифметика, или алгебра, или высшая математика, или что-то еще, даже выше «высшей ступени», чем меня как раз в интересах некоторых практических дел мучают специалисты. В каких бы ипостасях ни выступала математика, главное в ней, в математике (в моем понимании), — это *строгие, точные, безвариантные соотношения на уровне высших абстракций — соотношения типа жестких, не допускающих нарушения законов, которые не позволяют произвольно отступить от них и которые неизбежно ведут к точным, строго определенным результатам, то есть при предельно элементарной интерпретации как $2 \times 2 = 4$* . Ну, ясно? Я слышала, что некоторые деятели от юридической науки, притом у нас в стране, уже говорят об этом.

— Это ясно. Соглашусь, — сказал Алексей. — В таком смысле о юриспруденции можно говорить как о некоей особой математике. Когда недопустимо отступать от ее внутренних законов. И когда юриспруденция неизбежно ведет к строго определенным результатам.

Но что из этого следует? Ведь все равно подготовка и издание законов находятся в руках людей, правоведов. Они же, правоведы, принимают судебные решения, другие акты. Притом и там и здесь постоянно, хочешь — не хочешь, учитываются самые разные обстоятельства, интересы. И тут еще давление власти, каких-либо влиятельных групп. Неопытность людей, их пристрастия, просто вольные решения, капризы властителей...

— Ну, молодец, — вдруг обрадовалась Зина. — Ты, Лешенька, теперь и сам подошел к тому главному, вокруг которого я все время кручусь, пытаюсь подойти и так и эдак. Наберись терпения и попытайся понять то, о чем я рассказываю.

Прежде всего о самом праве. Да — праве, вдумайся в само это слово, разве вам в Институте не говорили и ты сам не задумывался — почему право называется «правом»? Да потому, — сама же на свой вопрос ответила Зина, — что, по моему разумению и моим скудным знаниям, право потому и «право», что оно, независимо от того, какие интересы выражает, и от всех других обстоятельств, должно говорить «кто и на

что имеет *право*». То есть четкие возможности на то-то и то-то. А возможности что-то делать или не делать — вещь сугубо человеческая. И значит, здесь в принципе в идеале должны быть такие строжайшие соотношения, которые сфокусированы на человека, на его права. Что они могут, а что не могут (и не по чьей-то воле, хотя часто происходит и такое, а по строгим законам самого бытия).

От юристов же, составителей законов и судебных решений, требуется (вспомни— математика!), чтобы они были такой квалификации и такого настроения, чтобы не просто фиксировали те или иные интересы, задачи и все другое (и тем более не просто юридически оформляли какие-то задания властей, как это по большей части происходит сейчас), а исходили из таких юридических соотношений прав, обязанностей, других юридических элементов, которые бы отвечали «математике права».

Более того, я скажу тебе, однажды я долго-долго (увы, в коридоре) разговаривала с Марком Марковичем. И он мне на примерах рассказывал о том, что как бы ни изворачивались законодатель и судьи, потом, в конечном счете сама материя (математика!) права выводит на человека, на его права, на оптимальную защиту этих прав. Марк Маркович даже употреблял слово, которое я встречала только в технике, в инженерном деле. Какое это слово, как ты думаешь?

— Не юридические ли конструкции? — неуверенно спросил Алексей. — И мы проходили в теории такого рода штуки. Но им, юридическим конструкциям, придается в теории какое-то второстепенное значение при оформлении законов, в юридической технике...

— Вот-вот! Как раз эти самые «юридические конструкции»! — радостно воскликнула Зина, — может, вся наиболее действенная часть юриспруденции — и именно та, которая относится к математике, — и состоит из юридических конструкций. Причем в том же самом смысле, когда мы говорим о конструкциях машин, мостов, самолетов. То есть как об эффективном, оптимальном, нередко оригинальном построении исходных элементов (в праве, это, наверное, какие-то правомочия, обязанности, гарантии), дающих по максимуму желаемый результат. И если это верно, то не в них ли, не в юридических ли конструкциях, и состоит секрет возвышения юриспруденции вообще, не уступающей с научной стороны перспективе самых передовых наук?

Помолчали.

— Ну, ладно, Леша, до свидания. До завтра.

Алексей, уткнувшийся в тетрадь, где он по ходу разговора с Зиной и в минуты наступившего молчания вычерчивал какие-то замыслова-

тые фигуры, повернул голову и увидел, что Зина уже лежит в кровати и последние слова говорит, закрыв глаза.

Алексей негромко тоже сказал: «До завтра», встал, на цыпочках вышел из комнаты, осторожно закрыв за собой дверь.

СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ прошел для Алексея в непрекращающихся хлопотах.

До обеда он успел не только переписать набело весь отчет об осенней экспедиции, но и раза два перечитать его, что-то корректируя, исправляя. Нудная редакторская работа.

Уже время подходило к обеду, когда Алексей отнес отчет Юрию Кузьмичу. Кузьмич похлопал его по плечу, сказал: «Молодец» и попросил заглянуть через часок. Он внимательно прочтет отчет, доложит еще Виктору Дмитриевичу, — может быть, потребуется внести изменения.

Часок так часок. За это время Алексей успел написать еще одну бумагу на имя В.Д. Изюмова, о чем он непрестанно думал в последние дни. Это было заявление об отчислении из состава экспедиции «в связи с необходимостью продолжения учебы в юридическом вузе» (при этом Алексей твердо знал, что это не будет отделение юрфака в зоне, поэтому он и написал вообще — «в юридическом вузе»).

У Юрия Кузьмича замечаний по отчету не было никаких. Все хорошо. Не удивился он (почему бы это?) и заявлению Алексея об уходе из экспедиции. Сказал только:

— Я ждал этого. А в общем-то жаль. Мы бы с тобой еще поработали. Но тут уж судьба, наверно. Ничего не поделаешь. Сегодня передам заявление Изюмову и сам доложу о твоём заявлении. Думаю, все будет в порядке.

К 18 часам, как и все последние дни, Алексей был у дверей Зины.

Дверь, как и вчера, была приоткрыта. Значит — ждет.

Алексей стукнул пару раз для порядка и сразу вошел.

Зина на этот раз, по-видимому, и не вставала. Она лежала на тахте. Разболелась, что ли? Но вид у Зины был неплохой — легкий румянец, глаза поблескивают, настроение — даже как будто бы какое-то веселое, задорное, озорное. Зина сразу сказала:

— А ну-ка, подойди ко мне, добрый молодец.

Когда Алексей подошел к тахте, Зина вдруг приподнялась, обхватила Алексея за шею, притянула его к себе и поцеловала. Губы у Зины были теплые и влажные, нарастающий жар покатился по телу Алексея.

Зина спросила:

— Ты думал, о чем мы вчера говорили?

– Думал, конечно, – ответил Алексей и добавил: – Я решил продолжить учебу в юридическом вузе.

– Ну, вот и все. Можно на данный момент в наших мудрствованиях поставить точку. Чего-то другого сейчас и не требуется.

– Мне что? Пора уходить, что ли? – спросил, насупившись, Алексей.

– Как раз, наоборот, – смеясь, ответила Зина, откидывая одеяло. – Тебе сейчас нужно одно – покрепче закрыть дверь на замок и на крючок тоже и идти ко мне. Совсем ко мне...

...Наступил новый день. Когда еще до обеда Алексей, оглушенный всем случившимся и происходящим, проходил мимо регистратуры, дежурный сержант подозвал его и сказал:

– Козловский, ваш пропуск в главный корпус аннулирован.

– Как аннулирован?

– Подожди, – сказал сержант, – я сейчас позову дежурного офицера.

Офицер вышел из караульного помещения, подошел к стойке и сказал, что Зинаида Сергеевна сегодня утром отправлена в больницу. За пределы зоны. Адреса нет.

– А вам, – добавил он, обращаясь к Алексею, – нужно срочно в спецотдел.

В спецотделе Алексею сказали, что его заявление об отчислении из состава экспедиции удовлетворено. Сейчас ему нужно подписать бумагу о «полном неразглашении». Завтра к восьми утра придет машина и довезет его до железнодорожной станции. Денежные расчеты и проездные – в бухгалтерии.

Спустя годы

I

Зина

У ЗИНЫ все время болела голова. Голова переставала болеть лишь после того, как она принимала таблетки, которые во время сна оставляли ей на тумбочке вместе со стаканом воды, или же ей делали укол. После таблеток или укола наступало время спокойствия и даже блаженства. Может, даже счастья. Оказывается, для счастья вполне достаточно того, чтобы отступила боль. Зина лежала спокойно, боясь пошевелиться, упустить или спугнуть эти мгновения.

И тогда она неожиданно засыпала. А когда просыпалась, неважно, днем или ночью, — снова очень болела голова. Зина шарила рукой по тумбочке — искала таблетки со стаканом воды. Или ждала прихода сестры. Когда боль становилась нестерпимой, она нажимала зеленую кнопку звонка, через минуту-другую в дверях со шприцем в руке появлялась сестра...

КОГДА БОЛЕЛА голова, не думалось ни о чем. То есть думалось — только о боли и о том, когда она уйдет, или о том, что пришло время вызывать сестру. Когда же после таблетки или укола боль уходила, думать ни о чем не хотелось. Хотелось просто лежать и лежать без боли в голове.

Но иногда Зина пыталась вспомнить прошлое. Вспоминалось плохо. Какие-то неясные, смутные, ускользающие обрывки событий, лиц — вроде тех, что иногда удается припомнить сразу после пробуждения, после ночных сновидений.

И опять прежде всего вспоминалась боль. И не головная боль, а другая. Одна из них с первого же мгновения невыносимая, — такая, которую все равно надо было терпеть. Зина тогда подносила к глазам пальцы рук. И тут же вспоминалась тягостно-жгучая боль, которая разрывала все тело, но которая почему-то несла какую-то несбыточную радость ... не в те ли мгновение ее потряс неожиданный детский крик? И неотступно в те минуты ей виделись восхищенные мужские глаза — даже тогда, когда она сама как будто бы была с закрытыми глазами.

С этими обрывками смутных воспоминаний она и засыпала.

ПЕРЕДВИГАЛАСЬ ЗИНА плохо. Ей принесли костыль, но она им не пользовалась. Она пыталась ходить сама, держась за стены, кровать, стол, другие предметы, и могла спокойно дойти до туалета или до подоконника. У подоконника был стул, на него можно было сесть и смотреть во внутренний двор, на деревья и кустарники, на дорожки. Но спустя некоторое время, довольно скоро, ей становилось тяжело, хотелось скорее лечь, и она спешила лечь в постель.

Через день приходил тренер, медсестра-тренер, она сама знала, где в шкафу лежит спортивный костюм, Зина надевала его и делала комплекс упражнений — сначала прямо на кровати, потом на коврике, который расстилали на полу; уже несколько месяцев Зина могла делать некоторые упражнения стоя.

Она очень уставала после упражнений; зато после них у нее меньше болела голова, а однажды она в это время сама взяла книжку, кото-

рая лежала на тумбочке, и прочла целую страницу текста. Врач, Семен Аронович, узнав о таком последствии «гимнастики», очень радовался.

В дни, когда была хорошая погода, Зина в сопровождении сестры на коляске выезжала на улицу к ближайшей скамейке. В садике, который был во внутреннем дворе, на нее обрушивался целый, казалось, навсегда ушедший в прошлое, мир — океан воздуха, не пропитанного запахами лекарств и больничного быта, легкое дуновение ветерка, аромат цветов, травы и деревьев, щебетание птиц. Все это будило смутные воспоминания, в мозгу мелькали обрывки прошлой жизни. Зина возвращалась в палату возбужденная, полная неясных эмоций, долго не могла успокоиться.

ВРАЧИ И СЕСТРЫ были хорошие, внимательные, нередко подчеркнута ласковые. И в этой своей ласковости забывали о чувстве меры: «Скоро вы будете бегать стометровку», «пора вам готовиться к танцам» и прочее в том же духе.

Однажды, когда Зина только-только просыпалась и уже начинала ощущать подступающую головную боль, она услышала, что в палату входит группа врачей, консилиум, наверное (судя по голосам — не все знакомые). Зина не открыла глаза, не шелохнулась, продолжала слегка дремать: «Пусть говорят без оглядки на меня».

Зина затем, действительно, на какое-то время «ушла в сон», но, видимо, ненадолго. Говорил, докладывая своим коллегам, ее лечащий врач Семен Аронович:

— ...инсульт, судя по всему, обширный, к тому же, так сказать, двойной — один и сразу же другой плюс, возможно, произошли микроинсульты. А может, тут вообще не инсульты, а что-то совсем другое. Возможно, на мозг и сознание, еще не окрепшие, детские, что ли, выпали непомерные нагрузки («Знали бы вы эти нагрузки!» — подумала Зина о том, что ни разу ей во время всего лечения и в голову не приходило). Так что, — говорил Семен Аронович, — перспективы противоречивые, больше — неблагоприятные.

— Тут основные лечебные факторы — время и спокойствие, — сказал кто-то.

— Или шок, — сказал другой.

— Или операция, — сказал еще один врач.

— Нет, новый шок или операцию она не вынесет, — высказал свое мнение Семен Аронович. — В идеале хорошо бы постепенно через годы вывести ее на состояние, соответствующее ее более позднему возрасту. Пусть и при полной или частичной амнезии.

— Может быть, разбудить больную? — спросил один из присутствующих.

Зине почему-то не хотелось этого. Она стала «путать» свои мысли, напрягаться в воспоминаниях. И поэтому — как и ожидала — вновь быстро «ушла в сон», теперь — крепкий (хотя все время чувствовала — голова болит и болит все сильнее).

У ЗИНЫ не было посетителей. Она не удивлялась этому: понимала, что тяжело больна и находится в особой больнице.

Но однажды вместе с сестрой в палату вошел мальчик. Белокурый, вихрастый. Белая рубашка, штанишки с лялочками, крест-накрест. Белые носочки, сандалики.

Мальчик сел на стул у дверей. Сестра хотела, чтобы он подошел к кровати. Но мальчик явно этого не хотел. Он крепко впился обеими руками в сиденье.

По всему телу Зины вдруг разлились острое тепло и непонятное для нее жгучее чувство. Она хотела что-то сказать, позвать мальчика, прижать его к себе. Но не могла произнести ни слова, из глаз полились слезы.

В это время в палату вошел Семен Аронович и сестра, державшая в руках шприц.

Через минуту Зина крепко спала.

КОГДА ЗИНА после «гимнастики» сама прочитала страничку книги, Семен Аронович распорядился приносить Зине после обеденного сна газеты — «Известия», «Труд», «Литературку».

Зина понимала, что газеты — знак и признание ее выздоровления, вхождения в повседневную жизнь. Поэтому, несмотря на острую головную боль, разворачивала газеты — разглядывала фотографии, пыталась понять смысл заголовков статей. Порой пыталась читать какую-то статью, но тогда от напряжения голова болела еще сильнее, разрывалась от боли.

Но как-то раз, еще лежа перелистывая «Литературку», Зина сбросила ноги с кровати и села. Перед ней была большая, во всю газетную полосу статья. И Зина понимала в ней все слова, предложения — смысл. Статья называлась «Одеяния палача», подпись — А. Козловский, кандидат юридических наук (что-то быстро, автоматически сработало в сознании Зины, и она прошептала про себя: «Значит, я в больнице 6–7 лет...»).

В статье рассказывалось, что с конца 1930-х и до 1944–1945-х годов подполковник госбезопасности Воропаев А.Н., находившийся под

покровительством ряда высокопоставленных лиц, отличался крайне жестокими методами допросов. Он применял изощренные, бесчеловечные пытки к подсудимым. Даже в те времена, когда такого рода методы Берия и его подручные поощряли, следственная практика Воропаева, еще в 1943–1944-х годах, после проверки подверглась порицанию. Воропаева сначала перевели в научно-исследовательский институт, где он быстро защитил кандидатскую диссертацию, а затем его направили в один из юридических вузов в провинции. Сейчас он уже доктор наук, завкафедрой и проповедует принципы законности и гуманизма социалистического строя. В статье ставился вопрос не только об отстранении таких пережившихся извергов от преподавательской работы, но и о привлечении Воропаева и ему подобных к суровой ответственности.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ с Зиной?

Она, не раздумывая, встала с постели. Подошла к шкафу и, порывшись в нем, нашла цветастую блузку, темно-синюю юбку, туфли – все, в чем она была доставлена в больницу, там же была и дамская сумочка. Разгладив мокрыми руками одежду, Зина надела ее, натянула чулки, надела туфли. Порывшись в сумочке, она нашла косметичку – немного подкрасила, поправила на лице.

И потом, расправив плечи, спокойно вышла из палаты в коридор.

Все в коридоре замерли. Что за чудеса! Статная, знающая себе цену женщина. Лишь слегка помятая одежда. Постовая сестра, оправившись от изумления, соскочила с места и – бегом в ординаторскую.

Из ординаторской, не торопясь, вышел Семен Аронович и напрямик направился к Зине, которая уже подходила к выходу из корпуса.

– Это хорошо, Зина, – сказал Семен Аронович, – что вы уже сами и в такой прекрасной физической форме выходите на прогулку. Но сначала на минутку зайдем в ординаторскую.

В ординаторской Семен Аронович усадил Зину на диван, сам присел рядом и спросил ее – что она узнала нового из газет и что происходит в стране и в мире.

Зина задумалась, долго морщила лоб, затем ее глаза помутнели, стали закрываться, голова ее упала на плечо Семена Ароновича, и тот осторожно уложил Зину на диван. Потом вызвал санитаров и они на носилках перенесли Зину в ее палату. Постовая сестра сняла с Зины ее наряд, передела в больничное, сделала укол.

Зина проспала сутки. Когда проснулась, она сразу вспомнила, что было с ней в прошедший день. А потом вдруг нахлынули валом воспоминания. Вспомнилось даже то, что Зина считала навсегда забытым.

Но что-то (инстинкт самосохранения, стремление уйти от новых осложнений, непрошедшая болезнь — по большей части было так же тяжело, как и раньше, еще что-то?) заставило Зину оставаться в том состоянии, в котором она была последние годы. Мелькнула мысль: «Потом посмотрим. Надо выздороветь». Теперь она, иной раз — день за днем, вспоминала все то, что с ней было раньше. И судя по всему, Семен Аронович все более понимал ее; и тоже не торопил.

И главное из того, что «было», и из того, что «есть», это — то, что она твердо знает: где-то рядом с ней *ее* Алексей. И он не только сказал о Воропаеве все то, что всегда хотела сказать сама Зина, но и вселил уверенность в том, что он непременно, рано или поздно, придет к ней. Пусть пока все продолжается так, как есть. *Он возьмет ее отсюда.*

НА ОДНОЙ ИЗ прогулок, когда они с сестрой удалились довольно далеко по центральной аллее, а потом повернули еще на боковую аллею, Зина со своей скамейки увидела на дорожке двух приближающихся к ним мужчин.

Бог мой, один из них — Алеша!! Но с ним — незнакомый человек. Несколько поодаль — сестра с коляской (она наверняка предупреждена о том, что будут посетители; стоит отчужденно, но напряглась — явно настоroje).

Зина не верила в высшие силы, но тут она иступленно взмолилась: «Спаси. Спаси. Дай мне силы не выдать себя, не раскрыться».

Мужчины подошли. Сели рядом с Зиной. Один справа, другой — слева. Слева — как раз Алеша. Зина вся окаменела, замерла (слава тебе, Господи, — пусть он видит ее такую!). Алексей что-то долго говорил. Слов не разобрать. И в это время Зина коснулась Алеши, слегка прижалась к нему, а один раз, когда какие-то слова резанули ее сознание, мельком взглянула на него.

Подъехала с коляской сестра — надо было уходить. В этот момент Алексей, чуть развернувшись, обнял Зину, поцеловал прямо в губы — и она мгновенно ощутила его всего. Он что-то сказал ей, кажется, то, что она хотела услышать: «Я к тебе приду. Ты только подожди», — слышалось ей (не может быть, чтобы только слышалось).

Когда мужчины прощались с Зиной, она все время думала о том, как бы еще дать понять Алексею, что она все слышит, понимает и, значит, ждет. И верит, что он возьмет ее отсюда. Когда мужчины уже

удалились, Зина встала, но вопреки обыкновению не села в коляску, а сама пошла рядом с ней. Пошла, как ходят все, не придерживаясь ни за коляску, ни за сестру. Зина увидела, что на повороте на главную аллею Алексей повернулся и, кажется, заметил это. И значит, понял, и все будет так, как она думает...

В палате Зина сразу же рухнула на кровать, отдышалась, а потом слово в слово проговорила про себя все, что торопливо говорил на скамейке Алеша.

II Алексей

ЕЩЕ В ОХРАНЯЕМОЙ ЗОНЕ, оформляя все свои документы, Алексей решил, что он для продолжения своего юридического образования не поедет ни в филиал юрфака в зоне, ни в свой бывший Институт.

Алексей решил ехать в Москву.

Почему в Москву?

Ну прежде всего — потому, что Алексей твердо решил, что он сделает буквально все, возможное и невозможное, для того, чтобы узнать о Воропаеве и о том, что он сделал с Зиной. Постарается сделать все это «на пределе». И где это лучше всего сделать? Разумеется, в столице, где Воропаев работал и откуда он и приехал в Институт. Может быть, именно в столице удастся узнать правду об отце — что это за аресты и тюремная больница, причем после того, когда с человека были сняты все обвинения? Может, узнает и о Зине, теперь, чего уж там! жене его, — очень может быть, что ее отдали в руки столичной медицины.

К тому же именно в столице он с большей вероятностью сможет реализовать те предположения, о которых говорила Зина. И делать это нужно скорее, так как идеи Зины в суеде дел стали все больше таять свое обаяние, тускнеть, ускользать из памяти. Не потерять бы их!

Вот и Москва. Знакомый, почти родной город — даже сердце слегка трепыхнулось, когда поезд загромыхал на стрелках, подъезжая к перрону. И не только потому, что Москва, что ни говори — столица, сердце страны и ее так часто показывают в хрониках, да чуть ли ни во всех кинофильмах, что многим в столице уже все знакомо. Главное же, Алексей не так давно более полугодом, да каких! — провел при расформировании корпуса в Подмосковье и, значит, в Москве тоже. Знал и центр, и метро (тут, конечно, блеск, есть чему удивляться), а кое-где и то, что и коренному москвичу неведомо.

Алексей сошел с поезда, и сразу ощутил – вот он, свой, знакомый, близкий город. Гражданской, пестрой публики прибавилось – масса народа, суета, все спешат, бегут, толкаются, лезут прямо под машины, трамваи.

На Казанском вокзале он обратился к дежурному милиционеру. Обратился по полной форме: «Товарищ капитан, разрешите обратиться». Тот сразу уловил в обратившемся чуть ли не сослуживца, подробно растолковал, где находится – Юридический заочный институт – ЮЗИ, посоветовал даже по службе («если пойдешь работать к нам – иди в центральный район, там не увязнешь в мелкой мерзости») и, наконец, посадил на такси – в первую же машину, без очереди.

В ИНСТИТУТЕ – никаких проблем. Из канцелярии Алексея сразу же направили к заместителю директора по учебе – профессору Колоткину. Профессор посмотрел документы и очень удивился – развел руками, ахнул:

– Был Сталинским стипендиатом. И с такой стипендией! Ну, ничего, что работать пришлось, зато работа какая! Теперь – все двери открыты. Так что пиши заявление – и к секретарю по второму курсу; можешь по ускоренной подготовке с вечерними посещениями лекций три раза в неделю – закончишь через три года.

Никаких проблем не оказалось и при устройстве на работу. Замначальника райотдела, майор, спросил сразу:

– Куда хочешь, сержант? – И сверкнул глазами. – Да еще с неоконченным юридическим образованием?

И сам предложил:

– Тут у нас формируется специальная группа с условным пока названием – «ударная», для совместных действий с ближайшей нашей спецслужбой (понял?). Правда, по приказу она – «офицерская». Но ты подойдешь. Согласен? Ну и отлично. Сейчас получишь справку в Институт и направление в общежитие, а вечером – все документы и снаряжение.

Алексей быстро съездил со справкой в Институт и даже получил зачетку и студенческий («студент второго курса ЮЗИ»). Но вот с документами и снаряжением в райотделе получилась заминка. Инспектор спецсектора сказал:

– Подожди дня два («Ага, – понял Алексей, – и тут наводят справки. Ох, и матерые же вы люди, служаки, никуда не денешься»).

Проходивший мимо по коридору майор, узнав в чем дело, возмутился:

– Ну я разберусь со всей этой штатской шушерой. Еще перед фронтовиком-окопником будут в позицию становиться. Приходи завтра к двенадцати, все будет в порядке. Лично займусь. А сейчас бери поллитра и в общежитие – знакомься с ребятами. Как раз туда скоро пойдет автобус.

ОБЩЕЖИТИЕ находилось в боковом блоке ведомственной многоэтажки, где жили офицеры милиции.

В общежитие пропустили по направлению; но с завтрашнего дня, предупредил дежурный, – только по служебному удостоверению. Комната – на третьем этаже с балконом. В ней – еще двое ребят, все из «ударников» (формирующейся ударной группы) – Артем, с Орловщины, – не прошел по конкурсу в Школу КГБ и еще Прохор, – как и Алексей, демобилизованный, вся семья погибла под бомбежкой. Проболтали весь вечер, каждый о своем, вместе – о фронте и о победе, конечно. Артем достал еще бутылку. Алексей хотел, было, заикнуться о Воропаеве. Но сдержался – еще рано.

Как только Алексей приехал на следующий день в райотдел, дежурный направил его к майору – ждет. Майор вручил ему удостоверение, блестящие красные корочки, штамп – «Везде», в графе о звании – старшина. В хозчасти выдали два комплекта формы (одна парадная, другая – «для заданий» – новенькая, с непривычными еще маскировочными пятнистыми нашлепками). В оружейной получил новенький ТТ, иметь при себе во время службы, в общежитии – хранить в оружейной камере у дежурного.

В райотделе – ежедневные боевые занятия (пока в группе – человек 15): борьба, стрельба, подрывное дело, оперативная работа и все другое. Однажды всей группой дежурили у аэропорта, на дальних подступах – прилетела какая-то важная персона.

Вечером, через день – занятия в ЮЗИ. Те же дисциплины, что и в Институте. Добавились еще процессы – уголовный, гражданский. Сходил на кафедру гражданского права – узнал, что недели через две («смотри объявления») начнутся занятия кружка гражданского права и процесса. Кружок объединенный – по двум дисциплинам, ведет его известный ученый («с дореволюционным стажем»), Розанов, – наиболее крупный в Институте авторитет по цивилистике. «Буду заниматься там», – решил Алексей.

А СЛУЖБА в милиции шла своим чередом. Здесь, как сразу понял Алексей, не надо самому высовываться, изображать «инициатив-

ного». Делать все, как положено, не отлынивать, проявить в меру активность — где надо. Отцы-командиры сами заметят.

Алексея заметили. Тут, кстати, появилась (наверное, для таких отрядов, в котором служил Алексей) возможность для сержантов — участников Великой Отечественной войны быстро получить лейтенантское звание. Характеристики, справки, представительная комиссия, состав которой — сплошь из бывших военных-фронтовиков, и вот через полтора года службы Козловский — младший лейтенант милиции, заместитель командира третьего оперативного отряда.

Работы не так много, больше тренировок. Но если какая-то заварушка с заложниками или какая-то иная (порой совсем неясная), — тогда аврал, что-то близкое к фронтовой обстановке, а то и похлеще. Это — нормально.

Алексей крепко сдружился со многими ребятами. Прослыл «настоящим фронтовиком», «надежным», «безотказным». Особо близкими оказались парни, с которыми начал свое житье в общежитии, — Артем и Прохор. И хотя после получения лейтенанта Алексею выделили отдельную комнатуху, он в свободное время пропадал в своей прежней комнате, тем более что его кровать была на месте и ее не занимали («пусть считают, что по каким-то служебным надобностям, и это место — Козловского»).

После каждой полочки собирались вместе — «отдыхали». Нередко в таких случаях Алексей оставался с ребятами на ночь, спал на своей прежней скрипучке. Однажды на «хорошем отдыхе» Алексей решил и спросил Артема о Воропаеве («Что за фрукт? Преподавал у нас; слухи всякие ходят»).

Артем неожиданно оживился. Да, он знает. Но точнее знает Воропаева его отец, из-за него, Воропаева, он и вышел в отставку. И сам предложил:

— Если хочешь, давай съездим к моим. Отец тебе все расскажет.

ОРЕЛ — небольшой город в центре России. Тихая яблонева провинция. Только на окраинах настроили заводов.

Дом Артема — прекрасный, на самом берегу Орлика — притока Оки, с трех сторон сплошной сад, из дома по ступенькам прямой выход к речке.

Вечером неспешный, «за рюмкой чая» разговор с отцом Артема, Василием Васильевичем.

— Вот он, Воропаев, — настоящий садист. И хитрющий. Настроит свою следственную бригаду на самые жесткие меры — «до крови».

А потом является, видите ли, спаситель, интеллигент. «Вон бандиты», «а с вами, давайте, по душам, в интересах дела», и, как правило, писал в протоколах что хотел: у подсудимого уже зубы выбиты. Если какой-то сбой, не все получалось, — сам брался за паяльник, жег до черноты самые нежные места — все равно заговоришь. Я не выдержал — написал рапорт. Через два дня в отделе кадров мне предложили «подать в отставку».

Алексей порасспрашивал Василия Васильевича по конкретным делам, отдельным эпизодам. Правда, ничего не записывал. Но как только пришел в отведенную ему комнату, сразу все, что запомнилось, перенес в тетрадку, привезенную с собой.

...Спустя несколько недель после возвращения из Орла Алексей написал статью «Одеяние палача». Было уже послесталинское время, дни «оттепели». Поэтому статья довольно быстро была опубликована в «Литературке». Алексей заметил, что в Институте к нему изменилось отношение. Но внешне это как-то не очень выражалось; только однажды подошел к нему один из видных цивилистов, чем-то похожий на Марка Марковича (позже Алексей узнал, что это, действительно, был дореволюционный правовед той же плеяды — Розанов), молча пожал руку, да некоторые из ребят в группе говорили: «Ну, ты даешь!» Зато на службе явно холодок настороженности. Работник политотдела, проходя мимо, не останавливаясь, сказал как бы вообще, ничего не поясняя:

— Такие вещи надо бы согласовывать.

В ИНСТИТУТЕ в дни «оттепели» Алексей стал завсегдаем кружка, которым руководил Розанов. На заседании кружка порой были интересные темы, обсуждения. Выступали аспиранты. На одном из заседаний был доклад — «Диспозитивность: материально-правовые и процессуальные аспекты». Доклад аспиранта, обсуждение и заключительное слово Эдуарда Михайловича Розанова — блеск, идеи, в чем-то совпадающие с мыслями Зины.

После заседания — долгий разговор с шефом. Эдуард Михайлович расспрашивал Алексея: «что особо его интересует?», «не возникли ли какие-то предположения?», «особые подходы?» — и неожиданно предложил тему: «Система обязательно-правовых конструкций по римскому частному праву».

Алексей аж подпрыгнул, соскочил со стула. Это же Зинины мысли!

— В чем дело? — спросил Эдуард Михайлович.

— Тему о «юридических конструкциях» подсказал мне один умный человек, не юрист, кстати.

— Ну, вот и ладно, — сказал Эдуард Михайлович. — Только не торопитесь. Тема сложнейшая. Проработайте основательно. Я принесу вам пару книг.

«КАК ЭТО не торопиться? — подумал Алексей. — У меня дел — только поворачивайся».

Этим же вечером взял в библиотеке наиболее полное, с комментариями издание «Кодекса Юстиниана», несколько зарубежных книг по юридической технике. Позднее через секретаря кафедры несколько изданий передал ему и Розанов.

Действительно, занимался каждый день. Установил для себя нерушимое правило — как бы ни был занят, не менее часа (рано утром, после работы или лекций, ночью — когда угодно) каждый день заниматься по теме. Потом ввел еще одно правило — не просто «почитывать» книги, а тщательно, с точными выписками *прорабатывать* каждую (как делал еще в библиотеке) — страницу за страницей, фразу за фразой, слово за словом. Только тогда мысли автора становились по-настоящему понятыми.

Преподаватели удивлялись всплескам эрудиции внешне занятого, казалось ординарного студента-милиционера. В зачетке вновь — одни «пятерки». Перед завершающим курсом Эдуард Михайлович предложил Алексею писать диплом — пока дело новое, только в одном методическом письме Министерства «допускается».

Правда, на кружке тема Алексея шла с трудом, не очень-то воспринималась. Многие говорили: «Ну и что? Что тут нового? Конструкции — всего лишь элемент юридической техники и нечего математику сюда приплетать». Но Эдуард Михайлович верил в тему, хвалил Алексея, говорил, что после успешной защиты диплома можно сразу идти на «кандидатскую».

Так и получилось. Хотя защита диплома прошла при полном молчании комиссии (авторитет шефа давил, что ли?), результат был вполне достойный — «единогласно; отлично». Алексей сразу же был принят преподавателем на кафедру гражданского процесса и через год, действительно, защитил на ученом совете диссертацию на тему «Юридические конструкции и объективная истина в советском гражданском процессе». Еще год, и Козловский Алексей Сергеевич — доцент кафедры.

После оформления всех преподавательских дел в Институте Алексей подал рапорт об отставке, сопроводив его отношением из Института. Генерал в Министерстве, долго рассматривавший рапорт, крутил его и так и сяк, а потом сказал:

– Да теперь твоя работа у нас – не по чину. Да еще ты литератор («Все знают», – мелькнула мысль у Алексея). Может быть, мы оплошали: надо, наверное, было раньше продвинуть тебя по должности. Ну ладно. Но мы на тебя будем рассчитывать как на «запас». Все же – фронтовик, с Отечественной, и у нас – «ударник». Наш человек. Хорошо?

– Хорошо, – ответил Алексей (а про себя сказал: «Прощайте»).

АЛЕКСЕЙ все время думал о Зине. Она постоянно была рядом – как тень, как незримый спутник, как его второе «я».

Что же сделал с ней, с Зиной, Воропаев? Он сам не пытал ее, это делали другие. Но Воропаев сломал ее. То есть Зина в чем-то сохранила и свою гордость, и главные свои мысли, и еще что-то свое, что никому не дано знать. Но он овладел ею – взял то сокровенное, что женщине при нынешнем брачном строе, освященном цивилизацией, дано дарить один только раз – суженому. Но он сделал это под чудовищной угрозой – смерти ее близких. Не это ли самое непереносимое истязание?

Ну ладно – Воропаев, кажется, поставлен на место (правда в основном раскрыта, Алексей слышал, что Воропаев из вуза уволен, с него сняты все научные и ученые звания, да обратно в «органы» его не берут). А вот с отцом как? Как будто бы оправдан судом, а потом вновь арестован, и там, в тюрьме, он умер – по бумагам, «в больнице».

Решил сходить в Министерство юстиции – посоветоваться. Узнал в отделе кадров Института – кто из выпускников работает в Министерстве. Можно поговорить с кем-нибудь доверительно.

В коридоре перед приемной Министерства – ряд откидывающихся скрипучих сидений длинной скамейки, как в вестибюле кинотеатра.

Алексей сел на одно из сидений и задумался – все не мог решиться, к кому пойти, у кого заказать пропуск. В этот момент он почувствовал, что кто-то напротив него стоит. Стоит и не уходит.

Алексей поднял глаза и тут же вскрикнул:

– Илюха! Черт тебя побери, а ты откуда взялся? Вот удача-то какая!

Они обнялись. Постояли, обнявшись, минуту-другую. Еще не отодрвавшись от друга, Илья стал выговаривать:

– Ну, куда ты делся? Везде искал, всякие мрачные мысли были. И вдруг в одном месте оказываемся. От судьбы не уйдешь.

– Так получилось, – ответил Алексей. Что он еще мог сказать?

Илья чуть ли ни силой усадил Алексея на сиденье и сказал:

– Сиди смирно. Через 10 минут вернусь – мне надо договориться в отделе. Потом все обсудим и, что возможно, решим. Жди. От скамейки ни шагу.

Действительно, не прошло и 10 минут, как Илья вернулся.

– У нас, – пояснил он, – только формирующийся отдел «Законодательных инициатив», так что строгого служебного режима пока еще нет.

Приятель перебежали улицу, еще один квартал, и вот ближайшее кафе – «Чудо». В кафе чисто, уютно. Фирменное питье, название такое же – «Чудо», коктейль. В бокале плавают кусочки фруктов, цвет желто-красный. Сладкая водичка. Никакого впечатления.

– Закажем еще эту бурду, что ли? – обреченно сказал Алексей.

– Да ну ее в болото или еще дальше, – откликнулся Илья. – Пошли отсюда, тут за углом забегаловка есть.

В забегаловке – полный порядок. По 150 «московской», пиво, сосиски – норма.

Недалеко от забегаловки – сквер, пусто, только несколько бабушек да мамаш с детскими колясками. Илья с Алексеем устроились на одной из незанятых скамеек. Сначала – кратко о себе. Каждый – сам и своим путем, и чего-то добился на жизненном пути. Весь – да, весь – выпускной курс Института, оказывается, командировали в столицу. А вот сейчас Илью, как и несколько других молодых ребят и девчонок из провинции, пригласили в новый формирующийся отдел Министерства – «Законодательные инициативы». Илью – прямо из заочной аспирантуры родного Института (цивилистика; у Марка Марковича).

– Ну, а теперь, – сказал Илья, – у тебя что за проблемы?

Алексей рассказал об отце. Надо, убежден Алексей, добиться правды.

Илья же – вопреки ожиданиям – занял какую-то странную позицию. Он сказал:

– Брось. Пока не занимайся этим делом. Отца все равно не вернешь к жизни. Тут, со временем, надо будет предъявлять счет не только в один адрес. И по всему кругу «наделанного». А сейчас есть оправдательный приговор, отец полностью реабилитирован (иначе ты никуда не прошел бы). И если даже организовать запрос, допустим, из Министерства, то в лучшем случае с места будет получен ответ, что проходила плановая проверка, но человек, к несчастью, заболел и никакие медицинские меры не помогли. А в твое личное дело уйдет бумага с закорючкой – «товарищ не понимает». И обязательно – с последствиями. Для тебя, понятно.

Помолчали. Алексей заметил – как ожесточилось, стало непреложно суровым лицо друга. Илья сказал:

– А вот сейчас послушай внимательно. Я скажу тебе то, что еще ни одному человеку не говорил. И что, быть может, является наиболее существенным и на – сегодня и тем более – на будущее (дай Бог, не навсегда).

И это не только мои вольные пассажи, от которых ты в свое время малость шарахался, а я все более укреплялся. После окончания Института я по путевке два года проработал в управлении по тюрьмам, лагерям и колониям и еще несколько месяцев в прокуратуре, оттуда и поступил в заочную аспирантуру по гражданскому праву. И у меня сейчас есть не только всякая заумная отсебятина, как считают многие, а реальные впечатления от увиденного и понятого.

Что здесь главное? А то, что вместо единоличной всевластной диктатуры товарища Сталина у нас создается всевластие вездесущего чиновничества – партийного, министерского, областного, спецслужб и т.д. Те аппаратные работники, которые при Сталине были всего лишь исполнителями-автоматами, шаг за шагом превращаются во властителей, местных вождей, а на самом верху – вождистский деятель, пытается что-то воспринять и «от товарища Сталина» (это «что-то» прежде всего – прямая опора на спецслужбы, армию). Словом, свобода, которая только-только прорезалась в «оттепель», фактически дошла лишь до чиновничества, обернулась чиновничьим всевластием, которое разбухает на чиновничьей почве. Все же остальные люди, вне чиновничества (то есть, как говорится, – весь народ и мы, кстати, тоже), вскоре, после всяких вольных разговоров, остались в прежнем состоянии, по сути – крепостническо-рабском.

А сейчас – самое горькое, с чем, я знаю, не согласишься и ты, и многие наши сотоварищи по войне. Я возьму на себя ответственность утверждать, что во многом такой поворот событий произошел и будет продолжаться – скажу с расстановкой – из-за нас с тобой. Благодаря нашей победе. Наша победа, воистину великая и немислимая, продолжает, пусть и не в открытую, подспудно, трактоваться как «победа товарища Сталина», «победа великого учения Маркса-Ленина-Сталина», «торжество большевистской идеологии и практики». И под притягательной силой Победы, кажется, уже никому нет дела до того, что сам-то марксизм-ленинизм построен на приоритете силы, войны, террора.

А вот основная ударная, нерушимая сила тут – те победители, которые прямо из войны, минув простую реальную жизнь, пришли в ги-

гантскую систему правоохранительных органов. А еще больше — те из них, которые стали преподавателями — учить «этому» других. Недаром сразу после войны, в 1946 году, было издано специальное постановление ЦК по юридическому образованию. Товарищ Сталин, коль скоро дело шло о власти, тонко понимал, что делал. Конечно, из числа фронтовиков сюда попали и настоящие умницы, и те, кто выстрадал настоящую правду, но вместе с ними — толпы приспособленцев, прислужников власти, несгибаемых слугителей великой идеи, которые до сих держатся за усвоенное ими когда-то сказанное слово — основу их чинов и благополучия. И под знаком Победы укреплялась цитадель сталинизма (даже при осуждении товарища Сталина за «некоторые его крайности»), которая при всех переменах в своей нерушимости будет существовать столько, сколько будет жива память о Великой Победе. И я боюсь, что и в будущем не станет ли Победа прикрытием и оправданием всего негативного (правда, у нас было и есть немало хорошего и еще больше — может быть, во сто крат больше, действительно, великого)?

Ведь самое коварное и самое тягостное здесь — это то, что победа была, действительно, Победой. И если тут сработал большевизм, то главным образом в виде «смерша», заградительных отрядов, чудовищных потерь в соответствии с установкой «людей не жалеть» и всего другого, что характерно для большевизма. Фактически же решающую роль сыграли исконные качества народа, всю свою историю воевавшего, поднявшегося на мученичестве, жертвенности, слепой вере. И от чего-то еще великого, прямо от Бога, наверное, идущего. И отсюда же еще — от запредельно человеческого, что испытали мы на фронте, все люди нашей страны.

— Ну хватит обо всем этом. Может, я что-то и перехлестываю. Просто у меня за долгое время накопилось всякой всячины и надо было высказаться. И ты не забудь, о чем я говорил. Может, потом, при случае что-то вспомнится.

Илья выговорился, но продолжать тему ни ему, ни Алексею почему-то дальше не хотелось. Поговорили вообще о житье-бытье, о том, кто где и как живет, обменялись адресами, телефонами.

Собирались уже, было, расходиться, как Алексей решил все же спросить о Зине.

— Ильяха, ты помнишь женщину, которая жила с Воропаевым? Зина?

Илья помнил. Даже то, что она после отъезда Алексея вскоре совсем исчезла.

Алексей, ничего не объясняя (так бывает между настоящими друзьями), попросил Илью о том, чтобы он при случае что-нибудь узнал о Зине. Она, по его, Алексея, сведениям, после пребывания в закрытой зоне тяжело и долго болеет. И может быть, находится на лечении в Москве или Подмосковье.

После этого ребята разбежались. Илья сказал, что он уже опаздывает на какое-то совещание в Министерстве.

Настроение почему-то у обоих было скверное.

III Откровения

РАБОТАТЬ в Комиссии по экономической реформе было, ой, как непросто. Особенно Алексею Козловскому, которого сразу же назначили «ответственным секретарем» (кого же еще? Молодой кандидат наук, энергичный, принципиальный – фронтовик).

Алексей, и не без оснований, считал себя довольно подготовленным правоведом – прошел два вуза (пусть и не целиком), работа на кафедрах, в кружках, аспирантура, научная степень, да и знание жизни всякой. А тут из высших инстанций (в то время существовал порядок предварительного одобрения каждого законопроекта в высших партийных кругах) приходили уже подготовленные решения – управленцами, экономистами – людьми, зачастую весьма слабо юридически подготовленными.

Между тем основные проблемы, которые в ходе реформы надо было решать, касались как раз основной «юридической монады» – государственной собственности. Как бы так ее преобразовать, ни на йоту не отступая от социализма (а «социализм», по верованиям советской бюрократии, – это как раз единая государственная собственность – основа экономики и их щедрая кормилица), чтобы в стране началась мощная экономическая модернизация? Ну принят закон о государственном предприятии, слегка расширивший полномочия директоров. Ну изданы законы о кооперации, об индивидуальной трудовой деятельности.

Но сама-то государственная собственность так и остается нетронутой, по-прежнему гигантской неповоротливой глыбой, стоящей на пути экономического развития, реальной модернизации, прогресса. Как быть?

И вот в высших партийных инстанциях на основе инициативы ряда «передовых экономистов», производственников-ударников нако-

нец-то принято решение о развитии арендного подряда, который, по расчетам, призван решительно оживить всю экономику. Аренда должна была обозначить круг производителей, продемонстрировать изменения в собственности. А подряд — активность и заинтересованность исполнителей государственного задания. Все заговорили о «мудрости» такого решения. «Только юридическую сторону надо подработать, товарищ Козловский», — сказал глава Комиссии, зампреда председателя Правительства.

Дня два Алексей ходил как оглушенный, в растерянности. Такого рода построение («подряд», да еще «арендный») никак не хотело воплощаться в какое-либо четкое юридическое построение. Практически все в конце концов сводилось к подрядным отношениям, которые никак не преобразовывали собственность.

И вдруг как-то уже под вечер Алексея будто ударило — живой картинкой проскочил в сознании один из разговоров с Зиной. Пресвятая Богородица, — да здесь же качественно различные *юридические конструкции!* Во многом несовместимые, из разных срезов жизни. Подряд — это из области трудовых отношений, предпосылок, оснований и результатов труда. Аренда же, действительно, близка к собственности, ее суть — в обладании вещами, в некоторых странах аренда с успехом дополняет или даже замещает собственность. Алексей припомнил, что в материалах Комиссии, кажется, есть предложение одного сибирского автора с вариантом преобразования собственности при помощи аренды.

НА ОЧЕРЕДНОМ заседании Комиссии Алексей неожиданно, еще до рассмотрения первого из намеченных вопросов, попросил у главы Комиссии слово. Он сказал:

— Нам, правоведам, было поручено проработать юридические вопросы арендного подряда. Так вот что получается. Подряд относится к организации производства, к трудовым отношениям, которые могут давать эффект при любой системе собственности. И если уж задаваться целью преобразовать отношения собственности, то, по нашему мнению (о чем есть материалы в Комиссии), следует сконцентрировать внимание на аренде, которая по ряду позиций решает те же задачи, что и собственность, и может стать ступенькой к преобразованию государственной собственности. Насчет этого у нас есть некоторые наработки, которые могли бы представить на следующем заседании, денька через два.

Внезапно всегда осторожный глава Комиссии сказал:

– Давайте, давайте, ребята! Есть предложение поддержать инициативу. Два дня – и слушаем вас, – сказал он. Оказывается, как Алексей узнал позже, глава Комиссии имел накануне тяжелый разговор с Председателем Правительства, и тот серьезно отчитал своего заместителя: «Что это вы там в Комиссии застряли на месте. Топчетесь, и никакого движения. Придумывайте что угодно – лишь бы сдвинуться с места».

Так что события стали приобретать крутой оборот.

НО ВЕДЬ и сам Алексей находился в тупике. Поэтому-то он слегка темнил, не раскрывал сразу все карты, тянул время. Дело в том, что изюминкой предложения молодого сибирского правоведа Абрамова Абрама Сергеевича, которое принял и в чем-то доработал Алексей, было предложение, в соответствии с которым арендатор или организация арендаторов (но ни в коем случае – не подразделение существующего государственного предприятия; тут никуда не уйдешь от всего «социалистического») *становится полным собственником* всей продукции, выработанной на арендованном государственном имуществе. И тут возникали две, казалось, непреодолимые загвоздки.

Первая – произведенная при такой аренде продукция выбывала из-под обладания государства и становилась «самостоятельной собственностью». Но ведь это противоречило всем канонам социализма о единстве и неприкосновенности собственности государства. Но, может быть, в этом и есть все дело! На основе труда из бывлой государственной собственности образуется «свое» имущество производителей, которое как раз и нужно для рыночной экономики. Несколько арендаторов, участвовавших в Комиссии, в один голос заявили – да, в этом вся суть дела. Некоторым из них, в явочном порядке использующим подобную схему, удалось за год-два поменять оборудование, технологию и увеличить производство раза в два-три!

И вторая загвоздка. Сугубо идеологическая и потому еще более непреодолимая. «Своя собственность», как ни крути, – это собственность частная, которая согласно марксизму-ленинизму есть главный враг социализма. Но теперь уже всем, кажется, ясно, что при модернизации экономики без частной собственности не обойтись. Здесь же, при аренде указанного образца, при обретении производителями путем своего труда «своей собственности» происходит не просто некая «приватизация» (она может быть просто формальной, на бумаге или происходить путем таких ловких трюков, как создание АО со 100%-ным государственным участием). А здесь, при такой «приватизационной» аренде, экономика наконец-то выходит из-под господства госу-

дарства, чиновничества. Происходит самое главное, что скрывается под коварным словом «приватизация», — *разгосударствление* собственности (ох, никак не обойтись без этого мудреного, корявого словца), собственность становится свободной от власти, и тогда формируются действительные хозяева-собственники, которые только и могут провести настоящую модернизацию производства и обеспечить его рост.

НА УДИВЛЕНИЕ предложение Алексея (который выступал и от имени Абрамова) было принято на заседании Комиссии без какого-либо особого обсуждения, так, для порядка два-три уточняющих вопроса по мелочам. На следующий же день оно уже было одобрено Правительством и чуть ли ни сразу Политбюро — высшим партийным ареопагом.

Алексей присутствовал и на всех этих заседаниях, по ряду пунктов давал пояснения. И ему же прямо на правительственном заседании было поручено подготовить весь материал в виде нормативного документа (который сначала опять-таки в недельный срок должен был принят в виде Указа Президиума Верховного Совета, а потом, когда заработает «сам» Совет, в виде закона).

И в эти же дни уже «с мест» стали поступать сведения о том, что новый порядок аренды кое-где стал работать. И именно там, в противовес общему ухудшающемуся состоянию экономики, наметилось движение вперед, рост экономических показателей. Вот это да! Ура и ура!

В один из таких дней, когда Алексей возвращался домой и, не доехав до дома на машине, прогуливался по бульвару, он вдруг остановился. Будто наткнулся на стену. «Боже мой, почему все эти дни я ни разу не вспомнил о Зине. Ведь это она настроила меня на юридические конструкции. И вот он — результат. Казалось бы, мелочь, небольшие коррективы в конструкцию, отработанную веками еще древнеримскими юристами (*locatio-conductio*), и вот перед нами — мощное средство, способное преобразовать жизнь нашего общества, создать условия для быстрой модернизации экономической системы — то главное, что обычно называют «рынком». И это всего лишь один шаг. А если направить интеллект нашей страны на создание оптимальных юридических конструкций во всех других областях нашей жизни?!»

Ночь была у Алексея тревожная. Он несколько раз просыпался и каждый раз чувствовал, что его мозг «завелся» на тех мыслях, которые взбудоражили его вчера.

Утром, как только Алексей проснулся, помахал руками (зарядка!) и выпил чашку крепкого чая, он сразу же засел за письменный стол

и стал готовить записку «наверх» об образовании Юридической академии. Такой Академии, основным предназначением которой стали бы выработка (с учетом мирового опыта и нашей собственной практики) и отработка с теми или иными новшествами оптимальных для нашего общества юридических конструкций, обеспечивающих наиболее эффективное решение разнообразных назревших жизненных задач.

А ПОТОМ ПРИШЛА беда, смысл и горечь которой не осмыслены в нашей стране до сей поры. (Один из знакомых сказал: «Будто нашествие безжалостных инопланетян произошло...» Похоже.)

В круги, близкие к власти, пришла группа реформаторов-экономистов, усвоивших опыт одной из процветающих заморских держав и суливших достижение быстрого успеха. Достижение скорого впечатляющего успеха было и в расчетах высшего должностного лица, одержавшего нелегкую победу в борьбе за власть.

И тогда не по инициативе снизу (как при аренде), а по решению сверху была осуществлена «приватизация», состоящая в раздаче — как это было объявлено — какой-то части государственного имущества по ваучерам и в «сплошном акционировании», когда большинство государственных предприятий были «переоформлены» в акционерные общества.

...Споры в Комиссии в отношении акционирования («сплошного», как при коллективизации) были жесткие, острые.

Причем казалось, что аргументы против акционирования как способа приватизации безупречны. Ведь при социализме государственные предприятия не были приспособлены к рыночному хозяйствованию, они строго по Ленину представляли собой всего лишь части «одной общесоюзной фабрики»; а тут эти «части» вдруг формально становятся через акционирование «частными». Один большевизм тут, и только.

Ведь акционерные общества вообще, как свидетельствует мировая практика, создавались при достаточно развитых капиталистических отношениях для концентрации Капитала. Во многих развитых странах они — редкость: применяются именно тогда, когда нужно объединение капиталов. К тому же ни один из элементов этого института не рассчитан на приватизацию. Напротив, большинство акционеров лишается здесь своих вещных прав на собственность и получает только обязательственные требования на дивиденды. Реальным собственником становится тут только обладатель контрольного пакета акций (правда, с оппонентом — владельцем блокирующего пакета). И по своим особенностям эта собственность, которую узурпирует владелец кон-

трольного пакета, мало чем отличается от государственной собственности. С той лишь в основном разницей, что «там» реально собственностью управляли политические вожди, а тут — обладатели «больших денежных мешков». И там, и здесь под известным прикрытием демократических форм общепарламентского типа. Простые же работяги оставались, как и ранее, наемными работниками, соискателями рабочих мест и более высоких зарплат и с возможным получением каких-то дивидендов (аналога «тринадцатой зарплаты» при социализме).

Плюс к этому у нас (как становилось все яснее при многодневных обсуждениях) всеобщее формальное акционирование «частей» когда-то «одной фабрики» приведет, пожалуй, к сказочному обогащению когда-то властвующих персон из партийно-комсомольского актива, могущих быстро стать миллионерами и миллиардерами, да к открывшемуся простору для захвата и передела собственности, особенно в тех ее «жирных» частях, которые относятся к природным богатствам — нефти, газу, лесу, рыбным ресурсам. Да что там!

В ходе обсуждения создавалось впечатление, что подобное акционирование, крепко отдающее большевизмом, будет в конце концов отвергнуто Комиссией. Но в этот момент, когда подрабатывалось такого рода решение, на заседание Комиссии неожиданно пришел Первый заместитель Председателя Правительства и без обиняков сказал:

— Все. Заканчиваем болтовню. Решение на политическом уровне принято. Тут вопрос политический. Акционирование сразу же позволит признать наше хозяйство «рыночным». Теперь надо отработать разные варианты, другие детали. Срок нам дан три дня всего. Так что за работу, товарищи, — усмехнувшись, с легкой иронией завершил свой короткий разговор Первый зам.

...На следующий день в печати появился президентский указ о преобразовании всех арендных предприятий в открытые акционерные общества.

ПЕРЕД тем как уехать домой, Алексей подошел к председателю Комиссии и попросил считать его в отпуске дня на два-три. «Устал очень, сил нет». Председатель ничего не расспрашивал. Мужик понимающий. Он сказал:

— Мы тебя даже освободим (пока, что ли) от функций секретаря. Тут найдутся желающие из сторонников сплошного акционирования. Да и из-за «бугра» понаехало советников предостаточно. Чуть ли не всю документацию уже прописали. Переводы только. Так что отдыхай, пока не надоест.

По дороге домой Алексей купил бутылку водки, знал — так у русских мужиков положено.

На кухне Алексей открыл банку мясной тушенки. Налил стакан водки.

Но не пилося. Отхлебнул, а дальше не пошло. Подумал:

— Илья хотя бы появился.

И вдруг очень захотелось спать. Еле добрался до кровати, но, раздеваясь, успел подумать: «А конструкция акционерного общества какая-то странная. Она, пожалуй, — конструкция не общества, а какой-то верховной власти, обладания и предела богатств...»

Алексей спал долго.

Время было уже за полдень, как его наконец разбудил долгий, тягучий телефонный звонок.

Шлепая босыми ногами, Алексей добрался до аппарата.

Кто бы это мог звонить?

Звонил Илья:

— Ты куда пропал, начальствующий фрукт? Через час предстань предо мной в парадной, но гражданской форме. Я за тобой зайду. Мы едем (и тут будто взорвался дом!) к Зине.

К Зине? Боже мой. Ноги не держали. Алексей опустил на пол. И так сидел на полу долго-долго.

В МАШИНЕ, которая, набирая скорость, шла по Рублевскому шоссе, Илья, не отрываясь от руля, рассказал, что ему удалось через своего приятеля в «органах» выйти на какого-то ответственного работника, ведающего закрытыми лечебными учреждениями, в том числе больницами-санаториями. В одном из них, осуществляющем лечение привилегированных больных, так или иначе пострадавших при реализации атомного и ракетного проектов, и находилась Зина.

Санаторий был весь погружен в обширную и буйную дубраву, прореженную местами островками небывало высоких берез. Дубрава огорожена колючими заграждениями, рвом.

В санаторий ведет только одна асфальтированная дорога. Еще до въезда в санаторий, перед заграждениями — шлагбаум. Проверка документов.

Еще более строгая проверка перед воротами санатория — пропуск, документы, острый с задержкой взгляд на фотографию в документе и на лицо владельца документа. Доклад по телефону с сообщением всех данных. Наконец — ответный звонок, в особом журнале отмеча-

ется время посещения. Машина, въехавшая в ворота, остается тут же, чуть в сторонке.

– Посещаемая, – сказал капитан-дежурный, – сейчас на прогулке. В правой боковой, от центральной, аллее. У вас час с небольшим, до окончания прогулки. И только в парке.

Алексей и Илья, слегка смущенные своим одиночеством, отправились по асфальтовой дорожке. Это что? Центральная аллея, что ли? А где же правая боковая аллея?

Но вот, слава Богу, появились отвороты, значит – боковые аллеи. Сначала – два отворота слева.

А вот теперь – правая боковая аллея. Только Алексей и Илья пошли по ней, увидели – по бокам свежевыкрашенные скамейки. Пустые. Еще прошли немного – и вот еще одна скамейка, прямо под раскидистым дубом. Занятая.

У Алексея вновь стали подкашиваться ноги. Он даже подхватил под руку Илью.

На скамейке сидела Зина.

ЗИНА СИДЕЛА ОДНА. Сестра с коляской стояла поодаль («Предупреждена», – подумал Алексей).

Зина, кажется, никого не узнавала. Взгляд – ушедший в себя.

Алексей сел рядом. С другой стороны – Илья.

Через некоторое время Зина подвинулась к Алексею. Все тесней, тесней – прижалась. Поняла? Узнала? Решилась? Легкое тепло побегало по телу Алексея.

Алексей не стал говорить ничего такого: «Зина, это я, Алексей... Вспомни... Постарайся припомнить...» Или что-то другое, в том же роде.

Он (сработала интуиция, что ли?) просто-напросто продолжил разговор, состоявшийся чуть ли ни вчера, но вот – прерванный разлукой. Он стали говорить:

– Зиночка, здравствуй, миленькая. Видишь, как получилось. Я с утра пришел к тебе, а у тебя начались медицинские штучки. Кстати, как мне объяснили самые крупные авторитеты по этой части, ино-го и быть не могло. Нетронутый, «детский» мозг и сверхчеловеческое напряжение. И ничего тут страшного нет – аномальные перегрузки. Бывает. Все восстановимо.

Алексей говорил долго, торопливо, будто опасался, что Зина вдруг вставит слово (или не вставит, если возникнет пауза). Он рассказал, как оказался в ЮЗИ, работал в милиции, защитил диссертацию, сей-

час воюет на ниве приватизации (точнее — «разгосударствления», поправился он). В этот момент Зина вдруг повернулась к Алексею, на миг остро блеснули ее глаза.

Подошла сестра, подвезла коляску. Сказала:

— Скоро мы уезжаем. И у вас остается минут пятнадцать, не больше.

Алексей повернулся к Зине, сжал ее плечи обеими руками и крепко-крепко поцеловал в губы. И тут же весь возликовал, Зина ему ответила. Мужчины тут не ошибаются («Для этого ведь и целуются», — промелькнула у него озорная мысль).

— Зиночка, до свидания. Я к тебе приду. Ты только подожди. Все будет в порядке.

Когда Илья прощался с сестрой, та, еле шевеля губами, негромко сказала: «Она все понимает».

Когда отошли от скамейки, Алексей повернулся и увидел, что Зина встала, но не села в коляску, а твердо идет сама («Это она показывает мне, что в общем здорова», — без колебаний понял Алексей).

ПРИМЕЧАНИЯ К ТОМУ 10

Приведенное ниже послесловие автора было впервые опубликовано в одной из книг С.С. Алексеева, адресованной детям (Детство: Сказки и быль. Екатеринбург, 2002). Некоторые повести и рассказы из этой книги вошли в настоящий том Собрания сочинений. К ним в первую очередь и относится данное послесловие.

«Эти зарисовки, названные «сказками», «былями», появились на свет так.

К началу 2002 г. я по многим причинам (возраст, болезни, события в стране и в мире) ощутил какую-то запредельную усталость от своих научных поисков. Тем более что итоги моих пятидесятилетних исканий уже нашли какое-то воплощение в работе итогового порядка — «Восхождение к праву».

Что дальше? Вопросы, тем более жесткие и даже болезненные для человека, в кровь и плоть которого вошла ежедневная работа, мечты и попытки научного и этического поиска.

И тогда одна из моих дочерей, врач (которая уже два раза вытаскивала меня с того света), сказала: «Папа, а напиши что-нибудь для малышей. Я помню, что ты для внучат писал какие-то сказки о бобрах, о лесных человечках. А теперь у тебя появляются и правнучки. Вот — Алиса». Поддержали эту идею и другая дочь, моя жена Зоя (дала ценные замечания), внучка Катя — мама Алисы...

И я написал о бобрах, о детишках, прямо адресуя эту писанину своей правнучке Алисе (первой, и пока единственной). Потом внучке Марине, которая вслед за дедушкой, бабушкой и родителями тоже увлеклась туризмом, впервые ушла в настоящий поход. Другим правнукам, которых пока еще нет... Только не стал я писать сказки о «лесных человечках» и «гномах», мне показалось, что сейчас ушли в прошлое всякие чудеса, «чудо». И нужны другие «сказки», содержащие — как и всякие сказки — что-то от фантастики, но такой, которая выходит на нашу реальность и будущее, на нашу мораль и мечты. На наши предположения и идеалы. И все — так, чтобы увлекло чем-то важным для людей.

Самое же неожиданное для меня, — я сам увлекся такого рода писаниной. Более того, глубоко переживал все описываемые перипетии

(да так, что чуть ли не реально прожил еще несколько жизней, притом в детскую пору).

И вдруг, когда я перечитал все написанное, то понял, что в немалой степени (отсюда отчасти — собственные глубокие переживания) описанное в «сказках и былях» — это то, что в тех или иных моментах, частностях реально случалось со мной. Пусть здесь — и в каком-то вообразимом виде, с фантазиями, с фактами и событиями, которых не было, а возможно, и не могло быть.

Так что все, описанное здесь, — это и мое детство, которое — дай Бог — перекликается в улучшенном и «исправленном» виде с детством моих детей, внуков, правнуков. С будущим...

Екатеринбург, 7 июля 2002 г.»

Книга первая. Детство
Мышонок. — Синички. — Белочка. — Друг

В предисловии к одному из первых изданий детских произведений автор писал: «Эти рассказы были написаны для «внутреннего», семейного чтения — для моей правнучки — Алисы. Поэтому их главный герой — она же, девочка Алиса, еще малышка, дошкольница, а затем (когда подойдет время) ученица младших классов школы. Потом мои друзья и коллеги убедили меня в том, что эти рассказы могут быть интересны и для их детей, внуков». С 2002 по 2005 г. вышло несколько сборников и отдельных работ С.С. Алексеева для детей, в том числе: «Детство: Сказки и быль» (2002 г.), «Малыши: Рассказы» (2004 г.), «О любви: Повести для юношества. Сказки и быль» (2004 г.), «Восхождение: Повести, рассказы» (2004 г.), «Друг: Рассказ о девочке и собачке» (2005 г.).

Тексты рассказов «Мышонок», «Синички», «Белочка» воспроизводятся с небольшими авторскими изменениями по изданию: *Алексеев С.С. Восхождение: Повести, рассказы.* Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004. С. 5–26.

Текст рассказа «Друг» воспроизводится с небольшими авторскими изменениями по изданию: *Алексеев С.С. Друг: Рассказ о девочке и собачке.* Екатеринбург: Издательство Института частного права, 2005.

Книга вторая. О любви
С чего начинается любовь. — У тайн Вселенной. —
Таежные секреты. — Зина

В книге «Уроки. Тяжкий путь России к праву» С.С. Алексеев писал, что в конце войны и после демобилизации он настолько «крепко увлекся литературой, настроился на то, чтобы... стать писателем», что даже написал «несколько повествований». И поначалу юриспруденцию он воспринимал как «кладезь житейских драм, обнаженных людских коллизий, саму преисподнюю живой жизни». В последние годы С.С. Алексеев вновь возвращается к несбывшимся мечтам юности, но теперь уже литературу он рассматривает как возможность — на основе личного опыта — воодушевлять ребят-подростков на смелые и творческие деяния, на познание мира и выразить свое отношение к праву как к высшему явлению человеческой цивилизации.

Входящие в книгу вторую десятого тома во многом автобиографичные повести «С чего начинается любовь», «У тайн Вселенной» и «Зина» ранее публиковались в сборниках «О любви: Повести для юношества. Сказки и быль» (2004 г.), «Восхождение: Повести, рассказы» (2004 г.), а «Зина» также в журнале «Цивилистическая практика» (2003. № 3). Повесть «Таежные секреты» написана в 2009 г. и публикуется впервые (вторая часть этой повести в 2004 г. была издана под названием «Розовый туман» в сборнике «Восхождение: Повести, рассказы»).

Тексты повестей «С чего начинается любовь», «У тайн Вселенной» и «Зина» (последняя с небольшими авторскими изменениями и сокращениями) воспроизводятся по изданию: *Алексеев С.С. Восхождение: Повести, рассказы*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004. С. 29–221, 385–478.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ. ДЕТСТВО

Мышонок	8
Синички	13
Белочка	18
Друг (повесть о девочке и собачке).....	25

КНИГА ВТОРАЯ. О ЛЮБВИ

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ЛЮБОВЬ	46
Алиса, Борис и Паша	46
Сережа	55
<i>Школа</i>	55
<i>Прозрение</i>	60
Марина	72
<i>Первая попытка</i>	72
<i>Давние походы</i>	83
<i>Ожидания</i>	85
<i>Смотрим вперед</i>	89
Лето	99
<i>Первая встреча</i>	99
<i>Другой мир</i>	114
<i>Что-то тревожное</i>	120
<i>Вдвоем</i>	129
У ТАЙН ВСЕЛЕННОЙ	145
Архипелаг	145
<i>Лесной остров</i>	145
<i>Алисин архипелаг</i>	158
Осколок солнца.....	170
<i>Таинственный дом</i>	170
<i>Новая встреча с Домом</i>	181
<i>Потрясение</i>	188

<i>В поиске</i>	193
<i>Находка</i>	200
<i>Викентий Викторович</i>	203
ТАЕЖНЫЕ СЕКРЕТЫ	210
Часть первая. Горы	210
<i>Между былью и сказкой</i>	210
Часть вторая. Подземелья.....	232
<i>Таинственная глухомань</i>	233
<i>Испепеленные сокровища</i>	262
ЗИНА (МИНИ-РОМАН НА ПРАВОВУЮ ТЕМУ)	290
От войны – к праву	290
Спустя годы.....	343
ПРИМЕЧАНИЯ К ТОМУ 10.....	368

Сергей Сергеевич АЛЕКСЕЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В десяти томах

Том 10

Литературно-художественные произведения

Редактор *Т.Б. Дегатькова*

Корректоры: *Т.Н. Немчинова, В.В. Углова*

Художественное оформление: *В.В. Самойлова*

Компьютерная верстка: *С.В. Родина*

Подписано в печать 20.10.2010. Формат 60х90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,5. Тираж 2000 экз.
Заказ №

Издательство «Статут»:

119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2;

тел./факс: +7(495) 649-18-06

E-mail: book@estatut.ru

www.estatut.ru

ISBN 978-5-8354-0713-2

9 785835 140713 2